М. А. АЛДАНОВЪ

ДЕВЯТОЕ ТЕРМИДОРА

1923

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СЛОВО“

20 в
Ш
Р3
Рv
20р.
А^А.
БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
1169
26
Р3 рег.ср

Alle Rechte vorbehalten
Copyright 1923 by M. A. Aldanov, Berlin

ПРЕДИСЛОВІЕ
КЪ ТРИЛОГІИ «МЫСЛИТЕЛЬ».

Романъ «Девятое Термидора» составляетъ первую часть исторической трилогіи, охватывающей періодъ 1793—1821 годовъ. Отрывки изъ этого романа появились въ 1921—22 г.г. въ «Современныхъ Запискахъ». Еще раньше на страницахъ того же журнала нашла гостепріимство заключительная (небольшая по размѣру) часть «Мыслителя»: «Святая Елена, маленькій островъ». Второй, центральный томъ трилогіи выйдетъ въ свѣтъ, вѣроятно, въ 1924-5 г.г. Боюсь, что безъ него читателямъ нелегко будетъ судить о цѣломъ: такъ, немало главъ, эпизодовъ и дѣйствующихъ лицъ «Девятаго Термидора» должны показаться ненужными и напрасно введенными авторомъ: они тѣсно связаны со вторымъ томомъ. Самая картина революціонной эпохи лишь намѣчена въ настоящей книгѣ.

Въ основу исторической и бытовой части «Мыслителя» легли матеріалы библіотекъ (главнымъ образомъ, парижской Національной Библіотеки) и музеевъ (Carnavalet, Hôtel des Invalides, Malmaison и Conciergerie), а также различныя частныя сообщенія, устныя и письменныя.*) Для своего толкованія историческихъ событій и характеровъ историческихъ лицъ я имѣю, разумѣется, «оправдательные документы». Но никакіе документы и ничье толкованіе обязательной силой не обладаютъ.

*) Разными свѣдѣніями объ эпохѣ 1793—1821 гг. и объ ея отдѣльныхъ дѣятеляхъ любезно подѣлились со мной лица, обладающія этими свѣдѣніями либо по своимъ научнымъ занятіямъ (изъ нихъ считаю себя обязаннымъ назвать Фредерика Массона), либо по обстоятельствамъ своей политической или служебной дѣятельности, либо по своимъ семейнымъ архивамъ и преданіямъ.

Именно на таинственной драмѣ, которой посвящена настоящая книга, особенно ясно видишь предѣлы понятія такъ называемой исторической достовѣрности. Девятое термидора, безспорно, одно изъ величайшихъ событій міровой исторіи. Казалось-бы, въ немъ-то должна быть точнѣйшимъ образомъ выяснена и установлена каждая ничтожная подробность. Въ дѣйствительности, цѣлый рядъ эпизодовъ этой трагедіи — и въ первую очередь ея наиболѣе драматическая сцена — навсегда покрыты непроницаемой тайной. Въ самомъ дѣлѣ, что произошло въ ночь на 10-ое термидора въ зданіи Парижской Ратуши, гдѣ Робеспьеръ былъ найденъ лежащимъ на полу съ раздробленной выстрѣломъ челюстью? Этого не знаетъ и никогда не узнаетъ никто. Въ психологическомъ отношеніи мнѣ, романисту, было-бы безконечно важно выяснить, выстрѣлилъ-ли Робеспьеръ въ себя самъ или былъ кѣмъ-то застрѣленъ. Цѣлый рядъ историковъ во главѣ съ Тьеромъ даютъ первую версію. Но Луи Бланъ, Мишле, Эрнестъ Амель, де Лескюръ, Дюрюи отрицаютъ ее и высказываются за вторую. Свидѣтельства «очевидцевъ» спутаны, газетные отчеты противорѣчивы. Консьержъ Думы Бошаръ и жандармъ Меда, предполагаемый у б і й ц а, несутъ очевидную ложь, совершенный вздоръ. Протоколъ врачей Верже и Маррига, дѣлавшихъ перевязку Робеспьеру, никакъ не согласуется ни съ первой, ни со второй версіей. А трагическій документъ изъ коллекціи Жюбиналь де Сентъ-Альбена, — призывъ Коммуны къ возстанію, составленный въ Ратушѣ въ ночь на 10-е термидора, подписанный, очевидно, въ самый моментъ паденія Ратуши, первыми двумя буквами фамиліи Робеспьера и залитый чьей-то кровью (повидимому, кровью самого диктатора), этотъ зловѣщій документъ,*) при нѣкоторой фантазіи, можетъ быть приведенъ въ согласіе и съ той, и съ другой версіей. Оларъ такъ и говоритъ, что невоз-

*) Жоржъ Дюрюи совершенно правильно называетъ эту страницу, начинающуюся словами „Courage, patriotes“, написанную прыгающей, точно въ конвульсіи, рукой — «самымъ трагическимъ документомъ изъ всѣхъ существующихъ въ мірѣ».

можно выяснить, какая изъ двухъ версій соотвѣтствуетъ истинѣ, и скромно добавляетъ: „Il n'est rien de plus honorable pour un historien que de dire: je ne sais pas.“ Чего стоютъ по сравненію съ этимъ поразительнымъ фактомъ случайныя неточности, художественный произволъ того или другого историческаго романиста!..

Общее заглавіе трилогіи даетъ химера „Le Penseur“ (иначе „Le Diable Penseur“), находящаяся на вершинѣ Собора Парижской Богоматери.

Авторъ.

ПРОЛОГЪ

Молодому русскому, Андрею Кучкову очень понравилась столица короля Филиппа-Августа. Парижъ былъ какъ-будто поменьше и побѣднѣе, чѣмъ родной городъ Кучкова, Кіевъ, особенно до разоренія кіевской земли княземъ суздальскимъ Андреемъ Боголюбскимъ. Но въ обѣихъ столицахъ было что-то общее: то-ли небо, свѣтлое, измѣнчивое и многоцвѣтное; то-ли обиліе садовъ и храмовъ; то-ли веселый нравъ жителей; то-ли окрестные зеленые холмы, — холмы Монмартрскаго аббатства и Печерскаго монастыря. Жить въ Парижѣ было много спокойнѣе, чѣмъ въ Кіевѣ. Не грозили французской столицѣ ни половцы, ни печенѣги, ни черные клобуки, ни исконные враги кіевлянъ — суздальскія и владимірскія полчища. Правда, при нынѣшнемъ великомъ князѣ Святославѣ Всеволодовичѣ кіевская земля нѣсколько отдохнула отъ войнъ и набѣговъ, но еще свѣжи были въ памяти кіевлянъ и тяжелая дань, наложенная на городъ Ярославомъ Изяславичемъ, дань, которую платили всѣ: игумены, и попы, и чернецы, и черницы, и латина, и іудеи, и гости. Памятенъ былъ имъ и разгромъ Кіева Андреемъ Боголюбскимъ, когда были на всѣхъ людяхъ стонъ и туга, скорбь неутѣшная и слезы непрестанныя. Да и теперь — избави Богъ! — каждый годъ могли нагрянуть и ханъ Гзакъ, и ханъ Кончакъ, окаянный, безбожный и треклятый, и Ростиславичи Смоленскіе, а то и самъ Всеволодъ Суздальскій Большое Гнѣздо. Въ Парижѣ объ иноземныхъ нашествіяхъ давно забыли. Городъ росъ, процвѣталъ и славился наукой: прогремѣли на весь міръ, вплоть до русской земли, великіе парижскіе ученые: Адамъ съ Мала-

го моста, Петръ Пожиратель, Петръ-Пѣвецъ и особенно славный Абеляръ. Молодой Андрей Кучковъ душой былъ радъ тому, что послалъ его князь Святославъ Всеволодовичъ въ Парижскій университетъ изучать латинскую мудрость: trivium, quadrivium, physica, leges, decretum и sacra pagina.

Въ Парижѣ у Андрея Кучкова былъ дальній родственникъ, дѣдъ котораго уѣхалъ изъ Кіева въ свитѣ Анны Ярославовны, дочери великаго князя, вышедшей замужъ за французскаго короля Генриха II. Но родственникъ этотъ, славный воинъ и крестоносецъ, уже по русски совсѣмъ не говорилъ. Принялъ онъ Андрея Кучкова радушно и въ первые же дни показалъ ему столицу Франціи. Показалъ palatium insigne, — дворецъ Филиппа-Августа, раскинувшійся на самомъ берегу рѣки, на восточномъ углу парижскаго острова.*) Андрею Кучкову понравились и укрѣпленія дворца, и собственные королевскіе покои, густо выстланные мягкой соломой, на которой почивалъ любившій роскошь Филиппъ-Августъ, и пышная, расписная, съ позолоченными сводами баня, гдѣ два раза въ годъ — на Рождество и на Пасху — купалась французская королева. Понравились ему и подвальныя помѣщенія дворца, носившія названія Conciergerie.

Показалъ Андрею родственникъ также окраины города: болота праваго берега рѣки Сены, — тамъ король собирался строить новый дворецъ Лувръ,—и виноградники лѣваго берега, — среди нихъ на горѣ святой Женевьевы раскинулся славный парижскій университетъ. А затѣмъ воинъ повелъ Кучкова смотрѣть главное чудо столицы: Соборъ Парижской Богоматери, начатый постройкой не такъ давно архіепископомъ Морисомъ де-Сюлли и уже почти готовый.

По дорогѣ они остановились поглядѣть на зрѣлище, непривычное для молодого кіевлянина. На сѣверѣ

*) Нынѣшній Palais de Justice.

острова, на высокомъ, въ человѣческій ростъ, квадратномъ кострѣ изъ хвороста и соломы жгли: трехъ колдуновъ, одну вѣдьму, двухъ мусульманъ, двухъ іудеевъ и одного к а г о т а. Андрею Кучкову это было, хоть и страшно, но очень интересно: въ Кіевѣ никогда никого не жгли и даже вѣшали рѣдко, а наказывали больше потокомъ, разграбленіемъ или простой денежной пеней. Воинъ объяснилъ молодому человѣку, что наслѣдство сожженныхъ поступитъ въ королевскую казну, и похвалилъ мудрую финансовую политику короля Филиппа-Августа, отецъ котораго, покойный Людовикъ VII, отличался чрезмѣрной кротостью, всѣмъ иновѣрцамъ былъ радъ, колдуновъ жечь не любилъ, а потому и оставилъ казну совершенно пустой. Андрей Кучковъ не согласился однако со взглядомъ своего родственника: Ярославъ Мудрый завѣщалъ кіевской землѣ наставленія другого рода.

Когда дувшій съ рѣки Сены вѣтерокъ развѣялъ запахъ горѣлаго мяса и сѣры, а палачъ, le tourmenteur juré du Roy, сталъ разсыпать лопатой пепелъ въ разныя стороны, они пошли дальше. Андрей Кучковъ очень хотѣлъ увидѣть Соборъ Парижской Богоматери, но и боялся немного, какъ-бы этотъ соборъ не оказался лучше церкви Святой Софіи, которую воздвигъ въ К[illegible]вѣ на удивленіе міру великій князь Ярославъ Мудрый. Оказалось, однако, что храмы совершенно другъ на друга не похожи. Оба были на рѣдкость хороши, только кіевскій свѣтелъ и привѣтливъ, а парижскій угрюмъ и страшенъ: день и ночь. Долго любовался Андрей Кучковъ Соборомъ Парижской Богоматери. Затѣмъ вмѣстѣ съ воиномъ и со знакомымъ воина, пожилымъ благодушнымъ монахомъ, они пошли закусить въ сосѣдній кабачекъ.

Въ кабачкѣ передъ очагомъ сидѣлъ странный человѣкъ лѣтъ шестидесяти, въ черномъ короткомъ костюмѣ, со шпагой, но безъ кинжала, въ высокихъ сапогахъ, но безъ длинныхъ рыцарскихъ носковъ, съ уса-

ми, но безъ бороды, — рыцарь не рыцарь, но и не простой горожанинъ и не духовное лицо. Онъ потягивалъ вино и задумчиво смотрѣлъ на раскаленный вертелъ, на которомъ жарился лебедь. Лицо у него было странное, усталое, темножелтое, а глаза сѣрые, холодные и недобрые. Монахъ зналъ этого человѣка и шепнулъ спутникамъ, что по ремеслу онъ мастеръ-ваятель, происхожденія-же темнаго: едва ли не convers,*) а впрочемъ, можетъ быть, и не convers, но во всякомъ случаѣ мастеръ весьма искусный и очень ученый человѣкъ. Съ нимъ любили, встрѣтившись въ кабачкѣ, поговорить о серьезныхъ предметахъ знаменитѣйшіе доктора и реалистскаго, и номиналистскаго толка.

Монахъ познакомилъ своихъ спутниковъ съ ваятелемъ и они вмѣстѣ усѣлись у очага. Воинъ сообщилъ, что молодой иностранецъ прибылъ изъ далекой страны, откуда была родомъ покойная королева Анна. Ваятель слышалъ и читалъ объ этой странѣ и объ ея славной столицѣ, которая въ арабскихъ рукописяхъ именовалась Куяба и которую латинскій путешественникъ назвалъ: Chyve, aemula sceptri Constantinopolitani, clarissimum decus Graeciae. Андрей Кучковъ былъ очень польщенъ похвалой своему городу и, какъ могъ, восторженно описалъ Кіевъ, его красоту и богатство, тридцать церквей и семьсотъ часовенъ, митрополію Святой Софіи, и храмъ Богородицы Десятинной, и златоверхій Михайловскій монастырь, и верхній городъ съ воротами Золотыми, Лядскими и Жидовскими, и великій дворъ Ярославль, и торговый кварталъ Подолье, и зеленый Кловскій холмъ за Крещатицкимъ ручьемъ, и пышные сады надъ самой прекрасной въ мірѣ рѣкой. Ваятель и монахъ слушали съ любопытствомъ, хоть и не совсѣмъ понимали странное латинское произношеніе разсказчика съ ударѣньями на о. Воинъ между тѣмъ заказывалъ ужинъ, ибо время бы-

*) Іудей, принявшій христіанскую вѣру.

ло позднее: четыре часа дня; парижане обѣдали утромъ часовъ въ десять. Ужинъ былъ очень простой: три супа (въ честь святой Троицы) — изъ риса, изъ бураковъ и изъ миндальнаго молока; шафранный пирогъ съ яйцами, другой пирогъ съ грибами, два блюда рыбы, морской и прѣсной, баранина подъ соусомъ изъ горчицы, жареный лебедь, два разныхъ салата, шартрское пирожное пяти сортовъ и легкій дессертъ — issue de table. Андрей Кучковъ нашелъ, что въ Парижѣ ѣдятъ немного, но зато хорошо. Руками ѣли только рыбу, мясо и сладкое, а къ супамъ были поданы ложки, бывшія въ ту пору новинкой. Хозяинъ принесъ нѣсколько бутылокъ: предложилъ гостямъ и мѣстное парижское вино, и греческое, и сладкій напитокъ Святой Земли.

Послѣ перваго-же блюда монахъ, обращаясь къ скульптору, началъ для приличія ученый разговоръ, коснулся principia essendi и principia cognoscendi, процитировалъ Іоганна-Скота Эригену, святого Ансельма и Бернарда Шартрскаго. Андрей Кучковъ слушалъ съ благоговѣніемъ, воинъ — съ испугомъ, а ваятель — съ усмѣшкой.

— Mundus nec invalida senectute decrepitus, nec supremo obitu dissolvendus, exemplari suo aeterno aeternatur, — закончилъ убѣжденно монахъ.

Ваятель не ударилъ въ грязь лицомъ и на цитаты отвѣтилъ цитатами. Онъ въ ученіи номиналистовъ видѣлъ меньше заблужденій, чѣмъ въ доктринѣ реалистовъ, и ставилъ Росцеллина Компьенскаго выше тѣхъ авторовъ, на которыхъ ссылался монахъ. Но, впрочемъ, Росцеллина также цѣнилъ не слишкомъ высоко и утверждалъ, что отъ споровъ великихъ учителей у него болитъ голова и рождаются странные сны. Говоритъ загадочно Соломонъ Премудрый: Multas curas sequuntur somnia, et in multis sermonibus invenietur stultitia.

Воинъ, которому надоѣли латинскія цитаты, перевелъ разговоръ на темы военно-политическія. Съ во-

стока пришло недавно сенсаціонное извѣстіе: въ Дамаскѣ скоропостижно скончался великій мусульманскій герой, знаменитый полководецъ, султанъ Юзуфъ бенъ-Айубъ Салахъ-Эддинъ, въ Европѣ именовавшійся Саладиномъ.

— Десница Господня поразила этого невѣрнаго! — сказалъ, разливая вино по кружкамъ, монахъ. — Не будь его, намъ, а не мусульманамъ, принадлежала-бы теперь Святая Земля. Надъ нашимъ правымъ дѣломъ восторжествовала его грубая сила.

Ваятель съ усмѣшкой осушилъ кружку. Но воинъ, самъ принимавшій участіе въ третьемъ крестовомъ походѣ, ударилъ рукой по столу и воскликнулъ, что, хоть Саладинъ и невѣрный и будетъ жариться въ аду, но другого такого молодца не сыскать въ цѣломъ мірѣ.

— Нѣтъ у насъ равнаго ему по доблести и по военному искусству, — горячо замѣтилъ онъ и, съ безпристрастіемъ стараго солдата, принялся разсказывать чудеса о подвигахъ Саладина, который объединилъ подъ своей властью Сирію, Аравію, Месопотамію, Египетъ и хотѣлъ завоевать Константинополь, Италію, Францію, весь міръ.

— Хотѣлъ завоевать весь міръ, — повторилъ скульпторъ. — Quid est quod fuit? ipsum quod futurum est... Александръ и Цезарь тоже хотѣли...

— И завоевали! — воскликнулъ воинъ.

— Почти. Не совсѣмъ, — поправилъ ваятель.

Монахъ вздохнулъ и разсказалъ, что Саладинъ на одрѣ смерти велѣлъ эмирамъ пронести по улицамъ Дамаска кусокъ чернаго сукна и при этомъ кричать въ назиданіе мусульманамъ: «вотъ все, что уноситъ съ собой въ землю повелитель міра Саладинъ!»

Воинъ, человѣкъ пожилой, задумался. А молодой Кучковъ, которому надоѣло молчать, съ своей стороны разсказалъ о томъ, какъ въ ихъ краяхъ одинъ могущественный князь, Андрей Боголюбскій, человѣкъ

скверный и жестокій, но весьма искусный въ ратномъ дѣлѣ, тоже хотѣлъ подчинить себѣ міръ и дѣйствительно объединилъ русскія земли: разорилъ и унизилъ Кіевъ, подчинилъ себѣ и смоленскихъ, и черниговскихъ, и волынскихъ, и полоцкихъ, и новгородскихъ, и рязанскихъ, и муромскихъ князей.

— А какъ кончилъ этотъ скифскій Цезарь? — спросилъ съ любопытствомъ ваятель.

— Его убили, — съ радостью отвѣтилъ Андрей. — Прогнѣвилъ онъ Бога своей крутостью и не втерпежъ стало людямъ сносить его власть. Двадцать человѣкъ ворвалось къ нему темной ночью. Князь бросился было къ мечу, да ключникъ Амбалъ съ вечера утащилъ княжескій мечъ изъ опочивальни, и убилъ Андрея Боголюбскаго мой родичъ Якимъ Кучковъ.

Ваятель негромко разсмѣялся.

— Есть на Востокѣ поговорка, — сказалъ онъ. — Пошла овца добывать рога, вернулась безъ роговъ и безъ ушей. Multas curas sequuntur somnia... Много крови стоилъ и будетъ стоить людямъ этотъ вѣчный сонъ — больше, чѣмъ течетъ воды въ твоей пышной рѣкѣ, русскій. Quid est quod fuit? ipsum quod futurum est. Воображеніе Творца велико, но не безконечно. Безконечна въ мірѣ только человѣческая глупость. Et laudavi magis mortuos, quam viventes, et feliciorem utroque judicavi, qui necdum natus est, nec vidit mala quae sub sole fiunt.

Онъ вынулъ изъ кармана небольшую склянку и сталъ отсчитывать капли въ стаканъ съ водой. Затѣмъ размѣшалъ и выпилъ.

— Вѣрно, ты это пьешь отраву, мрачный ученикъ Соломона Премудраго? — пошутилъ монахъ, съ любопытствомъ глядя на склянку.

— Нѣтъ, это капли жизни джулахъ. Я вычиталъ ихъ составъ въ книгѣ «Крабадинъ» мудраго врача Сабура-бенъ-Сахемъ.

— Въ наши годы полезно лечиться, — сказалъ

одобрительно монахъ. — Я самъ лечусь, какъ умѣю: conjurationibus, potionibus, verbis, herbis et lapidibus. Говорятъ, будто восточные врачи знаютъ такія капли, отъ которыхъ сбываются человѣческія желанія.

— А ты чего-же хочешь?

— Я? — переспросилъ монахъ и ненадолго задумался. — Хочу дожить до того дня, когда будетъ сломлена сила невѣрныхъ и вернется къ намъ навѣки Святая Земля, и во всемъ мірѣ восторжествуетъ наша великая церковь. Хочу сравняться благочестіемъ съ благочестивѣйшими. Хочу, вслѣдъ за мудрыми учителями, опровергнуть въ ученой книгѣ печальныя заблужденія номиналистовъ.

— А я хочу, — сказалъ воинъ, — жить долго, пока руки способны держать мечъ. Хочу превзойти храбростью Конрада Монферра. Хочу на турнирѣ выбить копьемъ изъ сѣдла Ричарда Львиное Сердце. Хочу, чтобы вслѣдъ за славной жизнью послалъ мнѣ Господь честную смерть въ бою съ саррацинами за святое, правое дѣло.

— А я хочу, — воскликнулъ Андрей Кучковъ, который успѣлъ выпить много вина, — я хочу сначала постигнуть вашу латинскую мудрость: trivium, quadrivium, physica, leges, decretum и sacra pagina. Хочу затмить ученостью знаменитѣйшихъ вашихъ учителей. Хочу также на турнирѣ побѣдить тебя, воинъ, послѣ того, какъ ты выбьешь изъ сѣдла Ричарда Львиное Сердце. А затѣмъ хочу сложить свою славу къ ногамъ свѣтлокудрой дѣвы, что живетъ надъ рѣкой Борисфеномъ въ теремѣ купца Коснячка.

— Вотъ это такъ, — сказалъ воинъ, засмѣявшись, и налилъ юношѣ и себѣ по полной кружкѣ греческаго вина. — Ну, а ты, мастеръ?

— Я ничего не хочу, — отвѣтилъ медленно ваятель. — Въ молодости я имѣлъ много желаній, гораздо больше, чѣмъ ты, юноша. Годъ тому назадъ у меня оставалось только одно: закончить статую, тво-

реніе всей моей жизни. На прошлой недѣлѣ я въ послѣдній разъ прикоснулся къ ней рѣзцомъ. Теперь я ничего больше не хочу.

— Гдѣ-же эта статуя? — спросили въ одинъ голосъ монахъ, воинъ и Андрей Кучковъ.

Ваятель открылъ окно и показалъ рукой на вершину Собора Парижской Богоматери.

— Тамъ! — произнесъ онъ проникновенно.

— Вотъ ты повелъ бы насъ посмотрѣть ее, — замѣтилъ монахъ изъ вѣжливости: ему не слишкомъ хотѣлось послѣ плотнаго ужина подниматься по крутой лѣстницѣ церкви. Спутники монаха немедленно присоединились къ просьбѣ. Ваятель кивнулъ головой. Воинъ подозвалъ хозяина и сталъ расплачиваться.

— Слава тебѣ, великій мастеръ, — сказалъ монахъ, — что данный тебѣ отъ Бога талантъ ты употребляешь на столь благочестивое дѣло. Зато будетъ вѣчно жить въ потомствѣ твое имя. Ибо вѣченъ Соборъ Парижской Богоматери.

— Своего имени я не вырѣзалъ на статуѣ, — произнесъ медленно ваятель. — Его забудутъ на слѣдующій день послѣ моей смерти.

— Отчего же? — замѣтилъ укоризненно монахъ. — Дивясь твоему произведенію, люди будутъ спрашивать: почему неизвѣстно намъ имя благочестиваго мастера?

— Нѣтъ, — сказалъ ваятель съ живостью. — Кто увидитъ мою статую, тотъ этого не спроситъ.

Воинъ спряталъ сдачу. Они вышли изъ кабачка и перешли черезъ площадь, направляясь къ собору. У двери, ведущей на лѣстницу башенъ, сидѣла на тумбѣ дряхлая нищая старуха. Шамкая беззубымъ ртомъ, она бормотала дребезжащимъ голосомъ какую-то пѣсенку. Лицо и платье древней старухи были одинаковаго сѣраго цвѣта, цвѣта камней церкви. Ваятель остановился возлѣ нея. Старуха бормотала:

Pur kei nus laissum damagier?
Metum nus fors de lor dangier;
Nus sumes homes cum il sunt;
Tex membres avum cum il ont,
Et altresi grans cors avum,
Et altretant sofrir poum,
Ne nus faut fors cuer sulement,
Alium nus par serement . . .[1])

Ваятель съ усмѣшкой глядѣлъ на старуху. Вдругъ въ его глазахъ проскользнулъ ужасъ. Онъ быстро вошелъ въ боковую дверь церкви. По узкой винтовой лѣстницѣ, со ступеньками, расширяющимися къ одному краю, держась рукой за тонкій желѣзный прутъ перилъ, они стали подниматься къ башнямъ. Ваятель шелъ впереди, ступая тяжело и увѣренно. Винтовой ходъ то свѣтлѣлъ при приближеніи къ бойницѣ, то снова темнѣлъ и становился страшенъ. На свѣтлой площадкѣ они перевели духъ.

— Высоко же ты работаешь, мастеръ, — сказалъ монахъ, вытирая лобъ рукавомъ рясы.

— Зато близко къ небесамъ, — отвѣтилъ ваятель.

Голосъ его звучалъ въ каменной трубѣ глухо. Они медленно двинулись дальше, прошли темный кругъ безъ окна и вышли на галлерею. Ихъ ослѣпило солнце. Андрей Кучковъ вскрикнулъ отъ восторга. Подъ нимъ былъ парижскій островъ. За рѣкой виднѣлась зелень виноградниковъ и золото хлѣбныхъ полей. . .

Ваятель подошелъ къ периламъ галлереи. На нихъ что-то было покрыто холстомъ.

— Покажи, покажи свое твореніе! — сказалъ, тяжело дыша, монахъ.

Кусокъ сѣраго холста упалъ.

На перилахъ сидѣло каменное чудовище.

---

*) Пѣсня нищей заимствована изъ „Le Roman de Rou“ нормандскаго поэта 12-го столѣтія Роберта Васа; ея транскрипція на современный французскій языкъ находится въ послѣдней главѣ „Девятаго Термидора“. Авторъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Въ началѣ 1793 года былъ посланъ генералъ-лейтенантомъ Зоричемъ изъ его Шкловскаго имѣнія въ Петербургъ съ важной миссіей одинъ очень молодой человѣкъ, по имени Штааль.

Графъ Семенъ Гавриловичъ Зоричъ, отставной фаворитъ Екатерины, былъ сербъ по происхожденію. Настоящая фамилія его была Неранчичевъ. Усыновленный своимъ дядей, Максимомъ Федоровичемъ Зоричемъ, переселившимся изъ Сербіи въ Россію, онъ въ рядахъ русской арміи храбро сражался въ Семилѣтнюю и въ Турецкую войны. Подъ Рябой Могилой его взяли въ плѣнъ турки, увезли въ Константинополь и тамъ заключили въ Іеди-Куле или Семибашенный Замокъ. Много испытаній выпало на долю Зорича въ его бурной молодости, — въ Сербіи, въ походахъ, въ каторжномъ турецкомъ плѣну. Выпущенный на свободу и награжденный, одинъ изъ первыхъ, Георгіевскимъ крестомъ, онъ какъ-то случайно попался на глаза Потемкину, который обратилъ вниманіе на необычайную красоту молодого серба. Въ то время князь Григорій Александровичъ уже не занималъ должности фаворита им-

ператрицы. Его замѣстителемъ на этомъ посту былъ Завадовскій. Потемкинъ очень не любилъ своихъ преемниковъ, пытавшихся, по его примѣру, заниматься государственными дѣлами. При видѣ Зорича у князя — внезапно, какъ всегда, — явилась понравившаяся ему мысль: выдвинуть на первый въ Россійской Имперіи постъ кандидатуру молодого сербскаго офицера. Немедленно было сдѣлано все необходимое, посланы соотвѣтствующія инструкціи графинѣ Брюсъ, — и очень скоро Семенъ Гавриловичъ Зоричъ сталъ оффиціальнымъ любовникомъ императрицы Екатерины, въ промежуткѣ между бывшимъ театральнымъ суфлеромъ Завадовскимъ и отставнымъ польскимъ теноромъ Корсакомъ. На него посыпались отличія. Въ день коронаціи Зоричъ былъ награжденъ чиномъ генералъ-маіора и произведенъ въ корнеты кавалергардскаго корпуса; затѣмъ получилъ украшенную брилліантами звѣзду, эксельбанты, саблю, плюмажъ, запонки и пряжку; потомъ мальтійскій орденъ св. Іоанна, огромный домъ вблизи Зимняго Дворца, триста тысячъ наличными деньгами, великолѣпное Шкловское имѣніе съ 16-ю тысячами душъ, принадлежавшее князьямъ Чарторыйскимъ, и Велижское староство Витебской провинціи Полоцкой губерніи. Кромѣ того онъ былъ назначенъ президентомъ Вольно-Экономическаго Общества. Неоставили безъ вниманія заслугъ Семена Гавриловича и иностранные монархи: польскій король наградилъ его Бѣлымъ Орломъ, а шведскій — орденомъ Меча.

Милость Зорича продолжалась однако не болѣе года. Замѣтивъ охлажденіе императрицы, онъ пришелъ въ ужасъ и отчаяніе, приписалъ все интригамъ Потемкина, вызвалъ было даже князя на дуэль, но въ концѣ концовъ смирился, оставилъ опостылѣвшее Сарское Село и Петербургъ, и отбылъ на постоянное жительство въ свое Шкловское имѣніе. Первое время — впрочемъ, весьма недолго — онъ былъ чрезвычайно разстроенъ крушеніемъ своей государствен-

ной карьеры. Постъ, который онъ занималъ, очень ему нравился. Кромѣ того онъ находилъ, что при отставкѣ его нѣсколько обидѣли. Правда, полученные имъ алмазная табакерка квадратикомъ и, особенно, поясъ въ фунтъ золота, съ 1875 брилліантами и 239 смарагдами, были хороши. Но пожалованное Семену Гавриловичу графское достоинство отнюдь его не удовлетворяло. Онъ зналъ, что родовая русская знать иронически относится къ смѣшному нѣмецкому титулу графа, совершенно неизвѣстному въ старину на Руси, и въ свое время очень посмѣивалась надъ Борисомъ Шереметьевымъ, который, происходя отъ Андрея Кобылы, не уступая въ знатности старѣйшимъ княжескимъ родамъ, тѣмъ не менѣе первый согласился испортить свое древнее имя этой Петровской кличкой, еще вдобавокъ всякій разъ подлежавшей утвержденію германскаго императора.

Денегъ и имущества Зоричъ получилъ также гораздо меньше, чѣмъ Орловы или Потемкинъ. Но это обстоятельство не такъ огорчало Семена Гавриловича. Онъ не былъ корыстолюбивъ и совершенно не зналъ цѣны деньгамъ. Безмѣрно щедрый и расточительный, онъ при всемъ своемъ богатствѣ почти всегда нуждался и имѣлъ множество долговъ.

Графъ Зоричъ, умомъ вообще довольно плохо постигавшій разницу между добромъ и зломъ, былъ по природѣ своей чрезвычайно добрый человѣкъ. Онъ очень любилъ Россію — той особенной любовью, какой ее любятъ нѣкоторые изъ русскихъ инородцевъ. Преуспѣвъ на поприщѣ государственной службы и добившись высокихъ степеней, графъ чувствовалъ потребность засвидѣтельствовать свою благодарность новой родинѣ. А такъ какъ Зоричъ любилъ молодежь и кромѣ того сильно скучалъ въ Шкловѣ, то въ одно радостное лѣтнее утро онъ принялъ рѣшеніе — не останавливаясь ни передъ какими затратами, основать въ своемъ помѣстьи образцовое учебное заведе-

ніе для дѣтей бѣдныхъ дворянъ и служилыхъ людей. Такое училище (изъ него впослѣдствіи вышелъ московскій кадетскій корпусъ) дѣйствительно было имъ открыто въ 1778 году, 24 ноября, въ день именинъ государыни. Обставилъ его Зоричъ съ роскошью необычайной. Имѣлись при училищѣ и манежъ, и большой зоологическій *музеумъ*, и библіотека, купленная у Самойлова за баснословно высокую цѣну — восемь тысячъ рублей, и даже картинная галлерея, съ произведеніями Рубенса, Теньера, Веронеза. Главнымъ своимъ помощникомъ по управленію училищемъ Зоричъ пригласилъ француза де-Сальморона; преподаватели тоже были больше иностранцы. Училище скоро пріобрѣло немалую славу. Въ ту пору, когда у Зорича были деньги, онъ ничего не жалѣлъ для своихъ питомцевъ. Если-же Семенъ Гавриловичъ проигрывался въ карты, то воспитанники сидѣли безъ сластей и карманныхъ денегъ, а воспитатели безъ жалованья. Но ни тѣ, ни другіе на графа не сердились. Этотъ безпутный человѣкъ былъ такъ красивъ собой и такъ обезоруживающе добръ, что ему вообще прощались всѣ грѣхи. Впрочемъ, обстоятельства его карьеры по тѣмъ временамъ чрезмѣрнаго осужденія и не вызывали.

Особенно пышно отпраздновалъ Семенъ Гавриловичъ школьный выпускъ 1792 года. Къ тому времени было почти отстроено и раскинулось овальнымъ полукругомъ, въ 60 саженъ длины, на правомъ возвышенномъ берегу Днѣпра новое трехъэтажное каменное зданіе училища. Нота Ноткинъ, министръ финансовъ Зорича, раздобылъ для графа большую сумму денегъ, и воспитанникамъ была сшита новая, парадная обмундировка. На огромномъ школьномъ дворѣ, гдѣ по средамъ и субботамъ производилась военная экзерсиція, выстроились всѣ четыре эскадрона училища: кирасиры въ палевыхъ колетахъ, гусары въ свѣтло-голубыхъ мундирахъ, гренадеры въ темно-синихъ и егеря въ свѣтло-зеленыхъ курткахъ. Красиво развѣвались зна-

мена съ рисованными по атласу значками шкловскаго графства; а въ моментъ появленія на фронтѣ Зорича былъ даже троекратно произведенъ залпъ изъ четырехъ двухъ-фунтовыхъ единороговъ. Многочисленные гости, съѣхавшіеся на праздникъ со всей округи, были въ восхищеніи. Больше всѣхъ сіялъ самъ Семенъ Гавриловичъ Зоричъ.

Въ числѣ воспитанниковъ выпуска 1792 г. былъ одинъ, котораго графъ особенно любилъ и на котораго возлагалъ большія надежды. Звали этого молодого человѣка Штааль. Происхожденія онъ былъ не русскаго, темнаго, какъ самъ Зоричъ, и, подобно Зоричу, отличался рѣдкой красотой.

Графъ Семенъ Гавриловичъ очень желалъ устроить своему любимому питомцу самое блестящее будущее. Какъ-то разъ ему пришелъ въ голову странный проектъ. Раздумывая надъ вопросомъ о наиболѣе счастливой участи, могущей выпасть на долю Штааля, онъ естественно сдѣлалъ выводъ, который подсказывался всѣмъ опытомъ его собственной жизни: самая счастливая и блестящая судьба ждала-бы молодого человѣка въ томъ случаѣ, если-бъ ему удалось стать любовникомъ императрицы Екатерины.

Мыслей вообще у графа Зорича было не такъ много, и онъ ими поэтому особенно дорожилъ: его долгъ, его обязанность съ той поры представились ему совершенно ясными: они заключались въ томъ, чтобы оказать Штаалю услугу, которую когда-то Потемкинъ оказалъ ему самому. Къ тому-же онъ, Зоричъ, могъ-бы въ случаѣ успѣха сдѣлаться хозяиномъ Россійской имперіи — въ качествѣ наставника и руководителя фаворита Государыни — и ужъ тогда навѣрное получилъ-бы княжескій титулъ.

Въ этомъ планѣ не было ничего невозможнаго. Семенъ Гавриловичъ имѣлъ на своемъ вѣку нѣсколько сотъ любовницъ — отъ русской императрицы до сербскихъ и Шкловскихъ бабъ, — а потому былъ

убѣжденъ, что хорошо знаетъ женскую натуру. Екатерину-же онъ зналъ особенно хорошо. Ему было ясно, что для старой государыни прошло время гигантовъ-атлетовъ, какъ Орловы и Потемкинъ, или скульптурно-красивыхъ людей, какъ онъ самъ либо Корсаковъ. Наставала пора мальчишекъ. Ланскому было въ день его смерти 26 лѣтъ; Платону Зубову при вступленіи въ должность шелъ 22-ой годъ; брату Платона Валеріану едва минуло 18. Юный Штааль въ этомъ отношеніи подходилъ какъ нельзя лучше. Его темное происхожденіе тоже не могло служить препятствіемъ. Зоричъ зналъ, что Екатерина, подобно большинству русскихъ монарховъ и Романовской, и еще болѣе Гольштейнъ-Готторпской династіи, побаивается родовой русской знати, хотя нѣсколько передъ ней заискиваетъ. Изъ всѣхъ безчисленныхъ фаворитовъ императрицы только Васильчиковъ могъ считаться Рюриковичемъ, да еще Мамоновъ былъ человѣкомъ хорошаго русскаго рода. Хуже было то, что Штааль носилъ иностранное имя. Екатерина II, какъ нѣмка, на виднѣйшія государственныя должности старалась выдвигать коренныхъ русскихъ. Но и здѣсь имѣлись утѣшительные прецеденты: Понятовскій и Корсакъ были поляки; самъ онъ, Зоричъ, родился въ Сербіи; а одно время въ качествѣ серьезнаго кандидата на постъ фаворита называли нѣмца Мантейфеля, который будто-бы самъ уклонился: «была-бы честь предложена», — изумленно говорили объ этомъ случаѣ въ Эрмитажѣ.

Зоричъ, благодаря своимъ петербургскимъ и сарскосельскимъ связямъ, былъ въ курсѣ всѣхъ придворныхъ дѣлъ и интригъ. По старому знакомству, почтъ-директоръ Пестель доставлялъ ему даже копіи наиболѣе занимательныхъ писемъ, перлюстрировавшихся въ черномъ кабинетѣ. Эти копіи, на листахъ сѣроватой золотообрѣзной бумаги съ водянымъ знакомъ, изображавшимъ льва, рыцаря и девизъ pro patria, были очень полезны Зоричу. Об-

щая картина придворныхъ отношеній оказывалась довольно благопріятной: нѣкоторыя вліятельныя лица, которыя были въ дурныхъ отношеніяхъ съ Зубовымъ, охотно поддержали-бъ всякую кандидатуру, идущую на смѣну надменному мальчишкѣ. Семенъ Гавриловичъ послалъ съ вѣрной оказіей нѣсколько запросовъ свѣдущимъ людямъ въ Петербургъ. Отвѣты получились тоже благопріятные. Друзья предупреждали однако Зорича, что предварительный экзаменъ на должность становится въ Эрмитажѣ все труднѣе. Ни для кого не было тайной, отъ какой болѣзни умеръ 26 лѣтъ отроду графъ Ланской; по крайней мѣрѣ докторъ Вейкардъ, изготовлявшій для него разные напитки, охотно сообщалъ объ этомъ всевозможныя подробности. Экзаменъ, о которомъ друзья писали Зоричу, сдавался теперь уже не у графини Брюсъ, а у госпожи Протасовой. Ея постъ былъ хорошо извѣстенъ всѣмъ придворнымъ, но названія для него никто никогда не могъ придумать (самъ Байронъ впослѣдствіи, въ знаменитой строфѣ «Донъ-Жуана», не рѣшившись назвать должность госпожи Протасовой на грубомъ англійскомъ языкѣ, воспользовался французскимъ словомъ „éprouveuse“). Въ общемъ друзья совѣтовали попытать счастье, намѣчали Зоричу планъ и обѣщали съ своей стороны всяческое содѣйствіе. Получивъ эти свѣдѣнія, графъ Семенъ Гавриловичъ твердо рѣшилъ съ наступленіемъ зимы послать Штааля въ Петербургъ.

II

Нелегко разобрать путаницу въ головѣ и въ душѣ молодого человѣка восемнадцати лѣтъ, особенно если этотъ молодой человѣкъ не глупъ, гордъ, самолюбивъ и не находитъ удовлетворенія гордости и самолюбію

въ той обстановкѣ, которая обыкновенно окружаетъ молодыхъ людей, выходящихъ изъ дѣтскаго возраста. Свобода близка, но ея еще нѣтъ — и близость свободы лишь пьянитъ и туманитъ душу. Выборъ будущаго еще не сдѣланъ, а сдѣлать его надо — и не когда-нибудь, а сейчасъ, и не на срокъ, а навсегда.

Въ эти счастливые и мучительные годы ясно лишь очень немногое. Вполнѣ ясно то, что жизнь текущаго дня не есть настоящая жизнь: она т а к ъ, она временна, она скоро пройдетъ. Настоящая, новая, совсѣмъ не такая какъ теперь, не будничная, а необыкновенная и прекрасная или, хотя несчастная, но трагическая жизнь — вся впереди. Неизвѣстно только, придетъ-ли она сама собой или нужно что-то дѣлать для ея приближенія; и если нужно, то что-же именно?.. Эта блаженная вѣра въ какую-то новую, другую жизнь, заполняющая всю душу очень молодыхъ людей и со всѣмъ ихъ мирящая, держится, понемногу уменьшаясь, довольно долго. У большинства она исчезаетъ къ концу третьяго десятка. Но есть счастливые люди, доживающіе съ такой вѣрой до старости и сходящіе съ ней въ могилу.

Подавленный величіемъ роли, которая несомнѣнно должна выпасть на его долю въ жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ смущенный крайней неувѣренностью насчетъ того, какова собственно будетъ эта роль, молодой Юлій Штааль кончалъ курсъ въ училищѣ графа Зорича.

Его свобода была не за горами. И съ ней конечно должны были открыться безконечныя возможности необыкновенной жизни: онъ, Штааль, не могъ быть такимъ какъ всѣ, ибо быть такимъ какъ всѣ — пошло и ужасно. Въ военномъ училищѣ однако очень трудно проявлять индивидуальность, да еще индивидуальность необычайную. Кое-кто изъ товарищей Штааля проявлялъ свою личность въ кутежахъ. Но это была проторенная дорожка. Вдобавокъ и начальство не ба-

ловало за кутежи, и денегъ для нихъ у Штааля не было. А главное — ужъ очень эти шкловскіе кутежи были непохожи на то, что разсказывалось во французскихъ книгахъ о похожденіяхъ герцога Лозена или герцога Ларошфуко. И мѣстныя дамы, которыя иногда, по воскресеньямъ, въ величайшемъ секретѣ отъ надзирателей, привлекались къ участію въ кутежахъ, тоже мало походили на Нинонъ де Ланкло и на Діану де Пуатье.

Временно, въ ожиданіи лучшаго, Юлій Штааль избралъ для себя стиль кабинетной науки и проводилъ почти все свободное время въ школьной библіотекѣ, въ которой имѣлось много русскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ томовъ всевозможнаго содержанія. Ко времени выпуска своего изъ училища, онъ прочелъ большую часть этихъ книгъ, вслѣдствіе чего туманъ въ его головѣ сдѣлался почти безпросвѣтнымъ.

Мосье Дюкро, учитель-французъ, очень благосклонно относившійся къ Штаалю, разъяснилъ ему секретъ подлиннаго знанія. Истина, вся истина, такимъ огромнымъ трудомъ пріобрѣтенная, политая кровью благороднѣйшихъ людей міра, горѣвшая на кострѣ съ Джордано Бруно, подвергавшаяся пыткѣ съ Галилеемъ, стала, наконецъ, достояніемъ мыслящаго человѣчества, несмотря на происки тирановъ, глупцовъ и монаховъ. Мосье Дюкро благоговѣйно снялъ съ полки библіотеки огромную толстую книгу въ красномъ сафьянномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ и обрѣзомъ. У книги этой, въ которой содержалась истина, было очень длинное заглавіе. Она называлась: „Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une Société de gens de lettres. Mis en ordre et publié par M. Diderot, de l'Académie Royale des sciences et des Belles-Lettres de Prusse; et quant à la Partie Mathématique, par M. D'Alembert, de l'Académie Royale de scien-

ces de Paris, de celle de Prusse, et de la Société Royale de Londres". Издана была книга въ Парижѣ, въ 1751, году, у Бріассона, Давида-старшаго, Ле Бретона и Дюрана, „avec approbation et privilège du Roy", — мосье Дюкро многозначительно улыбнулся, читая послѣднія слова. На первой страницѣ красовалась виньетка, изображавшая какого-то ангела, обвѣянного клубами дыма и шагающаго босыми ногами по глобусамъ, картамъ, книгамъ, оружію и чему-то еще. Имѣлся и эпиграфъ изъ Горація: Tantum series juncturaque pollet, tantum de medio sumptis accedit honoris. Штаалю было очень совѣстно, что, плохо зная по-латыни, онъ не разобралъ смысла этого эпиграфа.

Мосье Дюкро объяснилъ своему ученику, что въ «Энциклопедіи», считая съ дополненіями, есть почти три десятка такихъ толстыхъ книгъ. Зато, стоитъ изучить ихъ какъ слѣдуетъ, — и тогда разъ навсегда освобождаешься отъ всѣхъ предразсудковъ, порожденныхъ вѣковымъ невѣжествомъ и чернымъ фанатизмомъ.

Штааль съ благоговѣніемъ прочелъ длинное предисловіе Даламбера. Онъ многаго не понималъ, но мосье Дюкро помогалъ ему разъясненіями, а одинъ отрывокъ прочелъ даже самъ вслухъ, съ чувствомъ и чрезвычайно выразительно: „Car tout a des révolutions réglées, et l'obscurité se terminera par un nouveau siècle de lumière. Nous serons plus frappés du grand jour, après avoir été quelque temps dans les ténèbres. Elles seront comme une espèce d'anarchie très funeste par elle-même, mais quelque-fois utile par les suites". По интонаціямъ мосье Дюкро Штааль понялъ, что въ этомъ отрывкѣ заключается сокровенный смыслъ Энциклопедіи. Онъ попробовалъ читать и дальше предисловія: прочелъ длинную статью о буквѣ A, затѣмъ объ Aa, s. f., rivière de France, Ab, s. m., onzième mois de l'année civile des Hébreux — и нѣсколько остылъ, —

не почувствовалъ освобождающаго вліянія великой книги: ни съ буквой A, ни съ Aa, s f, ни съ Ab., s. m., у него не связывалось предразсудковъ, порожденныхъ невѣжествомъ и фанатизмомъ. Штааль со вздохомъ отложилъ въ сторону томы «Энциклопедіи», придя къ выводу, что трудно научиться мудрости изъ словаря, хотя бы самаго замѣчательнаго, и принялся читать книги безъ руководства и безъ разбора. Прочелъ „Système de la Nature", заглянулъ въ „Dictionnaire Philosophique", одолѣлъ „L'homme machine". Одновременно прочелъ также и „Naturgesetzmässige Untersuchung des Nichts" нѣкоего Георга фонъ-Лангенгейма, и рядъ изданій московской типографической кампаніи, и «Древнюю Россійскую Вивліоѳику», и «Скиѳскую исторію изъ разныхъ иностранныхъ историковъ, паче же изъ Россійскихъ вѣрныхъ исторій и повѣстей», и «Нощи» Юнга, и даже старые номера «Покоящагося трудолюбца». Попадались ему въ библіотекѣ и книги другого содержанія. Проглотилъ онъ однимъ духомъ только что получившій міровое распространеніе романъ Бернарденъ де Сенъ-Пьера, — былъ немного влюбленъ въ Виргинію, чуть-чуть ревновалъ ее къ Павлу, и едва повѣрилъ ушамъ, когда услышалъ отъ мосье Дюкро, что авторъ этой книги — извѣстный авантюристъ и едва-ли не мошенникъ. А затѣмъ ему попало въ руки «Модное ежемѣсячное сочиненіе или библіотека для дамскаго туалета» съ гравюрами: «А ля белль пуль», «Раскрытыя прелести», «Расцвѣтающая пріятность» и «Прелестная простота». Прочелъ Штааль и «Исповѣдь» Руссо, но въ ней онъ многаго не понялъ, а изъ того, что онъ понялъ, кое-что показалось ему противнымъ, и онъ не могъ постигнуть, какимъ образомъ этотъ порочный человѣкъ почитался міромъ въ качествѣ мудреца и учителя добродѣтели. Путаница въ головѣ молодого человѣка становилась все гуще. Но онъ не терялъ надежды найти нѣсколько позднѣе такую *собственную* философ-

скую точку зрѣнія, которая примиритъ Новикова съ Вольтеромъ и „Naturgesetzmässige Untersuchung“ съ „Système de la Nature“.

Самое сильное впечатлѣніе произвело на него одно сочиненіе неизвѣстнаго автора, только что присланное въ библіотеку училища книжной лавкой Зотова и называвшееся «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Штааль съ волненіемъ читалъ вслухъ отрывокъ, который начинался словами: «Я взглянулъ окрѣстъ меня — душа моя страданіями человѣчества уязвленна стала. Обратилъ взоры мои во внутренность мою — и узрѣлъ, что бѣдствіи человѣка происходятъ отъ человѣка». . .

Эта книга дала направленіе его мыслямъ. Еще до ея выхода въ свѣтъ въ училищѣ стало извѣстно, что во Франціи происходятъ великія событія. Первые слухи о французской революціи были встрѣчены въ Шкловѣ восторженно и воспитанниками, и учителями, и даже самимъ Семеномъ Гавриловичемъ Зоричемъ, которому тоже почему-то очень понравилось, что французскіе депутаты о чемъ-то присягали въ Jeu de Paume и какъ-то тамъ при этомъ, кажется, играла музыка и вообще все, какъ всегда въ Версалѣ, было очень весело и благородно. Но вскорѣ спустя было получено извѣстіе о взятіи Бастиліи; въ правительственной газетѣ появилась объ этомъ событіи громовая статья, авторство которой приписывали самой императрицѣ. Революціонный пылъ Зорича утихъ; онъ даже запретилъ давать воспитанникамъ иностранныя газеты. Но они тѣмъ не менѣе узнавали кое-что о происходившемъ во Франціи отъ учителей. Мосье Дюкро становился все мрачнѣе и сосредоточеннѣе: былъ сухъ съ Зоричемъ, холодно кланялся начальству, разъ даже вовсе не поклонился мѣстному полицеймейстеру, и все грозилъ, что скоро уѣдетъ *совсѣмъ* во Францію. Отъ него Штааль узналъ имена и краткія характеристики главныхъ революціонныхъ героевъ; по примѣру мосье Дюкро, онъ

послѣдовательно увлекался Лафайетомъ, Бальи, Мирабо. Однажды, въ минуту откровенности, заговоривъ съ Штаалемъ наединѣ объ императрицѣ Екатеринѣ, мосье Дюкро потрясъ кулаками въ воздухѣ и произнесъ нѣсколько словъ, которыя восемнадцатилѣтній Штааль не совсѣмъ понялъ, хотя хорошо владѣлъ французскимъ языкомъ. Онъ попросилъ объясненій, но мосье Дюкро поспѣшно замолчалъ, оглянулся на дверь и перевелъ разговоръ на другой предметъ. Штааль понялъ только, что мосье Дюкро не любитъ императрицу. Это очень его огорчило, ибо самъ онъ, какъ всѣ его сверстники, боготворилъ заочно Екатерину II и едва-ли не былъ влюбленъ въ ея портретъ, висѣвшій въ кабинетѣ графа Семена Гавриловича. Позднѣе, тоже въ минуту откровенности, мосье Дюкро сказалъ, что его положеніе въ Россіи становится очень тяжелымъ, ибо между Франціей и Европой можетъ ежеминутно вспыхнуть война, какъ этого домогаются проклятые кобленцскіе эмигранты. Онъ объяснилъ Штаалю, что во Франціи образовалась большая партія бриссотинцевъ или, какъ ихъ еще называютъ, жирондистовъ, которая хочетъ объявить войну всѣмъ тиранамъ. Во главѣ этой партіи стоитъ Верньо, величайшій ораторъ въ мірѣ послѣ смерти Мирабо и совершенно изумительный человѣкъ. При этомъ глаза у мосье Дюкро заблистали и голосъ его задрожалъ. Штааль сразу почувствовалъ горячую любовь къ бриссотинцамъ и особенно къ Верньо; но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ нѣсколько смущенъ. Неужели великая просвѣщенная Екатерина, другъ и покровительница Вольтера и Дидро, тоже принадлежитъ къ числу тирановъ? И если между Франціей и Россіей вспыхнетъ война, то какъ-же тогда быть,—что дѣлать ему, Штаалю, и кому желать побѣды? Воевать съ тиранами противъ страны философовъ, революціи и мосье Дюкро было очевидно невозможно. Но, какъ русскій патріотъ и вѣрноподданный великой Екатерины, Штааль естественно считалъ

себя обязаннымъ — въ первый-же день по объявленіи войны выпросить у Зорича разрѣшеніе записаться въ волонтеры. Къ тому-же можно было думать (принявъ во вниманіе преклонный возрастъ и дряхлость Задунайскаго), что въ случаѣ объявленія войны самъ Суворовъ станетъ во главѣ русской арміи; а Штааль боготворилъ Суворова.

Мосье Дюкро привелъ въ исполненіе свою угрозу и въ 1792 году, таинственно покинувъ училище, уѣхалъ къ себѣ на мятежную родину. Послѣ его отъѣзда Штаалю стало особенно тоскливо. Училище ему надоѣло смертельно. Въ свои восемнадцать лѣтъ онъ еще ничего не сдѣлалъ замѣчательнаго и очень боялся опоздать. Правда, Зоричъ обѣщалъ послать его немедленно послѣ выпуска на службу въ Петербургъ и при этомъ неопредѣленно говорилъ, что ему, Штаалю, съ его умомъ и молодостью, стыдно было-бы не сдѣлать блестящей карьеры. Штааль очень хотѣлъ сдѣлать блестящую карьеру и всей душой жаждалъ окончанія курса.

Какъ-то разъ, передъ самымъ выпускомъ, онъ вечеромъ зашелъ въ библіотеку и по привычкѣ, почти машинально, взялъ съ полки первое, что попалось подъ руку. Это была крошечная книжка, написанная Байе: „La vie de M. Des-Cartes contenant l'histoire de sa philosophie et de ses autres ouvrages. Et aussi ce qui luy est arrivé de plus remarquable pendant le cours de sa vie. A Paris, chez la veuve Cramoysi, 1693, avec privilège du Roy". Штааль почти ничего не зналъ о Декартѣ, кромѣ похвалъ, расточенныхъ ему въ предисловіи Даламбера къ «Энциклопедіи». Зналъ впрочемъ, что Декартъ — великій философъ, который сказалъ „cogito ergo sum", и что фраза эта знаменита своимъ глубокомысліемъ на весь міръ (Штааль не совсѣмъ понималъ — почему). Онъ съ зѣвкомъ принялся читать — и прочелъ книжку однимъ духомъ: такой волшебной и вмѣстѣ близкой, и безконечно

важной для него самого показалась ему біографія философа Декарта.

Наука, тоска, свѣтъ, кутежи, игра, войны, путешествія, приключенія, розенкрейцеры, — и затѣмъ снова наука, геніальныя открытія, глубокія вдохновенныя мысли... Такъ вотъ что такое жизнь, вотъ что такое мудрость!

Штааль взволнованно отыскалъ въ библіотекѣ сочиненія самого Декарта. Онъ открылъ „Discours de la méthode" и черезъ минуту былъ во власти чаръ этой единственной въ мірѣ книги. А на томъ мѣстѣ разсказа, гдѣ старый мудрецъ описываетъ свой выходъ изъ школы и погруженіе въ «великую книгу міра», слезы волненія и счастья брызнули изъ глазъ восемнадцатилѣтняго Штааля:

„C'est pourquoi sitost que l'aage me permit de sortir de la sujetion de mes Précepteurs, je quittay entièrement l'estude des lettres. Et me resolvant de ne chercher plus d'autre science, que celle qui se pourrait trouver en moy mesme, ou bien dans le grand livre du monde, j'employay le reste de ma jeunesse à voyager, à voir des cours et des armées, à fréquenter des gens de diverses humeurs et conditions, à recueillir diverses expériences, à m'esprouver moymesme dans les rencontres que la fortune me proposoit, et partout à faire telle reflexion sur les choses qui se présentoient que j'en pusse tirer quelque profit... Et j'avois toujours un extreme désir d'apprendre à distinguer le vray d'avec le faux, pour voir clair en mes actions, et marcher avec assurance dans cette vie".

Эти слова открыли Штаалю значеніе его собственной жизни, указавъ ему новый путь. Онъ твердо рѣшилъ послѣдовать по стопамъ Декарта: нужно сначала увидѣть міръ и людей, испытать *все*, пройти черезъ *все*, — а потомъ *смыслъ* придетъ самъ собою...

Въ началѣ января 1793 года, блестяще окончивъ училище, молодой человѣкъ отправился въ Петербургъ, щедро снабженный Зоричемъ деньгами и ре-

комендательными письмами. Графъ Семенъ Гавриловичъ не далъ Штаалю точныхъ указаній относительно предстоявшей ему карьеры. Онъ говорилъ неопредѣленно о блескѣ петербургскаго двора, о величіи матушки-императрицы, объ ея славѣ и красотѣ — и все попрежнему подчеркивалъ, что ждетъ отъ своего юнаго питомца сказочныхъ успѣховъ, на которые даютъ несомнѣнныя права его умъ, способности и разныя другія достоинства.

III

Полвѣка прошло съ той поры, какъ Фридрихъ II, желая насолить саксонскому двору, который разсчитывалъ выдать свою принцессу Марію-Анну за наслѣдника русскаго престола, Петра-Карла-Ульриха Гольштейнскаго, внезапно ставшаго великимъ княземъ Петромъ Федоровичемъ, принялся спѣшно подыскивать для великаго князя другую невѣсту. Были у прусскаго короля для этой цѣли на примѣтѣ три нѣмецкія принцессы: двѣ гессенъ-дармштадтскія и одна цербстская. Послѣдняя наиболѣе подходила по возрасту, но ужъ очень неприглядной представлялась эта побочная цербстъ-дорнбургская линія одной изъ восьми вѣтвей ангальтскаго дома, нищая и захудалая даже среди нищихъ и захудалыхъ нѣмецкихъ князьковъ. О самой пятнадцатилѣтней невѣстѣ Фридрихъ ничего не зналъ. Говорили только, что мать ея, Іоганна-Елизавета, вела очень легкомысленный образъ жизни и что врядъ-ли маленькая Фике дѣйствительно дочь цербстскаго князя Христіана-Августа, занимавшаго должность губернатора въ Штетинѣ.

Послѣ непродолжительныхъ колебаній, выборъ русскаго двора остановился именно на принцессѣ Фике. Императрица Елизавета, дочь Петра Великаго, въ память своей умершей сестры Анны, вышедшей замужъ

за герцога Гольштейнскаго, избрала для племянника невѣстой цербстскую принцессу, бывшую въ родствѣ съ гольштейнскимъ домомъ. Но еще задолго до окончательнаго рѣшенія, зимой 1742 года, въ крошечный Цербстъ нежданно-негаданно пришла слѣдующая грамота:

«Свѣтлѣйшая княгиня, дружелюбно-любезная племянница,

Вашей любви писаніе отъ 27 минувшаго декабря и содержанныя въ ономъ доброжелательныя поздравленія мнѣ не инако, какъ пріятны быть могутъ. Понеже ваша любовь портретъ моей въ Бозѣ усопшей государыни сестры герцогини Гольштейнской, которой портретъ бывшій здѣсь въ прежнія времена королевской Пруссіи министръ баронъ Мардефельдъ писалъ, у себя имѣете; того ради мнѣ особливая угодность показана будетъ, ежели Ваша любовь мнѣ оной, яко иного хорошаго такого портрета здѣсь не находится, уступить и ко мнѣ прислать изволите; я сію угодность во всякихъ случаяхъ взаимствовать сходна буду.

Вашей любви дружебно охотная
«Елисаветъ».

Фике, будущая императрица Екатерина II, живо помнила, какъ собрались въ гостиной ихъ квартиры вся семья и ближайшіе друзья дома: баронесса фонъ-Принценъ, пасторъ Дове, der dumme Вагнеръ и другіе; какъ переводчикъ, долго ломая голову надъ каждой фразой, взволнованно-радостно переводилъ письмо русской царицы; какъ всѣ жадно ловили его слова, переспрашивая по десяти разъ и требуя ежеминутно поясненій смысла, которыхъ онъ очевидно дать не могъ. Сама четырнадцатилѣтняя Фике не совсѣмъ понимала причину общаго радостнаго возбужденія, хотя и видѣла, что письмо имѣетъ какое-то очень важное отношеніе именно къ ней. Когда-же всѣ фразы

письма были разобраны и наскоро прокомментированы (ихъ потомъ комментировали ежедневно въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ), пылкая Іоганна-Елизавета бросилась дочери на шею и, закативъ глаза, взволнованно зашептала:

— Фикхенъ! Молись Богу!

Фикхенъ была этимъ очень довольна: мать вообще не баловала ее ласками и нещадно колотила за каждую провинность.

Портретъ Анны Петровны былъ, разумѣется, немедленно отправленъ царицѣ. Вскорѣ послѣ того онкель Августъ повезъ въ Петербургъ и портретъ самой Фике, очень скверно написанный живописцемъ Антуаномъ Пэномъ. А еще нѣсколько позже пришло отъ ихъ друга Брюммера, воспитателя великаго князя, другое письмо — уже на нѣмецкомъ языкѣ, — приглашавшее, отъ имени царицы, Іоганну-Елизавету съ дочерью прибыть немедленно въ Россію.

«Ваша Свѣтлость, — писалъ многозначительно Брюммеръ, — слишкомъ просвѣщенны, чтобы не понять истиннаго смысла того нетерпѣнія, съ которымъ Ея Императорское Величество желаетъ скорѣе увидѣть здѣсь Васъ, равно какъ и принцессу Вашу дочь, о которой молва сообщила намъ такъ много хорошаго. Бываютъ случаи, когда гласъ народа есть именно гласъ Божій.

«Въ то же время, наша несравненная монархиня мнѣ указала предварить Вашу Свѣтлость, чтобы принцъ супругъ Вашъ не пріѣзжалъ вмѣстѣ съ Вами; Ея Императорское Величество имѣетъ весьма уважительныя причины желать этого. Полагаю, Вашей Свѣтлости достаточно одного слова, чтобы воля нашей божественной государыни была исполнена.

«Чтобы Ваша Свѣтлость не были ничѣмъ затруднены, чтобы Вы могли сдѣлать нѣсколько платьевъ для себя и для принцессы Вашей дочери и могли, не теряя времени, предпринять путешествіе, имѣю честь

приложить къ настоящему письму вексель, по которому Вы получите деньги немедленно по предъявленіи... Осмѣливаюсь ручаться Вашей Свѣтлости, что по благополучномъ прибытіи сюда Вы не будете уже нуждаться ни въ чемъ. Ваша Свѣтлость найдетъ здѣсь покровительницу, которая позаботится обо всемъ, что Вамъ необходимо, чтобы достойнымъ образомъ появиться въ обществѣ. Приняты такія мѣры, что Ваша Свѣтлость останетесь вполнѣ довольны».

Въ тотъ-же день было получено въ Цербстѣ и письмо отъ Фридриха II. Прусскій король, сообщая съ своей стороны радостное извѣстіе, настойчиво совѣтовалъ ѣхать и держать поѣздку въ строгомъ секретѣ (чтобы, Боже упаси, не узнали раньше времени саксонцы и графъ Чернышевъ).

Но торопить Іоганну-Елизавету не требовалось. Черезъ нѣсколько дней вся цербстская семья примчалась въ Берлинъ. Фридрихъ былъ очень ласковъ, потрепалъ Фикхенъ по щекѣ, радостно представляя себѣ, какъ будутъ разстроены этимъ бракомъ саксонцы и Бестужевъ-Рюминъ, — и благословилъ принцессъ въ долгій путь.

Затѣмъ Фике навсегда простилась съ отцомъ, отъ котораго получила при этомъ случаѣ пространное письменное напутствіе. На языкѣ, считавшемся въ ту пору нѣмецкимъ, ангальтъ-цербстскій принцъ рекомендовалъ дочери: „Nicht in familiarité oder badinage zu entriren, sondern allezeit einigen égard sich moeglichst conserviren... In keine Regierungssachen zu entriren um den Senat nicht aigriren“... Совѣтовалъ также беречь деньги, повѣрять счета прислуги и ни въ коемъ случаѣ не играть въ карты. Читая отцовское наставленіе, Фикхенъ плакала горькими слезами. Затѣмъ она выѣхала съ матерью въ Россію, останавливаясь для ночевокъ на постоялыхъ дворахъ.

По дорогѣ Іоганна-Елизавета занимала Фике разсказами о Россіи. Но она сама почти ничего нѣ зна-

ла объ этой странѣ, кромѣ разныхъ анекдотовъ о великомъ Петерѣ. Императоръ Петръ I любилъ нѣмцевъ и нѣмцы тоже его любили. По Германіи ходили всякіе разсказы о московскомъ царѣ, который былъ на двѣ головы выше средняго человѣческаго роста, работалъ и пилъ вдвое больше, чѣмъ обыкновенные люди, и въ одинъ присѣстъ съѣдалъ цѣлаго гуся. При этомъ воображеніе нѣмцевъ поражалъ не столько аппетитъ русскаго монарха—по аппетиту многіе изъ нихъ ему никакъ не уступили-бы,—сколько то обстоятельство, что одинъ человѣкъ, хотя-бы и кайзеръ, позволялъ себѣ потреблять сразу такое количество дорогого гэнзебратена. Нѣсколько шокировали нѣмцевъ демократическія привычки московскаго царя. Онъ бражничалъ съ моряками, легко перепивалъ ихъ и на голландско-нѣмецкомъ языкѣ горько жаловался на судьбу, которая поставила его царемъ надъ этакой скверной страной. «Народъ хитрый, умный», всхлипывая, говорилъ онъ: «русскій мужикъ по уму трехъ жидовъ стоитъ. Да учиться, подлецы, не хотятъ!..» Разсказывали также съ нѣкоторымъ ужасомъ, что въ Виттенбергѣ, когда Петру показали палату, гдѣ Мартинъ Лютеръ бросилъ въ дьявола чернильницей, царь внимательно осмотрѣлъ оставшееся на стѣнѣ отъ этого чудеснаго случая пятно, а затѣмъ сердито написалъ въ книжкѣ, предназначенной для почетныхъ гостей: «Чернила новыя и совершенно сіе неправда».

Въ промежуткахъ между разсказами о странномъ московскомъ царѣ, Іоганна-Елизавета наставительно говорила дочери о томъ, какое счастье выпадетъ ей на долю, если удастся обворожить великаго князя и благополучно довести дѣло до конца. Фике внимательно ее слушала и всей душой была рада стать царицей, Kaiserin. Правда, ей не очень улыбалось выйти замужъ за шестнадцатилѣтняго мальчишку; но, когда она дала понять это матери, та назвала ее глупенькой дѣвочкой и намекнула, что у монархинь есть, правда,

великія, священныя обязанности, но есть и такія права, которыхъ не имѣютъ обыкновенныя замужнія дамы. Этотъ намекъ очень утѣшилъ Фике.

Настоящее свое счастье она стала понимать только тогда, когда ихъ скромный экипажъ подошелъ къ русской границѣ. Подъ Ригой принцессъ встрѣтилъ камергеръ Семенъ Кирилловичъ Нарышкинъ, князь Долгоруковъ, генералъ-аншефъ Салтыковъ, кирасиры полка великаго князя, преображенцы, измайловцы, представители дворянства и магистрата. Тамъ-же ихъ ждали первые подарки царицы, — великолѣпныя собольи шубы, крытыя парчей. Іоганна-Елизавета вскрикнула: „Wunderschoen! Aber wunderschoen!" и объявила во всеуслышанье, что, хотя ее удивить очень трудно, ибо ей въ Гамбургѣ у мама приходилось видѣть самые дорогіе мѣха, но ничего подобнаго этимъ шубамъ она все-таки никогда не видала.

Въ Ригѣ принцессы пересѣли изъ своего возка въ императорскія сани, длинныя съ кузовомъ, обшитыя изнутри соболями, выложенныя шелковыми матрасами, запряженныя десятью лошадьми, по двѣ въ рядъ. На передкѣ саней сѣлъ камергеръ Нарышкинъ. Это былъ такой важный и осанистый человѣкъ, и одѣтъ онъ былъ такъ богато, и кричалъ онъ на прислугу такимъ страшнымъ голосомъ, что Фике при первой встрѣчѣ уже было собралась поцѣловать ему руку, какъ ей полагалось дѣлать съ почетными гостями въ Цербстѣ и Штетинѣ. Но мать толкнула ее въ бокъ — и она вспомнила, что Нарышкинъ станетъ, быть можетъ, ея подданнымъ.

Свита принцессъ размѣстилась во множествѣ другихъ саней, эскадронъ кирасиръ великаго князя выстроился вокругъ поѣзда, и поѣздъ понесся въ Петербургъ. Эта поѣздка осталась въ воспоминаніи Фике, какъ длинный чудесный сонъ. Все было здѣсь не похоже на ея родину: и необычайный просторъ земли; и роскошь высокопоставленныхъ людей; и странныя, не-

правильныя, азіатскія черты лицъ попадавшихся прохожихъ; и непривычная развалистая походка пѣшеходовъ; а главное — необычайный размахъ, ширь во всемъ, раздолье, о которомъ у нихъ никто не имѣлъ понятія. Она все больше и лучше понимала, какое неслыханное, небывалое счастье сваливается ей на голову, и странныя, честолюбивыя мысли впервые пришли пятнадцатилѣтней дѣвочкѣ...

Успѣла она также въ дорогѣ обратить вниманіе на всѣхъ сопровождавшихъ ее мужчинъ—отъ высшихъ лицъ свиты до простыхъ кирасиръ, — при чемъ быстро отмѣтила и выдѣлила красивыхъ. Видавшій виды камергеръ Нарышкинъ искоса поглядывалъ на дѣвочку, на ея неправильныя черты, на голубые глаза, оттѣненныя черными рѣсницами, на пухлый ротъ и выдающійся подбородокъ, и думалъ про себя, что изъ маленькой нѣмки будетъ толкъ.

Неслыханныя почести ждали принцессъ Ангальтъ-Цербстскихъ въ Петербургѣ, а затѣмъ въ Москвѣ, гдѣ тогда временно находился дворъ. Императрица и великій князь приняли ихъ „auf tendreste". Въ день ихъ пріѣзда, вечеромъ, въ отведенные имъ аппартаменты Головинскаго дворца торжественно явился старый другъ Брюммеръ, воспитатель великаго князя. Іоганна-Елизавета и Фике сразу замѣтили, что der alte Kerl строго выдерживаетъ новый тонъ. Россію онъ называлъ «нашимъ славнымъ отечествомъ», а императрицу Елизавету «нашей великой государыней». Принявъ во вниманіе, что подданнымъ императрицы и русскимъ человѣкомъ Брюммеръ сдѣлался два года тому назадъ, Фике порѣшила, что она еще скорѣе станетъ русской женщиной и великой княгиней. Брюммеръ много разсказывалъ о великолѣпіи петербургскаго двора, ни въ чемъ не уступающаго версальскому; о размѣрахъ русскихъ дворцовъ; а также о мудрости, добротѣ и добродѣтели императрицы Елизаветы, которая навсегда отмѣнила въ Россіи смертную казнь, въ чемъ поклялась

на образѣ нѣкоего чудотворца Николая. Больше однако поразило нѣмецкихъ принцессъ то, что у Елизаветы въ гардеробѣ имѣется пятнадцать тысячъ платьевъ, пять тысячъ паръ башмаковъ и два сундука шелковыхъ чулокъ. Какъ ни много удивительныхъ вещей видѣли въ послѣднее время принцессы въ Петербургѣ и Москвѣ, эти цифры совершенно поразили ихъ воображеніе: сами онѣ привезли изъ Германіи по три платья и по одной дюжинѣ бѣлья. Нагналъ на нихъ робость и общій тонъ рѣчи Брюммера. Впрочемъ, нѣсколько позже, когда онѣ робко вынули привезенныя ими ему подарки: пять фунтовъ настоящей, не портящейся штетинской колбасы, двѣ бутылки настоящаго стараго іоганнисбергера, шелковый кошелекъ и кисетъ для табаку, Брюммеръ расчувствовался, вспомнилъ Цербстъ, Штетинъ, Киль, госпожу Брандорфъ, старый Рейнъ, прослезился и пересталъ называть Россію нашимъ славнымъ отечествомъ. Они тутъ-же втроемъ распили бутылку настоящаго стараго іоганнисбергера, закусили настоящей, непортящейся штетинской колбасой, послѣ чего у Брюммера развязался языкъ и характеръ его сообщеній сталъ нѣсколько иной. Оказалось, что, хотя въ гардеробѣ Елизаветы есть пятнадцать тысячъ платьевъ, но денегъ въ русской казнѣ нѣтъ, и кромѣ какъ на содержаніе двора, да еще на армію, ничего ни на что расходовать нельзя. И дворецъ императрицы, хотя въ окружности онъ будетъ больше трехъ верстъ, но выстроенъ изъ дерева, такъ что въ полчаса можетъ сгорѣть отъ первой залетѣвшей искры. И хотя смертная казнь въ Россіи навсегда отмѣнена, — согласно обычаю, по которому всякое новое русское правительство первымъ дѣломъ навсегда отмѣняетъ смертную казнь, — но языки и уши рѣжутъ людямъ, часто большими партіями, что ни день. И хотя сама императрица образецъ монархини, но все-таки нехорошо, что она частенько напивается водкой до безчувствія, какъ кильскій извозчикъ. И хотя она дочь великаго

Петера, но мать ея была по профессіи такое, что и сказать при барышнѣ невозможно; а дядя, графъ Федоръ Скавронскій, еще совсѣмъ недавно былъ ямщикомъ, ein Kutscher! И хотя императрица набожна, какъ ангелъ, но очень странно, что она, простаивая часы на колѣняхъ передъ образомъ Господа, вслухъ проситъ его подсказать ей, изъ какой гвардейской роты взять очередного любовника... Правда, знатныя дамы могутъ иногда позволять себѣ вольности—тутъ Брюммеръ подозрительно поглядѣлъ на Іоганну-Елизавету, — однако нужно знать, съ кѣмъ можно ихъ себѣ позволять и съ кѣмъ нельзя. Противъ благородныхъ риттеровъ онъ, Брюммеръ, не говоритъ ни слова, но путаться императрицѣ, einer Kaiserin! съ конюхомъ ist wirklich unerhört! Что касается нашего Карла-Ульриха, то это былъ шелковый мальчикъ въ Килѣ, гдѣ онъ, Брюммеръ, держалъ его въ рукахъ и всего еще два года тому назадъ основательно поролъ за шалости; а съ тѣхъ поръ, какъ Карлъ-Ульрихъ сталъ въ Россіи великимъ княземъ Петромъ Федоровичемъ, къ нему подступиться нельзя: совершенно испортился и, чего добраго, плохо кончитъ. А вообще, хотя Россія, конечно, великая страна, имѣющая громадное будущее, но понять въ ней и въ этихъ московитахъ рѣшительно ничего нельзя. И если говоритъ правду — ему хорошо извѣстна дискреціонъ обѣихъ принцессъ, то Цербстъ, не говоря уже о Килѣ, много лучше Россіи. Вотъ только жалованья въ Цербстѣ и въ Килѣ, къ сожалѣнію, платятъ мало и никакой серьезной карьеры тамъ сдѣлать нельзя; а то и уѣзжать оттуда было-бы совершенно ненужно.

IV

Все это было очень, очень давно. Пятнадцатилѣтняя дѣвочка превратилась въ старуху: Фикхенъ стала

императрицей Екатериной Великой. Позади были кровавыя вѣхи длиннаго пути, удачи, неудачи, страшные дни «Петербургскаго дѣйства» и пугачевщина, очень было перепугавшая царицу. Позади были и сотни ея любовниковъ — отъ первыхъ: Чернышева, Нарышкина, Салтыкова, одинъ изъ которыхъ — она сама не знала, кто именно—былъ отцомъ ея сына Павла, до Орловыхъ (отъ каждаго изъ двухъ братьевъ она тоже имѣла по сыну), Потемкина, Мамонова и Ланского. Екатерина II свою жизнь считала по фаворитамъ; по нимъ-же считала свою исторію Россія. И чѣмъ старѣе становилась императрица, тѣмъ больше мѣста въ ея жизни занимала любовь, подъ старость превратившаяся въ болѣзненный, чудовищный развратъ.

Царствованіе ея было или казалось удачнымъ. Какъ добросовѣстная нѣмка, Екатерина старательно работала для страны, которая дала ей такую хорошую и выгодную должность. Счастье Россіи она естественно видѣла въ возможно большемъ расширеніи предѣловъ русскаго государства. Отъ природы она была умна и хитра. Нелегко доставшійся престолъ научилъ ее многому. Она прекрасно разбиралась въ интригахъ европейской дипломатіи. Хитрость и гибкость были основой того, что въ Европѣ, смотря по обстоятельствамъ, называлось политикой Сѣверной Семирамиды или преступленіями московской Мессалины.

Но, несмотря на огромный промежутокъ времени, отдѣлявшій старую государыню отъ нѣмецкаго періода ея жизни, несмотря на то, что въ теченіе тридцати съ лишнимъ лѣтъ она была самодержавной царицей Россіи, прошлое Цербста и Штетина въ значительной мѣрѣ опредѣляло всю психологію Екатерины. Какіе успѣхи ни выпадали на ея долю, какъ ни привыкла она ко всеобщей, безмѣрной лести, императрица все еще не могла совершенно оправиться, въ глубинѣ души, отъ того небывалаго, случайнаго и сказочнаго счастья, которое выпало ей на долю. Екатерина прекрасно знала, что ни

по какимъ законамъ не имѣетъ ни малѣйшихъ правъ на императорскій престолъ Россіи. Тотъ, кто могъ себя считать законнымъ русскимъ монархомъ, несчастный Іоаннъ Антоновичъ, старшій въ родѣ царя Алексѣя Михайловича, съ двухлѣтняго возраста заключенный въ тюрьму, былъ убитъ при попыткѣ къ побѣгу, а поручика Мировича, устроившаго эту попытку, казнили съ соизволенія Екатерины. Слѣдующій за Іоанномъ Антоновичемъ былъ старшій въ родѣ Петра Великаго (по женской линіи), императоръ Петръ Федоровичъ. Онъ былъ низвергнутъ Екатериной и задушенъ въ Ропшинскомъ замкѣ ея любовникомъ Алексѣемъ Орловымъ. Послѣ-же смерти обоихъ императоровъ, Іоанна и Петра, законнымъ наслѣдникомъ былъ сынъ Екатерины, великій князь Павелъ Петровичъ. Онъ былъ устраненъ ею, вопреки смыслу и духу закона. Русскій престолъ она, цербстская нѣмка, занимала только благодаря захвату, осуществленному тридцать лѣтъ тому назадъ кучкой шальныхъ гвардейскихъ офицеровъ. Иногда Екатерина во снѣ съ ужасомъ видѣла, какъ ее внезапно лишаютъ трона и душатъ, либо заключаютъ въ монастырь, либо отправляютъ на родину, туда въ Цербстъ.

Она хорошо понимала, что можетъ держаться на престолѣ лишь всячески угождая дворянству и офицерамъ — съ тѣмъ, чтобы предотвратить или хоть уменьшить опасность новаго дворцоваго заговора. Это Екатерина и дѣлала. Вся ея внутренняя политика сводилась къ тому, чтобы жизнь офицеровъ при ея дворѣ и въ гвардейскихъ частяхъ была возможно болѣе выгодной и пріятной. Народъ-же, какъ она основательно думала, ничего дурного ей сдѣлать не могъ, ибо народъ заговоровъ не устраивалъ. Поэтому для него она не дѣлала ничего; лишь «прикрѣпила къ землѣ», иначе говоря, отдала въ рабство, все украинское крестьянство. О народѣ она ненадолго вспомнила только въ пору пугачевщины. Но и тогда офицеры и дворяне быстро

укротили этотъ страшный бунтъ. Все кончилось благополучно. Да еще подъ конецъ своего царствованія, напуганная французской революціей, она подвергла жесточайшимъ преслѣдованіямъ людей, которые казались ей мятежниками и вмѣстѣ съ тѣмъ явно не годились для устройства дворцовыхъ переворотовъ: масоновъ, вольтерьянцевъ, мартинистовъ. Въ застѣнкахъ Шешковскаго ихъ кровь полилась ручьями.

Екатерина, по природѣ своей, не была ни зла, ни жестока. Напротивъ, она была даже скорѣе добра и охотно благодѣтельствовала людямъ, если ей это ничего не стоило или стоило не очень дорого. Честолюбіе ея, вполнѣ женское, т. е. совершенно отличное отъ мужского, сильно уменьшалось съ годами. Екатерина не была и чрезмѣрно властолюбива: всю жизнь неизмѣнно находилась подъ вліяніемъ смѣняющихъ другъ друга любовниковъ, которымъ съ радостью уступала свою власть, вмѣшиваясь въ ихъ распоряженія страной только тогда, когда ужъ очень ясно они показывали свою неопытность, неспособность или глупость: она была умнѣе и опытнѣе въ дѣлахъ, чѣмъ всѣ ея любовники, за исключеніемъ князя Потемкина.

Въ натурѣ Екатерины не было ничего чрезмѣрнаго, кромѣ странной смѣси самой грубой и все усиливающейся съ годами чувственности съ чисто нѣмецкой, практической сентиментальностью. Въ ея дворцѣ были двѣ комнаты, сплошь переполненныя непристойными изображеніями. Но въ то же время она, въ свои шестьдесятъ пять лѣтъ, какъ дѣвочка, влюблялась въ двадцатилѣтнихъ офицеровъ и искренно вѣрила тому, что они также въ нее влюблены. На седьмомъ десяткѣ лѣтъ она плакала горькими слезами, когда ей казалось, будто Платонъ Зубовъ былъ съ ней сдержаннѣе, чѣмъ обыкновенно. Екатерина не замѣчала холоднаго отвращенія, которое она внушала Зубову, какъ прежде другимъ своимъ фаворитамъ; и замирала отъ счастья любви, когда, онъ, получивъ отъ нея новыя богатства,

новыя награды, новыя тысячи крестьянъ, новыя земли, отобранныя у польскихъ помѣщиковъ, заключалъ ее въ объятья, стиснувъ отъ отвращенія зубы...

V

Согласно инструкціи, данной ему Зоричемъ, Штааль немедленно по пріѣздѣ въ Петербургъ явился къ графу Александру Андреевичу Безбородко, одному изъ первыхъ сановниковъ столицы, гофмейстеру, дѣйствительному тайному совѣтнику и министру Совѣта.

Безбородко былъ освѣдомленъ о планахъ Зорича и очень имъ сочувствовалъ. Александру Андреевичу въ послѣднее время не везло съ фаворитами. Сильно не взлюбилъ его за что-то Мамоновъ, который изъ-за графа устроилъ было бурную сцену императрицѣ — или, какъ мягко говорили въ Эрмитажѣ, «д в о р у»: Мамоновъ, подобно Потемкину, мало церемонился съ Екатериной. Александръ Андреевичъ, какъ умѣлъ, отбивался отъ нападокъ могущественнаго фаворита: пробовалъ даже въ противовѣсъ Мамонову выставить своего племянника, красавца Милорадовича; но изъ этого дѣла ничего не вышло: Милорадовичъ оказался слишкомъ глупъ. Правда, судьба ненадолго помогла графу: Мамоновъ неожиданно влюбился въ княжну Щербатову и потерялъ свою должность при императрицѣ. Но замѣститель его, Платонъ Александровичъ Зубовъ, тоже не жаловалъ Безбородко и чинилъ ему всяческія непріятности. Съ фаворитами графу было бороться не подъ силу; главную свою надежду онъ возлагалъ на смѣну Зубова и на успѣхъ какой-либо благопріятной новой кандидатуры. Поэтому Александръ Андреевичъ съ особой симпатіей отнесся къ проекту Зорича.

Безбородко, еще не старый по возрасту человѣкъ, преждевременно одряхлѣлъ отъ развратной жизни. Хитрый и изворотливый по природѣ, онъ, по мнѣнію

строгихъ придворныхъ, уже начиналъ сдавать, а, по мнѣнію очень строгихъ, даже нѣсколько выжилъ изъ ума, въ чемъ ихъ особенно убѣждала развившаяся у министра неудержимая болтливость, — обстоятельство, отнюдь не благопріятное для политической карьеры. Александръ Андреевичъ еще занималъ много очень важныхъ должностей, но знатоки склонны были считать его пѣсенку спѣтой и около графа начинала образовываться та зловѣщая пустота, которая означаетъ приближеніе конца всякой большой карьеры. Самъ онъ однако не замѣчалъ этой пустоты или не желалъ ее замѣчать.

Совершенно ошеломленный Петербургомъ, Штааль вошелъ въ большой, роскошно отдѣланный домъ, гдѣ жилъ Безбородко, и вручилъ дежурному офицеру рекомендательныя письма. Ждать министра ему пришлось въ гостиной. Еще никогда Штаалю не приходилось видѣть такой массы золота, какъ въ этой комнатѣ. Особенно его поразила стоявшая у стѣны огромная сверкающая горка, вышиной въ шесть аршинъ, сплошь уставленная золотыми сосудами. Противъ горки висѣлъ въ золотой рамѣ портретъ воина съ чуприной, огромными усами самаго рыцарски-запорожскаго вида и полуотрубленнымъ подбородкомъ. Воинъ этотъ чрезвычайно ласково и бойко улыбался оставшейся частью подбородка. Длинная, цвѣтистая надпись на золотой доскѣ подъ портретомъ свидѣтельствовала о томъ, что рыцаря звали Демьянъ Ксенжницкій, герба Ostoja, воеводства Остржетовскаго, и что онъ положилъ начало роду и прозвищу Безбородокъ. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату, въ сопровожденіи упитаннаго равнодушнаго мопса, вошелъ тучный, грузный человѣкъ, съ отвисшимъ подбородкомъ и полуоткрытымъ ртомъ, въ синемъ ватномъ домашнемъ сюртукѣ, мягкихъ туфляхъ съ огромнѣйшими брилліантовыми пряжками и въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ, которые мѣшками висѣли на толстыхъ ляжкахъ ногъ. Внѣш-

ность министра немного успокоила Штааля. Особенно же его почему-то успокоило то обстоятельство, что говорилъ графъ по-русски съ сильнѣйшимъ малороссійскимъ акцентомъ.

Въ рукахъ у министра было рекомендательное письмо Зорича. Содержаніе письма сильно озадачило Безбородко: Семенъ Гавриловичъ краснорѣчиво, но смущенно писалъ, что юноша, которому онъ покровительствуетъ, неопытенъ, бурь міра сего не извѣдалъ и еще не искушенъ въ свѣтской жизни; поэтому неудобно было сразу начисто объяснить ему интересующее ихъ всѣхъ дѣло. Пусть онъ сначала освоится съ Петербургомъ, подышетъ воздухомъ двора, побываетъ на пріемѣ у матушки-царицы, — а тамъ «Богъ не оставитъ его милостью, а Ваше Сіятельство — помощью въ диффикультетахъ».

Безбородко съ недоумѣніемъ, какъ на диковинку, смотрѣлъ на молодого человѣка, которому нельзя было объяснить напрямикъ, въ чемъ дѣло.

«Ще молода дѣтына», — подумалъ онъ, оглядѣвъ гостя съ ногъ до головы, и взялъ горсточку табаку изъ золотой съ брилліантами табакерки.

Внѣшность юноши ему, однако, понравилась. Графъ подтянулъ привычнымъ движеніемъ руки мѣшки шелковыхъ чулокъ и внимательно разспросилъ Штааля о видахъ на службу. Но ничего путнаго онъ не узналъ: проклиная свою застѣнчивость, Штааль сбивчиво и неловко объяснилъ, что пока еще не выработалъ никакихъ предположеній.

Александръ Андреевичъ вздохнулъ и рѣшилъ предоставить дѣло волѣ Божьей. Затѣмъ онъ прочелъ молодому человѣку небольшое житейское наставленіе общаго характера. Какъ всѣ вышедшіе изъ низовъ и достигшіе высокихъ степеней люди, онъ любилъ говорить о себѣ. Говорилъ онъ хорошо, гладко и книжно, съ весьма внушительными интонаціями, которымъ, однако, сильно вредилъ его малороссійскій говоръ. Да и

съ внушительныхъ интонацій онъ порою неожиданнымъ образомъ срывался.

— Служба наша, сударь, — сказалъ онъ, — пріятна и видна, но не скоро полезна бываетъ. Представлять у двора приличную функціи фигуру довольно надобно иждивенія; гдѣ что шагъ ступить, то и платить нужно. Про себя скажу: живу хорошо, столъ держу на двадцать четыре куверта, а особливо для офицеровъ на ордонансъ, да на секретарей. Въ Москвѣ, государь мой, уготовляю себѣ на старость домъ преогромный, для отдохновенія отъ бремени трудовъ. Расходу множество, — добавилъ онъ, вздыхая и внезапно утративъ важность интонацій, но сейчасъ же заговорилъ еще внушительнѣе прежняго. — Въ протчемъ не жалуюсь. Ея Императорское Величество цѣнитъ мое усердіе и не оставляетъ повѣренностью и предилекціей. Для собственнаго вашего знанія, сударь, скажу, дабы не причли сего въ самозванство, что отзывами своими неоднократно всѣмъ знатнымъ и приближеннымъ изразить изволила свое отмѣнное ко мнѣ благоволеніе и уваженіе къ трудамъ моимъ. И такое милостивое въ разсужденіи меня обращеніе есть величайшимъ для меня одобреніемъ и утѣшеніемъ.

Здѣсь онъ вздохнулъ опять, понюхалъ табаку и посмотрѣлъ на Штааля, очевидно ожидая отвѣта. Но, не дождавшись, продолжалъ:

— Вотъ и теперь въ Яссахъ, послѣ искусныхъ негоцій, подписалъ я съ турками миръ превыгодный. Опять же злодѣи мои меня марали, будто корыстовался я за подряды провіантскіе... Дѣло извѣстное, отлучному человѣку нельзя безъ заботъ, чтобы сплетни ему не повредили... Хороша была корысть-то въ Яссахъ: отправили меня небогатою рукою. Ну, правда, подарки получились отъ Порты: брилліантовый перстень, да табакерка, да часы — тысячъ въ тридцать станутъ, не болѣе, — да лошадь, да палатка шитая (но весьма ветхая, — грустно вставилъ онъ, опять потерявъ внуши-

тельность тона), — да коверъ салоникскій, да кофею тридцать семь пудовъ, да еще бальзаму индійскаго и менскаго, табаку, мыла, губки, трубки, амбры и шалей двадцать четыре куска... Много ли радости? Чай, Зубовъ Платонъ за это время не такіе подарки получилъ... Какъ на этотъ счетъ изволите думать, сударь? — значительно спросилъ онъ, въ упоръ глядя на Штааля своими маленькими хитрыми глазками.

Штааль никакъ объ этомъ не думалъ. Безбородко разочарованно опять осмотрѣлъ его съ головы до ногъ, подтянулъ чулки и, помолчавъ съ минуту, заговорилъ по французски, правильно строя гладкія фразы, но выговаривая ихъ съ тѣмъ же малороссійскимъ акцентомъ, который онъ сохранялъ во всѣхъ языкахъ.

«Ужъ если ты, хлопецъ, и по-французски не говоришь, такъ ѣзжай себѣ, Грыцю, назадъ, въ Шкловъ, гонять собакъ», — подумалъ онъ.

Но Штааль говорилъ по-французски прекрасно и, услышавъ его выговоръ, Безбородко съ удовольствіемъ причмокнулъ полуоткрытымъ ртомъ. Графъ сказалъ молодому человѣку, что устроитъ ему приглашеніе въ Эрмитажъ на средній пріемъ въ ближайшій четвергъ, а пока совѣтовалъ поосмотрѣться немного въ Петербургѣ, поразвлечься, да что-жъ — бѣды въ ваши лѣта нѣтъ — и покутить.

— Жить, государь мой, милости прошу у меня, — сказалъ онъ снова по-русски не допускающимъ возраженій тономъ. — Домъ большой... А мы съ Семенъ Гавриловичемъ старые пріятели... Охъ, порастрясли его гроши проклятые Зеновичи... Ну, да ничего, богатъ. Шкловское имѣніе — золотое дно... Такъ, значитъ, мы и порѣшили. А чтобъ скучно вамъ не было, я вамъ дамъ, сударь, компаньона: добрый хлопецъ и все вамъ покажетъ.

Безбородко велѣлъ позвать одного изъ состоящихъ при его особѣ секретарей, необыкновенно щегольски, по послѣдней модѣ, одѣтаго молодого чело-

вѣка, и поручилъ ему Штааля, шепнувъ предварительно на ухо щеголю нѣсколько словъ, отъ чего тотъ весело улыбнулся. Штааль откланялся и направился было къ выходу. Но Александръ Андреевичъ воротилъ его отъ дверей.

— А что, сударь, Лизаньку Сандунову-Уранову видѣли? — неожиданно спросилъ онъ конфиденціальнымъ тономъ.

Штааль не зналъ, кто такая Лизанька Сандунова-Уранова. Безбородко посмотрѣлъ на него съ большимъ сожалѣніемъ, вздохнулъ, и перевелъ глаза на секретаря, точно призывая его въ свидѣтели.

Секретарь заговорилъ тоненькимъ голоскомъ, съ какими-то особенно мягкими, влѣзающими въ душу, интонаціями и, къ удивленію Штааля, довольно фамильярно.

— Да что Сандунова, Ваше Сіятельство? Право-же, слава одна. Я думаю, ей до Ленушки далеко, Ваше Сіятельство...

Министръ съ удовольствіемъ понюхалъ табаку и покачалъ головой.

— Нѣтъ, братъ, ты не говори, — сказалъ онъ задумчиво. — Ленушка, конечно, отмѣнныхъ тѣлесныхъ качествъ женщина... Это ты правъ. А все-же у Лизаньки Сандуновой груди такія, что и самой Давіи не уступитъ... Ты обратилъ-ли вниманіе на ея груди?

— Какъ не обратить, Ваше Сіятельство. Да и про груди, ma foi, одна слава...

— Нѣтъ, нѣтъ, и не говори, братъ. Что ты смыслишь въ грудяхъ-то?.. Молодо, зелено...

Безбородко постоялъ въ задумчивости минуту, открывъ совершенно ротъ и пріятно улыбаясь; затѣмъ, точно что-то вспомнивъ, повелъ заплывшей жиромъ шеей и внушительнымъ тономъ, книжной цвѣтистой фразой, отпустилъ молодыхъ людей.

Секретарь Безбородко оказался очень любезнымъ, бывалымъ и обходительнымъ молодымъ человѣкомъ. Звали его Иванчукъ (свою фамилію онъ произнесъ

Штаалю скороговоркой); но говорилъ онъ не съ малороссійскимъ, а съ тѣмъ эрмитажно-царскосельскимъ акцентомъ, который тогда вошелъ въ моду и который усвоили себѣ камеръ-юнкеры слѣдующаго столѣтія. Этотъ говоръ Иванчукъ перенялъ въ совершенствѣ. Только французскія фразы, пересыпавшія его рѣчь, выходили у него совсѣмъ не хорошо. Выяснилось, что секретарь пользуется особымъ расположеніемъ и довѣріемъ графа Безбородко; министръ, въ знакъ милости и въ исключеніе изъ своего общаго правила, говорилъ ему даже ты. Самъ Иванчукъ называлъ графа въ третьемъ лицѣ «нашъ Сашенька» — и это нѣсколько удивило Штааля. Но изъ дальнѣйшаго разговора оказалось, что молодой секретарь называетъ уменьшительными именами почти всѣхъ высшихъ сановниковъ столицы. Штааль былъ очень пораженъ такой короткой дружбой Иванчука съ людьми, занимавшими первые посты въ Имперіи; сомнѣніе взяло его только тогда, когда секретарь назвалъ Павликомъ наслѣдника престола. Иванчукъ очень быстро сообщилъ Штаалю множество самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній о себѣ и о другихъ. Разсказалъ, что нашъ Сашенька находится теперь въ упадкѣ. Въ большомъ фаворѣ онъ, правда, никогда не былъ и любовникомъ государыни состоялъ въ свое время не больше недѣли (Штааль раскрылъ ротъ отъ изумленія; Иванчукъ посмотрѣлъ на него, сказалъ радостно: «какъ-же, какъ-же», и продолжалъ свой разсказъ). Oui, il n'y a à dire, политическая карьера Сашеньки приходитъ, кажется, къ концу. И это очень жаль, ибо Сашенька премилый человѣкъ, сыплетъ деньгами направо и налѣво и, хоть жалуется на расходы, но на самомъ дѣлѣ il est riche comme un diable, — богатъ какъ чортъ, — одной мебели, съ картинами и мрамором у него милліона на четыре, — какъ-же, какъ-же! Пѣвицѣ Давіи онъ платилъ ежемѣсячно восемь тысячъ рублей, а на прощанье подарилъ ей сразу пятьсотъ тысячъ; теперь купаетъ въ золотѣ

танцовщицу Ленушку. И жаль, очень жаль, ma parole du gentilhomme, что Сашенька не поладилъ съ Платономъ, ибо Платонъ теперь всемогущъ, мы всѣ противъ него ничего не значимъ. А Павлика, вѣроятно, государыня вовсе устранитъ отъ престола и это будетъ прекрасно; она знаетъ, что мы всѣ будемъ этому очень рады. Общество-же теперь въ столицѣ премилое: самые пріятные балы у Лили Строгановой на Дворцовой Набережной, — je vais y vous introduire. Да еще Саша Бѣлосельскій устраиваетъ чудесныя небольшія вечеринки и стишки свои читаетъ тамъ премило. Онъ кстати женится на Козицкой и беретъ большое приданое. Однимъ словомъ, — какъ-же, какъ-же, — я васъ со всѣми перезнакомлю, увидите, все премилые ребята.

Иванчукъ дѣйствительно ввелъ Штааля въ кружокъ веселящейся петербургской молодежи, состоявшій большей частью изъ богатыхъ, знатныхъ и чиновныхъ людей въ возрастѣ отъ семнадцати до семидесяти лѣтъ. Доступъ въ этотъ кружокъ пріобрѣтался, повидимому, очень легко. Правда, членовъ кружка, которыхъ Иванчукъ за глаза называлъ ласково-уменьшительными именами, въ разговорѣ съ ними онъ почтительно титуловалъ «Ваше Сіятельство» или «Ваше Превосходительство», а сіятельства и превосходительства, какъ по всему было видно, едва-ли знали его по фамиліи. Но ѣздили съ нимъ по ресторанамъ и ночнымъ увеселительнымъ мѣстамъ очень охотно. Въ тотъ годъ была въ большой модѣ петергофская дорога; несмотря на холодную зиму, группы веселящейся молодежи чуть не каждую ночь отправлялись кутить на загородныя дачи. Самое пріятное времяпровожденіе было на дачахъ оберъшенка Нарышкина, носившихъ двусмысленныя названія «Ба-ба» и «Га-га»; тамъ Штааль узналъ много совершенно новыхъ вещей, о которыхъ ему не случалось читать даже во французскихъ книжкахъ. Было также большое празднество на Александровой дачѣ подъ Павловскомъ, гдѣ веселое общество любовалось досто-

примѣчательностями замысловатаго сада. Особенно удивили Штааля «Храмъ Флоры и Помоны», «Пещера нимфы Эгеріи» и всего больше «Храмъ Розы безъ шиповъ». На плафонѣ этого храма фрески изображали блаженствующую Россію. Блаженствующая Россія граціозно опиралась на щитъ съ изображеніемъ Екатерины; по бокамъ красовались трубящая Слава и два ангела съ крестомъ. Въ серединѣ Храма на алтарѣ стояла урна, заключавшая въ себѣ Розу безъ шиповъ. Что означала Роза безъ шиповъ, оставалось нѣсколько неяснымъ, но какъ по всему можно было догадаться, авторъ мудреной аллегоріи имѣлъ въ виду опять-таки императрицу Екатерину. Въ Храмахъ и въ Пещерѣ нимфы Эгеріи время тоже проводилось довольно весело. Штаалю было немного совѣстно такъ жить, но онъ для успокоенія напоминалъ самому себѣ завѣты великаго Декарта: познать в с е, погрузиться въ великую книгу міра. Великая книга міра на этой петербургской главѣ понравилась молодому человѣку. Льстило Штаалю и то, что компаньонами его по ночнымъ развлеченіямъ были люди съ очень громкими, большей частью титулованными именами. Подъ утро члены кружка обыкновенно отправлялись на м а ш к е р а дъ къ ресторатору Ліону, у котораго собиралось чрезвычайно смѣшанное общество. Тамъ они какъ-то, часовъ въ пять утра, встрѣтили Александра Андреевича Безбородко, въ обществѣ нѣсколькихъ уличныхъ женщинъ. Министръ былъ очень навеселѣ; тѣмъ не менѣе узналъ молодыхъ людей, радостно погрозилъ Штаалю пальцемъ и сказалъ ему, подтягивая чулки, такъ-же гладко и краснорѣчиво, какъ всегда, болѣе или менѣе подходившее къ случаю цвѣтистое слово.

VI

Въ честь пріѣхавшаго въ Петербургъ московскаго главнокомандующаго Прозоровскаго, графъ Безбо-

родко рѣшилъ устроить обѣдъ, пригласивъ въ качествѣ второго гостя Федора Васильевича Ростопчина.

Съ этимъ обѣдомъ Александръ Андреевичъ связывалъ довольно сложную политическую комбинацію. Знаменитый своей жестокостью, старый князь Прозоровскій былъ посланъ Екатериной въ Москву на усмиреніе масоновъ и мартинистовъ. Его назначеніе было встрѣчено крайне неодобрительно умнѣйшими сановниками имперіи. Самъ Потемкинъ, получивъ незадолго до своей кончины извѣстіе о посылкѣ Прозоровскаго, съ гнѣвомъ писалъ императрицѣ: «Ваше Императорское Величество выдвинули изъ вашего арсенала самую старинную пушку, которая будетъ непремѣнно стрѣлять въ вашу цѣль, потому что своей собственной не имѣетъ; берегитесь только, чтобы она не запятнала кровію имя Вашего Величества въ потомствѣ».

Не сочувствовалъ въ глубинѣ души дѣятельности князя Прозоровскаго и Безбородко. Его самого государыня посылала недавно въ Москву съ секретной миссіей по дѣламъ о мартинистахъ, — и онъ тамъ занялъ очень осторожную, выжидательную позицію. Однако, Александръ Андреевичъ давно усвоилъ себѣ привычку не критиковать вслухъ распоряженій верховной власти. Кромѣ того Прозоровскій свою миссію выполнилъ въ Москвѣ вполнѣ успѣшно: масонство и мартинизмъ были искоренены, а Николай Ивановичъ Новиковъ взятъ подъ стражу, привезенъ въ Петербургъ и заключенъ, послѣ допроса у Шешковскаго, въ Шлиссельбургскую крѣпость. Графъ Александръ Андреевичъ имѣлъ обыкновеніе считаться съ успѣхомъ. Онъ находилъ поэтому нужнымъ нѣсколько подогрѣть свои отношенія съ Прозоровскимъ и съ тѣми придворными кругами, которые выдвинули кандидатуру князя. Но было еще и нѣчто другое.

Безбородко зналъ, что московскому главнокомандующему была дана императрицей секретная инструкція выяснить, путемъ розыска, находился-ли въ

тайныхъ сношеніяхъ съ мартинистами великій князь Павелъ Петровичъ, котораго въ обществѣ считали масономъ. Розыскъ однако не далъ положительныхъ результатовъ, хотя Прозоровскій и доносилъ, что преступники всячески улавливали въ свою секту «извѣстную по ихъ бумагамъ особу».

Вопросъ о Павлѣ Петровичѣ чрезвычайно тревожилъ Безбородко. Всѣ хорошо знали, что наслѣдникъ престола ненавидитъ свою мать и ждетъ-не дождется ея смерти для того, чтобы расправиться по своему съ любовниками и любимцами императрицы. Александръ Андреевичъ давно уже не былъ любовникомъ и едва-ли могъ — особенно въ послѣднее время — считаться любимцемъ. Но онъ сдѣлалъ огромную карьеру при Екатеринѣ, а потому имѣлъ основанія серьезно тревожиться за свою судьбу въ случаѣ воцаренія великаго князя. Между тѣмъ государынѣ шелъ 64-ый годъ... А въ возможность устраненія Павла Петровича отъ престола Александръ Андреевичъ вѣрилъ плохо.

Федоръ Васильевичъ Ростопчинъ, будущій московскій главнокомандующій 1812 года, былъ любимцемъ наслѣдника и имѣлъ всѣ шансы сдѣлаться въ его царствованіе самымъ вліятельнымъ человѣкомъ въ Имперіи. По этимъ соображеніямъ Безбородко считалъ чрезвычайно полезнымъ поддерживать съ Ростопчинымъ добрыя отношенія. Онъ зналъ вдобавокъ, что Федоръ Васильевичъ ужъ никакъ не масонъ, не мартинистъ, не революціонеръ и не жакобэнъ, а человѣкъ вполнѣ благонамѣренный, хоть своенравный и сварливый. Интимный обѣдъ въ домѣ Александра Андреевича долженъ былъ сблизить Ростопчина съ Прозоровскимъ, — чтò, вѣроятно, нѣсколько успокоило-бы Екатерину насчетъ сношеній Павла съ мартинистами; а черезъ Федора Васильевича графъ надѣялся — пошли Господь долгіе дни Ея Величеству — поднять свои шансы при гатчинскомъ дворѣ наслѣдника престола.

Кромѣ двухъ почетныхъ гостей на обѣдѣ были

только свои: довѣренные секретари, въ томъ числѣ Иванчукъ, а заодно и Штааль, котораго хозяинъ тоже считалъ нужнымъ менажировать, ибо любилъ страховать и перестраховывать себя на случай всякихъ возможностей.

Обѣдъ — очень простой — удался на славу. Безбородко даже въ Москвѣ считался знаменитымъ хлѣбосоломъ и пріемы въ его огромномъ московскомъ домѣ соперничали въ славѣ съ обѣдами Алексѣя Орлова, князя Голицына и графа Остермана.

Александръ Андреевичъ самъ наливалъ запеканку въ золотыя рюмки. Этой обязанности онъ ни за что не довѣрилъ бы дворецкому. За обѣденнымъ столомъ въ графѣ Безбородко политическій дѣятель, министръ и придворный уступали первое мѣсто хлѣбосольному барину, представлявшему даже не русское, а малороссійское гостепріимство, ужъ совершенно граничившее съ чудеснымъ. Въ дѣлѣ угощенія гостей Александръ Андреевичъ не дѣлалъ никакой разницы между Иванчукомъ и княземъ Прозоровскимъ, съ одинаковой любовью рекомендуя обоимъ разныя простыя и замысловатыя закуски.

— У насъ въ Глуховѣ попъ говорилъ: «изъ легкихъ винъ прэдпочытаю коньякъ; оно и вкусно, и не хмэльно», — сказалъ Безбородко. Онъ этой прибауткой къ водкѣ неизмѣнно открывалъ всякій обѣдъ.

Князь Прозоровскій, сухой старикъ, точно находившійся въ быстромъ процессѣ закостенѣнія, слегка покривилъ лицо, что у него означало улыбку. Ростопчинъ снисходительно улыбнулся, подставляя подъ пахучую струю золотую рюмку, и хотѣлъ было сказать какое-либо, подходившее къ стучаю, народное великорусское словцо, но ничего не могъ вспомнить.

Федоръ Васильевичъ Ростопчинъ, несмотря на свой молодой возрастъ, занималъ въ петербургскомъ высшемъ свѣтѣ особое и очень почетное положеніе.

Человѣкъ большого ума, хорошо образованный, злой, остроумный, разъѣдаемый честолюбіемъ, одновременно большимъ и мелкимъ, по актерски даровитый и по актерски тщеславный, онъ не могъ найти примѣненія своимъ силамъ при дворѣ императрицы Екатерины: тамъ имѣли успѣхъ люди либо красивѣе, либо покладистѣе, либо старше и заслуженнѣе, чѣмъ онъ. Кромѣ того Ростопчинъ, по характеру, въ любыхъ политическихъ условіяхъ долженъ былъ-бы принадлежать къ оппозиціи. Онъ не любилъ и не уважалъ Екатерину, и всѣ дѣла ея царствованія представлялись ему низкими или безсмысленными, — даже тогда, когда они не были ни безсмысленны, ни низки. Но, хотя по умственнымъ своимъ силамъ, по своему безмѣрному честолюбію, по тому положенію, которое онъ сумѣлъ себѣ создать въ обществѣ, Федоръ Васильевичъ могъ стать серьезнымъ противникомъ для власти, — эта роль не приходила ему въ голову; оппозиція его была очень осторожной; людей-же посмѣлѣе, чѣмъ онъ самъ, онъ называлъ безумцами и всячески ихъ высмѣивалъ (какъ впослѣдствіи высмѣивалъ декабристовъ, хотя ненавидѣлъ и презиралъ Александра I). Ростопчинъ примкнулъ къ партіи Павла Петровича или вѣрнѣе составлялъ эту партію. Онъ отлично зналъ, что наслѣдникъ престола — человѣкъ душевно поврежденный; но связалъ съ нимъ свою политическую карьеру в ъ п и к у императрицѣ и н а з л о челяди Эрмитажа. Федоръ Васильевичъ всю свою жизнь прожилъ кому-то въ пику и кому-то на зло. Онъ и Москву поджегъ (или способствовалъ ея пожару) на зло — отчасти на зло Наполеону, а еще больше на зло Кутузову. Когда Ростопчина впослѣдствіи осыпали бранью за сожженіе Москвы, онъ приписывалъ это дѣло всецѣло себѣ (безъ большой, впрочемъ, внутренней увѣренности) и называлъ его величайшимъ подвигомъ, достойнымъ героевъ Рима. Когда-же „cet acte barbare mais magnifique“ сталъ вызывать восхищеніе у французовъ послѣ-наполеонов-

скаго періода, Ростопчинъ печатно доказывалъ, что и не думалъ поджигать Москву. Вся жизнь его — безплодная, одинокая и несчастная — была сплошное противорѣчіе. Онъ былъ нѣжный семьянинъ, но отказался отъ родного сына и, несмотря на свое богатство (полученное имъ отъ Павла, который вознаградилъ его за безкорыстіе), позволилъ заключить молодого человѣка въ долговую тюрьму. Онъ всей душой ненавидѣлъ Францію и французовъ, но прожилъ долгіе годы въ Парижѣ, думалъ или старался думать по-французски и ни за что не написалъ-бы письма на другомъ языкѣ, кромѣ тщательно отдѣланнаго и отточеннаго французскаго. Онъ былъ англоманъ, но съ англичанами скучалъ чрезвычайно, а въ Англіи не могъ прожить болѣе нѣсколькихъ недѣль. Русскій народъ онъ презиралъ совершенно и весь былъ полонъ сословныхъ дворянскихъ предразсудковъ; но любилъ говорить на простонародномъ русскомъ нарѣчіи и даже создалъ свое простонародное русское нарѣчіе, котораго простой русскій народъ не понималъ. Увѣрялъ, что равнодушенъ къ жизни и нисколько не боится смерти, но постоянно разъѣзжалъ по водамъ, тщательно оберегая здоровье (болѣзнь ему была послана самая не-поэтическая — геморрой — и это очень его угнетало). Одаренный несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ, тонкій наблюдатель событій и злой цѣнитель людей, онъ почти ничего не оставилъ послѣ себя, но тщательно отдѣлывалъ разные французскіе афоризмы, относившіеся главнымъ образомъ къ его собственной личности, годами выдерживалъ ихъ у себя въ ящикѣ письменнаго стола и вставлялъ въ разговоръ, когда была возможность, выдавая ихъ за экспромты. Онъ всячески демонстрировалъ свою ненависть къ Наполеону и увѣрялъ другихъ и себя, будто французскій императоръ также его ненавидитъ: личная вражда съ Наполеономъ поднимала его престижъ, — онъ прекрасно это чувствовалъ. Прести-

жемъ онъ дорожилъ чрезвычайно. На самомъ дѣлѣ, несмотря на свои выдающіяся дарованія, Федоръ Васильевичъ Ростопчинъ и на политическомъ, и на военномъ, и на придворномъ поприщѣ былъ до конца своихъ дней — неудачникъ.

На обѣдѣ у графа Безбородко Ростопчинъ не имѣлъ достойныхъ собесѣдниковъ, не старался вставлять въ разговоръ экспромты и скучалъ. Пріѣхалъ онъ на обѣдъ по соображеніямъ высшей политики (Павелъ еще не царствовалъ), но именно поэтому былъ недоволенъ собой и дѣлалъ усилія, чтобы не наговорить непріятныхъ и неосторожныхъ вещей. Съ Прозоровскимъ шутить не приходилось.

За борщемъ со сметаной (борщъ лучше этого, по словамъ Александра Андреевича, умѣла готовить только въ Глуховѣ его мать Безбородчиха) хозяинъ считалъ неумѣстнымъ какіе-бы то ни было разговоры, кромѣ непосредственно относящихся къ ѣдѣ. Борщъ былъ самъ по себѣ слишкомъ серьезнымъ дѣломъ для того, чтобы съ чѣмъ либо его совмѣщать; только когда на ломящійся отъ золота столъ было подано жаркое (впрочемъ также совершенно необыкновенное), Александръ Андреевичъ нашелъ возможнымъ приступить къ политической бесѣдѣ. Онъ началъ издалека, съ французской революціи — и ругнулъ ее какъ слѣдуетъ, но безъ горячности. Тонъ по отношенію къ этому событію былъ принятъ у петербургскихъ сановниковъ благодушно-ироническій: вся, молъ, такъ называемая революція — пустяки, просто не было хозяйской руки, а послать сотню-другую нашихъ казачковъ, живобы выбили дурь изъ французишекъ. Графъ Безбородко обстоятельно развилъ эту мысль и кое-что еще добавилъ отъ себя примѣнительно къ данному случаю: какая, право, жалость, что не нашлось во Франціи — а вѣдь большая страна! — человѣка, подобнаго нашему князю Александру Александровичу: всю-бы революцію точно рукой сняло.

Польщенный Прозоровскій снова изобразилъ на лицѣ что-то отдаленно напоминавшее улыбку.

Затѣмъ Безбородко распространился объ откликѣ событій такъ называемой французской революціи у насъ въ Россіи — и опять началъ издалека: такъ какъ говорить надо было о Новиковѣ, то онъ заговорилъ о Радищевѣ.

— Извѣстна, мыслю, и вамъ, государь мой, Федоръ Васильевичъ, — сказалъ онъ, обращаясь преимущественно къ Ростопчину, ибо князю Прозоровскому все это было, навѣрное, хорошо извѣстно, а съ молодежью разговаривать не стоило, — извѣстна, мыслю, и вамъ выданная недавно книга подъ заглавіемъ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Ея Величество оную читать изволила и, нашедъ ее наполненною самыми вредными умствованіями и дерзостными изображеніями, производящими развратъ, указала... — Такъ, сударь, — обратился онъ вдругъ къ Штаалю, — ѣсть у меня не полагается, барашка еще кусочекъ извольте взять... — указала изслѣдовать о сочинителѣ сей книги. Сочинителемъ книги есть Радищевъ, совѣтникъ таможенный. Слылъ человѣкомъ изряднымъ и безкорыстнымъ, но, заразившись, какъ видно, Франціей, сталъ проповѣдывать равенство и бунтъ противъ помѣщиковъ, да еще пренеприличную впуталъ въ книгу оду, гдѣ озлился на царей и Кромвеля аглицкаго хвалилъ, что «научилъ онъ въ родъ и роды, какъ могутъ мстить себя народы». Шельма этакій, — добавилъ съ удовольствіемъ Безбородко, — а еще владимірскій кавалеръ... Шалунъ оберъ-полицмейстеръ Никита Рылѣевъ цензировалъ сію книгу и, не читавъ ея, возьми да благослови. Со свободою типографій, да съ глупостью полиціи не усмотришь, какъ нашалятъ, — сказалъ графъ и рѣшилъ передохнуть отъ рѣчи, жаркого и борща, въ ожиданіи того, что скажутъ гости.

— Да, вѣдь они неисправимы, — замѣтилъ, пожимая плечами, Ростопчинъ.

Князь Прозоровскій издалъ неопредѣленный звукъ. Казалось, что и языкъ, и мозгъ у него находятся въ процессѣ окостенѣнія.

— Сей Радищевъ есть сущій жакобэнъ, — горячо воскликнулъ Иванчукъ, ловя взглядъ князя (въ присутствіи такого важнаго гостя и на такую важную тему секретарь считалъ нужнымъ говорить высокимъ слогомъ).

Штааль слушалъ растерянно: имя Радищева было ему незнакомо, но разговоръ очевидно шелъ о той самой книгѣ, которая такъ понравилась ему въ школьную дѣтскую пору.

Александръ Андреевичъ подлилъ гостямъ вина и продолжалъ:

— Сочинитель развратной книги, оный Радищевъ, взятъ подъ стражу и сенаторомъ, по силѣ воинскаго устава 20-го артикула, къ смертной казни присужденъ. Ея Величество, матушка императрица, по ангельской своей добротѣ (Безбородко вздохнулъ и поднялъ глаза къ небу, но увидѣвъ на потолкѣ столовой изображеніе разрѣзанной жирной утки, снова сталъ накладывать жаркого гостямъ и себѣ) ... по ангельской своей добротѣ приговоръ сей не конфирмовала, но смягчила, хоть молвить изволила—и совершенная правда,—что оный Радищевъ есть хуже Пугачева. Анъ теперь вонъ какое вышло въ Москвѣ зловредное дѣло и новое колобродство. Новикова, Николая Иванова, знать изволили? — обратился онъ снова къ Ростопчину, касаясь наконецъ того предмета, для котораго былъ устроенъ обѣдъ.

Князь Прозоровскій поднялъ отъ тарелки свои мутно-стекляные глаза.

— О дѣлѣ слышалъ, но знакомъ никогда не былъ, — поспѣшно отвѣтилъ Федоръ Васильевичъ.

Безбородко перевелъ взоръ на Прозоровскаго, точно приглашая его занести куда слѣдуетъ это свидѣтельское показаніе.

— И слава Господу Богу, государь мой, Федоръ

Васильевичъ, — продолжалъ онъ удовлетворенно, — что не знали сего ханжи, — опаснаго-ли не знаю, но скучнаго весьма, — кой нынѣ княземъ въ ничтожество приведенъ . . .

— Въ подмосковной своей деревнѣ Авдотьино, — сказалъ Прозоровскій, мутно глядя на Ростопчина, — государственный преступникъ Новиковъ, по моему приказу, воинскою силой, эскадрономъ полицейскихъ гусаръ подъ начальствомъ Жевахова князя, арестованъ. Нынѣ-же волею Ея Величества на пятнадцать лѣтъ посаженъ въ Шлюссельбургскую крѣпость. Опасности болѣе нѣтъ . . .

Безбородко поперхнулся рейнскимъ виномъ. Онъ вспомнилъ, какъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, извѣстный своимъ остроуміемъ и независимостью мысли, издѣвался надъ экспедиціей князя Жевахова: «Чѣмъ расхвастался старый дурень Прозоровскій: старика больного арестовалъ, точно Силистрію взялъ!»

Иванчукъ очень бойко и громко заявилъ, что, къ счастью, съ мартинистами и масонами покончено разъ навсегда. Его Сіятельство имѣетъ въ этомъ дѣлѣ огромную заслугу передъ отечествомъ. Не нужно забывать также стараніе, проявленное помощникомъ князя, Степанъ Иванычемъ Шешковскимъ, котораго мы всѣ знаемъ, любимъ и уважаемъ.

Безбородко сначала съ неудовольствіемъ поглядѣлъ на Иванчука, — такому молодому человѣку, по его мнѣнію, не слѣдовало вмѣшиваться въ разговоръ сановниковъ, — но успокоился, увидѣвъ благосклонный взглядъ, который бросилъ на секретаря князь Прозоровскій. «Шустрый, шельма, — подумалъ онъ, — далеко пойдетъ — нашъ братъ, глуховскій. Не то, что тотъ безусый бука изъ школяровъ Семена Гавриловича».

Ростопчинъ съ кривой усмѣшкой посмотрѣлъ на Иванчука. Онъ начиналъ раздражаться.

— Похвально, — сказалъ хрипло Прозоровскій.— У Шешковскаго Степана ругателей много. Называютъ

кровопійцей . . . Неправда! . . Почтенный человѣкъ . . . Царскій слуга!

— Кнутобойничаетъ малость, говорятъ, Ваше Сіятельство, — замѣтилъ съ усмѣшкой Ростопчинъ. — Въ его дѣлѣ, конечно, безъ кнута трудно. Mais il paraît que le brave homme exagère.

— Не кнутобойничаетъ, — прохрипѣлъ Прозоровскій. — Ложь! У Степана Иваныча на допросѣ правило. . . Палкой бьетъ по подбородку. . . А не кнутомъ. . . Правило. . . Ругателей много, вѣрныхъ слугъ престолу мало!

Безбородко съ тревогой посмотрѣлъ на гостей и поспѣшно заговорилъ опять. Его гладкая мягкая рѣчь немедленно внесла успокоеніе. Онъ съ большой похвалой отозвался о свойствахъ князя Прозоровскаго, затѣмъ отдалъ должное уму Федора Васильевича, котораго ждетъ такая блестящая карьера: «всѣхъ насъ затмите, сударь, какъ утро затмеваетъ вечеръ» (Александръ Андреевичъ почувствовалъ, что этотъ образъ у него не вышелъ, но продолжалъ еще болѣе плавно). Ругнулъ опять французскую революцію, ругнулъ и мартинистовъ, поспѣшилъ отмѣтить, что великій князь, какъ всѣмъ извѣстно, вполнѣ одобряетъ политику государыни императрицы, очень похвалилъ также отмѣнныя качества великаго князя. И выразилъ наконецъ полное душевное удовлетвореніе по поводу того, что они втроемъ, у него въ домѣ, такъ хорошо обо всемъ поговорили и что князь Александръ Александровичъ и Федоръ Васильевичъ сразу вполнѣ оцѣнили другъ друга. Въ заключеніе рѣчи онъ налилъ гостямъ по полному кубку какого-то особаго вина, тутъ же назвалъ его необыкновенно высокую цѣну и заставилъ ихъ выпить.

Ростопчинъ хмуро слушалъ. Онъ понималъ, что̀ нужно Александру Андреевичу и для чего устроенъ обѣдъ. Федоръ Васильевичъ самъ считалъ необходимымъ нѣсколько реабилитировать себя въ кругахъ близкихъ

къ императрицѣ. Но ему было досадно, что онъ вынужденъ поддерживать общеніе съ ничтожными людьми, — особенно съ этимъ выжившимъ изъ ума старымъ палачомъ. Зато Ростопчинъ предвкушалъ удовольствіе отъ сатирическаго письма, въ которомъ, на своемъ прекрасномъ французскомъ языкѣ, онъ опишетъ графу С. Р. Воронцову отвращеніе, внушенное ему личностью Прозоровскаго. «Только и есть изъ русскихъ два европейца: Воронцовъ и я», — подумалъ онъ.

— Достойно удивленія, — сказалъ Иванчукъ, — что русскіе жакобэны — люди нашего круга, les gens de notre rond, такіе же дворяне, какъ мы всѣ: Радищевъ, Новиковъ, Ладыженскій, Трубецкой, Тургеневъ. Très bons noms, ma foi.

Ростопчинъ, съ отвращеніемъ выслушавшій французскую фразу Иванчука, подумалъ, что изъ этого замѣчанія, отточивъ и приправивъ его какъ слѣдуетъ, можно будетъ при случаѣ сдѣлать недурной афоризмъ, — надо запомнить. Безбородко тоже воспользовался словами молодого секретаря и навелъ разговоръ на тему, которая должна была всѣмъ понравиться: онъ попросилъ Федора Васильевича объяснить ему свою родословную.

— Мы происходимъ, — сказалъ небрежно Ростопчинъ, — отъ Федора Давидовича Ростопчи, знатнаго татарскаго вельможи, кажется, ханскаго, т. е. царскаго, происхожденія, который выселился изъ Крыма въ Россію при . . .

Александръ Андреевичъ слушалъ, изобразивъ на лицѣ восхищеніе, и замѣчалъ про себя, что самаго умнаго человѣка можно поддѣть на какую либо глупость: «Вѣдь все ты врешь, сударь», — думалъ онъ. — «Врядъ ли существовалъ въ Крыму Федоръ Давидовичъ Ростопча, а если существовалъ, то не важная былъ, проклятый нехристь, персона: вѣрно, такой-же, если не хуже, разбойникъ, какъ мой Демьянъ Ксенжницкій, герба Ostoja, Остржетовскаго воеводства» .

VII

Средній Ермитажъ уже начался, когда позолоченная восьмистекольчатая карета графа Безбородко остановилась противъ Брюсовскаго дома, у праваго малаго подъѣзда дворца. Ловко соскочившій первымъ Иванчукъ помогъ вылѣзти министру; за ними въ плохо освѣщенный подъѣздъ вошелъ, замирая, Штааль. Александръ Андреевичъ, отдавая свою шубу, прочелъ накинувшимся на него лакеямъ подробное наставленіе о томъ, какъ надо съ ней обращаться, да еще особо приказалъ своему гайдуку-хохлу примоститься къ шубѣ, внимательно за ней слѣдить и не отходить отъ нея ни на шагъ. Графъ говорилъ такимъ тономъ, будто онъ попалъ не во дворецъ, а въ разбойничій притонъ. Безбородко весь сіялъ брилліантами своей Андреевской звѣзды, погона для ленты, пуговицъ мундира и пряжекъ башмаковъ; тѣмъ не менѣе общій видъ его былъ ненамного изящнѣе чѣмъ обыкновенно. Александръ Андреевичъ, чувствовавшій себя во дворцѣ точно дома, сначала куда-то отлучился, а потомъ увѣренно пошелъ, переваливаясь, по лѣстницѣ наверхъ. Молодые люди послѣдовали за нимъ. Иванчукъ вполголоса называлъ Штаалю покои дворца. Но Штааль въ первыя минуты ничего не замѣчалъ. У него разбѣжались глаза отъ дворцоваго великолѣпія. Все вниманіе его было устремлено на то, чтобы не свалиться на необычайно скользкомъ, натертомъ до предѣловъ возможнаго, паркетѣ и какъ-нибудь не войти въ одно изъ предательскихъ, огромныхъ, во всю стѣну, зеркалъ, которыя только въ послѣднюю минуту неожиданно отражали его собственную фигуру, казавшуюся ему въ отраженномъ видѣ очень маленькой и затерянной. Молодого человѣка привелъ въ себя внезапно пахнувшій на него теплый оранжерейный запахъ

цвѣтовъ. Они входили въ зимній садъ Эрмитажа. Гостей было еще немного: Безбородко любилъ пріѣзжать рано. Графъ остановился у чахлаго деревца, послушалъ съ открытымъ ртомъ пѣніе канарейки и затѣмъ пригласилъ Иванчука въ свидѣтели того, что у нихъ въ Глуховѣ соловьи поютъ гораздо лучше. Иванчукъ постарался этого не разслышать и, воспользовавшись минутой, когда Безбородко сталъ радостно здороваться съ какимъ-то свитскимъ генераломъ, увлекъ Штааля за собой. Онъ показалъ ему обѣ гостиныя Эрмитажа, столовую, чудесный маленькій театръ съ надписью на сценѣ: ridendo castigat mores, и наконецъ длинную картинную галлерею, гдѣ сразу оглушилъ юнаго провинціала именемъ Рафаэля. Штааль мало смыслилъ въ картинахъ, но зналъ, что Рафаэль въ живописи — все равно какъ Суворовъ въ военномъ дѣлѣ: лучше не бываетъ. Онъ принялся восхищаться рафаэлевскими фресками. На этомъ занятіи его засталъ хватившійся ихъ Безбородко. Александръ Андреевичъ, какъ ни странно, былъ большой знатокъ живописи и галерею Эрмитажа зналъ превосходно. Штааль поспѣшилъ выразить свой восторгъ передъ фресками; Безбородко снисходительно объяснилъ ему, что это не подлинный Рафаэль, а копія съ ватиканскаго Рафаэля, правда, очень хорошая, сдѣланная по особому заказу Райфенштейномъ. «И славные гроши сорвалъ шельма нѣмецъ»,—съ удовольствіемъ добавилъ онъ. Обезкураженный этимъ эпизодомъ, Штааль отошелъ отъ фресокъ, сѣлъ, по возможности непринужденно, около двухъ одинаковаго вида старичковъ въ придворныхъ мундирахъ и сталъ слушать ихъ мирную бесѣду. Они говорили о разныхъ новостяхъ: Самойлову Александру велѣно быть генералъ-прокуроромъ, — чудеса! Ну, да вѣдь онъ изъ Потемкинскихъ племянничковъ. А жаль все-таки, батюшка, князь Александра Алексѣевича Вяземскаго; хорошій былъ человѣкъ, что ни говорите, вотъ взялъ да и померъ... Теперь, отецъ мой, такихъ людей, нѣтъ:

мерзецъ пошелъ человѣкъ. Вотъ увидите, хоть объ закладъ побьемся: Ярославцевъ, милостью Зубова-отца, преблагополучно выпутается изъ своего процесса; а сильно, батюшка, замаранъ въ этомъ дѣлѣ нашъ Гаврила, — все больше онъ подличаетъ передъ княземъ Платономъ, и правъ молодой Ростопчинъ, Федоръ Васильевичъ, что только не въ глаза зоветъ его мерзавцемъ; Ростопчинъ, кстати сказать, батюшка, влюбленъ въ Катеньку Протасову, — только ничего изъ этого не будетъ; а вотъ Наталья Петровна Голицына, помяните мое слово, хоть лопнетъ, но выдастъ свою дочь за генерала Апраксина, — девяносто тысячъ у него, отецъ мой, годового дохода.

Галерея, зимній садъ и гостиныя Эрмитажа постепенно наполнялись. Нервно теребя пуговицу своего камергерскаго мундира, въ залъ вошелъ Федоръ Васильевичъ Ростопчинъ. Его появленіе произвело въ публикѣ небольшую сенсацію: какъ человѣкъ враждебнаго, гатчинскаго міра, тѣсно связавшій свою политическую карьеру съ судьбой Павла Петровича, онъ въ Эрмитажѣ появлялся не часто и не пользовался большими симпатіями при дворѣ императрицы. Ростопчинъ, видимо, наслаждался тѣмъ, что на мгновеніе сталъ предметомъ общаго вниманія. Холодно-учтиво здороваясь съ гостями, онъ остановился передъ „L'enfant prodigue" и, отступивши на два шага отъ стѣны, посмотрѣлъ на полотно подъ согнутую кисть руки. Всѣ движенія его казались неестественными Штаалю. Картиной Сальватора Розы Ростопчинъ любовался недолго: замѣтивъ одиноко стоящаго у окна сѣдого старика, онъ поспѣшно направился къ нему и поздоровался съ нимъ совсѣмъ не такъ, какъ съ другими.

На этого красиваго стараго человѣка Штааль еще раньше обратилъ вниманіе. И въ лицѣ его, и въ темной простой одеждѣ было что-то, выдѣлявшее его изъ толпы другихъ гостей. Иванчукъ, знавшій все и всѣхъ, назвалъ ему этого гостя, съ особеннымъ удовольствіемъ

выговоривъ его фамилію. Фамилія точно была звучная: старикъ носилъ одно изъ самыхъ знаменитыхъ именъ французской знати; это былъ недавно прибывшій въ Петербургъ эмигрантъ.

Онъ поздоровался съ Ростопчинымъ съ той особой изысканной учтивостью, которая создала въ мірѣ штампованное слово „politesse française" и которая въ дѣйствительности свойственна только старымъ, хорошо образованнымъ и много жившимъ французамъ. Эмигрантъ раза два въ жизни видѣлъ Ростопчина; но привѣтливая улыбка, немедленно появившаяся на его тонкомъ усталомъ лицѣ, выразила необычайное удовольствіе по поводу встрѣчи съ Федоромъ Васильевичемъ. Ростопчинъ оживленно заговорилъ, намѣреваясь сервировать этому выходцу стараго Версаля свои отточенные французскіе экспромты, которыхъ въ Петербургѣ никто не могъ оцѣнить по достоинству.

— Что, или скучаете, сударь? — спросилъ Штааля, появившійся за его кресломъ Безбородко. — Государыня нынче опоздала, вѣрно, много изволила покушать: сегодня было къ обѣду, сказываютъ, вареное мясо съ огурцами. Очень матушка любитъ это блюдо, за что ее хвалю, хоть нашъ борщъ будетъ повкуснѣе.

Онъ поздоровался съ двумя одинаковыми придворными старичками, пошутилъ съ ними, представилъ имъ Штааля, на котораго они не обратили ни малѣйшаго вниманія, и, затѣмъ, увидѣвъ у окна Ростопчина съ французскимъ эмигрантомъ, взялъ слегка упиравшагося молодого человѣка подъ руку и направился съ нимъ къ окну.

— Вотъ познакомлю васъ, сударь, — сказалъ онъ по дорогѣ, — преумный старикъ! Такихъ людей у насъ днемъ съ огнемъ не сыскать.

Какъ разъ когда они подходили, Ростопчинъ нашелъ случай вставить въ разговоръ одинъ изъ своихъ экспромтовъ:

— J'ai de l'éloignement pour les sots et pour les faquins, pour les femmes intrigantes qui jouent la vertu;

un dégoût pour l'affectation, de la pitié pour les hommes teints et les femmes fardées, de l'aversion pour les rats, les liqueurs, la métaphysique et la rhubarbe, de l'effroi pour la justice et les bêtes enragées. . .

На губахъ стараго эмигранта, который, наклонивъ голову, слушалъ Ростопчина, появилась легкая одобрительная усмѣшка, показывавшая, что онъ вполнѣ оцѣнилъ остроуміе и тонкость услышанной мысли. Но въ глазахъ его промелькнуло и сейчасъ исчезло выраженіе усталости, не скрывшееся однако отъ Федора Васильевича. Ростопчинъ почувствовалъ, что никакими изящными экспромтами, никакими отточенными афоризмами нельзя удивить этого старика, бывшаго собесѣдникомъ Вольтера. Лицо графа Безбородко расплылось въ пріятнѣйшую улыбку; онъ даже зажмурилъ глаза, точно услышалъ звуки бандуры. Почмокавъ губами, онъ представилъ старому эмигранту Штааля — и опять на лицѣ старика появилось такое выраженіе, будто никакое знакомство въ мірѣ не могло доставить ему больше удовольствія. Онъ поклонился незнакомому юношѣ совершенно такъ же, какъ въ свое время кланялся Людовику XV, и просто, увѣренно произнесъ любезную фразу комплимента. Очарованному Штаалю невольно показалось, что, какъ птицѣ естественно пѣть, такъ этому версальскому старику естественно говорить изысканныя тонкія фразы.

Безбородко познакомилъ молодого человѣка и съ нѣкоторыми другими гостями. Представилъ его шталмейстеру Льву Александровичу Нарышкину, брату оберъшенка, владѣльца дачъ «Ба-ба» и «Га-га», извѣстному шутнику и любимцу Екатерины. Представилъ и Гавриилѣ Романовичу Державину, сидѣвшему молча въ углу и мечтавшему о томъ, чтобъ была къ ужину стерлядь. Штааль попытался было сказать знаменитому сочинителю тонкій комплиментъ вродѣ того, который онъ самъ только что услышалъ отъ француза. Но и ком-

плиментъ вышелъ сбивчивый, и Державинъ хмуро посмотрѣлъ на юношу: любилъ быть при дворѣ сановникомъ, а не поэтомъ. Штааль пошелъ бродить по галереѣ, необычайно интересуясь картинами. Иванчукъ точно на зло не подходилъ къ нему: онъ перебѣгалъ отъ одной группы къ другой и вездѣ, оживленно жестикулируя, вступалъ въ бесѣду.

Вдругъ всѣ гости встали и гулъ говора сразу замолкъ. — «Вотъ и матушка», — равнодушно пояснилъ Штаалю поймавшій его снова Безбородко и сталъ грузно пробираться къ появившейся въ дверяхъ, въ сопровожденіи молодого красиваго офицера, невысокой старухѣ. Штааль смотрѣлъ во всѣ глаза на вошедшую и не могъ повѣрить, что передъ нимъ великая Екатерина. Появленію императрицы, по его предположеніямъ, должны были предшествовать драбанты, герольды, пажи. Ничего этого онъ не видѣлъ. А главное, сама Екатерина оказалась совершенно не такой, какой онъ себѣ ее представлялъ. Ничего похожаго въ ней не было ни на Фелицу, ни на ту прекрасную величественную даму, портретъ которой висѣлъ въ кабинетѣ графа Зорича. Была толстая, румяная, усиленно-прямо державшаяся старуха довольно благообразнаго, но очень обыкновеннаго вида, немного похожая на экономку- нѣмку, служившую, недалеко отъ Шклова, въ домѣ помѣщика Киселевскаго. На императрицѣ было парчевое платье такъ называемаго молдаванскаго фасона, украшенное андреевской, георгіевской и владимірской лентами. Она ласково улыбалась мужчинамъ и быстро окидывала взоромъ молодыхъ женщинъ, безпокойно оглядываясь на вошедшаго съ ней молодого офицера. Это былъ князь Платонъ Зубовъ. Со скучающимъ видомъ, зѣвая, онъ разсматривалъ общество, небрежно кивая въ отвѣтъ на почтительные поклоны наиболѣе важныхъ гостей. Впереди Льва Нарышкина къ рукѣ императрицы подходилъ Ростопчинъ. Екатерина улыбнулась ему нѣсколько холоднѣе, чѣмъ другимъ, и ничего не сказала, когда онъ

по придворному цѣловалъ ей руку, не поднявъ послѣдней ни на вершокъ, а низко, на уровень таліи, опустивъ свою голову къ рукѣ императрицы. Штааль могъ еще увидѣть, какъ Ростопчинъ съ достоинствомъ поклонился Зубову, который не удостоилъ его даже самымъ легкимъ кивкомъ въ отвѣтъ; при этомъ желчное геморроидальное лицо Федора Васильевича дернулось, точно отъ остраго припадка зубной боли. Онъ круто повернулся, злобно покосился на окружающихъ и отошелъ. Съ Нарышкинымъ императрица поздоровалась гораздо ласковѣе. Онъ долго, сочно и нѣсколько разъ поцѣловалъ руку Екатерины, а затѣмъ, фамиліарно повернувъ ладонь кверху и замѣтивъ: «ужъ мнѣ, старику, матушка, позволь!», — поцѣловалъ въ то мѣсто, гдѣ бьется пульсъ. Императрица, смѣясь, выдернула руку.

— Будетъ уше тебѣ, старый грѣшникъ, — ласково сказала она.

Штааля поразилъ ея голосъ, совершенно мужской баритонъ, и рѣзкій нѣмецкій акцентъ, и то, что въ верхней челюсти у нея не хватало широкаго передняго зуба, отчего улыбка придавала ей непріятный, очень старческій видъ. Какъ разъ въ ту минуту, когда онъ дѣлалъ это наблюденіе, Безбородко представилъ его императрицѣ. Государыня окинула молодого человѣка съ ногъ до головы довольно продолжительнымъ взглядомъ и, ласково улыбнувшись, протянула ему руку. Онъ очень неловко, совсѣмъ не по придворному, совершилъ обрядъ поцѣлуя, послѣ чего Екатерина — къ большому его смущенію — потрепала его по щекѣ.

— Совсѣмъ ешо мальшикъ, — сказала она, ни къ кому особенно не обращаясь. — Ошень вамъ рада. Надѣюсь, што вамъ моя хишина нравиться будетъ.

Зубовъ хмуро посмотрѣлъ на Штааля, на Безбородко, на императрицу. Штааль поспѣшилъ отретироваться. Къ большому его удивленію, къ нему стали подходить и представляться придворные. Подошли въ числѣ другихъ два одинаковыхъ старичка, которые чет-

верть часа тому назадъ не обратили на него никакого вниманія, и тепло пожали ему руку. А одинъ изъ нихъ даже позвалъ его на обѣдъ.

— Милости прошу къ намъ запросто хлѣба-соли откушать, очень будемъ рады, — съ чувствомъ нѣсколько разъ сказалъ онъ.

Нарышкинъ настойчиво убѣждалъ императрицу прочесть какое-либо изъ ея новыхъ произведеній въ стихахъ. Екатерина, скромно улыбаясь, отказывалась.

— Матушка, благодѣтельница, родимая, золотая, Ваше Величество, — скороговоркой говорилъ Нарышкинъ, — ну, прочти, ну, что тебѣ стоитъ, ну, оживи душу, Бога ради!

Окружавшіе гости единогласно присоединились къ просьбѣ шталмейстера.

— Ну, хоть монологъ Навиліи прочти, — убѣждалъ Левъ Александровичъ. — Батюшки, отцы родные, что за монологъ! Какой монологъ! И зачѣмъ ты Шакеспеару подражаешь? Что противъ тебя Шакеспеаръ! Ну, прочти, ну, вотъ это мѣсто:

Вселившійся давно въ утробу ядъ мою,
Кой производишь толь въ ней лютость всю твою!..

— Ну, какъ дальше? Прочти, родная! Видишь, мы всѣ ждемъ.

Гости точно ждали, застывъ отъ восхищенія. А Гавріилъ Романовичъ Державинъ даже зажмурилъ отъ восторга глаза, услышавъ два прочтенныхъ Нарышкинымъ стиха императрицы.

Екатерина, отказавшись читать свои стихи, любезно заговорила съ французскимъ эмигрантомъ.

— Il paraît que les choses ne vont pas bien chez vous, — сочувственно кивая головой, сказала она. — Quelle infortune, Monsieur! Vous nous direz vos impressions?

— Infandum regina jubes renovare dolorem, — произнесъ съ усмѣшкой старикъ.

Екатерина одобрительно улыбнулась, хотя не поняла ни слова изъ цитаты и даже не разобрала, на какомъ она языкѣ (эмигрантъ произносилъ по французски: энфандомъ режина).

— Comme c'est vrai! — сказала она. — Que vos impressions doivent être intéressantes! Nous vous écoutons, Monsieur.

Эмигрантъ началъ было говорить, но императрица немедленно его перебила; на лицѣ мгновенно замолчавшаго старика проскользнуло изумленіе: онъ не привыкъ къ тому, чтобы его прерывали въ разговорѣ. Екатерина высказала рядъ общихъ соображеній о французской революціи. По ея мнѣнію, движеніе это не представляло серьезной опасности. Тѣмъ не менѣе иностранныя державы должны принять нѣкоторыя мѣры предосторожности — особенно въ дѣлѣ воспитанія подрастающихъ поколѣній: молодежи надо давать самое строгое моральное и религіозное воспитаніе. Надо служить ей примѣромъ. Надо, чтобы молодые люди видѣли передъ собой честную добродѣтельную жизнь. И она съ сожалѣніемъ принуждена констатировать, что, напримѣръ, въ Россіи иностранныя гувернантки далеко не стоятъ на должной высотѣ; въ большинствѣ это женщины безнравственныя, подающія юношамъ и особенно дѣвушкамъ самый дурной примѣръ.

По лицу Ростопчина скользнула злая усмѣшка. Александръ Андреевичъ Безбородко, одобрительно зачмокавъ губами, громко сказалъ: «А что я говорилъ!... Святая истина! Совершенно справедливо!» — и хотѣлъ было самъ произнести — въ развитіе мыслей императрицы и въ связи съ французской революціей — небольшое слово о развратномъ поведеніи иностранныхъ гувернантокъ. Но князь Зубовъ безцеремонно его перебилъ и капризнымъ голосомъ сказалъ императрицѣ:

— Оп-пять сегодня нѣтъ спектакля... Я жел-лаю играть въ рокамболь.

Екатерина безпокойно обернулась и, ласково кивнувъ эмигранту, направилась къ карточному столу. Зубовъ, зѣвая, послѣдовалъ за ней. Всѣ почтительно передъ нимъ разступались. Началась игра. Въ разныхъ углахъ галереи загудѣлъ оживленный разговоръ.

Старый эмигрантъ опять отошелъ къ окну и оттуда обводилъ залу далекимъ безучастнымъ взглядомъ. Его искушенный глазъ потомка десяти придворныхъ поколѣній механически подмѣчалъ все: плохое освѣщеніе дворца, дурные гобелены на стѣнахъ, неловкость прислуги... Въ маленькомъ домикѣ Петра было, по его мнѣнію, больше великодержавности, чѣмъ въ этой поддѣлкѣ подъ что-то, не очень заслуживавшее подражанія. Блескъ и роскошь Эрмитажа, такъ поразившіе Штааля, казались почти бѣдными старику: онъ выросъ при дворѣ Людовика XV, зналъ Версаль съ его сорокамилліоннымъ бюджетомъ и съ четырьмя тысячами человѣкъ штата. Праздники молодыхъ лѣтъ тоскливо вспоминались эмигранту. Онъ думалъ о томъ, что остался на старости безъ пристанища, безъ близкихъ людей, безъ денегъ; думалъ, что ѣхать ему некуда, а жить негдѣ, нечѣмъ и незачѣмъ; что въ этой странной молодой странѣ эти чужіе люди, которые, во многомъ не уступятъ завсегдатаямъ залы Oeuil de Bœuf, такъ же равнодушны къ бѣдствіямъ Франціи, какъ къ тяжелой участи ея изгнанниковъ; что люди эти считаютъ себя его благодѣтелями, да, пожалуй, и правы, ибо человѣкъ, потерявшій родину, — тотъ же нищій. Думалъ, что Эрмитажъ, вѣроятно, рано или поздно постигнетъ участь Версаля, и что урокъ Версаля ничему не научилъ Эрмитажъ. Думалъ, что и самъ онъ совершенно напрасно когда-то ѣздилъ съ Лафайетомъ въ Америку бороться за чью-то свободу: вѣдь и онъ, и Лафайетъ, и другіе свободолюбивые аристократы получили отъ народа такое-же выраженіе благодарности, какъ завзятые, закоренѣлые реакціонеры ... Думалъ, что за Екатерину Россіи придется

платить, какъ теперь они платятъ за гаремы Людовика XV.

И вдругъ ужасное видѣнье сентябрьской рѣзни роялистовъ, раздѣтый изуродованный трупъ милой принцессы Ламбаль, который позорили на его глазахъ, съ необыкновенной ясностью встали въ памяти стараго эмигранта. Лицо его искривилось и поблѣднѣло...

Было десять часовъ вечера. Ужинъ кончился. Кончалась и партія рокамболя. Императрица встала изъ-за стола, шутливо расплачиваясь и поздравляя князя Зубова съ выигрышемъ. Какъ разъ въ эту минуту Безбородко неожиданно взялъ Штааля подъ руку и быстро провелъ его передъ государыней, сказавъ ему тихо и сердито: «держитесь, государь мой, ровнѣе!» Екатерина опять, ласково улыбаясь, подарила молодого человѣка продолжительнымъ взоромъ. Въ ту же минуту Штааль почувствовалъ на себѣ злой, холодный взглядъ красивыхъ глазъ князя Платона Зубова.

Ея Величество, сдѣлавъ три небольшихъ поклона, — налѣво, направо и передъ собой, — уходила съ Зубовымъ во внутренніе аппартаменты. Гости, вставая, шептались.

Въ позолоченной каретѣ графа Безбородко Иванчукъ, противъ обыкновенія, сосредоточенно молчалъ. Зато Александръ Андреевичъ былъ настроенъ чрезвычайно весело. Онъ шутилъ, смѣялся, острилъ. Не доѣзжая до своего дома, графъ вдругъ обнялъ Штааля, защекотавъ лицо молодого человѣка соболями своей шубы, и спросилъ, не нужно-ли ему денегъ.

VIII

Въ этотъ зимній день на десятисаженной высотѣ, открытой ледяному вѣтру, стужа была такъ сильна, что у обоихъ караульныхъ слезы текли изъ глазъ и замерзали на застывшихъ щекахъ. Твердо и грузно шагали караульные по широкой крѣпостной стѣнѣ, стараясь не

приближаться къ краю, точно боялись, какъ-бы вѣтеръ не снесъ ихъ внизъ.

Въ этотъ зимній день мрачная громада Шлиссельбурга внушала еще большій, чѣмъ всегда, ужасъ рѣдкимъ прохожимъ, случайный путь которыхъ лежалъ по льду Ладожскаго озера. Торопливо проходили они мимо острова и, ежась отъ холода и страха, думали объ уютѣ и теплѣ. Въ окрестныхъ селахъ ходили о крѣпости нехорошіе слухи. Говорили, будто привидѣнья спускаются ночью на озеро съ кургана Братской Могилы. Говорили также, что въ крѣпостной стѣнѣ есть гробы-тайники, въ которыхъ замурованы живые люди.

Въ этотъ ранній часъ тусклые огни лучинъ еще не вездѣ были погашены. Солнце не вставало и хмурое небо не подавало людямъ надеждъ. Но крѣпостные порядки считались съ часами, а не съ солнцемъ — и каторжане, «Номеръ 1» и «Номеръ 2», уже заканчивали свою прогулку.

Тюрьма царя Іоанна Антоновича, состоявшая изъ двухъ казематовъ, находилась въ углу Петровской цитадели. Ея крошечная, одноэтажная, занесенная сверху и съ боковъ снѣгомъ постройка примыкала непосредственно къ крѣпостной стѣнѣ, превосходившей ее вышиною въ шесть или семь разъ, и оттого казалась особенно жалкой. Низкая, узкая дверь изъ каземата, гдѣ прожилъ долгіе годы несчастный русскій императоръ, вела на такъ называемый задній дворъ,—небольшой вытянутый четыреугольникъ, тѣсно зажатый между крѣпостной стѣной и длиннымъ внутреннимъ зданіемъ цитадели. Здѣсь было темно, даже въ солнечные дни. Ничто не росло на печальномъ дворѣ. Только криво повисъ надъ нимъ одинокій чахлый кустъ, какимъ-то чудомъ выбившійся межъ каменныхъ громадъ стѣны.

Часовые наверху иногда осторожно подходили къ краю и, убѣдившись, что безпорядка внизу не происходитъ, продолжали свою мѣрную прогулку. Ихъ обязанность въ лѣтнее время заключалась въ томъ, чтобы изрѣдка кричать страшнымъ голосомъ: «Отваливай!..

Застрѣлю!..» рыбакамъ, худыя лодки которыхъ, случалось, слишкомъ близко подъѣзжали къ берегамъ Шлиссельбургскаго острова. Зимой караульные, лишенные и этого развлеченія, маршировали по стѣнѣ молча, пропадая съ тоски. Только въ утреннюю пору, во время получасовой прогулки двухъ человѣкъ, заключенныхъ въ тюрьмѣ царя Іоанна Антоновича, часовые наверху стѣны должны были наблюдать за порядкомъ на заднемъ дворѣ, гдѣ гуляли каторжане: «Номеръ 1» и «Номеръ 2».

«Номеръ 2» гулялъ по двору степенно, часто останавливался, присѣдалъ нѣсколько разъ на корточки и изо всѣхъ силъ хлопалъ, чтобъ согрѣться, руками. Другой заключенный нервно и быстро ходилъ по четыреугольнику двора. Иногда онъ на ходу подносилъ близко къ глазамъ раскрытую книгу, съ которой не разставался даже на прогулкѣ. Эту книгу въ потертомъ черномъ переплетѣ съ золотымъ крестомъ онъ то и дѣло перекладывалъ изъ одной руки въ другую и, болѣзненно подергивая щекой, засовывалъ застывшую руку за пазуху сѣраго, съ черными рукавами, худого арестантскаго полушубка.

Его темные откинутые назадъ волосы, рѣдкіе на лбу и на вискахъ, открывали высокій прекрасный лобъ со странной неправильной дугой бровей, сходившейся надъ орлинымъ носомъ. Глаза его выражали совершенно безнадежную скорбь.

— Очень озябли, б а р и н ъ ? — участливо спросилъ заключенный «Номеръ 2».

— Ничего... Все равно... Благодарю васъ, — пробормоталъ «Номеръ 1» и, переложивъ книгу изъ лѣвой руки въ правую, трясущейся странной походкой быстро зашагалъ вдоль стѣны.

Заключенный «Номеръ 2», профессіональный фальшивомонетчикъ, Савва Сирскій, человѣкъ большого житейскаго ума, поглядѣлъ ему вслѣдъ. Фальшивомонетчикъ много видѣлъ на своемъ вѣку, и удивить его было не легко. Тѣмъ не менѣе, при всемъ желаніи, онъ

никакъ не могъ понять, что за человѣкъ былъ и почему очутился здѣсь его загадочный товарищъ по каторгѣ.

«Номеръ 1» былъ Николай Ивановичъ Новиковъ. Онъ быстро разрушался въ страшномъ казематѣ Іоанна Антоновича. Душевныя силы его и здоровье слабѣли съ каждымъ днемъ. Безъ суда, по слѣдствію Шешковскаго, росчеркомъ пера Екатерины, онъ былъ посаженъ въ Шлиссельбургъ на пятнадцать лѣтъ. Новиковъ понималъ, что не проживетъ пятнадцати лѣтъ въ каторжной тюрьмѣ и подготовлялъ себя къ смерти. Только государственный переворотъ или восшествіе на престолъ Павла могли его освободить; и по ночамъ «Номеру 1» иногда снилось, будто какіе-то заговорщики душатъ на ложѣ разврата императрицу Екатерину. Онъ не могъ молиться объ убійствѣ; но онъ думалъ, что это царствованіе, которое многимъ, со стороны, казалось славнымъ и блестящимъ, было въ дѣйствительности самымъ позорнымъ временемъ въ исторіи Россіи.

Новиковъ хорошо зналъ Екатерину; часовымъ на караулѣ Измайловскаго полка онъ впервые увидѣлъ ее въ день петербургскаго дѣйства... Острая ненависть и отвращеніе къ этой женщинѣ переполняли душу «Номера 1». Онъ молился о томъ, чтобы прекрасный русскій народъ, таящій въ себѣ столько зачатковъ добра, освободился наконецъ отъ очага преступленій, лицемѣрія, лести и разврата, который устроила въ Эрмитажѣ ненавистная цербстская нѣмка. Мысли эти его тяготили. Онъ старался думать о другомъ, обо всѣхъ, кого онъ любилъ въ той жизни, о своей семьѣ, о покойномъ Иванѣ Григорьевичѣ Шварцѣ, о Николаѣ Никитичѣ Трубецкомъ, о Григоріи Максимовичѣ Походяшинѣ. Думалъ онъ также о загробномъ мірѣ. Большую часть дня Новиковъ проводилъ за чтеніемъ — и читалъ почти всегда одно и то же: Нагорную Проповѣдь. Это чтеніе часто его утѣшало, но не всегда. Какъ ни прекрасны и ни возвышенны были чувства, проникавшія книгу въ черномъ переплетѣ съ золотымъ крестомъ, Новиковъ

порою сознавалъ свое душевное расхожденіе съ ней. Онъ могъ любить Савву Сирскаго и относился къ нему по-братски. Могъ любить караульнаго солдата, который приносилъ хлѣбъ въ его холодную камеру, политую слезами законнаго русскаго царя. Могъ любить даже коменданта крѣпости, глуповатаго и плутоватаго полковника Колюбакина. Но заставить себя полюбить Екатерину или Шешковскаго Новиковъ былъ не въ состояніи, все равно какъ не въ состояніи былъ-бы полюбить смертельно ужалившую его и спокойно уползшую гадюку. И сколь ни чужды были ему по духу безбожные, воспитанные на Энциклопедіи, люди, теперь распоряжавшіеся судьбами французской республики, «Номеръ 1» въ самыя тяжелыя свои минуты отъ всей души желалъ имъ успѣха въ той отчаянной борьбѣ, которую эти смѣлые люди вели на жизнь и смерть противъ Бастилій и тирановъ.

IX

День Екатерины, какъ всегда, начался рано. Ровно въ семь часовъ утра ее разбудила Марья Саввишна Перекусихина. Одновременно, изъ стоявшей въ спальнѣ корзинки медленно, съ достоинствомъ, выкарабкалась левретка, по имени Герцогиня Андерсонъ, подошла къ постели императрицы, потянулась, низко опустивъ голову, и, положивъ переднія лапки на край постели, умильно посмотрѣла на хозяйку. Какъ всѣ нѣмки, Екатерина обожала животныхъ. Она порывисто подняла къ себѣ собачку, съ наслажденіемъ ее поцѣловала, заговорила съ ней на томъ непонятномъ, сладкомъ нарѣчіи, на какомъ женщины говорятъ съ животными, и наконецъ положила ее къ себѣ подъ теплое одѣяло, выпустивъ изъ-подъ него только острую мордочку зачавкавшей отъ удовольствія Герцогини. Марія Саввишна гадливо отвернулась и демонстративно толкнула лев-

ретку черезъ одѣяло въ бокъ, подавая царицѣ тарелку съ гладко отшлифованнымъ кускомъ льда. Екатерина вытерла имъ свое лицо, мазнула льдомъ по носу Герцогиню Андерсонъ и покатилась со смѣху. Пріятно вспомнила о красивомъ молодомъ человѣкѣ на среднемъ пріемѣ; затѣмъ спросила Перекусихину, что̀ князь, какъ почиваетъ и ничего-ли съ нимъ не случилось дурного. Оказалось, что съ Зубовымъ ничего не случилось.

— Ништо ему: дрыхнетъ, матушка, усталъ видно вечоръ, — бойко отвѣтила Перекусихина.

Императрица радостно улыбнулась. Онѣ съ Перекусихиной очень любили другъ друга и никогда ни за что одна на другую не обижались.

Спустивъ осторожно на коверъ левретку, Екатерина отправилась умываться. Въ промежуткѣ между разными притираніями, она говорила съ горничной, Катериной Ивановной, и убѣждала ее быть возможно аккуратнѣе въ домашнемъ быту, ибо мужъ, конечно, будетъ взыскивать съ нея строже, чѣмъ она, императрица. Екатерина на людяхъ органически не могла молчать.

— Ты будешь уше увидѣть, Катерина Ивановна, — сказала она и тотчасъ поправилась, — ты уше увидишь: мушъ тебя непремѣнно будетъ бить съ кнутомъ. Это я васъ распустила. Я слишкомъ добрая...

— Ужъ такія добрыя... Вѣкъ за Ваше Величество Бога молимъ, — лѣниво отвѣчала для приличія горничная, очень довольная тѣмъ, что разговариваетъ о своихъ дѣлахъ съ императрицей.

Надѣвши бѣлый гродетуровый капотъ и бѣлый флеровый чепецъ, наклоненный, какъ всегда, налѣво, Екатерина выпила огромную чашку необыкновенно крѣпкаго кофе, накормила изъ своей чашки сливками и сахаромъ Герцогиню Андерсонъ, затѣмъ перешла въ кабинетъ и сѣла за письменный столъ. Секретаря Храповицкаго еще не было. Не являлся пока съ докладомъ о спокойствіи въ городѣ и оберъ-полицеймейстеръ.

Императрица посмотрѣла на часы и вздохнула. Ей очень хотѣлось послать за Зубовымъ, — безъ него всегда было неуютно и неспокойно. Но князь, конечно, еще спалъ, а будить его было жалко.

Императрица надѣла очки и, при видѣ лежавшихъ на столѣ мастерски очиненныхъ перьевъ и большихъ листовъ прекрасной гладкой бумаги, почувствовала хорошо ей знакомое, неопредѣленное безпокойство. Екатерина была такая-же графоманка, какъ и ея мать (только Іоганна-Елизавета писала лучше). Императрица сочиняла басни, сказки, провербы, стихи, комедіи, романы, философскія, педагогическія и политическія статьи. Писала она на разныхъ языкахъ, но всѣми языками владѣла довольно плохо: по нѣмецки нѣсколько разучилась, французскій знала не слишкомъ хорошо, а научиться русскому языку ей не было суждено. Въ это утро она не знала, на чемъ остановить выборъ. Нѣмецкій романъ ея изъ восточной жизни «Обидагъ» былъ давно законченъ. Послѣднюю бытовую комедію изъ русской жизни спѣшно переводилъ съ нѣмецкаго языка Храповицкій (тайкомъ отъ всѣхъ придворныхъ и особенно отъ сочинителей, ибо предполагалось, что императрица пишетъ по-русски). Можно было заняться письмами. Екатерина принялась писать Гримму; но этотъ вѣчный корреспондентъ порядкомъ ей надоѣлъ... Вольтеръ давно умеръ. Съ нимъ въ свое время было пріятно переписываться. Правда, въ началѣ императрица нѣсколько боялась короля писателей, — стиль ея первыхъ писемъ къ нему выправлялъ Андрей Шуваловъ, въ совершенствѣ владѣвшій французскимъ языкомъ. Но потомъ страхъ прошелъ: любезнѣе Вольтера не существовало человѣка на свѣтѣ. Совершенно презирая людей, Вольтеръ, когда не было надобности въ противномъ, говорилъ имъ въ глаза только самыя пріятныя вещи. Онъ хладнокровно осыпалъ императрицу лестью, грубость которой граничила порою съ чудеснымъ. Вольтеръ былъ убѣжденъ въ томъ, что лесть

никогда не бываетъ, да и не можетъ быть, слишкомъ грубой, а въ обращеніи съ женщинами — всего менѣе. Онъ сравнивалъ императрицу съ Божьей матерью, млѣлъ отъ восторга передъ ея ученостью, которой она далеко превосходила, по его словамъ, всѣхъ философовъ міра, и выражалъ въ письмахъ скорбь по поводу того, что не умѣетъ писать по-французски такъ хорошо, какъ она. И хотя почти въ каждомъ изъ подобныхъ писемъ онъ находилъ случай попросить императрицу о какомъ-либо одолженіи, чаще всего денежнаго характера, Екатерина, при всемъ своемъ умѣ и жизненномъ опытѣ, по настоящему наслаждалась его безстыдными похвалами. Вольтеръ въ свою очередь приходилъ въ самое веселое настроеніе духа, читая письма царицы и находя въ нихъ, кромѣ денежныхъ приложеній, совершенно невозможныя парижскія фразы (Екатерина любила писать игриво, бойкимъ, развязнымъ слогомъ). Такими фразами онъ немедленно дѣлился съ пріятелями, вспоминая при случаѣ, по поводу императрицы, разныя ея affaires de famille Вольтеръ въ частности разумѣлъ подъ этимъ названіемъ убійство Петра III (о которомъ, во время его царствованія, онъ писалъ столько же головокружительно лестно). Такимъ образомъ оба корреспондента — императрица и Вольтеръ — были почти всегда вполнѣ довольны другъ другомъ.

Письмо Гримму не выходило. Екатерина отложила его въ сторону и взяла другой листъ бумаги. Ей захотѣлось написать любовное стихотвореніе, непремѣнно по-русски, съ посвященіемъ Зубову. Довольно быстро она набросала нѣсколько строкъ, но остановилась на четвертомъ стихѣ: забыла, какого рода ландышъ, а нужно было употребить эпитетъ.

— «Сребряный ландышъ? Сребряная ландышъ?» — спрашивала она себя. — «Можетъ быть, выкинуть совсѣмъ «серебряный»?.. Нѣтъ, никакъ нельзя. Нужно будетъ узнавать у Гаврила Романовича. Пусть онъ потомъ посмотритъ стихи».

При этомъ она съ досадой вспомнила, что на тещу Гавріила Романовича Державина, за ея поборы съ просителей, опять поступили жалобы. Одна изъ нихъ какъ разъ лежала въ пачкѣ бумагъ, оставшихся со вчерашняго дня.

«Всѣ, всѣ крадутъ! ·Alle sind Diebe!» — сердито подумала императрица.

Крали дѣйствительно очень многіе. Но это обстоятельство собственно не могло особенно тревожить Екатерину, ибо ей и фаворитамъ вполнѣ хватало выпускаемыхъ ежегодно бумажныхъ ассигнацій. А въ государственной казнѣ она брала столько, сколько ей было нужно. Тѣмъ не менѣе иногда воровство чиновниковъ и придворныхъ приводило императрицу въ чрезвычайное раздраженіе: она поднимала крикъ, грозила всѣмъ тюрьмой и каторгой, заливалась слезами, не слушая трагическихъ утѣшеній фаворита, — а черезъ полчаса, успокоившись, посылала куда слѣдуетъ за толстыми пачками новенькихъ ассигнацій, чтобы утѣшить князя Зубова, который, бѣдный мальчикъ, такъ переволновался изъ-за нея и изъ-за общей нечестности чиновниковъ.

Въ той-же пачкѣ оказались счета Гваренги. Императрица внимательно ихъ просмотрѣла и опять съ гнѣвомъ подумала, что ужъ очень безстыдно сталъ Гваренги воровать. Надо-бы прогнать его. Такъ и въ прошломъ году заказалъ зачѣмъ-то въ Италіи мавзолею принцу Ангальтъ-Бернбургскому. Въ Россіи сдѣлали-бы такую-же мавзолею много дешевле.

Отогнавъ отъ себя на время эти мысли, Екатерина спрятала недоконченное стихотвореніе и принялась за бумаги, оставленныя вчера Зубовымъ. Это были доклады и проекты, посланные на заключеніе князя Платона Александровича и возвращенные имъ съ его резолюціями.

«Бѣдный, сколько онъ работаетъ», — подумала государыня, любовно поглядывая на замѣтки фавори-

та, и утвердила, не читая, всѣ его заключенія, написавъ на каждомъ: «быть по сему».

Среди писемъ было одно отъ ея сына, Бобринскаго, но оно не заключало въ себѣ ничего интереснаго: все жалобы на дѣла, на долги, на отсутствіе денегъ. Екатерина быстро и невнимательно его пробѣжала: она не любила своего внѣбрачнаго сына.

Небольшимъ серебрянымъ ключомъ императрица открыла потайной ящикъ, гдѣ лежали самыя интимныя бумаги, и аккуратно положила куда слѣдуетъ письмо Бобринскаго. Когда она раздвинула аккуратно распредѣленные по фаворитамъ, перевязанные шелковыми шнурочками, пакеты интимныхъ писемъ, ей вдругъ подъ руку попался лежащій особнякомъ измятый листъ сѣрой нечистой бумаги съ большими, кривыми, прыгающими буквами, написанными неумѣлой, пьяной рукой. Она вздрогнула, выронила бумагу и схватилась рукой за сердце, которое у нея давно пошаливало. Императрица посидѣла такъ съ полминуты; лицо ея поблѣднѣло, измѣнилось; рѣзко обозначился двойной подбородокъ и вся она сразу какъ будто состарилась лѣтъ на десять. Затѣмъ потянулась къ листу правой рукой, не отнимая лѣвой отъ сердца. Екатерина прочитывала это письмо всякій разъ, когда оно нечаянно попадалось ей подъ руку, хотя тридцать лѣтъ знала въ немъ каждое слово, очертанія каждой буквы. Это было присланное изъ Ропши въ шесть часовъ вечера, шестого іюля 1762 года, письмо, которымъ Алексѣй Орловъ извѣщалъ любовницу своего брата (и свою) объ убійствѣ Петра III:

«Матушка милосердная государыня. Какъ мнѣ изъяснить, описать, что случилось: не повѣришь вѣрному своему рабу. Но какъ передъ Богомъ скажу истину. Матушка, готовъ идти на смерть, но самъ не знаю, какъ эта бѣда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его нѣтъ на свѣтѣ... Но никто сего не

думалъ, и какъ намъ задумать поднять руки на Государя! Но, Государыня, свершилась бѣда. Онъ заспорилъ за столомъ съ княземъ Федоромъ. Не успѣли мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помнимъ, что дѣлали; но всѣ до единаго виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата. Повинную тебѣ принесъ, и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорѣе окончить. Свѣтъ не милъ: прогнѣвили тебя и погубили души на вѣкъ».

Морщины на лицѣ государыни сложились болѣзненно рѣзко. Она долго неподвижно сидѣла въ креслѣ, тяжело дыша и не сводя глазъ съ письма, выпавшаго изъ ея руки. Всѣ подробности петербургскаго дѣйства встали въ ея воображеніи. Но еще страшнѣе этихъ подробностей было то, что могло каждую минуту ее постигнуть. Кто знаетъ, можетъ быть, и противъ нея составленъ заговоръ? И ее могутъ задушить такъ-же просто, какъ задушили мужа... Тѣ же самые люди... И безнаказанно!.. Павелъ еще, пожалуй, наградитъ убійцъ, какъ она осыпала наградами Орловыхъ...

Передъ ней встала въ памяти такъ хорошо знакомая ей, страшная фигура Алексѣя Орлова... Этотъ человѣкъ, который когда-то, угадавъ страстное невысказанное желаніе императрицы, задушилъ ея мужа, впослѣдствіи нерѣдко, многозначительно на нее поглядывая, загадочно говорилъ, что у него остались кое-какія связи въ гвардейскихъ частяхъ. И вспоминая мощную безстыдную фигуру своего любовника, вспоминая, какъ онъ задушилъ Петра (подробности этого убійства знала только она одна), вспоминая, какъ онъ заманилъ и предалъ соблазненную имъ, довѣрившуюся ему княжну Тараканову, вспоминая полускрытую угрозу письма «разыскивать нечего», Екатерина холодѣла отъ ужаса. Кто убережетъ ее? Потемкинъ умеръ... Прежде, за нимъ, было покойно. Онъ-то сумѣлъ-бы защитить ее отъ Орлова и отъ всякихъ заговорщиковъ. А Платонъ — какая отъ него защита?.. Да еще надеженъ-ли онъ

самъ? Не измѣняетъ-ли съ другими женщинами?.. Кто-бы только онѣ, подлыя?

Императрица позвала камердинера Захара Зотова, который, какъ вся прислуга, былъ съ ней въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, — Екатерина умѣла находить общіе интересы съ Захаромъ Зотовымъ и съ Вольтеромъ. Камердинеру было строго приказано зорко примѣчать за княземъ, — особенно, куда ѣздитъ послѣ ужина, когда ужинаетъ не во дворцѣ. Зотовъ обѣщалъ тщательно слѣдить, но клялся всѣми святыми, что князь вѣренъ и никуда послѣ ужина не ѣздитъ.

Екатерина кивнула головой. Зотову она довѣряла, и его мнѣніе очень ее успокоило.

— Сама знаю, что князь мнѣ вѣренъ, — сказала она, — но я хочу, чтобы и ты и всѣ знали. У князя много враговъ...

— Матушка, Ваше Величество, да какъ-же, чтобы враговъ не было! У солнышка-то у нашего... Всѣхъ онъ лучше и краше... Посмотрю, посмотрю, матушка, будьте покойны... Все узнаю... Тутъ, Ваше Величество, Александръ Васильевичъ съ дѣлами дожидается. И Нарышкинъ, Левъ Александровичъ, здѣсь, и полицеймейстеръ...

— Да, да, зови...

Пріемъ происходилъ въ спальнѣ. Императрица усѣлась передъ выгибнымъ столикомъ и позвонила въ колокольчикъ. Оберъ-полицеймейстеру было сухо приказано усилить надзоръ въ городѣ, ибо времена безпокойныя. — «Небось, слышалъ, что во Франціи творится?». Затѣмъ были разомъ допущены секретарь Храповицкій и любимецъ Екатерины (тоже бывшій когда-то, очень недолго, ея любовникомъ) оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, который, когда хотѣлъ, присутствовалъ на докладахъ. Храповицкій вручилъ царицѣ новую ея провербу и русскую бытовую комедію, которыя онъ ночью п е р е п и с а л ъ. Екатерина небрежно его поблагодарила, пошутила насчетъ его полноты и посовѣ-

товала ему принимать холодныя ванны, а противъ мозолей употреблять красный воскъ, тотъ самый, что ей рекомендовалъ графъ Дмитріевъ-Мамоновъ. Нарышкина спросила, не помирился-ли его братъ съ княгиней Дашковой, — ихъ старинная ссора была вѣчнымъ предметомъ ея шутокъ,—и добавила сама, что примирятся они въ тотъ день, когда ученые найдутъ квадратуру циркуля. Затѣмъ пошутивши ровно столько, сколько нужно, императрица заговорила по-французски, показывая этимъ, что пора заняться дѣлами. Храповицкій на томъ твердомъ, отчетливомъ, чуть неестественномъ французскомъ языкѣ, которымъ говорятъ русскіе люди, хорошо этимъ языкомъ владѣющіе, ясно и толково доложилъ важнѣйшія дѣла. Екатерина, очень быстро все сообразивъ своимъ гибкимъ искушеннымъ умомъ, дала точныя, ясныя и толковыя инструкціи для отвѣта. Затѣмъ, помолчавъ, спросила Храповицкаго съ принужденной улыбкой, зачѣмъ собственно пріѣхалъ изъ Москвы князь Прозоровскій. Храповицкій дипломатически уклонился отъ отвѣта, не желая при свидѣтелѣ дурно отзываться о могущественномъ вельможѣ. Онъ отлично зналъ, что Прозоровскій пріѣхалъ просить для себя и для своихъ сотрудниковъ, Архарова, Шешковскаго и Пестеля, награды за истребленіе мартинистовъ. Храповицкій прекрасно понималъ также, что Екатерина это отлично знаетъ сама — и непремѣнно наградитъ князя, хотя дѣлаетъ видъ, будто онъ ей непріятенъ.

— Ты слышала-ли, матушка? — сказалъ по-русски Нарышкинъ, показывая на Храповицкаго пальцемъ, — твой Александръ Васильевичъ самъ изъ мартышекъ, изъ мартинистовъ этихъ, — такъ ихъ, что-ли? Онъ съ Новиковымъ дружокъ, а Радищева грамотѣ училъ, ей-Богу!

— Грѣхъ такъ шутить, Левъ Александровичъ! — воскликнулъ, поблѣднѣвъ, Храповицкій. — Матушка государыня и впрямь подумаетъ...

— Voyons, voyons, — сказала Екатерина. — Еще дѣла какія?

Спросила о томъ, послано-ли письмо Чернышеву въ Римъ, чтобъ и не думалъ заказывать мозаики. И нѣтъ-ли извѣстій о пріѣздѣ графа д'Артуа? И отдѣлывается-ли для него домъ Василія Ивановича Левашева?

— Всѣ французишки къ тебѣ бѣгутъ, матушка,— сказалъ опять по-русски Нарышкинъ. — Вѣрно въ Петербургѣ и въ Сарскомъ слаще жить, чѣмъ у нѣмца. Гнала-бы ты ихъ въ шею. Намедни заходилъ въ кофейню Анри, — французъ на французѣ сидитъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Ваше Величество, —подтвердилъ Храповицкій, — число французскихъ эмигрантовъ, желающихъ поступить на русскую службу, растетъ весьма быстро. Не угодно-ли взглянуть на эту папку? Здѣсь реестръ именъ и прошенія.

— Плюнь на нихъ, матушка, — упрямо по-русски говорилъ Нарышкинъ. — Довольно съ насъ Ришелье, да Ланжерона, да Вербуа, да Эстергази.

— Не вѣдаю, чѣмъ они мѣшаютъ господину оберъ-шталмейстеру, — сердито сказалъ Храповицкій. — А гостепріимство въ обычаѣ народа русскаго. Ласково принимать чужеземцевъ велятъ намъ и нравы древней Руси, и завѣты Великаго Петра.

— Народъ чахлый, тощій: какое тутъ гостепріимство, ни поѣсть съ ними, ни выпить, — пояснилъ нѣсколько сконфуженный Нарышкинъ. — И все ноютъ: L'exil! Chère patrie! И все у насъ не такъ... Ну, и пусть ѣдутъ въ свою шерпатри, къ жакобенамъ... А впрочемъ, твоя воля, матушка. Мнѣ что! По мнѣ пусть хоть совсѣмъ у насъ остаются.

Екатерина задумалась. Ей льстило, что на ея службѣ состоятъ представители знатнѣйшихъ французскихъ родовъ. Льстила и мысль — оказать у себя гостепріимство правнуку Людовика XIV. Но она понимала, что эмигранты хотятъ впутать ее въ трудныя и нисколько ей не нужныя предпріятія. Было-бы го-

раздо лучше, еслибъ помощь Франціи оказывали лишь Прусскій и Австрійскій дворы. Тогда и въ Польшѣ у нея освободились-бы руки.

— Нѣтъ, надо что-либо сдѣлать для эмигрантовъ, — сказала она задумчиво. — Это вопросъ чести. Но въ Петербургѣ имъ всѣмъ безъ дѣла сидѣть, правда, незачѣмъ. Я посылала Ришелье къ принцу Конде: предлагаю ему и всей его арміи поселиться въ Россіи на восточномъ берегу Азовскаго моря. Пусть колонизируютъ нашу пустыню... И денегъ мы имъ на это отпустимъ... Много, правда, нельзя... Самой деньги нужны. А тысячъ триста франковъ на первое обзаведеніе дать можно...

— Такъ къ тебѣ французишки и пойдутъ пустыню пахать, матушка, — сказалъ со смѣхомъ Нарышкинъ. — Держи карманъ.

— Не пойдутъ, не надо. Мы ихъ насильно не тащимъ. Много ихъ очень... Покажите-ка вашу папку... Это все за послѣдніе мѣсяцы?

— Нѣтъ, Ваше Величество, — пояснилъ Храповицкій. — Есть много прошеній отъ 1791 года. Извольте взглянуть: гг. де-Буажеленъ, де-Везотъ, де-Фортенъ. Есть и болѣе раннія. Изволите помнить, Гриммъ хлопоталъ за самого маркиза де-Булье... А иные просились на нашу службу еще до начала революціи. Вотъ, напримѣръ, просьба, вотъ еще, — черезъ генерала Заборовскаго хлопочетъ о пріемѣ въ Россійскую армію какой-то Наполеонъ Буонапарте... Экое имя, прости Господи! — вставилъ онъ по-русски... — Резолюція — отказать: мальчишка просился сразу чуть не въ генералы. Авось, обойдемся безъ него. А теперь такія прошенія поступаютъ ежедневно десятками.

— Люди пригодятся, — сказала Екатерина. — Войны съ Франціей намъ не миновать. Придется послать туда Суворова...

— Матушка! — воскликнулъ Нарышкинъ, хватаясь за карманъ и вытаскивая оттуда бумагу. — Ка-

кую я тебѣ штуку принесъ — и чуть не забылъ, старый дуракъ! Вотъ позабавлю! О Суворовѣ-то... Ты его жену, чай, Варвару Ивановну знаешь? Не живетъ она съ нимъ, да и какъ съ нимъ, помѣшаннымъ, жить? Изволишь помнить, подалъ онъ, давнымъ давно, просьбу о разводѣ въ духовную консисторію. Анъ мнѣ намедни знакомый попъ подарилъ списочекъ съ его просьбы. Послушай, животики надорвешь:

Нарышкинъ принялся читать, въ совершенствѣ подражая сиплому голосу Суворова:

«Бьетъ челомъ генералъ-поручикъ Александръ Васильевичъ сынъ Суворовъ, а о чемъ моя челобитная, тому слѣдуютъ пункты:

1) Соединясь бракомъ 1774 года генваря 16 дня, въ городѣ Москвѣ, на дочери г-на генералъ-аншефа и кавалера, князя Ивана Андреева сына Прозоровскаго, Варварѣ Ивановнѣ, жилъ я безъ нарушенія должности своей, честно почитая своей женой по 1779-й годъ, чрезъ все то время была плодомъ обременена три раза, и отъ перваго бремени только дочь осталась въ живыхъ нынѣ, а отъ прочихъ ради безвременнаго рожденія младенцы измерли.

2) Но когда, въ 1777 году, по болѣзни находился въ мѣстечкѣ Опашнѣ, сперва оная Варвара, отлучась своевольно отъ меня, употребляла тогда развратныя и соблазнительныя обхожденія, неприличныя чести ея, почему со всякой пристойностью отводилъ я отъ такихъ поступковъ напоминаніемъ страха Божія, закона и долга супружества; но не уважая сего, наконецъ, презрѣвъ законъ христіанскій и страхъ Божій, предалась неистовымъ беззаконіямъ явно съ двоюродным племянникомъ моимъ, С.-Петербургскаго полка премьеръ-маіоромъ Николаемъ Сергѣевымъ сыномъ Суворовымъ, таскаясь днемъ и ночью, подъ видомъ якобы прогуливанія, безъ служителей, а съ однимъ означеннымъ племянникомъ одна, по броворамъ, пустымъ садамъ и по другимъ глухимъ мѣстамъ, какъ въ означен-

номъ мѣстечкѣ, равно и въ Крыму въ 1778 году, въ небытность мою на квартирѣ, тайно отъ нея былъ пускаемъ въ спальню; а потомъ и сего года, по пріѣздѣ ея въ Полтаву, оный племянникъ жилъ при ней до 24 дней непозволительно, о каковыхъ ея поступкахъ доказать и уличить свидѣтелями могу, а нынѣ оная Варвара, за отъѣздомъ изъ города Полтавы, пребываетъ въ Москвѣ.

3) И какъ таковымъ откровеннымъ безчиніемъ осквернила законное супружество, обезчестивъ бракъ позорно, напротивъ того я соблюдалъ и храню честно ложе, будучи при желаемомъ здоровьѣ и силахъ, то по такимъ беззаконіямъ съ нею больше жить не желаю»...

Екатерина, откинувшись на спинку бѣлаго штофнаго стула, вздрагивая полнымъ, здоровымъ тѣломъ, беззвучно и безудержно хохотала. Нарышкинъ прекратилъ чтеніе, опустилъ бумагу на колѣни и съ торжествомъ смотрѣлъ то на императрицу, то на ея секретаря.

Храповицкій хмуро молчалъ. Онъ не любилъ Суворова (кромѣ солдатъ, никто его не любилъ), но видѣлъ въ немъ національнаго героя, славу и гордость Россіи. И то, что этотъ великій полководецъ былъ посмѣшищемъ для придворнаго шута, позорившаго знаменитое имя Нарышкиныхъ, и для нѣмки-императрицы, оскорбляло въ немъ патріотическое чувство. «Правы мартинисты: стоитъ для нихъ проливать кровь!», угрюмо думалъ Храповицкій, вспоминая, что мальчишка Платонъ Зубовъ посылалъ Суворову и Румянцеву-Задунайскому всякія военныя наставленія и инструкціи, составленныя въ совершенно неприличномъ, пренебрежительномъ тонѣ. Секретарь старался не смотрѣть на хохотавшую императрицу...

Вдругъ дверь спальной неожиданно растворилась. Безъ доклада, безъ стука, въ комнату вошелъ князь Платонъ Зубовъ. Онъ былъ блѣденъ и раз-

строенъ. Фаворитъ держалъ въ рукѣ распечатанный пакетъ.

Императрица съ восклицаніемъ радости бросилась навстрѣчу вошедшему.

Нарышкинъ и Храповицкій встали и почтительно поклонились.

— Ваше Величество, — сказалъ по-французски Зубовъ, зачѣмъ-то понижая голосъ, — изъ Европы получены очень дурныя вѣсти. 10-го января, въ 10 часовъ утра, въ Парижѣ казненъ король Людовикъ XVI...

Звонкій смѣхъ Екатерины осѣкся.

Въ комнатѣ внезапно наступила мертвая тишина. Храповицкій перекрестился. Нарышкинъ поблѣднѣлъ и грузно опустился на стулъ.

Вдругъ истерическій крикъ вырвался изъ груди императрицы. Зубовъ бросился къ ней и поддержалъ ее за талію: ему показалось, будто она лишается чувствъ. Но это не былъ обморокъ. У Екатерины начался припадокъ истерики.

— Зовите врача! — вскрикнулъ князь.

Въ спальнѣ произошла суматоха. Черезъ минуту горничныя раздѣвали царицу и укладывали ее въ постель. Марья Саввишна принесла тарелку со льдомъ. Прибѣжала, виляя хвостомъ, Герцогиня Андерсонъ, очень довольная суматохой. Появился лейбъ-медикъ Роджерсонъ, съ флакономъ солей. Императрица съ перекосившимся лицомъ истерически кричала что-то на разныхъ языкахъ. Кричала, что нужно истребить поголовно всѣхъ французовъ; что она пошлетъ на Парижъ Суворова mit Kosaken; что всѣ народы Европы должны принять православіе, которое одно можетъ ихъ уберечь отъ заразы, посѣянной проклятымъ Вольтеромъ; что противъ ея жизни составленъ гнусный заговоръ; что ее хотятъ задушить, но она все видитъ, знаетъ всѣхъ заговорщиковъ и еще имъ себя покажетъ. Грозила казнями философамъ, мартинистамъ, Радищеву; вспоминала Потемкина и Григорія

Орлова; приказывала усилить стражу во дворцѣ и пододвинуть поближе лучшія гвардейскія части.

Князь Зубовъ находился при императрицѣ безотлучно. Всѣ пріемы и праздники были отмѣнены. Совершенно секретно князь вызвалъ къ себѣ оберъ-полицеймейстера и долго внимательно разспрашивалъ его о настроеніи умовъ въ столицѣ.

X

Въ придворныхъ и правительственныхъ кругахъ Петербурга извѣстіе о казни французскаго короля произвело сильное впечатлѣніе, главнымъ образомъ потому, что оно такъ потрясло государыню. Екатерина заперлась въ своихъ аппартаментахъ и большую часть дня проводила въ постели. Допускались къ ней лишь самые близкіе люди. На вопросъ о томъ, какъ Ея Величество изволитъ себя чувствовать, императрица отвѣчала: «и з р я д н о» или «о т м ѣ н н о» (она любила такія слова и даже говорила иногда «л и х ъ», чѣмъ въ свое время крайне раздражала князя Потемкина, который немедленно, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ, повторялъ чисто русскія выраженія государыни, удивительно передавая ея нѣмецкій акцентъ). Но видъ у государыни былъ дурной, лицо желтое, глаза заплаканные. Разсказывали по секрету, что въ одинъ изъ этихъ дней, спускаясь внизъ въ м ы л ь н ю, она внезапно лишилась чувствъ, упала и скатилась по лѣстницѣ. Съ близкими людьми Екатерина говорила почти исключительно о казни короля и съ тупымъ упорствомъ, которое свойственно самымъ умнымъ женщинамъ, когда онѣ говорятъ о политикѣ, все повторяла одно и то же: „Il faut absolument exterminer jusqu'au nom des Français.“ Очень поразила ее появившаяся въ какой-то иностранной газетѣ таблица, отмѣчавшая странную роль 21-го числа въ

жизни Людовика XVI: 21 апрѣля 1770 г. состоялась его свадьба въ Вѣнѣ; 21 іюня того-же года было свадебное торжество въ Парижѣ; 21 января 1782 г. праздновали рожденіе дофина; 21 іюня 1791 г. король бѣжалъ въ Вареннъ; 21 сентября 1792 г. была уничтожена монархія во Франціи и 21 января 1793 г. послѣдовала кончина несчастнаго короля. Екатерина стала соображать, не было-ли роковой даты въ ея собственной жизни, но ничего такого не нашла. Только Храповицкій обратилъ вниманіе государыни на одно куріозное стеченіе обстоятельствъ: казнь Емельки Пугачева состоялась также 10 (21) января — какъ разъ въ тотъ самый день, что и злодѣйское умерщвленіе французскаго монарха. Это куріозное стеченіе обстоятельствъ очень не понравилось императрицѣ.

Зубовъ во время нездоровья Екатерины совсѣмъ перебрался къ ней и почти не спускался въ малый этажъ, гдѣ находились его собственные аппартаменты. Любимцы князя съ умиленіемъ говорили о той нѣжной преданности, которую обнаружилъ Платонъ Александровичъ въ эти тяжелые дни. По ихъ сіяющимъ лицамъ всѣмъ стало ясно, что положеніе князя крѣпче крѣпкаго. Да и въ самомъ дѣлѣ, принявъ въ разсчетъ состояніе здоровья и настроеніе духа императрицы, трудно было ожидать появленія новаго фаворита. Холодокъ около Александра Андреевича Безбородко нѣсколько усилился. Графъ ходилъ чрезвычайно озабоченный и своимъ видомъ самъ какъ будто свидѣтельствовалъ о понесенномъ имъ пораженіи.

Въ дѣйствительности, мысли Александра Андреевича начинали принимать новый оборотъ. Послѣ извѣстія о болѣзни государыни, графъ, немного подумавъ, зазвалъ къ себѣ на обѣдъ лейбъ-медика Роджерсона. Передъ этимъ обѣдомъ, происходившимъ въ маленькой столовой, гдѣ были поставлены только два прибора, Александръ Андреевичъ самъ спустился съ ключами въ погребъ и принесъ оттуда бутылку стараго

каштелянскаго меда; отъ котораго, по украинской традиціи, въ свое время развязывался языкъ у самого Мазепы, — хотя прославленный гетманъ выпить былъ мастеръ, а болтать зря не любилъ. Надежды графа, связанныя съ предательскими свойствами этого чудеснаго напитка, оправдались. Послѣ перваго стакана меда угрюмый Роджерсонъ повеселѣлъ, а послѣ второго—разстегнулъ жилетъ и сталъ называть Александра Андреевича „dear, dear friend". Тогда Безбородко налилъ ему третій стаканъ и вскользь незамѣтно навелъ разговоръ на тему о легкой болѣзни Ея Величества. Роджерсонъ, похлопавъ графа по колѣнкѣ, объявилъ, что здоровье государыни оставляетъ желать лучшаго. Природой посланъ, конечно, Ея Величеству превосходный организмъ. Но все-же годы, заботы и... (Роджерсонъ замялся, несмотря на два стакана меда)... и труды сильно подорвали ея крѣпкую натуру. Правда, эта тема съ давнихъ поръ объявлена совершенно запретной, но онъ, Роджерсонъ, можетъ сказать графу, какъ шотландскій джентльменъ русскому джентльмену, какъ лейбъ-медикъ императрицы министру Совѣта, — что съ Ея Величествомъ можетъ каждую минуту случиться несчастье.

Безбородко сильно призадумался послѣ разговора съ Роджерсономъ. Ему представилась маленькая фигурка Павла Петровича, его вздернутый носъ и бѣгающіе, безпокойные глазки. Вспомнилось и то, что великій князь въ свое время объяснилъ герцогу Тосканскому, какъ онъ намѣренъ поступить, по восшествіи на престолъ, съ фаворитами своей матери: «велю ихъ высѣчь, уничтожу и выгоню». Александру Андреевичу стало нехорошо; онъ подумалъ, что впутывается съ Штаалемъ въ очень опасную игру. Шансовъ выиграть ее противъ проклятаго Зубова было теперь немного; а будущему императору эта новая исторія могла очень не понравиться. Графъ все больше приходилъ къ мысли, что едва-ли не настало время понемногу пере-

ставить свою карьеру на карту Павла Петровича. Рискъ былъ совершенно несоизмѣримъ: при Екатеринѣ Александръ Андреевичъ могъ въ худшемъ случаѣ потерять должность; при Павлѣ-же легко было угодить въ Сибирь. Между тѣмъ графъ располагалъ вѣрнымъ способомъ заслужить милость наслѣдника престола даже безъ посредства Федора Васильевича Ростопчина.

Какъ первый секретарь императрицы, Безбородко — одинъ изъ очень немногихъ сановниковъ — зналъ, гдѣ хранится въ ея бумагахъ пакетъ, перевитый черной лентой, съ надписью: «Вскрыть послѣ моей смерти въ сенатѣ». Александръ Андреевичъ имѣлъ основанія думать, что въ пакетѣ этомъ находится завѣщаніе Екатерины, содержащее въ себѣ актъ объ устраненіи Павла отъ престола и о передачѣ послѣдняго Александру. Безбородко не переоцѣнивалъ значенія этой бумаги: онъ думалъ, что устранить наслѣдника путемъ секретнаго завѣщанія далеко не такъ просто: царей вообще лишаютъ престола иначе. И Александру Андреевичу приходило въ голову, что не худо-бы въ день великаго несчастья, вмѣсто передачи пакета, перевитаго черной лентой, въ Сенатъ, вручить этотъ пакетъ самому Павлу Петровичу. Такимъ образомъ можно было-бы заслужить не только прощеніе старыхъ грѣховъ, но и большую царскую милость. Обдумывая это дѣло, Александръ Андреевичъ пришелъ къ мысли, что надо пока занять очень осторожную, выжидательную позицію и отнюдь не раздражать Павла. Не мѣшало даже уѣхать въ продолжительный отпускъ — въ Москву или заграницу. Во всякомъ случаѣ было ясно, что теперь, въ пору траура, съ отмѣной праздниковъ и пріемовъ, у больной, нервной государыни Штааль имѣлъ очень мало шансовъ на рѣшительный успѣхъ; а потому мозолить людямъ глаза въ Петербургѣ ему было незачѣмъ, — обо всей этой исторіи уже ходило много разговоровъ въ столицѣ.

Съ другой стороны, на случай перемѣны настроенія, не мѣшало на запасъ имѣть противъ Зубова эту комбинацію; да и ссориться съ Зоричемъ Александру Андреевичу тоже не хотѣлось. Житейскій опытъ подсказалъ графу самый лучшій выходъ изъ положенія. Нужно было милостиво и ласково отослать Штааля съ какой-либо временной миссіей заграницу; а Зоричу написать, что по нездоровью государыни ихъ дѣло откладывается на нѣкоторое время.

Разныхъ миссій въ чужіе края у Александра Андреевича было всегда достаточно. Въ царствованіе императрицы Екатерины иностранная коллегія то и дѣло посылала заграницу небогатыхъ молодыхъ дворянъ — больше для того, чтобы дать имъ возможность посмотрѣть европейскія столицы и пріучиться къ серьезнымъ дѣламъ. Чаще всего отправлялись курьеры въ Лондонъ, особенно послѣ того, какъ русскій посланникъ Воронцовъ установилъ съ Питтомъ прекрасныя отношенія, вмѣсто прежнихъ очень дурныхъ. Въ Лондонъ Безбородко надумалъ послать и Штааля; хотѣлъ при случаѣ напомнить о себѣ своему старинному сослуживцу Воронцову, съ которымъ, какъ и съ Ростопчинымъ, теперь слѣдовало поддерживать особенно хорошія отношенія. Генералъ-поручикъ графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, еще со временъ государственнаго переворота 1762 года, когда онъ съ оружіемъ въ рукахъ отстаивалъ права Петра III, и въ продолженіи всего царствованія Екатерины, считался въ оппозиціи двору. Онъ имѣлъ такимъ образомъ большіе шансы на милость Павла Петровича.

Штааль съ восторгомъ принялъ предложеніе отправиться заграницу. Правда, жизнь въ Петербургѣ очень ему нравилась; но его еще больше прельщали возможность посмотрѣть чужіе края и особенно секретная дипломатическая миссія, о которой министръ сказалъ ему нѣсколько словъ съ видомъ чрезвычайно важнымъ и таинственнымъ. Молодой человѣкъ чувство-

валъ искреннюю благодарность къ судьбѣ: онъ явно шелъ по пути, указанному великимъ Декартомъ. Однако, безъ разрѣшенія Семена Гавриловича Штааль не считалъ возможнымъ уѣхать заграницу. Но это Александръ Андреевичъ взялъ на себя. Зоричу были немедленно посланы два письма: одно, умоляющее, отъ самого Штааля, другое, политическое, отъ графа Безбородко. Очень скоро изъ Шклова пришелъ благопріятный отвѣтъ. Семенъ Гавриловичъ, очень много выигравшій въ ту пору въ карты, соглашался съ доводами министра, поздравлялъ своего воспитанника съ началомъ карьеры, благословлялъ его въ дорогу и на скорое возвращеніе въ Петербургъ, да вдобавокъ посылалъ въ подарокъ немалую сумму денегъ, хотя молодой человѣкъ ѣхалъ на казенный счетъ. Безконечно обрадованный Штааль, оставшись наединѣ съ Безбородко, закрывши наглухо всѣ двери, попросилъ графа ознакомить его съ довѣряемой ему секретной миссіей и вручить соотвѣтствующую на этотъ счетъ инструкцію (это слово онъ выговорилъ съ особенной любовью). Александръ Андреевичъ, не моргнувъ глазомъ, тутъ-же придумалъ секретную миссію. Онъ поручилъ Штаалю совершенно конфиденціально выяснить настроенія французскихъ эмигрантовъ въ Лондонѣ, а также отношеніе къ нимъ Великобританскаго правительства. Письменной инструкціи, по словамъ Безбородко, для этого дѣла не требовалось: онъ всецѣло довѣрялъ уму и опыту Штааля. А впрочемъ предписывалъ ему во всемъ слушаться указаній Семена Романовича Воронцова. Александръ Андреевичъ снабдилъ молодого человѣка партикулярнымъ письмомъ къ русскому посланнику въ Лондонѣ. Другое партикулярное письмо къ Воронцову далъ Штаалю, по просьбѣ министра, Ростопчинъ, тоже хорошо рекомендовавшій юношу: Федоръ Васильевичъ любилъ покровительствовать очень молодымъ, еще не знающимъ жизни, людямъ.

За нѣсколько дней до отъѣзда Штааля къ нему неожиданно явился весьма щеголеватый господинъ, не то грекъ, не то итальянецъ, по фамиліи Альтести, первый секретарь князя Зубова. Въ самыхъ любезныхъ, милостивыхъ выраженіяхъ онъ объявилъ молодому человѣку, что Его Сіятельство вполнѣ одобряетъ выборъ дипломата, сдѣланный для столь важной и отвѣтственной миссіи графомъ Безбородко. Съ своей стороны князь рекомендуетъ Штаалю не торопиться съ возвращеніемъ въ Петербургъ; совѣтуетъ очень тщательно изучить настроенія французской эмиграціи и прислать о нихъ подробнѣйшій письменный докладъ. Зубовъ разрѣшалъ даже молодому дипломату непосредственно обращаться съ докладами къ нему, минуя всѣ инстанціи. Съ своей стороны, онъ давалъ Штаалю письма къ Питту и къ лорду Гренвиллю. — «Вамъ извѣстно, милостивый государь, — добавилъ небрежно Альтести, — что Питтъ ни въ чемъ не можетъ отказать князю.»

Штааль былъ немало смущенъ и важностью тѣхъ знаменитыхъ людей, къ которымъ ему давались письма, и неожиданнымъ расположеніемъ Зубова: на вечерѣ въ Эрмитажѣ ему показалось, будто онъ не понравился князю. Молодой человѣкъ разсказалъ Александру Андреевичу о визитѣ Альтести. Безбородко усмѣхнулся и тутъ-же съ усмѣшкой продиктовалъ Штаалю отвѣтное письмо Зубову: въ немъ Штааль самымъ почтительнымъ образомъ благодарилъ князя за довѣріе, обязывался въ точности выполнить инструкцію, со всѣмъ требуемымъ службой рвеніемъ, въ возможно непродолжительный срокъ, и обѣщалъ немедленно по возвращеніи въ Петербургъ повергнуть къ стопамъ Ея Величества политическій докладъ, указанный мудрыми предначертаніями Его Сіятельства. Александръ Андреевичъ даже зачавкалъ губами отъ удовольствія, сочинивъ этотъ ехидный отвѣтъ. Онъ самъ запечаталъ

письмо и сказалъ, что отошлетъ его князю послѣ отъѣзда Штааля.

Молодой дипломатъ былъ съ утра до ночи наверху блаженства. Еще никогда онъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи такихъ огромныхъ денегъ, какъ теперь, и, преисполненный радостью жизни, ни въ чемъ не отказывалъ ни другимъ, ни себѣ. Иванчукъ перехватилъ у него до будущаго четверга порядочную сумму; а раза два весь кружокъ веселящейся молодежи кутилъ цѣлую ночь на его счетъ. Зато Штааль пріобрѣлъ популярность, былъ на ты съ двумя камергерами и имѣлъ опытныхъ друзей, которые охотно давали ему самые полезные совѣты. Одинъ старый дипломатъ, Носковъ, изъѣздившій всю Европу, послѣ второй бутылки шампанскаго, записалъ даже для Штааля весь маршрутъ его поѣздки — съ указаніемъ въ каждомъ городѣ лучшихъ гостинницъ, театровъ, ресторановъ и веселыхъ домовъ. Въ Парижѣ Штааль долженъ былъ остановиться въ Hôtel des Trois Mylords, завтракать въ Café Foy, обѣдать въ La Grotte Flamande, любоваться мадемуазель Рокуръ въ Mérope, Ларивомъ въ Hercule sur le Mont-Etna, а даму долженъ былъ искать, разумѣется, въ Палэ-Роялѣ, лучше всего въ Variétés Amusantes. Заговоривъ о Палэ-Роялѣ, Носковъ сильно расчувствовался и со слезами въ голосѣ пропѣлъ: „Chacun y prend son régal, ce n'est qu'au Palais-Royal, ce n'est qu'au Palais-Royal“... Только когда все уже было записано, онъ неожиданно вспомнилъ, что Парижа Штааль никакъ не увидитъ, ибо короля больше нѣтъ, во Франціи правятъ жакобэны и попасть туда совершенно невозможно. Дипломатъ залился слезами и проклялъ французскую революцію.

Штааль впрочемъ отнюдь не думалъ, что ему не придется побывать въ Парижѣ. Онъ просто не могъ себѣ этого представить. Правда, французская граница была закрыта, поѣздки въ революціонную страну

строжайше запрещены императрицей, дипломатическія сношенія съ Франціей прерваны, а съ французовъ, оставшихся въ Россіи, даже взята торжественная подписка, въ которой они свидѣтельствовали свое отвращеніе къ революціи и вѣрность престолу Бурбоновъ. Тѣмъ не менѣе Штааль былъ въ душѣ увѣренъ, что попадетъ въ Парижъ, переживающій такое интересное историческое время, и попадетъ не какъ-нибудь, а съ шумомъ. Свою роль во Франціи онъ представлялъ себѣ различно. Иногда онъ былъ жакобэномъ, произносящимъ громовую рѣчь въ Конвентѣ (но это, вѣроятно, слишкомъ-бы огорчило императрицу и Зорича, а потому было неудобно). Иногда онъ, напротивъ, укрощалъ революцію мирнымъ способомъ и становился благодѣтелемъ всего міра. Иногда онъ, наконецъ, вмѣстѣ съ Суворовымъ (или даже вмѣсто него), грознымъ контръреволюціоннымъ вождемъ вторгался въ Парижъ во главѣ доблестной русской арміи, спасалъ королеву, судилъ цареубійцъ и безпощадно разстрѣливалъ Марата. Но во всякомъ случаѣ въ Парижѣ онъ долженъ былъ себя показать. Никакая слава не установлена окончательно до ея признанія Парижемъ.

Штааль цѣлые дни дѣлалъ необходимыя покупки. Сшилъ себѣ много платья, по самой новой модѣ, привезенной недавно изъ за-границы извѣстнымъ щеголемъ, княземъ Борисомъ Голицынымъ; обзавелся и великолѣпными галстухами, закрывавшими шею до подбородка, — это тоже было послѣднее слово моды. Ѣхать онъ рѣшилъ съ удобствами. Купилъ прекрасную дорожную карету съ модными круглыми стеклами и, разумѣется, серебряный погребецъ. Дипломатъ Носковъ намѣтилъ ему списокъ напитковъ, которые надлежало имѣть въ погребцѣ. Большинства этихъ напитковъ Штааль не зналъ, но ему нравились ихъ звучныя названія. Купилъ онъ также въ Англійскомъ Магазинѣ шкатулку съ потайнымъ замкомъ для секретныхъ бумагъ, пару пистолетовъ съ золо-

той насѣчкой, великолѣпную саблю съ дамасскимъ клинкомъ, дорогой толедскій кинжалъ и много другихъ нужныхъ въ дорогѣ вещей... Вещи онъ любилъ страстно — какой-то обезьяньей любовью.

Рано утромъ къ подъѣзду ночного ресторана Ліона подкатила собственная коляска Штааля. Кончился поздній ужинъ. Молодой дипломатъ очень лихо, не хуже чѣмъ могъ-бы это сдѣлать самъ Борисъ Голицынъ, расцѣловалъ на прощанье цыганку Настю, которая была ему очень противна (тогда цыгане какъ-разъ начинали входить въ моду), подарилъ ей на счастье пятьдесятъ рублей, слегка, впрочемъ, пожалѣвъ объ этихъ деньгахъ, и горячо простился съ друзьями. Вооруженный съ головы до ногъ, запахнувъ дорогую доху, Штааль сѣлъ въ собственную коляску; еще разъ нащупалъ подъ дохой сумку съ деньгами и пистолеты; удостовѣрился въ цѣлости шкатулки съ секретнымъ замкомъ и закричалъ ямщику: «Съ Богомъ! Трогай!» — совершенно такъ, какъ это дѣлалъ, по слухамъ, отправляясь въ походъ, фельдмаршалъ Румянцевъ-Задунайскій.

XI

«Ѣзда на островъ любви, переводъ съ французскаго въ Гамбургѣ черезъ студента Василья Тредьяковскаго, съ прибавленіемъ стиховъ переводчика на разные случаи. Изданіе второе. Санктъ-Петербургъ».

Штааль захлопнулъ книгу. Теперь, при въѣздѣ въ Кенигсбергъ, читать было во всякомъ случаѣ поздно. Сочиненіе это, случайно захваченное съ «Жилблазомъ» и «Путеводителемъ къ счастію», регулярно вынималось изъ ручного чемодана на каждой станціи; но дальше заглавія молодой путешественникъ не пошелъ. Читать ему не хотѣлось. Его предупреждали, что въ дорогѣ безъ общества должно быть скучно, —

и онъ старался скучать. Но, точно на зло, въ теченіе всей поѣздки ему было чрезвычайно весело — отъ свободы, отъ секретной миссіи, отъ погребца, отъ девятнадцатилѣтней крови. Онъ и дневника не велъ въ дорогѣ, но зато, собираясь вести дневникъ, старался думать литературно и мысленно вырабатывалъ себѣ слогъ.

«Жаль, что не было въ пути никакихъ случаевъ и произшествій...Вѣдь напали внезапно на Декарта разбойники... Славно онъ, у Байе, обнажилъ шпагу и укротилъ злодѣевъ... Кажется, и Юлію Цезарю случилось на морѣ что-то такое... Въ желтенькомъ учебникъ исторіи это было на лѣвой страницѣ снизу... Скверный желтенькій учебникъ... И слава Богу, что больше никогда не будетъ экзаменовъ. Впрочемъ, той дѣтской ажитаціи и радости отъ хорошихъ балловъ, право, жаль... Какой однако вздоръ лѣзетъ порою въ голову... А вѣдь это уже городъ Кенигсбергъ, Европа... Ну, худая Европа, а все-таки Европа... И правда, чистенькіе домы... А это что-же: улица вымощена дикимъ камнемъ справа и слѣва — прохожіе идутъ не посрединѣ, а только съ боковъ... Ахъ, это и есть нѣмецкіе т р о т у а р ы, о которыхъ говорилъ Носковъ... Да, по всему видно, Европа... Теперь произшествій ждать нечего... Экая досада! Даже дорогой нигдѣ не прошибались, и со смотрителями ничего ни разу не выходило... Носковъ говорилъ, что смотрителей надо непремѣнно бить по мордѣ. Какъ же я могъ ихъ бить по мордѣ, если они сразу давали лошадей! И вообще — съ какой стати бить людей по мордѣ?... А все-таки противъ Невскаго эти узенькія улицы никуда... Сейчасъ, вѣрно, подъѣдемъ къ гостинницѣ... Разумѣется, надо будетъ нумеръ занять самый лучшій... Дипломату Ея Величества нельзя останавливаться въ нумерѣ средней руки: это роняетъ престижъ отечества... Потомъ баня, потомъ обѣдъ. Спросятъ пашпортъ и подорожную. Bitte sehr: русскій дипломатъ Штааль, такой пашпортъ показать не

стыдно . . . А могу-ли я еще говорить нѣмецкимъ языкомъ? Едва ли, однако, все позабылъ . . . Въ гостинницѣ, вѣроятно, останавливаются тутошніе рыцари . . . Вѣдь въ Пруссіи еще сохранились риттеры. Если придется пожить дня два, познакомлюсь, какіе-такіе нѣмецкіе риттеры . . . Да, вотъ, кажется и пріѣхали . . . Ну, да, пріѣхали . . . Изрядная гостинница . . .»

Гостинница оказалась почти такой, какой ее воображалъ Штааль. И крыльцо, выстланное желѣзной окалиной, и передняя съ чучелами звѣрей, и большой номеръ необычной для русскихъ постоялыхъ дворовъ чистоты, и длинная низкая столовая съ огромнымъ каминомъ, гдѣ в е с е л о т р е щ а л ъ огонь, — все было совершенно какъ слѣдуетъ. Рыцарей, правда, въ столовой, не оказалось: обѣдала только, за большимъ столомъ, компанія нѣмецкихъ купцовъ. Штааль, немного недовольный тѣмъ, что у него никто не спросилъ подорожной, подошелъ къ длинной стойкѣ столовой. У стойки нарѣзывала разныя belegte и illustrierte Brödchen очень хорошенькая, совсѣмъ молоденькая блондинка, которая привѣтливо улыбнулась молодому человѣку. Хотя Штаалю было довольно противно сочетаніе твердыхъ разрыхленныхъ яицъ съ кильками, сыромъ и салатомъ, онъ попросилъ барышню дать ему иллюстрированный хлѣбецъ, и съ удовольствіемъ убѣдился въ томъ, что сравнительно легко составляетъ болѣе или менѣе сложныя нѣмецкія фразы. Затѣмъ молодой человѣкъ занялъ мѣсто за отдѣльнымъ круглымъ столикомъ, накрытымъ бѣлоснѣжной скатертью грубоватаго полотна, передъ приборомъ съ разными игривыми рисуночками и поучительными изреченіями. Барышня проводила его глазами и послѣдовала за нимъ къ столику.

— Was wünscht der gnädige Herr? — спросила она ласково.

Штааль немедленно потребовалъ бутылку замороженнаго шампанскаго. Заказъ этотъ произвелъ по-

трясающее дѣйствіе. Барышня широко раскрыла глаза и робко разъяснила, что французскаго З е к т а они не держатъ, но если gnädiger Herr'у угодно подождать, то можно послать за Зектомъ въ лавку на Französische Strasse. У нихъ же въ погребѣ есть въ большомъ выборѣ самое лучшее, старое рейнское вино. Штааль согласился подождать и скоро дѣйствительно въ столовую принесли бутылку, завернутую въ чистую бѣлую бумажку и перевязанную розовой ленточкой. Черезъ нѣсколько минутъ вся гостинница знала, что пріѣхавшій изъ Петербурга въ собственной удивительной коляскѣ русскій, безъ всякого радостнаго или торжественнаго повода, заказалъ къ Abendbrot'у бутылку Зекта. Къ концу вечера это зналъ весь кварталъ и съ почтительнымъ недоумѣніемъ повторялось: „Diese Russen!"

Хорошенькая барышня была дочь хозяина-вдовца. Ее звали Гертрудой. Она сама не подавала и не готовила блюдъ, а только принимала отъ гостей заказы, немедленно вписывала ихъ въ какую-то, лежавшую на стойкѣ, толстую переплетенную книгу, и повидимому имѣла общее наблюденіе за хозяйствомъ: двѣ молодыя, краснощекія служанки часто дружелюбно съ ней шептались. Одна изъ нихъ, подавъ Штаалю заказанный имъ о к р о в а в л е н н ы й р о с т б и ф ъ, внезапно, безъ видимой причины, прыснула со смѣху, закрыла голову передникомъ и убѣжала къ фройлейнъ Гертрудѣ. Обѣ залились у стойки сумасшедшимъ хохотомъ. Къ нимъ тотчасъ направилась прислуживавшая купцамъ вторая служанка, которая закрылась передникомъ и стала хохотать еще по дорогѣ. Купцы въ свою очередь развеселились, а затѣмъ потребовали разъясненія причины веселья; узнавъ же эту причину, оглянулись на Штааля, захохотали, сказали разомъ „Grossartig!" и сгоряча потребовали шесть новыхъ кружекъ пива. Фройлейнъ Гертруда, очевидно опасаясь, какъ бы не обидѣлся русскій гость, опять подошла къ

Штаалю и застѣнчиво объяснила ему, что общее веселье вызвалъ одинъ замѣчательный вицъ, который сказала эта глупая Маргарита. „Der gnädige Herr soll das nicht übel nehmen". Но Штааль и не думалъ обижаться — въ доказательство чего счелъ нужнымъ предложить фройлейнъ Гертрудѣ бокалъ или точнѣе кружку тепловатаго шампанскаго. Это предложеніе было принято съ почтительнымъ восторгомъ, въ равной мѣрѣ относившимся къ цѣнѣ вина и къ щедрости гостя. Начался разговоръ. Черезъ нѣсколько минутъ Штаалю было извѣстно, что фройлейнъ Гертрудѣ семнадцать лѣтъ и что она училась два года въ мѣстной Töchterschule. А фройлейнъ Гертруда узнала, что gnädiger Herr — русскій дипломатъ, имѣющій секретную миссію въ Лондонъ, и что ему двадцать четыре года. Послѣднее сообщеніе встрѣтило, впрочемъ, съ ея стороны нѣкоторое недовѣріе. Къ концу обѣда они были друзьями. Подошелъ къ столику Штааля и отецъ фройлейнъ Гертруды, тоже выпилъ съ почтительнымъ восторгомъ кружку тепловатаго Зекта и очень мило поговорилъ съ русскимъ гостемъ: похвалилъ Россію за ея громадную величину и выразилъ удивленіе передъ мудростью императрицы Екатерины, которую маленькой дѣвочкой видѣла въ Цербстѣ двоюродная тетка его покойной жены.

Было сказано нѣсколько словъ и о войнѣ съ Франціей. По всему было видно, что въ этомъ дѣлѣ хозяина волнуетъ главнымъ образомъ вопросъ о наборѣ рекрутовъ. Революціей же онъ интересовался чрезвычайно мало и даже къ самому факту ея относился какъ будто нѣсколько недовѣрчиво. Затѣмъ Штааль спросилъ хозяина, не знаетъ ли онъ, когда уходитъ изъ ближайшаго порта первый корабль въ Англію. Хозяинъ немедленно справился по какому-то листку, для вѣрности опросилъ еще купцовъ и сообщилъ, что первый корабль отойдетъ при благопріятной погодѣ черезъ четыре дня. Такимъ образомъ весь слѣдующій день

можно было смѣло оставаться въ Кенигсбергѣ. Молодой человѣкъ, поглядывая на фройлейнъ Гертруду, принялъ не безъ удовольствія это извѣстіе, какъ ни неудобно было заставлять ждать Питта, Гренвилля и Воронцова. День былъ законченъ небольшой совмѣстной прогулкой съ фройлейнъ Гертрудой и посѣщеніемъ кофейной, гдѣ къ вѣнскому кофею подавались удивительныя Apfelkuchen mit Schlagsahne. За четвертымъ кухеномъ фройлейнъ Гертруда уже не могла безъ слезъ думать о предстоящемъ отъѣздѣ русскаго дипломата, и, если что могло ее утѣшить, то развѣ только его обѣщаніе подарить ей передъ отъѣздомъ флаконъ настоящихъ французскихъ духовъ. А Штааль соображалъ, удобно ли будетъ дипломату съ секретной миссіей тайно увезти съ собою изъ Кенигсберга хорошенькую дочку хозяина гостинницы. Ихъ петербургскій кружокъ, навѣрное, отнесся бы къ этому вполнѣ сочувственно. Но представлялись съ другой стороны нѣкоторыя служебныя и иныя неудобства. Кромѣ того можно было предположить, что въ Лондонѣ, а тѣмъ болѣе въ Парижѣ, тоже найдутся хорошенькія дочки у хозяевъ гостинницъ. Штааль не зналъ ни какъ поступилъ бы на его мѣстѣ Носковъ, ни какъ поступилъ бы Декартъ.

Онъ рѣшился обдумать все это толкомъ потомъ, наединѣ съ самимъ собой. Нахмуренный поднялся онъ въ десять часовъ вечера въ свою комнату и принялся ходить по ней взадъ и впередъ. Въ спальной было довольно холодно: окна открывались въ гостинницѣ надолго, независимо отъ времени года. Штааль, расхаживая отъ письменнаго стола къ двери, все чаще поглядывалъ на огромную, мягкую постель, покрытую толстымъ пуховымъ одѣяломъ въ стеганномъ шелковомъ чехлѣ. Хотѣлъ было, чтобъ сосредоточиться, записать свои мысли въ дневникъ. Но, какъ на зло, съ любовью купленная въ Англійскомъ Магазинѣ для ремарокъ дорогая тетрадь въ сафьянномъ пере-

плетѣ запропастилась куда-то на самое дно чемодана. Штааль постановилъ сосредоточиться уже въ постели, раздѣлся, легъ, накрылся стеганнымъ одѣяломъ — и даже не погасилъ свѣчи: мысли его смѣшались въ ту же минуту. Онъ заснулъ сномъ девятнадцатилѣтняго юноши, на новомъ мѣстѣ, послѣ долгой дороги и нѣсколькихъ бокаловъ шампанскаго. Ему снились странные сны, въ которыхъ Питтъ, Носковъ, Декартъ и особенно фройлейнъ Гертруда принимали сложное и дѣятельное участіе.

На слѣдующій день, оказавшійся солнечнымъ и теплымъ, фройлейнъ Гертруда, какъ было заранѣе условлено, немедленно послѣ завтрака освободилась отъ своихъ обязанностей по хозяйству. Она обѣщала Штаалю показать ему главныя достопримѣчательности Кенигсберга. Однако, на повѣрку, этихъ достопримѣчательностей было немного: дворецъ на высокомъ холмѣ, съ цейхгаузомъ, московской залой и библіотекой, гдѣ книги были для безопасности прикованы къ полкамъ на длинныхъ цѣпочкахъ, а на стѣнѣ висѣлъ писанный съ натуры портретъ жены Лютера, Катерины-Деворы; каѳедральная церковь, съ шишакомъ Маркграфа Бранденбургскаго и съ изображеніемъ беременной его супруги, и диковинный садъ, съ менажеріей, купца Сатургуса, гдѣ водяной насосъ производилъ отчаянный колокольный звонъ. Когда все это было осмотрѣно, фройлейнъ Гертруда предложила почитать вмѣстѣ вслухъ одну хорошую книжку въ прелестномъ уединенномъ уголкѣ Королевскаго Сада. Штааль охотно согласился и они отправились въ садъ, купивъ по дорогѣ полдюжины пирожныхъ. Въ Королевскомъ Саду было очень мало народа. Они усѣлись на скамейкѣ; фройлейнъ Гертруда пригласила Штааля полюбоваться уголкомъ и признать, что уголокъ этотъ—herrlich und entzückend. Столичному дипломату не подобало чрезмѣрно восторгаться провинціальной природой; Штааль тѣмъ не менѣе снисходительно похвалилъ мѣстоположеніе. За-

тѣмъ фройлейнъ Гертруда раскрыла шелковую сумочку съ ея иниціалами и съ золотой надписью: «Скромность и цѣломудріе — лучшія украшенія нѣмецкой дѣвицы». Пояснивъ Штаалю, что сумочка эта, подаренная ей отцомъ въ день окончанія Töchterschule, стоила три съ половиной талера, она вынула изъ сумочки книжку въ веселенькомъ голубенькомъ переплетѣ. Книжка называлась „Die Leiden des jungen Werther"; авторъ, по словамъ фройлейнъ Гертруды, былъ очень извѣстный, но еще молодой и чрезвычайно красивый собою поэтъ Гете: его лично знаетъ одна ея подруга, переселившаяся изъ Кенигсберга въ Веймаръ,—повидимому влюблена въ него страшно и пишетъ, что онъ herrlich и entzückend. Фройлейнъ Гертруда разсказала нѣсколько сбивчиво начало романа и принялась проникновенно читать со средины. Штааль первыя десять минутъ слушалъ внимательно. Но онъ не имѣлъ врожденнаго литературнаго слуха, нужнаго для того, чтобы оцѣнить по достоинству Гетевскую прозу. Къ тому же нѣмецкій поэтическій языкъ былъ ему не совсѣмъ понятенъ; нѣсколько раздражало его, что общій смыслъ каждой сложной фразы онъ узнавалъ лишь въ самомъ ея концѣ — съ появленіемъ сказуемаго, — да и то не всегда. Штааль рѣшилъ, что слишкомъ нетерпѣливъ для нѣмецкихъ литературныхъ произведеній, и пересталъ вдумываться въ разсказъ, но зато съ удовольствіемъ слушалъ звукъ голоса фройлейнъ Гертруды, казавшійся ему чрезвычайно пріятнымъ. Очень понравилось ему также выраженіе ея лица, которое дѣлалось все печальнѣе по мѣрѣ того, какъ становились тяжелѣе душевныя переживанія героя. Изрѣдка она останавливалась и съ грустной улыбкой съѣдала кухенъ. Когда дѣло дошло до прощальнаго письма Вертера, начинавшагося словами: „Es ist beschlossen, Lotte, ich will sterben," — голосъ фройлейнъ Гертруды задрожалъ и на ея глазахъ появилась легкая влага. Штааль хотѣлъ было утѣшить фройлейнъ Гертруду, — оглянулся по

сторонамъ; но призналъ болѣе удобнымъ отложить утѣшеніе до самоубійства героя, которое, по его мнѣнію, теперь должно было послѣдовать въ самомъ близкомъ будущемъ. Онъ сталъ нетерпѣливо ждать, стараясь опредѣлить по толщинѣ отогнутой правой части книги, сколько еще могло оставаться непрочтенныхъ страницъ. Ждать ему пришлось довольно долго: Вертеръ писалъ второе прощальное письмо. Но его содержаніе совершенно ускользнуло отъ Штааля, ибо вниманіе молодого человѣка внезапно сосредоточилось на ножкѣ фройлейнъ Гертруды. Онъ съ удивленіемъ констатировалъ, что ножка у его пріятельницы очень маленькая; между тѣмъ въ ихъ петербургскомъ кружкѣ считалось общепризнаннымъ, что у всѣхъ нѣмокъ громадныя ноги. Штааль задумался надъ этимъ вопросомъ, какъ вдругъ въ голосѣ фройлейнъ Гертруды послышались сдержанныя рыданья. Вертеръ требовалъ въ третьемъ прощальномъ письмѣ, чтобы бантъ, подаренный ему Лоттой, былъ положенъ съ нимъ въ гробъ. „Sei ruhig!“ — читала прерывистымъ голосомъ фройлейнъ Гертруда. — „Ich bitte dich, sei ruhig! Sie sind geladen. — Es schlägt zwölfe! So sei's denn! — Lotte! Lotte, leb' wohl! Leb' wohl!“ . . .

Молодой человѣкъ растроганно обнялъ фройлейнъ Гертруду и нѣжно ее поцѣловалъ. Напуганная самоубійствомъ Вертера, она не оказала никакого сопротивленія; напротивъ, Штаалю даже показалось, при всей его неопытности, что его смѣлый поступокъ не слишкомъ поразилъ фройлейнъ Гертруду. Поцѣлуй, вѣроятно, затянулся бы долго, если-бъ не произошло нѣчто неожиданное. Съ легкимъ крикомъ „Lieber Gott! Herr Professor!“ фройлейнъ Гертруда внезапно вырвалась изъ рукъ Штааля и спаслась бѣгствомъ, предварительно подобравъ свалившуюся съ ея колѣнъ сумочку съ золотой надписью: «Скромность и цѣломудріе — лучшія украшенія нѣмецкой дѣвицы».

XII

Штааль свирѣпо оглянулся. Передъ нимъ стоялъ, кротко улыбаясь, очень маленькій, очень дряхлый, бѣленькій, напудренный старичекъ въ чистенькомъ, но довольно бѣдномъ, застегнутомъ на двѣ пуговицы, тепломъ кафтанѣ, къ которому было страннымъ образомъ пристегнуто какое-то странное оружіе, не то шпага, не то кортикъ. Изъ-подъ маленькой треугольной шляпы виднѣлся перевязанный сзади черной ленточкой парикъ. Правое плечо у старика было сильно приподнято и какъ будто вывихнуто. Самъ онъ былъ такъ дряхлъ и слабъ, что, казалось, его могъ опрокинуть первый порывъ вѣтра.

— Что вамъ угодно, сударь? — сердито спросилъ Штааль.

Старичекъ улыбнулся еще болѣе кротко и сѣлъ на скамейку.

— Какъ это хорошо! — сказалъ онъ старческимъ, пріятнымъ, не совсѣмъ внятнымъ голоскомъ. — Славное дитя! Какъ это хорошо! Право, я очень радъ тому, что милая дѣвушка нашла себѣ жениха... Я знаю фройлейнъ Гедвигу съ ея рожденія, ибо, отправляясь гулять по средамъ и воскресеньямъ къ Steindammer Thor, неизмѣнно захожу въ гостинницу ея отца. Это прелестная дѣвушка. Я сердечно поздравляю васъ, молодой человѣкъ. Увидите, вы будете съ ней очень счастливы...

«Что за чучело!» — подумалъ Штааль.

— Да вы кто такой и что вамъ собственно отъ меня угодно?

Старичекъ посмотрѣлъ на него удивленно.

— Вы меня не знаете? — спросилъ онъ нѣсколько менѣе ласково. — Вы иностранецъ? Въ этомъ городѣ меня знаютъ всѣ. Я — здѣшній профессоръ Кантъ.

Мое имя вамъ также неизвѣстно? — грустно спросилъ онъ и затѣмъ разсмѣялся не то саркастически, не то добродушно. — Скажу вамъ правду: я не очень честолюбивъ, но меня иногда огорчаетъ, что я не пользуюсь извѣстностью въ широкой публикѣ. Право, людямъ не мѣшало бы знать, что думаетъ въ Кенигсбергѣ, на Prinzessinstrasse, старый Иммануэль Кантъ... Впрочемъ, это не важно. Такъ вы — иностранецъ? Здѣсь есть немало поляковъ и евреевъ. Вы не полякъ? Несчастные поляки... Можетъ быть, вы — еврей? Евреи Фридлэндеръ и Маркусъ Герцъ — мои добрые друзья. Вы ихъ не знаете? Ахъ, да, вы иностранецъ... Вы, вѣроятно, намѣрены поступить въ нашъ университетъ? Прекрасная мысль, молодой человѣкъ. Я люблю молодыхъ людей, а ваше лицо мнѣ особенно нравится. Если хотите, я самъ буду съ вами заниматься, privatim или даже privatissime, безплатно или лучше за небольшую плату, — въ зависимости отъ вашихъ средствъ. Я могу преподавать вамъ всѣ предметы, которыя я читалъ въ университетѣ: математику, астрономію, философію, физику, логику, мораль, натуральное богословіе, юриспруденцію, антропологію, физическую географію, фортификацію и пиротехнику. Кромѣ этого, я, къ сожалѣнію, знаю немного. И нѣкоторыя главы мнѣ придется даже предварительно возстановить въ памяти. Я кое-что забылъ, потому что я очень старъ...

Онъ опять просіялъ улыбкой и его чисто дѣтская улыбка невольно остановила вниманіе Штааля. Онъ вглядѣлся въ старика и увидѣлъ, что лобъ у него какой-то необыкновенный. Изъ глубокихъ впадинъ, покрытыхъ сѣдыми бровями, лили мягкій свѣтъ голубые глаза.

— Васъ, можетъ быть, смущаетъ, — продолжалъ старикъ, — что студентамъ по общему правилу не разрѣшается жениться. Это ничего. Я выхлопочу вамъ разрѣшеніе. А послѣ окончанія университета вы

легко найдете мѣсто учителя. Вы можете быть впослѣдствіи профессоромъ у себя на родинѣ. Это хорошо оплачивается. Я въ началѣ своей карьеры получалъ всего 62 талера въ годъ; а въ этомъ году мнѣ вышло 725 талеровъ 62 гроша и 9 пфенниговъ. И за сочиненія свои я тоже получаю недурной гонораръ: за мою «Критику чистаго Разума» я получилъ по четыре талера съ печатнаго листа. Вы скажете, что я эксплоатирую своего издателя? Это невѣрно, ибо моя книга можетъ выдержать нѣсколько изданій и, навѣрное, принесетъ доходъ. Но я, дѣйствительно, очень хорошо устраиваю свои дѣла... Вѣроятно, я проживу еще лѣтъ двадцать, и тогда я оставлю послѣ себя не менѣе тридцати тысячъ талеровъ сбереженій. А главное, за всю свою жизнь я никому ни разу не былъ долженъ ни гроша. Когда ко мнѣ стучатъ въ дверь, я отворяю совершенно спокойно, зная, что за дверью нѣтъ кредитора. Да, — повторилъ онъ очень довольнымъ тономъ: — Jawohl, mein junger Freund, mit ruhigem und freudigem Herzen kann ich immer „Herein" rufen, wenn jemand an meine Tür klopft, denn ich bin gewiss, dass kein Gläubiger draussen steht...

— Почему же вы думаете, что проживете еще двадцать лѣтъ? — сердито спросилъ Штааль, раздраженный до послѣдней степени сдѣланнымъ ему предложеніемъ сначала поступить въ университетъ, а потомъ стать учителемъ.

Старичекъ остановилъ на немъ долгій взглядъ, точно хотѣлъ понять, за что обидѣлся его собесѣдникъ. Но самый вопросъ показался ему вполнѣ естественнымъ.

— Оттого, что я очень крѣпкій человѣкъ, — съ гордостью отвѣтилъ онъ. — У меня отъ рожденія слабое сердце и дурная печень. Но я побѣдилъ силой воли эти недостатки тѣла. Я запретилъ себѣ думать о своихъ страданьяхъ — и теперь не обращаю на нихъ никакого вниманія. Точно также я очень легко излѣчи-

ваюсь волей отъ насморка. А, главное, я веду правильный образъ жизни и все дѣлаю какъ слѣдуетъ, по опредѣленной научной системѣ. Вы какъ дышете, когда гуляете? Ртомъ? Ну, вотъ видите, а я дышу носомъ. А когда вы работаете за письменнымъ столомъ, гдѣ вы держите носовой платокъ? Вѣрно у себя въ карманѣ? Правда? А я — на стулѣ въ сосѣдней комнатѣ. Такимъ образомъ, всякій разъ, когда я нюхаю табакъ, я долженъ поневолѣ сдѣлать нѣсколько шаговъ. Слѣдовательно, я не засиживаюсь долго на одномъ мѣстѣ и произвожу время отъ времени полезный моціонъ. — Онъ съ торжествомъ посмотрѣлъ на молодого человѣка. — Я все дѣлаю обдуманно. Человѣкъ долженъ размышлять о каждомъ своемъ дѣйствіи.

— А вы женаты? — спросилъ Штааль.

— Я? — съ изумленіемъ воскликнулъ старикъ. — О нѣтъ! Вообразите, меня еще совсѣмъ недавно хотѣлъ женить мѣстный пасторъ Беккеръ. Онъ даже написалъ для меня діалогъ о женитьбѣ: «Рафаэль и Тобіасъ или размышленіе о брачной жизни христіанина». — Старикъ расхохотался... — Мы имѣли продолжительную бесѣду, и я его опровергъ по всѣмъ пунктамъ, — продолжалъ онъ, кашляя отъ смѣха. — Разумѣется, я вернулъ ему расходы по выпуску этой брошюры, ибо онъ напечаталъ ее только для того, чтобы убѣдить меня жениться... Нѣтъ, нѣтъ, я вообще нахожу, что настоящій мужчина не долженъ вступать въ бракъ. Но такъ какъ большинство людей все-таки, къ сожалѣнію, имѣетъ это дурное обыкновеніе, то я съ радостью привѣтствую тѣ случаи брака, которые согласны съ требованіями разсудка. За женой непремѣнно надо брать приданое... Не очень большое, но обезпечивающее независимость мужа. Ибо для размышленія необходима матеріальная независимость. И вы можете быть увѣрены, что за Еленой получите порядочное приданое, не менѣе пяти тысячъ талеровъ. Гостинница ея отца даетъ отличный доходъ. На эти

деньги вы можете жить совершенно независимо. Если у васъ окажется способность къ отвлеченной мысли, это будетъ превосходно. Вы могли-бы, напримѣръ, подъ моимъ руководствомъ разрабатывать онтологическую проблему. Это очень интересная проблема... Въ противномъ случаѣ, вы можете стать честнымъ купцомъ, какъ мой другъ Гринъ, или книгопродавцемъ, какъ мой другъ Николовіусъ, или директоромъ банка, какъ мой другъ Руссманъ...

— У васъ много друзей, — замѣтилъ Штааль, чтобы что-нибудь сказать. Его ироническое настроеніе ослабѣло. Что-то въ этомъ старикѣ съ огромнымъ лбомъ и съ глазами, свѣтящимися изъ-подъ сѣдыхъ бровей, производило на него странное дѣйствіе.

— Да, у меня много друзей, — повторилъ торжественно старикъ. — Нѣкоторые, правда, умерли... Но я ихъ никогда не вспоминаю. Я запретилъ себѣ о нихъ думать... Не нужно никогда вспоминать о мертвыхъ, — сказалъ онъ вдругъ страннымъ, измѣнившимся голосомъ, въ которомъ Штаалю послышался ужасъ.

— У меня есть друзья, — заговорилъ онъ опять,— потому, что я предписалъ себѣ любить людей... Къ несчастью, въ наше злое, ужасное время есть не стоющіе любви, вредные, опасные люди, которыхъ постигнетъ вѣчное, тяжкое проклятье потомства...

— Робеспьеръ? Дантонъ? — спросилъ Штааль.

— Дантонъ? — переспросилъ съ удивленіемъ Кантъ (онъ выговаривалъ Dàngtong съ удареніемъ на первомъ слогѣ). — Нѣтъ, какое-же отношеніе имѣетъ сюда Дантонъ? Люди, о которыхъ я говорилъ, это консисторіальные совѣтники, бреславльскій пасторъ Германъ Даніель Гермесъ и бывшій учитель гимназіи Готтфридъ Фридрихъ Хилльнеръ... Впрочемъ, Богъ съ ними! Разумный, мыслящій человѣкъ не имѣетъ враговъ... Вы сказали — Робеспьеръ, Дантонъ... Я думаю, они не плохіе люди. Они заблуждаются, только и всего: почему-то вообразили себя революціонерами.

Развѣ они революціонеры? Они такіе-же политики, такіе-же министры, какъ тѣ, что были до нихъ, при покойномъ королѣ Людовикѣ. Немного лучше или скорѣе немного хуже. И дѣлаютъ они почти то-же самое, и хотятъ почти того-же, и душа у нихъ почти такая-же. Немного хуже или скорѣе немного лучше... Какіе они революціонеры?

— Кто-же настоящіе революціонеры? — спросилъ озадаченный Штааль.

— Я, — сказалъ старикъ серьезно и равнодушно, какъ самую обыкновенную и само собой разумѣющуюся вещь.

Штааль вытаращилъ глаза.

— Это очень распространенное заблужденіе, будто во Франціи происходитъ революція, — продолжалъ старикъ. — Признаюсь вамъ, я самъ такъ думалъ нѣкоторое время и былъ увлеченъ французскими событіями. Но теперь мнѣ совершенно ясенъ обманъ, и я потерялъ къ нимъ интересъ. Во Франціи одна группа людей пришла на смѣну другой группѣ и отняла у нея власть. Конечно, можно называть такую смѣну революціей, но вѣдь это все-таки не серьезно. Разумѣется, я и теперь желалъ-бы, чтобъ во Франціи создалось правовое государство, болѣе или менѣе соотвѣтствующее идеямъ Монтескье. Но, согласитесь, это все не то... Почему эти люди не начнутъ революціи съ самихъ себя? И почему они считаютъ себя послѣдователями Руссо?.. Руссо, — сказалъ онъ съ уваженіемъ, — имѣлъ въ виду совершенно другое. Руссо былъ большой, но, къ сожалѣнію, недостаточно философскій умъ. Онъ былъ черезчуръ несчастенъ для того, чтобы правильно размышлять. Онъ ненавидѣлъ людей... Но все-таки съ Руссо я могъ-бы договориться. Мы бы поспорили и, навѣрное, къ чему-нибудь пришли. Между тѣмъ я не увѣренъ, что мнѣ удалось-бы переубѣдить Дантона или, скажемъ, Питта... Дантонъ и Питтъ — вѣдь это одно и то же.

— Я на дняхъ увижу Питта, — счелъ нужнымъ вставить Штааль, желая указать старику его настоящее мѣсто. — Если вамъ что нужно... У меня есть къ нему секретное порученіе отъ моего правительства...

Старикъ посмотрѣлъ на него разочарованно.

— Такъ вы дипломатъ? — сказалъ онъ. — Какъ жаль!.. Право, бросьте вы это дѣло, молодой человѣкъ. Повѣрьте, гораздо лучше быть учителемъ или купцомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, еще не было ни одного умнаго дипломата. Я хочу сказать, что еще ни одинъ дипломатъ не высказалъ ни одной такой мысли, по которой его можно было-бы отличить отъ другого дипломата: они всѣ вотъ уже три тысячи лѣтъ — совершенно одинаковые Удивительнѣе всего то, что люди терпятъ ихъ до сихъ поръ, какъ терпятъ и вѣчное дѣло дипломатовъ — войну. Я теперь обдумываю одну маленькую работу: о вѣчномъ мирѣ. Но если вы меня спросите, увѣренъ-ли я въ томъ, что послѣ выхода въ свѣтъ моей работы дипломаты перестанутъ устраивать войны, право, я не рѣшусь отвѣтить утвердительно... Только въ моемъ ученіи — подлинная революція, революція духа. И потому самые вредные, самые опасные люди это не Дантонъ и не Робеспьеръ, а тѣ, которые мѣшаютъ мнѣ высказывать мои мысли. Развѣ можно запрещать произведенія Канта?..

Онъ вынулъ изъ кармана какіе-то листы печатной бумаги и показалъ ихъ Штаалю, не выпуская изъ рукъ.

— Это моя послѣдняя работа, — сказалъ онъ значительно: „Die Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft aufgenommen“. Я прочту вамъ главу объ основномъ злѣ человѣческой природы. Слушайте!

Онъ откашлялся, растянулъ немного бѣлый шарфъ, которымъ была обвязана его сморщенная, тонкая старческая шея, и сталъ читать, съ выразитель-

ными и исполненными очевиднаго удовольствія интонаціями, сопровождая чтеніе непрерывными жестами пальцевъ лѣвой руки на высотѣ головы:

„Dass die Welt im Argen liegt, ist eine Klage die so alt ist als die Geschichte . . .“

Но Канту помѣшалъ читать какой-то быстро подходившій къ скамейкѣ пожилой человѣкъ съ краснымъ носомъ.

— Ну вотъ! — воскликнулъ онъ грубоватымъ сиплымъ голосомъ. — Ну можно-ли? Въ пять часовъ господина профессора еще нѣтъ дома! Я долженъ былъ бѣжать на поиски господина профессора... Со стороны господина профессора это очень неосторожно — гулять такъ долго. И господину профессору никакъ не слѣдовало садиться на скамейку... И господину профессору давно пора домой...

Кантъ задумчиво смотрѣлъ на него.

— Это мой слуга Лампе, — пояснилъ онъ Штаалю. — Лампе правъ. Я прочту вамъ когда-нибудь въ другой разъ мою работу: «Vom radicalen Bösen in der menschlichen Natur». Скоро сумерки... Въ сумерки надо размышлять. Я работаю по утрамъ, отдыхаю съ друзьями днемъ, размышляю въ сумерки, читаю по вечерамъ. А въ десять я ложусь спать. Я прежде хорошо спалъ... Но теперь мнѣ часто снятся дурные сны...

Голосъ его опять измѣнился и опять въ немъ послышался ужасъ.

— Мнѣ снится кровь, убійства... Не знаю, что это значитъ, — медленно, съ разстановкой, сказалъ онъ.— Не знаю... Кровь, убійства... Почему это снится мнѣ?... Я не могу терять спокойствіе... Не знаю... Ну, прощайте, молодой человѣкъ. Вы мнѣ очень понравились. Я радъ за милую Гедвигу... И, пожалуйста, бросьте дипломатическую карьеру... Прощайте, молодой человѣкъ.

Онъ медленно пошелъ по дорогѣ маленькими ров-

ными шажками, высоко поднимая ноги и дыша по своей системѣ, — носомъ.

Штааль долго смотрѣлъ ему вслѣдъ. Этотъ дряхлый старикъ, занимавшійся вопросомъ объ основномъ злѣ человѣческой природы, былъ, конечно, очень смѣшонъ. Тѣмъ не менѣе молодому человѣку казалось, будто есть въ немъ и что-то непонятное, и совершенно недоступное, и даже страшное... Но что-же именно?.. Штааль тяжело вздохнулъ и пошелъ разыскивать фройлейнъ Гертруду.

Невдалекѣ за Кантомъ слѣдовалъ слегка выпившій Лампе. Онъ угрюмо думалъ, что здоровье господина профессора начинаетъ явно опускаться. Прежде господинъ профессоръ не сталъ-бы терять время, положенное для прогулки, на пустые разговоры съ какимъ-то мальчишкой. Этотъ мальчишка еще, кажется, потѣшался надъ старостью господина профессора. Дурачокъ! Лампе вспоминалъ, какъ въ ихъ кабинетъ на Prinzessinstrasse робко входили почтенные, сѣдые ученые, пріѣзжавшіе со всѣхъ сторонъ Германіи для того, чтобы увидѣть господина профессора; вспоминалъ и то молитвенное выраженіе, съ какимъ эти заслуженные люди иногда смотрѣли на голову господина профессора... Но въ послѣднее время на лицахъ этихъ людей, когда они выходили изъ кабинета, онъ какъ будто читалъ огорченіе, скрываемую скорбь — или ему такъ казалось?.. Да, конечно, профессоръ Кантъ старъ. Но это все-таки профессоръ Кантъ... И еслибъ существовала на свѣтѣ справедливость, ему поистинѣ надлежало-бы имѣть чинъ Geheimrat'a.

XIII

Хотя Штааль пріобрѣлъ въ Петербургѣ нѣкоторую привычку къ высокопоставленнымъ людямъ, онъ не безъ робости ждалъ, подъѣзжая на кэбѣ къ русской

миссіи въ Лондонѣ, свиданія съ генералъ-поручикомъ, графомъ Римской Имперіи, Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ. По тому тону, въ которомъ говорили о Воронцовѣ и Безбородко, и Ростопчинъ, и даже Иванчукъ, Штааль чувствовалъ что русскій посланникъ въ Англіи — человѣкъ не совсѣмъ обыкновенный. Этотъ исполненный уваженія тонъ, столь рѣдко принимаемый въ отношеніи отсутствующихъ людей, было трудно объяснить высокимъ общественнымъ положеніемъ графа Воронцова. Семенъ Романовичъ не былъ богатъ; огромное состояніе его отца, желѣзные рудники и малороссійскія имѣнія, было въ значительной части конфисковано при вступленіи на престолъ Екатерины. Воронцовъ принадлежалъ къ старой русской знати, — его родъ восходилъ къ 11-му вѣку, къ сказочному князю Шимону Африкановичу, — но ихъ семья не пользовалась расположеніемъ императрицы. Не сдѣлалъ Семенъ Романовичъ и блестящей служебной карьеры.

Воронцову было восемнадцать лѣтъ въ дни петербургскаго переворота 1762 года. Онъ рѣшительно принялъ тогда сторону Петра III, хотя самъ точно не зналъ, почему. Здѣсь имѣла значеніе и милость, которой пользовалась у императора его семья. Имѣло значеніе и соперничество знаменитыхъ полковъ: Семенъ Романовичъ былъ преображенецъ, тогда какъ Екатерину возводили на престолъ семеновцы и измайловцы. Возмутило Воронцова, человѣка стараго закала, и то, что жена посмѣла возстать противъ мужа. А главной причиной было отвращеніе, которое ему внушала личность императрицы Екатерины. Отъ этого чувства Семенъ Романовичъ не могъ никогда отдѣлаться и впослѣдствіи. Родъ Воронцовыхъ былъ такъ близокъ къ престолу, что дѣла царской семьи они чувствовали почти какъ собственныя свои дѣла. Семенъ Романовичъ инстинктивно усвоилъ то самое отношеніе къ императрицѣ, которое со временъ Николая I было принято

въ династіи Романовыхъ: Екатерина, при всѣхъ своихъ государственныхъ заслугахъ, разсматривалась какъ фамильный скандалъ, и говорить о ней считалось неудобнымъ.

Поведеніе Воронцова въ дни переворота 1762 года не было забыто. Арестованный съ оружіемъ въ рукахъ, но вскорѣ выпущенный на свободу, Семенъ Романовичъ не пожелалъ остаться въ гвардейскомъ полку. Дальнѣйшая его служба протекала большей частью въ дѣйствующей арміи. Однако, несмотря на храбрость и боевыя заслуги графа (его высоко цѣнилъ самъ Румянцевъ), хода ему не давали, особенно послѣ того, какъ онъ отклонилъ предложеніе, сдѣланное ему Потемкинымъ, вернуться въ Преображенскій полкъ, находившійся подъ командой фаворита. Семенъ Романовичъ вышелъ, наконецъ, въ отставку и уѣхалъ заграницу. Впослѣдствіи Безбородко уговорилъ его занять важный и самостоятельный постъ по дипломатическому вѣдомству. Въ должности русскаго чрезвычайнаго посланника въ Англіи Воронцовъ продолжалъ держать себя довольно независимо въ отношеніи государыни и фаворитовъ: часто рѣзко отвѣчалъ на письма Екатерины, а Зубову не позволялъ вмѣшиваться въ дѣла миссіи. Его давно смѣстили-бы, если-бъ императрица не знала, что британское правительство относится къ Воронцову съ исключительнымъ уваженіемъ и что посланникомъ у англичанъ непремѣнно надо имѣть умнаго и неподкупнаго человѣка.

Графъ Семенъ Романовичъ, высокій, красивый, преждевременно посѣдѣвшій человѣкъ съ усталымъ, болѣзненнымъ, очень тонкимъ лицомъ, чрезвычайно ласково принялъ гостя, безъ слѣдовъ гордости и барства, которыхъ побаивался Штааль. Воронцовъ былъ такой настоящій аристократъ и такъ это было само собой очевидно и для него самого, и для всѣхъ окружающихъ, что ему не приходило въ голову выставлять или подчеркивать свое барство, какъ это часто дѣла-

ли Ростопчинъ, Зубовъ и много другихъ лицъ, не настоящихъ или не совсѣмъ настоящихъ, встрѣчавшихся Штаалю въ Петербургѣ.

Молодой человѣкъ сказалъ съ первыхъ словъ, что имѣетъ секретную миссію; онъ говорилъ по-французски — отчасти для важности, отчасти потому, что, какъ его предупредили, посланникъ нѣсколько отвыкъ заграницей отъ русской рѣчи.

Воронцовъ привѣтливо улыбнулся.

— Знаю, знаю секретныя миссіи графа Александра Андреевича, — сказалъ онъ добродушно. — Пріѣзжалъ сюда тоже молодой Комаровскій, — говоритъ, привезъ важныя депеши. Я вскрылъ пакетъ — смотрю: кромѣ старыхъ газетъ, ничего. Графъ просто послалъ молодого человѣка покататься по Европѣ — и прекрасно сдѣлалъ... Впрочемъ, разумѣется, не всегда такъ бываетъ, — добавилъ Воронцовъ серьезно, замѣтивъ огорченіе на лицѣ Штааля. — Познакомьте-же меня съ вашей миссіей...

Онъ внимательно выслушалъ объясненіе молодого человѣка. Узнавъ, что Штааль привезъ стафету не только отъ Безбородко, но и отъ Зубова, Семенъ Романовичъ нѣсколько нахмурился, не зная, что подумать: непонятно было, какимъ образомъ одно лицо могло имѣть довѣрительныя порученія одновременно отъ двухъ ненавидѣвшихъ другъ друга политическихъ дѣятелей, и это плохо рекомендовало Штааля въ глазахъ посланника. Еще непонятнѣй было, почему совсѣмъ молодому человѣку поручена задача, явно предполагавшая очень основательное знакомство со всей европейской политикой.

«Впрочемъ теперь нравы другіе», — подумалъ Воронцовъ. — «Nous avons changé tout cela. Могъ-же — въ Англіи! — Питтъ стать премьеромъ въ двадцать четыре года»...

— О вашей миссіи, — сказалъ онъ, — разговоръ долженъ быть долгій. Вы пріѣхали въ интересный мо-

ментъ. Идеи новой тактики начинаютъ прокладывать себѣ дорогу въ рядахъ французской эмиграціи... Этотъ епископъ Отенскій очень, очень умный человѣкъ. Но о дѣлахъ мы поговоримъ немного позже, — теперь пойдемте, я васъ напою русскимъ чаемъ, а вы намъ разскажете разныя новости. Намъ — это моему совѣтнику Лизакевичу — прекраснѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ — и мнѣ; больше не будетъ никого. Живемъ мы, какъ видите, небогато. Помню поговорку: не строй каменнаго дома въ приданной деревнѣ...

Воронцовъ провелъ Штааля изъ кабинета въ гостиную. Молодой человѣкъ былъ радъ отсрочкѣ серьезнаго разговора. Слова «новая тактика», очевидно относившіяся къ чему-то всѣмъ извѣстному, его нѣсколько смутили: онъ не слыхалъ ни о новой, ни о старой тактикѣ французскихъ эмигрантовъ. Совершенно незнакомо ему было также имя епископа Отенскаго. Штааль боялся показаться посланнику недостаточно подготовленнымъ для своей миссіи: 19 лѣтъ и отсутствіе усовъ губили его карьеру.

Воронцовъ познакомилъ гостя съ Лизакевичемъ, очень мрачнымъ, элегантнымъ старичкомъ. Кромѣ него въ гостиной былъ еще мальчикъ въ костюмѣ англійскаго школьника.

— Мой сынъ, — сказалъ Семенъ Романовичъ, и потому, какъ онъ это сказалъ и какъ смотрѣлъ на сына, можно было понять, что вся жизнь графа сосредоточена на мальчикѣ. — Вы, можетъ быть, пьете не чай, а half and half? — спросилъ онъ Штааля, улыбаясь. — Ахъ, вы еще не знаете, что такое half and half? И слава Богу: не мнѣ вамъ объяснять. Я самъ пью только свою минеральную воду, — превосходная вода... Ну, теперь разскажите намъ петербургскія новости.

Штааль не ударилъ въ грязь лицомъ. Подѣлился нѣкоторыми подробностями, касающимися свадьбы великаго князя Александра; разсказалъ о новыхъ чудачествахъ наслѣдника престола; сообщилъ, что Ва-

лерьянъ Зубовъ надѣется пройти въ генералъ-поручики; что Щербатовъ женится на Пушкиной, а Строганова выходитъ за Демидова. Все это онъ разсказывалъ въ томъ слегка насмѣшливомъ, но неувѣренномъ тонѣ, въ какомъ обыкновенно говорятъ умные мальчики, только что перешедшіе или переходящіе на положеніе взрослыхъ. И разсказывалъ онъ обо всѣхъ этихъ знатныхъ людяхъ, опуская, разумѣется, ихъ титулы, точно рѣчь шла о знакомыхъ ему съ дѣтства пріятеляхъ. Штааль скоро замѣтилъ, что его новости мало интересуютъ Воронцова, хотя посланникъ слушалъ внимательно и учтиво. Тогда молодой человѣкъ рѣшилъ поднять тему разговора и упомянулъ о дѣлѣ Новикова, очень впрочемъ неопредѣленно: онъ больше не зналъ, что слѣдуетъ думать о такихъ людяхъ, какъ Новиковъ и Радищевъ.

Лицо Воронцова сразу потемнѣло. Съ удивившей Штааля рѣзкостью выраженій онъ отозвался о поведеніи правительства и князя Прозоровскаго въ этомъ гнусномъ дѣлѣ. Строго посматривая на юношу, но обращаясь преимущественно къ Лизакевичу, Воронцовъ заявилъ категорически, что Николай Ивановичъ Новиковъ благороднѣйшій, прекраснѣйшій человѣкъ. Вся его вина заключается, повидимому, въ томъ, что онъ желалъ вывести изъ невѣжества нашъ темный, дикій народъ, желая предупредить въ Россіи возможность событій, много худшихъ, нежели французская революція, тоже достаточно ужасная и отвратительная.

— On a trop vite oublié la Пугачевщина à Saint-Pétersbourg, — волнуясь, закончилъ Семенъ Романовичъ.

Штаалю стало неловко. Онъ только теперь понялъ, что вполнѣ сочувствуетъ взглядамъ Воронцова, и боялся, какъ-бы его молчаніе не было ложно истолковано.

— Je crois ... — началъ онъ, но Воронцовъ на

этотъ разъ его перебилъ, несмотря на всю свою вѣжливость.

— А Радищевъ, котораго они сослали въ Сибирь! — нервно заговорилъ онъ, обращаясь къ Лизакевичу. — Другъ моего брата, прекрасный, благороднѣйшій, просвѣщенный человѣкъ, гордость и слава Россіи... Въ то время, какъ всѣ эти Зубовы... Нѣтъ, положительно, они сошли съ ума въ Петербургѣ... Такъ доводятъ страну до революціи... Крымъ хотѣли заселить англійскими каторжниками...

Воронцовъ схватился рукой за грудь и замолчалъ. Потомъ налилъ себѣ минеральной воды и сталъ пить медленными глотками.

Лизакевичъ, очевидно боготворившій графа, робко на него поглядѣлъ и перевелъ разговоръ на другую тему. Смущенный Штааль внезапно почувствовалъ большой интересъ къ своему маленькому сосѣду, сыну посланника, и сталъ вполголоса, покровительственно его разспрашивать объ англійской школѣ. Вскорѣ затѣмъ Лизакевичъ, желая дать Воронцову возможность немного отдохнуть отъ взволновавшаго его разговора, предложилъ показать Штаалю нѣкоторыя достопримѣчательности посольства и архива. Молодой человѣкъ ухватился за это предложеніе и долго слушалъ совершенно не интересовавшія его поясненія къ какимъ-то важнымъ историческимъ бумагамъ.

— А что, скажите, пожалуйста, — задалъ онъ не совсѣмъ кстати хитрый дипломатическій вопросъ, — правда-ли, будто новая тактика имѣетъ успѣхъ во французской эмиграціи?

— Да какъ вамъ сказать? — отвѣтилъ нѣсколько удивленный Лизакевичъ. — Ужъ очень умный человѣкъ этотъ епископъ Отенскій.

«Попугай какой-то», — недовольно подумалъ ничего не вывѣдавшій Штааль.

Они вернулись въ гостиную. Воронцовъ сидѣлъ на диванѣ, нѣжно гладя сына рукой по воло-

самъ, и что-то разсказывалъ ему, тихо, задумчиво улыбаясь.

— Le second-major du régiment, Петръ Петровичъ Воейковъ, le plus respectable des hommes, et le plus attaché à son légitime Souverain, galopa le long du régiment en répétant: «Ребята! Не позабывайте вашу присягу къ законному вашему Государю Императору Петру Ѳедоровичу, умремъ или останемся ему вѣрны! » . . . Il nous tendit la main et pleura de joie, en voyant dans mon capitaine et moi les mêmes sentiments d'honneur dont il était animé. Après cela il cria: „ступай!“ et nous marchâmes vers l'église de Казанская . . . Cathérine était là . . .

По тону рѣчи и по радостному выраженію лица Воронцова, нетрудно было догадаться, что это воспоминаніе объ его поведеніи въ 1762 году было ему чрезвычайно пріятно. Онъ ласково улыбнулся Штаалю и предложилъ гостю мѣсто около себя на диванѣ. Мальчикъ сейчасъ-же пересѣлъ по лѣвую сторону отца. Лизакевичъ простился и ушелъ домой.

— Ну, теперь поговоримъ о вашей миссіи, — сказалъ Семенъ Романовичъ и подробно познакомилъ Штааля съ состояніемъ французской эмиграціи.

Оказалось, что ея матеріальное положеніе становится все болѣе скуднымъ. Нужда усиливается; англичане помогаютъ очень мало. Живутъ эмигранты главнымъ образомъ продажей вещей, которыя удалось вывезти изъ Франціи. Магазинъ Pope and Co. на Old Burlington Street занимается почти исключительно скупкой эмигрантскихъ драгоцѣнностей. Заработокъ находятъ очень немногіе счастливцы — и какой заработокъ! Маркиза де-Рео, графиня де-Сессеваль торгуютъ въ лавкѣ, графъ де-Комонъ сталъ переплетчикомъ, мосье де-Пайонъ — учитель танцевъ, графъ де-Буажеленъ преподаетъ дѣтямъ игру на клавесинѣ, маркиза де-Шабанъ-Лапалисъ открыла пансіонъ, мадамъ де-Гонто торгуетъ какими-то коро-

бочками... При этомъ изъ всѣхъ коммерческихъ предпріятій, затѣваемыхъ эмигрантами, почти никогда ничего не выходитъ. Недавно пошла у нихъ мода на сельское хозяйство: такъ дочь маршала Ноайля купила гдѣ-то клочокъ земли, завела коровъ, доитъ ихъ сама, работаетъ цѣлый день, — но у эмигрантовъ и коровы дохнутъ безъ причины... Однимъ словомъ матеріальное положеніе ужасное: черезъ годъ, если якобинцы не падутъ, въ эмиграціи начнется голодъ и, вѣроятно, полное разложеніе: „il y a — hélas! — des grandes dames qui sont devenues marchandes de baisers", — добавилъ вполголоса графъ. Очень скверно и моральное состояніе эмигрантовъ. Хорошо только одно: всѣ эти бывшіе атеисты и вольтерьянцы теперь не выходятъ изъ церквей; говорятъ, во Франціи тоже очень усилились религіозныя настроенія. Въ остальномъ — эмигрантское дѣло плохо. Въ послѣднее время много шума и еще больше злобы вызываютъ новыя идеи, связываемыя съ именемъ бывшаго епископа Отенскаго. Политическій центръ новаго движенія находится въ Juniper Hall. — Сущность новыхъ идей вамъ, вѣроятно, извѣстна? — замѣтилъ вѣжливо Воронцовъ (Штааль неопредѣленно мотнулъ головой): она заключается въ признаніи такъ называемыхъ завоеваній революціи, les conquêtes de la Révolution. Сторонники старыхъ взглядовъ — огромное большинство эмигрантовъ — ненавидятъ всю Революцію отъ начала до конца и къ дѣятелямъ ея перваго періода относятся, пожалуй, болѣе враждебно, чѣмъ къ якобинцамъ. Якобинцевъ они даже уважаютъ въ душѣ за твердую власть, за гильотину, за то, что тѣ показали, какъ надо править французскимъ народомъ. Кромѣ того они убѣждены, что якобинскій режимъ неизбѣжно долженъ привести къ возстановленію стараго строя. — Калоннъ, какъ вы знаете, давно утверждаетъ: „Sans jacobins point de salut". — Само собой разумѣется, что сторонники этихъ взглядовъ

хотятъ возстановить монархію Бурбоновъ въ прежнемъ видѣ, съ самыми незначительными измѣненіями въ законодательствѣ стараго строя. Напротивъ, послѣдователи новаго направленія, ненавидя нынѣшнихъ властителей Франціи, тѣмъ не менѣе очень многое въ революціи принимаютъ и считаютъ вполнѣ разумными идеи перваго ея періода, принципы 1789 года и «Декларацію правъ человѣка». Въ династію Бурбоновъ они вѣрятъ плохо, а въ возможность возстановленія стараго строя, хотя-бы въ исправленномъ видѣ, не вѣрятъ совершенно. Мнѣнія сильно расходятся также по вопросу о способахъ борьбы съ якобинской властью. Сторонники старой тактики возлагаютъ всѣ надежды на интервенцію европейскихъ державъ и на вандейскую контръ-революціонную армію Кателино, Стоффлэ и Ларошжаклена, причемъ первыхъ двухъ вождей они не очень жалуютъ: Стоффлэ — сынъ мельника, а Кателино — человѣкъ еще болѣе низкаго происхожденія. Истиннымъ героемъ эмигрировавшей аристократіи является третій контръ-революціонный вождь, графъ де-Ларошжаклэнъ, который, вѣроятно, и будетъ главнокомандующимъ. Какъ-бы то ни было, громадное большинство эмигрантовъ намѣрено сплотиться подъ знаменами Вандеи. Епископъ-же Отенскій не вѣритъ въ успѣхъ Вандейскаго возстанія, а потому и не желаетъ ему успѣха.

— На что-же разсчитываетъ епископъ Отенскій? — спросилъ осторожно Штааль.

— Да у него не разберешь, — отвѣтилъ, усмѣхаясь, Воронцовъ. — Это субъектъ не слишкомъ откровенный: «языкъ», говоритъ онъ, «данъ человѣку для того, чтобы скрывать мысли». Повидимому, епископъ находитъ, что его часъ еще не пришелъ. На извѣстный вопросъ „Que faire?“, заданный госпожей Стааль, онъ отвѣтилъ: „Attendre et dormir, si l'on peut“... Въ сущности, его новая тактика заключается въ отсутствіи всякой тактики: ждать терпѣливо, воз-

можно меньше себя компрометируя, — вотъ и все... Кажется, онъ разсчитываетъ, что якобинцы сами перерѣжутъ другъ друга. Но, можетъ быть, я и ошибаюсь: кто знаетъ, что думаетъ въ дѣйствительности епископъ Отенскій?.. Долженъ вамъ сказать, я изложилъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ эмигрантскія идеи и теченія. И среди сторонниковъ новой тактики, и среди сторонниковъ старой существуетъ немало подраздѣленій: взгляды Лалли-Толендаля, идеи Малле-дю-Пана, — вообще у многихъ эмигрантовъ есть единственный вѣрный секретъ спасенія Франціи. Идейный разбродъ полный, поистинѣ странное зрѣлище: всѣ они переругались, перессорились, всѣ другъ друга въ чемъ-то обвиняютъ, ненавидятъ другъ друга едва-ли не больше чѣмъ якобинцевъ, и, разумѣется, всѣ выражаютъ истинную волю Франціи. А еще большой вопросъ, есть-ли у Франціи въ настоящее время истинная воля? Я какъ-то сказалъ все это епископу Отенскому, — онъ засмѣялся и назвалъ меня умнымъ человѣкомъ... Теперь вдобавокъ, послѣ пораженія герцога Брауншвейгскаго, появилось еще новое эмигрантское теченіе. Оно призываетъ къ возвращенію во Францію и къ совмѣстной работѣ съ якобинцами. Но объ этихъ господахъ и говорить не стоитъ, — сказалъ съ презрѣніемъ Воронцовъ. — Я не люблю ни эмигрантовъ, ни якобинцевъ; но кающіеся эмигранты, какъ и кающіеся якобинцы (скоро появятся и такіе), внушаютъ мнѣ совершенное отвращеніе... Вполнѣ допускаю, что эти господа и подкуплены, — якобинцы тратятъ большія деньги на развращеніе эмиграціи.

— Какой-же вашъ собственный взглядъ на положеніе вещей во Франціи? — спросилъ Штааль, мысленно составляя планъ блестящаго доклада императрицѣ.

— У меня нѣтъ опредѣленнаго мнѣнія, — отвѣтилъ нехотя Воронцовъ. — Скорѣе всего, правъ епископъ Отенскій: надо ждать, ничего другого не остает-

ся. Только мнѣ, русскому, легко такъ разсуждать. А онъ — французъ; у него въ Парижѣ рѣжутъ друзей и родныхъ... Вотъ тутъ и говори: „Attendre et dormir". У этого умнѣйшаго человѣка течетъ въ жилахъ не кровь, а холодная вода... Во всякомъ случаѣ, я не очень стою за нашу интервенцію: намъ во французскія дѣла вмѣшиваться не слѣдовало бы... Сами никогда не просили и не будемъ просить о чужомъ вмѣшательствѣ, ну, и въ чужія дѣла мы тоже не должны соваться. Я такъ и пишу императрицѣ... Любопытно, что въ вопросѣ объ интервенціи эмигранты возлагаютъ теперь большія надежды на Англію, — но вмѣстѣ съ тѣмъ не вѣрятъ ей ни на грошъ. Графъ Водрейль прямо утверждаетъ, что Англіи выгодна французская революція и что Питтъ умышленно поддерживаетъ якобинскій развалъ. Это довольно распространенное мнѣніе вѣрно лишь отчасти: разумѣется, Питтъ чрезвычайно хотѣлъ бы надолго и прочно ослабить Францію; но, съ другой стороны, онъ сильно побаивается якобинской заразы. Надо вамъ сказать, что англійское общество до войны очень благосклонно относилось къ французской революціи, несмотря на огромное впечатлѣніе, произведенное книгой Берка: „Reflexions on the Revolution in France". Ни о какой войнѣ съ Франціей не могло быть рѣчи, вы еще и теперь найдете на заборахъ старые плакаты: „No war with French!" Однако послѣ казни короля настроеніе англичанъ сильно измѣнилось; боязнь заразы теперь очень сильна. Самъ Питтъ ничего умнаго пока не придумалъ.

— А что такое вашъ знаменитый Питтъ? — спросилъ Штааль.

— Питтъ? — переспросилъ, снова усмѣхнувшись, Воронцовъ. — Въ частной жизни это честнѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ, безукоризненный джентльменъ, образцовый сынъ, братъ, дядя, другъ. Въ политикѣ, особенно во внѣшней, это совершеннѣйшій мошенникъ и бандитъ, готовый для Англіи на что угодно, je dis,

на что угодно. Якобинцы обвиняютъ его во всевозможнѣйшихъ преступленіяхъ. Говорятъ, напримѣръ, будто онъ подкупилъ Николая Пари для убійства члена Конвента Лепелетье Сенъ-Фаржо. По совѣсти, не знаю, все ли въ ихъ обвиненіяхъ вздорно. Питтъ — англичанинъ и необыкновенно типичный англичанинъ: въ этомъ его страшная сила. Онъ, какъ никто другой, угадываетъ чувства, настроенія, мысли рядового великобританскаго гражданина. Какова-бы ни была въ данное время его политика — а она мѣняется часто, — какъ бы сильна ни была критика оппозиціи — Фоксъ умнѣе и образованнѣе Питта, — вы можете быть увѣрены: Англія пойдетъ за Питтомъ. Онъ вдобавокъ большой знатокъ парламентскаго дѣла и поистинѣ замѣчательный ораторъ: бюджетныя рѣчи произноситъ безъ клочка бумаги въ рукахъ. Я впрочемъ, не считаю его большимъ государственнымъ человѣкомъ. Въ иностранной политикѣ онъ надѣлалъ много ошибокъ... Замѣтьте, этотъ властолюбецъ ничего не желаетъ лично для себя: онъ раздаетъ огромныя синекуры друзьямъ, а самъ бѣденъ, какъ церковная крыса. Ему часто предлагали награды, титулы, орденъ Подвязки, — онъ отказывался отъ всего. Къ женщинамъ тоже совершенно равнодушенъ, — говорятъ, будто онъ дѣвственникъ... Питту ничего не нужно, кромѣ власти, — да еще нѣсколькихъ бутылокъ портвейна въ день: онъ пьетъ старый портвейнъ, какъ московскіе купцы пьютъ чай. Мы съ нимъ большіе друзья... Въ частной жизни я, ни минуты не колеблясь, довѣрилъ бы ему свое состояніе, свою честь, все, что имѣю. Но когда я, какъ русскій посланникъ, говорю о дѣлахъ съ нимъ, какъ съ британскимъ премьеромъ, я держу себя такъ, какъ еслибы передо мной находился бѣжавшій изъ каторжной тюрьмы грабитель-рецидивистъ. Онъ это знаетъ и потому относится ко мнѣ съ уваженіемъ — и какъ къ человѣку, и какъ къ посланнику. По крайней мѣрѣ теперь: года два тому назадъ онъ очень хо-

тѣлъ выжить меня отсюда. Вотъ что такое Питтъ... Впрочемъ, вы сами его увидите: черезъ нѣсколько дней у меня состоится — раутъ, не раутъ, а такъ небольшой пріемъ. Будутъ и Питтъ, и Беркъ, и Таллейранъ.

— Кто такой Таллейранъ? — спросилъ робко Штааль.

— Да этотъ самый, бывшій епископъ Отенскій, — пояснилъ удивленно Воронцовъ. — Его зовутъ Таллейранъ де-Перигоръ... Будетъ еще одинъ интересный субъектъ... Вы, я думаю, никогда не видали якобинца? Un jacobin en chair et en os! Правда, не видали? Такъ, вотъ, увидите. Это пасторъ Пристлей, очень любопытная фигура, чудо природы: старенькій англійскій клэрджименъ и гордость французскаго Конвента!.. Словомъ, я угощу васъ лучшими достопримѣчательностями Лондона... Мишенька, спать пора, — сказалъ вдругъ нѣжно мальчику Воронцовъ.

Штааль поднялся и сталъ прощаться.

— Нѣтъ, вы посидите, — замѣтилъ Воронцовъ, положивъ ему руку на плечо. — Мы еще поговоримъ. Я отлучусь всего на пять минутъ, уложу сына. Прошу меня извинить. Оставляю вамъ журналы и ликеры... Только много не пейте, это вредно, — прибавилъ онъ добродушно, уводя засыпавшаго на ходу мальчика.

Штааль взялъ для приличія газету и подумалъ было, ужъ не обидѣться ли ему на Воронцова за послѣднія слова: дипломату постарше посланникъ не сдѣлалъ бы такого указанія. Но онъ тотчасъ почувствовалъ, что ни въ какомъ случаѣ не обидится на Семена Романовича, ибо немного влюбленъ въ этого красиваго, умнаго и столько видѣвшаго на своемъ вѣку человѣка. Ему даже было пріятно дружелюбно-властное обращеніе съ нимъ Воронцова — и онъ чуть-чуть завидовалъ Мишенькѣ. Когда посолъ вернулся, у нихъ началась долгая задушевная бесѣда. Штааль перешелъ инстинктивно на русскій языкъ и слово за слово разсказалъ слушавшему ласково Воронцову всю свою жизнь,

очень искренно, — почти не прикрашивая, — отъ первыхъ школьныхъ впечатлѣній до встрѣчи съ Кантомъ въ Кенигсбергѣ. Онъ былъ чрезвычайно удивленъ, когда Семенъ Романовичъ замѣтилъ, что этотъ Кантъ имѣетъ у ученыхъ людей репутацію величайшаго философа въ мірѣ. Такъ по крайней мѣрѣ говорилъ графу англійскій философъ Нитшъ, большой знатокъ предмета. Штааль не могъ повѣрить, что случайно встрѣченный имъ дряхлый, добрый старичокъ въ потертомъ кафтанѣ былъ новый Декартъ. Это сообщеніе произвело на него сильное впечатлѣніе.

Послѣ ухода Штааля — совершенно очарованный Семеномъ Романовичемъ, онъ покинулъ миссію очень поздно—Воронцовъ еще долго сидѣлъ у камина, смотря задумчиво на огонь и разсѣянно подталкивая желѣзнымъ прутомъ тлѣющія угольня. Мысли русскаго посланника были печальны. Этотъ юноша, хоть и нѣсколько безцвѣтный («въ его годы, впрочемъ, молодые люди всегда довольны безцвѣтны») и ужъ немного испорченный и м и въ Петербургѣ, но все-таки славный по природѣ, напомнилъ графу его самого въ 1762 году. Воспоминаніе о 1762 годѣ было пріятно Воронцову, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно поднимало рядъ чувствъ, которыя онъ не любилъ въ себѣ вызывать.

«Да, жизнь не удалась, и въ ней ничего не остается, кромѣ Мишеньки... Изъ Мишеньки, конечно, выйдетъ превосходный, замѣчательный, н о в ы й человѣкъ[1]). Повидимому, я не былъ созданъ ни для войны, ни для политики. Да можетъ ли вообще удаться жизнь въ это жестокое время? На что разсчитывать порядочнымъ людямъ въ вѣкъ Маратовъ и Прозоровскихъ? Надо было родиться позднѣе. Черезъ сто лѣтъ никто

---

[1]) Впослѣдствіи любимецъ Николая I, свѣтлѣйшій князь М. С. Воронцовъ, извѣстный по злой эпиграммѣ Пушкина, выведенный Л. Н. Толстымъ въ „Хаджи-Муратѣ“.

Авторъ.

не будетъ проливать крови... Это, къ счастью, совершенно достовѣрно...»

XIV

Бывшій епископъ Отенскій, столь знаменитый въ исторіи подъ именемъ князя Таллейрана, стоя въ одномъ бѣльѣ подъ лампой, тускло свѣтящей съ потолка, старательно чистилъ щеткой башмаки. До начала раута у русскаго посланника оставалось не болѣе часа. Таллейрану не слишкомъ хотѣлось идти на этотъ раутъ. У графа Воронцова собиралось самое лучшее общество Лондона, но почти всегда въ такомъ сочетаніи, какого не могъ себѣ позволить ни одинъ другой салонъ. Англійскія гостиныя, по мѣрѣ разгара страстей, отвѣчавшаго грозному ходу французской революціи, становились все замкнутѣе и нетерпимѣе. Виги перестали бывать у тори, тори больше не ходили въ гости къ вигамъ. Жены, разумѣется, раздѣляли политическія страсти мужей: впрочемъ, руководящіе люди Лондона, Питтъ и Фоксъ, не были женаты. Только въ нейтральныхъ салонахъ иностранныхъ пословъ еще считали возможнымъ встрѣчаться люди противоположныхъ взглядовъ. Въ дипломатическомъ же корпусѣ графъ Воронцовъ занималъ первое мѣсто — благодаря счастливому сочетанію высокаго личнаго авторитета съ огромнымъ военно-политическимъ престижемъ Россіи. Попасть къ нему на раутъ считалось большой честью.

Таллейранъ хорошо зналъ, что Воронцовъ зоветъ на него англичанъ, какъ на дорогое, рѣдкое, хотя и не совсѣмъ удобоваримое блюдо. Всѣмъ было интересно увидѣть бывшаго революціоннаго епископа, котораго его соотечественники эмигранты ненавидѣли не менѣе страстно, чѣмъ Марата или Робеспьера. Къ тому

же, еще задолго до Революціи по Европѣ ходили разсказы объ умѣ, остроуміи и тонкости мысли епископа Отенскаго. Но послѣ казни короля Людовика XVI англичанамъ не представлялось удобнымъ звать въ гости отставного прелата, еще совсѣмъ недавно засѣдавшаго въ Учредительномъ Собраніи, дружившаго съ якобинцами и принимавшаго отъ нихъ дипломатическія миссіи. Приглашать подобнаго гостя рѣшались только люди съ такимъ общественнымъ положеніемъ, котораго никто и ничто поколебать не могло. Изъ англійскихъ аристократовъ принималъ Таллейрана у себя (и то больше на зло Питту) лишь старый лордъ Ландсоунъ. Однако, и этотъ почтенный, знатный, заслуженный человѣкъ—Уилліамъ Пэтти, маркизъ Ландсоунъ, графъ Шельбернъ, бывшій первый лордъ казначейства, — какъ прекрасно видѣлъ Таллейранъ, звалъ его къ себѣ только на маленькіе вечера, на которыхъ бывали одни очень свободомыслящіе люди — Фоксъ, Пристлей, Бентамъ, Ромилли. И свободомыслящіе люди эти какъ будто даже нѣсколько щеголяли тѣмъ, что не боятся знакомства съ бывшимъ епископомъ Отенскимъ. Обычное общество лорда Ландсоуна не считало удобнымъ встрѣчаться съ Таллейраномъ, хотя, понятно, сгорало любопытствомъ. Приглашать же его къ себѣ одновременно съ первымъ министромъ и съ Беркомъ — это могъ себѣ позволить только русскій посланникъ графъ Воронцовъ, какъ русскій, какъ посланникъ и какъ графъ Воронцовъ. Таллейрану, однако, не хотѣлось являть въ самомъ чопорномъ обществѣ міра зрѣлище не совсѣмъ приличнаго гостя, — вдобавокъ рискуя скандаломъ, если-бы на раутъ оказался приглашеннымъ кто-либо изъ французскихъ эмигрантовъ.

Старательно вычистивъ башмаки и вздохнувъ при видѣ начавшихъ стираться сзади каблуковъ, бывшій епископъ отложилъ сапожную щетку, досталъ изъ незапирающагося шкапа съ испорченнымъ замкомъ свой единственный вечерній костюмъ, разложилъ на столѣ,

пододвинувъ столъ подъ лампу, и тщательно осмотрѣлъ. Осмотръ далъ удовлетворительные результаты: пятенъ на фракѣ не было, а дыру на брюкахъ портной зашилъ такъ, что никто навѣрное ничего не могъ замѣтить. Таллейранъ надѣлъ костюмъ и башмаки, обновилъ пудру на головѣ и протянулъ сквозь жилетную петлю дорогую цѣпочку золотого прекраснаго брегета. Этотъ брегетъ съ цѣпочкой, да еще тонкое бѣлоснѣжное бѣлье, вывезенное изъ Парижа (тогда Парижъ диктовалъ Лондону законы мужской моды), одни свидѣтельствовали о томъ, что ихъ обладатель зналъ лучшія времена. Опуская часы въ карманъ, Таллейранъ вспомнилъ, какъ прежде отправлялся на балы въ Парижѣ, при покойномъ тиранѣ Людовикѣ XVI. Онъ усмѣхнулся и пожалъ плечами. По принятому въ эмиграціи тону, требовалось дѣлать видъ, будто неожиданная потеря состоянія и непривычныя матеріальныя лишенія не имѣютъ рѣшительно никакого значенія: сожалѣть о богатствѣ могли только не настоящіе эмигранты, а случайно попавшіе въ ихъ среду люди другого круга. Настоящимъ же полагалось скорбѣть лишь о казни короля, о гибели родины и объ униженіи дворянскаго класса. Роль эта выдерживалась очень строго. Разумѣется, въ дѣйствительности, потеря состоянія, свободы, привычныхъ занятій и общественнаго положенія ощущались громаднымъ большинствомъ эмигрантовъ гораздо болѣзненнѣй, чѣмъ несчастья, выпавшія на долю Франціи. Гибель Франціи чувствовалась иногда — при чтеніи газетъ, при разговорѣ съ безтактнымъ иностранцемъ: личныя же несчастья ощущались каждую минуту въ теченіи цѣлаго дня. Таллейранъ, расходясь во всемъ другомъ съ эмигрантами, думалъ, что въ этомъ отношеніи они взяли вѣрный, наиболѣе достойный тонъ, и молчаливо ему слѣдовалъ. На раутѣ Воронцова слѣдовало быть одѣтымъ прилично, но чрезвычайно скромно. Та элегантность, которой епископъ Отенскій когда-то щеголялъ въ Парижѣ, здѣсь въ эмиграціи свидѣ-

тельствовала бы о дурномъ вкусѣ. Да и трудно было съ его нынѣшними матеріальными средствами удивить элегантностью общество, собиравшееся на раутахъ русскаго посланника.

Шарль Морисъ Таллейранъ де-Перигоръ принадлежалъ по рожденію къ одной изъ очень знатныхъ французскихъ семей, находившейся въ тѣсномъ родствѣ съ герцогами Мортемаръ и князьями Шалэ. Четырехъ лѣтъ отроду, упавъ съ комода, онъ вывихнулъ себѣ ногу и остался навсегда полухромымъ. Этотъ несчастный случай предопредѣлилъ всю дальнѣйшую жизнь Таллейрана. Вмѣсто военной карьеры, онъ долженъ былъ избрать карьеру духовную, о которой въ отроческіе годы не могъ подумать безъ ужаса. Ко времени принятія имъ священническаго сана онъ совершенно не вѣрилъ въ Бога и не чувствовалъ въ вѣрѣ рѣшительно никакой потребности. Это обстоятельство, однако, не такъ смущало Таллейрана: онъ зналъ, что атеисты нерѣдко встрѣчались и среди кардиналовъ, и даже среди римскихъ папъ. Гораздо больше безпокоили его разныя практическія неудобства, связанныя съ духовнымъ саномъ. Неудобства эти оказались, однако, вполнѣ устранимыми. Въ частности, въ весьма заботившемъ Таллейрана вопросѣ о ночномъ времяпровожденіи, ему удалось устранить практическія неудобства радикально: въ 25 лѣтъ молодой аббатъ имѣлъ такое прошлое и такую репутацію, что самъ старый маршалъ, герцогъ Ришелье, знаменитый развратникъ временъ Людовика XV, скорбно говорилъ пріятелямъ, возвращаясь подъ утро къ себѣ домой: «увидите, меня совершенно затмитъ этотъ мальчишка Таллейранъ». А пріятели только руками разводили, недоумѣвая, чѣмъ и какъ можно затмить въ его области стараго маршала де-Ришелье.

Аббатъ Таллейранъ де-Перигоръ очень быстро пріобрѣлъ чрезвычайную популярность въ разныхъ кругахъ французской столицы. Онъ былъ необыкновенно уменъ. Таллейранъ одинаково блисталъ умомъ въ бо-

гословскомъ споръ со свѣтилами католической церкви, въ разговорѣ на литературныя или философскія темы съ первыми писателями Франціи, въ отношеніяхъ съ женщинами и въ частности съ безчисленными своими любовницами, въ изысканной салонной causerie и въ полупьяной застольной бесѣдѣ. Тогда еще не знали, что главная его сила — политика и что въ лицѣ молодого прелата на политическую сцену выходитъ одинъ изъ самыхъ необычайныхъ актеровъ вѣка. Въ высшемъ свѣтѣ Парижа Таллейранъ былъ на расхватъ. Въ то странное время — въ послѣднее время передъ Революціей — салоны управляли страной: въ салонахъ создавались министры, кардиналы, маршалы, послы: королевское правительство считалось только съ мнѣніемъ салоновъ, но зато съ ними считалось чрезвычайно. Въ гостиной каждой знатной дамы былъ свой замѣчательный человѣкъ, который могъ и долженъ былъ спасти Францію (близость бури смутно чувствовалась всѣми — и всѣ радостно ея ждали). Такъ, у княгини Бово царствовалъ Неккеръ, у герцогини де-Люинъ — Калоннъ, у графини де-Бло — епископъ Аррасскій. Таллейранъ-же считался замѣчательнымъ человѣкомъ вездѣ, и его одновременно выдвигалъ цѣлый рядъ салоновъ. Онъ устраивалъ также небольшіе пріемы у себя въ Bellechasse: онъ принималъ по утрамъ, — это тогда было модно, — и собирались у него главнымъ образомъ люди съ дипломомъ ума, таланта и славы: Мирабо, Шамфоръ, Делилль, Рюльеръ, Бартесъ, Дюпонъ де-Немуръ. Всякій знаменитый иностранецъ, попадая въ Парижъ, старался добиться приглашенія на завтракъ епископа Отенскаго. Политикой Таллейранъ занимался сравнительно мало. Для настоящей большой политики онъ ждалъ высокаго духовнаго сана. Его церковная карьера шла очень быстро. 34 лѣтъ отроду, онъ былъ назначенъ епископомъ Отенскимъ и имѣлъ большіе шансы на полученіе кардинальской шапки: за него хлопоталъ въ Римѣ очарованный имъ швед-

скій король; а папа, разумѣется, не могъ отказать въ одолженіи протестантскому монарху. Таллейранъ страстно ждалъ кардинальскаго сана для того, чтобы тогда заговорить съ властью языкомъ князя церкви.

Помѣшала — Французская Революція... Событіе, о которомъ въ послѣдніе годы стараго строя мечтали чуть ли не всѣ французы, а больше всего люди, четыре годя спустя взошедшіе на эшафотъ, стало наконецъ дѣйствительностью. Въ эти первые дни упоенія народной побѣдой, когда знатнѣйшіе вельможи страны привѣтствовали самую безкровную изъ всѣхъ революцій исторіи, Таллейранъ былъ настроенъ иначе. Со своей обычной привѣтливой улыбкой онъ ходилъ по разнымъ мѣстамъ, по салонамъ, по кофейнямъ, по улицамъ, все освѣдомлялся, присматривался, выспрашивалъ. Своего мнѣнія онъ не высказывалъ; но, по сочувственной улыбкѣ епископа, его восторженные собесѣдники естественно заключали, что онъ совершенно съ ними согласенъ и раздѣляетъ общій энтузіазмъ.

Въ одну темную ночь, въ іюлѣ 1789 года, епископъ Отенскій отправился въ Марли, гдѣ тогда находился дворъ, и потребовалъ свиданія съ королемъ или съ его братомъ, графомъ д'Артуа, который собирался покинуть Францію. Несмотря на позднее время, удивленный графъ д'Артуа принялъ епископа. Съ равнодушной усмѣшкой Таллейранъ изложилъ принцу свой взглядъ на положеніе вещей. Произошедшая безкровная революція есть лишь начало очень большой трагедіи, гдѣ погибнетъ много репутацій и слетитъ еще больше головъ. Старый порядокъ отжилъ свой вѣкъ и вдобавокъ прогнилъ насквозь. Король слабый человѣкъ, дворъ представляетъ собой жалкое зрѣлище. Высшіе классы общества во всѣхъ отношеніяхъ ничтожны и рѣшительно ничего не могутъ противопоставить быстро идущей грозной волнѣ. Радостная безкровная революція очень скоро станетъ жестокой крова-

вой революціей. Въ странѣ начнется небывалый и неслыханный развалъ. Черезъ мѣсяцъ, навѣрное, будетъ поздно для какихъ-бы то ни было дѣйствій. Но теперь, пожалуй, еще можно сыграть рѣшительную игру. Планъ епископа былъ простъ. Онъ предлагалъ подвести къ столицѣ вѣрныя престолу войска и, въ частности, наемный нѣмецкій полкъ Royal Allemand, разогнать бунтующихъ депутатовъ, а затѣмъ возможно скорѣе провести рядъ самыхъ нужныхъ народу, глубокихъ и смѣлыхъ реформъ. Для осуществленія этой программы онъ скромно предлагалъ свои услуги. Но такъ какъ дѣйствовать необходимо безотлагательно, ибо каждый часъ дорогъ, то епископъ почтительнѣйше просилъ Его Высочество немедленно разбудить короля и пригласить его для серьезнаго разговора. Удивленный графъ д'Артуа возразилъ, что депутаты не дадутъ разогнать себя безъ сопротивленія, — стало быть, произойдетъ рѣзня. Епископъ Отенскій, улыбаясь такъ-же пріятно и скромно, подтвердилъ, что предположеніе Его Высочества. дѣйствительно весьма правдоподобно; но разгонъ и рѣзню онъ тоже беретъ на себя, — разумѣется, если ему будутъ даны неограниченныя полномочія. Принцъ былъ совершенно озадаченъ. Онъ думалъ, что хорошо знаетъ Таллейрана, и, какъ всѣ, очень высоко его цѣнилъ. Но графъ д'Артуа не могъ понять, какимъ образомъ этотъ мягкій, такъ пріятно улыбающійся, прекрасно воспитанный салонный человѣкъ, никогда въ жизни никому не сказавшій невѣжливаго слова и почти всегда державшійся того-же мнѣнія, что и собесѣдники, не только предлагаетъ столь страшныя вещи, но и берется самъ за ихъ осуществленіе... Графъ д'Артуа, будущій Карлъ X, не былъ лишенъ инстинктивнаго чутья людей. Онъ немного подумалъ и пошелъ будить своего брата. Однако король, которому очень хотѣлось спать, не вышелъ къ позднему гостю. Онъ велѣлъ сказать епископу Отенскому, что приглашаетъ его придти потолковать какъ-нибудь

въ другой разъ; къ тому же безпорядки, вѣроятно, скоро улягутся сами собой. Графъ д'Артуа добавилъ, что король ни на какое кровопролитіе не согласится. Лицо епископа Отенскаго дернулось и исказилось при этомъ отвѣтѣ. Но сейчасъ же на немъ заиграла прежняя равнодушно-привѣтливая усмѣшка. Въ самыхъ учтивыхъ выраженіяхъ онъ объяснилъ принцу, что каждый человѣкъ имѣетъ полное право губить себя, но что это только право, а вовсе не обязанность. Поэтому графъ д'Артуа не долженъ удивляться, если скоро узнаетъ, что политическая карьера епископа Отенскаго приняла новое, неожиданное направленіе.

И дѣйствительно, немедленно вслѣдъ за разговоромъ съ принцемъ, Таллейранъ сталъ, въ рядахъ духовенства, однимъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ Революціи. Но всячески подчеркивая свои свободолюбивыя гражданскія чувства, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ старался не слишкомъ вылѣзать на видъ. При его огромномъ умственномъ превосходствѣ надъ большинствомъ политическихъ дѣятелей того времени, ему не трудно было-бы сдѣлать блестящую революціонную карьеру. Онъ не спѣшилъ однако съ революціонной карьерой и не выступалъ въ Учредительномъ Собраніи по острымъ вопросамъ. Необыкновенный знатокъ людей, одаренный поразительнымъ даромъ политическаго предвидѣнія, Таллейранъ сразу замѣчалъ и старался расположить въ свою пользу всякаго новаго, подающаго надежды человѣка, всякую новую соціальную группу, которая могла въ будущемъ пріобрѣсти силу и значеніе. Онъ предложилъ и провелъ законъ объ уравненіи евреевъ въ правахъ съ остальными гражданами Франціи; чрезвычайно также старался о томъ, чтобы ему была прощена его принадлежность къ высшему духовенству, которое становилось все менѣе популярнымъ. Когда вмѣсто старыхъ реакціонныхъ епископовъ были избраны другіе, либеральные, Римъ отказался утвердить этихъ новыхъ выборныхъ епископовъ. Они не могли

вступить въ должность, не получивъ санкціи какой-либо духовной особы, занимавшей въ церкви высокое положеніе. Такой высокой особой являлся среди революціонеровъ епископъ Отенскій — и онъ немедленно предложилъ замѣнить собой римскаго папу. Это было одной изъ главныхъ причинъ ненависти къ нему всей консервативной Франціи. Пріятелей же Таллейрана, прекрасно знавшихъ, что онъ не вѣритъ ни въ Бога, ни въ чорта, чрезвычайно позабавила торжественная церемонія, въ которой епископъ Отенскій далъ новымъ прелатамъ свое пастырское благословеніе. Вскорѣ послѣ этой пышной церемоніи Таллейранъ пришелъ къ мысли, что настали плохія времена даже для самыхъ либеральныхъ духовныхъ особъ — и онъ скромно, изъ ц и в и з м а, сложилъ съ себя званіе римско-католическаго епископа.

Такъ, стараясь не обращать на себя вниманія, часто уѣзжая изъ Парижа съ разными дипломатическими миссіями, онъ благополучно прожилъ первые три, сносные, года кризиса. 10-го августа 1792 года Тюльерійскій дворецъ былъ взятъ толпой и пала тысячелѣтняя монархія французская. Таллейранъ опубликовалъ горячій привѣтъ этому событію —и рѣшилъ, что теперь настало время бѣжать, бѣжать всѣмъ: аристократамъ и революціонерамъ, умѣреннымъ и крайнимъ. Но тайно переходить границу, быть объявленнымъ внѣ закона, ему не хотѣлось. По разнымъ причинамъ онъ находилъ болѣе удобнымъ уѣхать вполнѣ легально, съ паспортомъ, порученіями и деньгами революціоннаго правительства.

Въ ту пору Дантонъ полновластно правилъ Франціей. Главный дѣятель дня 10-го августа, министръ юстиціи, членъ исполнительнаго комитета, онъ фактически былъ диктаторомъ. Все лежало на немъ. Не имѣя понятія о военной наукѣ, онъ создавалъ армію для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ; не зная иностранныхъ дѣлъ, направлялъ внѣшнюю политику Фран-

ціи; нисколько не интересуясь законами, былъ министромъ юстиціи. Онъ принималъ на себя отвѣтственность за все: за судьбы родины, за безопасность Парижа, за погромы и рѣзню роялистовъ. Его чудовищный голосъ охрипъ отъ вдохновенно-бѣшенныхъ рѣчей въ Собраніи. Глаза налились кровью отъ волненія и безсонныхъ ночей. Дантонъ былъ почти безуменъ. По улицамъ Парижа уже лилась кровь сентябрьскихъ убійствъ.

Таллейранъ зналъ Дантона, какъ онъ зналъ всѣхъ, и былъ съ нимъ, какъ со всѣми, въ очень хорошихъ отношеніяхъ. Хотя выдача паспортовъ формально зависѣла не отъ Дантона, Таллейранъ отправился къ нему, а не къ Лебрену и не къ Ролану; онъ въ серьезныхъ случаяхъ всегда предпочиталъ имѣть дѣло съ умными людьми, кто бы они ни были. Народный трибунъ принялъ его въ зданіи министерства на Place Vendôme. Таллейранъ очень хорошо зналъ, что въ тюрьмахъ рѣжутъ безъ суда заключенныхъ, — если не по наущенію (какъ говорила молва), то съ попустительства всемогущаго министра юстиціи. Среди людей, которыхъ рѣзали въ тюрьмахъ, у бывшаго епископа Отенскаго были друзья и родные. Это нисколько ему не помѣшало ласково, съ равнодушно-пріятной улыбкой, пожать руку Дантона. Заботливо освѣдомившись о здоровьи министра, онъ вкратцѣ изложилъ ему свое дѣло: Таллейранъ находилъ необходимымъ ввести во Франціи единообразную систему мѣръ и вѣсовъ — и желалъ получить для этой цѣли командировку въ Англію, чтобы столковаться о мѣрахъ и вѣсахъ съ британскими учеными и правительственными кругами. Въ виду крайней важности вопроса, онъ просилъ выдать ему немедленно заграничный паспортъ.

Когда бывшій епископъ заговорилъ объ единообразной системѣ мѣръ и вѣсовъ и о крайней срочности этого вопроса, Дантонъ въ первую минуту подумалъ, что знаменитый циникъ издѣвается, и выкатилъ на

него свои налитые кровью маленькіе глаза. Но лицо епископа Отенскаго было совершенно невозмутимо: на немъ играла пріятно-равнодушная усмѣшка... Дантонъ понялъ.... Съ минуту оба человѣка въ упоръ смотрѣли другъ на друга. Ихъ взгляды говорили многое. — «Бѣжишь? Неужели настало время?» — спрашивали переливающіеся кровью глаза Дантона. — «Да, я бѣгу, бѣгу надолго, бѣгу, спасая свою жизнь, а ты останешься и погибнешь!» — отвѣчала усмѣшка епископа. Дантонъ вѣрилъ въ политическую проницательность Таллейрана, да и самъ смутно предчувствовалъ свою неизбѣжную близкую гибель. У него была слабость къ очень умнымъ людямъ. Онъ подумалъ, что этотъ безчестный, безстрастный, дальновидный человѣкъ еще, пожалуй, пригодится Франціи. Дантонъ вытеръ лобъ платкомъ и отдалъ распоряженіе о выдачѣ Таллейрану заграничнаго паспорта.

Такъ очутился въ Лондонѣ бывшій епископъ Отенскій. На эшафотѣ палъ французскій король, начинался небывалый, безпощадный терроръ, — Таллейранъ почти равнодушно узнавалъ изъ газетъ о страшныхъ событіяхъ Революціи. Личныя заботы его сводились къ тому, чтобы продержаться до своего времени. Денегъ ему удалось вывезти лишь очень немного; онъ все больше приходилъ къ мысли, что рано или поздно придется продать книги. За его лондонскую библіотеку букинисты предлагали семьсотъ пятьдесятъ фунтовъ, по тому времени немалую сумму. Но книги были послѣднее, что еще любилъ Таллейранъ. Въ душѣ епископа Отенскаго, холодной, сухой и мрачной отъ природы, образовалась совершенная пустота послѣ всего того, что онъ видѣлъ, наблюдая вблизи кухню монархіи и революціи. Онъ оставался по прежнему учтивѣйшимъ и любезнѣйшимъ человѣкомъ; учтивѣйшіе и любезнѣйшіе люди въ большинствѣ случаевъ выходятъ изъ совершенныхъ мизантроповъ...

Таллейранъ надѣлъ плащъ, вдвинулъ подъ рукава

манжеты рубашки, чтобы ихъ не покрыла немедленно лондонская угольная копоть, погасилъ лампу и вышелъ на Woodstockstreet. Тратиться на извозчика не приходилось. Бывшій епископъ пошелъ пѣшкомъ, съ ненавистью посматривая на обгонявшихъ его въ экипажахъ богатыхъ англичанъ и отъ всей души желая имъ попасть въ лапы къ якобинцамъ.

XV

Въ качествѣ своего человѣка, какимъ онъ сталъ за нѣсколько дней въ домѣ графа Воронцова, Штааль явился на раутъ чуть-ли не въ восемь часовъ вечера. Распоряжавшійся пріемомъ Лизакевичъ, большой, хоть отставной и нѣсколько разочарованный, знатокъ требованій свѣтскаго этикета, критически осмотрѣлъ юношу и снисходительно сказалъ: „all right"; однако рекомендовалъ впредь надѣвать къ фраку галстухъ, доходящій лишь до подбородка, а не до ушей. Штааль сослался было на авторитетъ князя Бориса Голицына. Но на это разочарованный совѣтникъ съ презрѣніемъ замѣтилъ, что князь Голицынъ — шарлатанъ, котораго только въ Петербургѣ могли произвести въ законодатели моды; въ Европѣ-же моду предписываютъ принцъ Уэллскій и графъ д'Артуа — и больше никто. Съ Лизакевичемъ вступилъ въ споръ секретарь миссіи Кривцовъ, чрезвычайно живой юноша, разъ навсегда усвоившій себѣ беззаботно-веселое ироническое отношеніе ко всему на свѣтѣ. Этотъ тонъ очень шелъ дипломату и способствовалъ карьерѣ Кривцова. Молодой секретарь, неизмѣнно во всемъ возражавшій Лизакевичу, доказывалъ, что графъ д'Артуа больше не является законодателемъ въ вопросахъ моды, ибо, во-первыхъ, Бурбоны потеряли престолъ, а, во-вторыхъ, панталоны sans un pli, которыя пытался ввести фран-

цузскій принцъ, скандально провалились. Лизакевичъ не удостоилъ Кривцова отвѣта по существу.

— На кого вы лапу поднимаете? — сказалъ онъ съ презрѣніемъ, смѣривая молодого человѣка взглядомъ. — Вотъ тоже отыскался знатокъ... Вы бы сначала выучились приглашенія писать какъ слѣдуетъ. Этотъ юнецъ, — обратился онъ къ Штаалю, — младшему сыну графа написалъ на конвертѣ «лордъ». А я десять разъ объяснялъ: только младшіе сыновья герцоговъ и маркизовъ имѣютъ courtesy title лорда; а дѣти графовъ, виконтовъ и бароновъ всѣ honourable, только honourable. Ну, что тамъ о насъ подумаютъ? Ясно, скажутъ: дикари...

Совѣтникъ Лизакевичъ, старый, совершенно разоренный карточной игрой и чьимъ-то банкротствомъ дипломатъ, одинъ во всей миссіи зналъ сложную науку англійскихъ приглашеній и, не заглядывая въ справочникъ, могъ сказать полные титулы — настоящіе и courtesy titles — всѣхъ лордовъ королевства, равно какъ ихъ старшихъ и младшихъ сыновей.

— Виноватъ, ошибся, Василій Григорьевичъ, — сказалъ какъ будто насмѣшливо, но и нѣсколько досадуя на себя за промахъ, Кривцовъ. — Англичане и не то дѣлаютъ. Семена Романовича называютъ «графъ Романовичъ Воронцовъ», — я самъ читалъ въ газетахъ.

Послышался смѣхъ. Лизакевичъ недовольно оглянулся на Штааля и на секретарей.

— Смѣйтесь, смѣйтесь надъ англичанами, — проговорилъ онъ. — У насъ газеты пишутъ «сэръ Грей», вмѣсто «сэръ Чарльзъ Грей», и мы не смѣемся, хотъ это такъ-же неграмотно, какъ «Романовичъ Воронцовъ». Только англичанамъ простительнѣе, потому что Россія — дикая страна и ея обычаи знать не обязательно. Ну, да что съ вами говорить!.. Лордъ Ауклэндъ навѣрное будетъ? — обратился онъ съ вопросомъ къ другому секретарю.

— Пріѣдетъ съ дочерью, — отвѣтилъ тотъ.

— Кто такой? — тихо спросилъ Штааль Кривцова.

— Лордъ Ауклэндъ, — строго повторилъ услышавшій Лизакевичъ. — Вилліамъ Эденъ, первый баронъ Ауклэндъ, посланникъ въ Нидерландахъ. Только что прибылъ въ Лондонъ на нѣсколько дней...

— Дѣло не въ лордѣ, а въ евоной дочери, — пояснилъ Штаалю Кривцовъ. — Очень батюшка хотятъ выдать дѣвочку за Питта и ужъ кстати, по случаю брака, получить должность хранителя печати. А вотъ Питтъ не желаетъ, говорятъ, ни жениться на миссъ Элеонорѣ, ни давать the privy seal ея отцу. Я держалъ пари, что онъ не женится. На Питтѣ тщетно пробовали свои чары первыя красавицы Европы...

Секретари миссіи вступили въ споръ о генеалогіи лорда Ауклэнда; затѣмъ перешли на генеалогическіе вопросы вообще. Кривцовъ доказывалъ, что Кривцовы, Еропкины, Татищевы, Дмитріевы-Мамоновы, Лапуновы — тѣ же Рюриковичи, хоть и утратили княжескій титулъ. Другой служащій миссіи, Назаревскій, категорически это отрицалъ; по его мнѣнію, одни только сохранившіяся княжескія фамиліи, числомъ 41, представляли собой истинное потомство Рюрика. Штааль съ горечью слушалъ споръ; онъ ощущалъ въ такихъ случаяхъ особенно болѣзненно собственное темное происхожденіе.

Ровно въ десять часовъ вечера Семенъ Романовичъ хмуро вышелъ изъ своего кабинета. Лизакевичъ немедленно его поймалъ и подѣлился съ нимъ какимъ-то сомнѣніемъ, касающимся пріема перваго министра. Воронцовъ, у котораго болѣла голова, досадливо отмахнулся.

— Сажайте Питта куда хотите, — сказалъ онъ.— Или еще лучше, пусть онъ садится самъ безъ вашихъ указаній. Да вѣдь ужина нынче не будетъ? И, пожалуйста, не волнуйтесь: невелика невидаль Питтъ. Кстати, онъ предупредилъ меня, что пріѣдетъ очень поздно...

И, услышавъ снизу ударъ молотка, Семенъ Романовичъ со вздохомъ направился на свой постъ — на верхнюю площадку парадной лѣстницы, у входа въ первую гостиную. Тамъ онъ встрѣчалъ приглашенныхъ, обольстительно улыбаясь каждому входящему, говоря всѣмъ самыя любезныя вещи и затѣмъ сдавая гостей Лизакевичу, исполнявшему роль хозяйки.

Однимъ изъ первыхъ пріѣхалъ на раутъ Беркъ. Для него Семенъ Романовичъ не могъ сразу придумать ничего пріятнаго. Онъ зналъ, что сдѣлать особенное удовольствіе Берку можно было только выбранивъ Фокса или французскую революцію. Но ругать Фокса Воронцовъ не хотѣлъ, ибо очень уважалъ вождя оппозиціи; а начинать съ дверей салона разговоръ о французской революціи находилъ неудобнымъ. Семенъ Романовичъ зналъ къ тому-же, что вечеръ пройдетъ все равно въ разговорахъ о французской революціи. Онъ поэтому ограничился замѣчаніемъ о необыкновенной свѣжести лица и цвѣтущемъ видѣ гостя. Шестидесятитрехлѣтній Беркъ пріятно улыбнулся, тряхнулъ буколькими и прослѣдовалъ, переваливаясь, въ гостиную.

Беркъ въ то время находился на крайней вершинѣ славы. Его книга „Reflexion son the Revolution in France", выдержавшая одиннадцать изданій въ теченіе года, сдѣлала его первымъ теоретикомъ, вдохновителемъ и даже практическимъ вождемъ анти-революціоннаго движенія во всемъ мірѣ. Русская императрица, польскій король, графъ д'Артуа искали его дружбы и просили у него совѣтовъ. Премьеръ велъ съ нимъ переговоры о пожалованіи ему званія лорда и большой денежной пенсіи. Берку не хотѣлось покидать Палату Общинъ; тѣмъ не менѣе онъ почти рѣшилъ принять предложеніе Питта и уже намѣтилъ для себя, по мѣстонахожденію своего помѣстья, титулъ лорда Биконсфильда. Онъ даже часто мысленно представлялъ себѣ это звучное имя на обложкѣ полнаго собранія своихъ сочи-

неній, о которомъ подумывалъ, какъ всякій писатель: въ библіотекахъ образованныхъ англичанъ должны были занять почетное мѣсто красивые, отпечатанные на толстой гладкой бумагѣ, томы in octavo (онъ любилъ этотъ форматъ) съ золотой надписью на темныхъ кожаныхъ корешкахъ: Works of lord Beaconsfield.

Разговоръ въ салонѣ оживлялся медленно, постепенно и равномѣрно. Кто-то изъ англичанъ освѣдомился о здоровьи жены Берка, которая недавно была очень больна. Оказалось, что госпожа Беркъ поправляется: морскія купанья чрезвычайно ей помогли. Затѣмъ Лизакевичъ спросилъ о здоровьи Его Величества короля. Этотъ вопросъ очень удивилъ забившагося въ уголъ Штааля. Георгъ III не такъ давно сошелъ съ ума, — какъ говорили, отъ дурной болѣзни; правда, онъ затѣмъ поправился, но были основанія ожидать въ близкомъ будущемъ его окончательнаго безумія. Штааль предполагалъ такимъ образомъ, что эта тема въ англійскомъ обществѣ является совершенно запретной. Къ большому его удивленію, Беркъ беззаботно отвѣтилъ, что король чувствуетъ себя превосходно. Лица Лизакевича и всѣхъ гостей немедленно изобразили чрезвычайную радость. Въ свою очередь кто-то изъ англичанъ счелъ долгомъ отвѣтной вѣжливости справиться о здоровьи Ея Величества россійской императрицы. При упоминаніи имени Екатерины дамы цѣломудренно опустили заблестѣвшіе любопытствомъ глаза, а шестнадцатилѣтняя миссъ Элеонора Эденъ, которая и безъ того не могла пожаловаться на блѣдность, отъ стыда залилась багровымъ румянцемъ. Лизакевичъ завѣрилъ гостей, что россійская императрица совершенно здорова, и въ доказательство сослался на Штааля, имѣвшаго недавно счастье видѣть Ея Величество. Молодой человѣкъ заерзалъ у себя въ углу, на пуфѣ, подъ взорами гостей и пробормоталъ какую-то, не совсѣмъ понятную стилистически и фонетически,

фразу, въ которую входили: „mais oui“, „indeed“, „of course“, „très bien“ и „I am sure“.

Лизакевичъ, временно руководившій разговоромъ впредь до его окончательнаго оживленія, немедленно выдвинулъ вопросъ о погодѣ. Лица англичанъ оживились, ибо погода стояла прекрасная, а fine weather въ веселой Англіи является рѣдкимъ общенароднымъ праздникомъ. По вопросу о погодѣ высказались почти всѣ гости. Когда же Лизакевичъ объявилъ, что къ одиннадцати часамъ пріѣдетъ мистеръ Питтъ, извѣстіе это, хотя и предвидѣнное, еще усилило оживленіе въ салонѣ. Миссъ Элеонора сдѣлала надъ собой усиліе, чтобы опять не зардѣться румянцемъ отъ радости, и зардѣлась вдвое хуже. Разговоръ мгновенно уцѣпился за Питта и покатился дальше гладко, изрѣдка ненадолго прерываясь при появленіи новыхъ лицъ.

Одинъ изъ гостей, пивоваръ съ мѣднокраснымъ лицомъ и съ шестью перстнями на толстыхъ коротких пальцахъ, похвалилъ мудрую экономическую политику Питта, который за девять лѣтъ своего правленія почти удвоилъ вывозъ британскихъ товаровъ. Въ связи съ этимъ заговорили объ успѣхѣ военнаго займа въ 4 ½ милліона, только что проведеннаго первымъ министромъ. Пивоваръ съ похвалой отмѣтилъ также то обстоятельство, что Питтъ обновилъ составъ Палаты Лордовъ, создавъ болѣе полусотни новыхъ пэровъ. Но эта сторона дѣятельности премьера не вызвала всеобщаго одобренія; по крайней мѣрѣ, одинъ изъ присутствующихъ, очень древній маркизъ съ очень древнимъ именемъ, сухо замѣтилъ, что Питтъ готовъ каждому богатому человѣку пожаловать званіе пэра.

— He gives a peerage to any decent possessor of ten thousand a year[1]), — иронически поглядывая на пивовара, сказалъ древній маркизъ.

---

[1]) Онъ даетъ титулъ пэра каждому приличному обладателю десяти тысячъ фунтовъ годового дохода.

Такъ какъ среди гостей было человѣкъ пять новопожалованныхъ Питтовскихъ пэровъ и самъ пивоваръ былъ ближайшимъ кандидатомъ на титулъ, то Лизакевичъ поспѣшилъ перемѣнить тему разговора и спросилъ Берка о новостяхъ на бельгійскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Новости были хорошія: только что пришло безмѣрно раздутое сообщеніе принца Кобургскаго объ его успѣхахъ. Но извѣстія о чужой побѣдѣ рѣдко приводятъ въ восторгъ людей, и энтузіазма новости у англичанъ не возбуждали.

Въ салонъ вошли два послѣднихъ гостя — Таллейранъ и Пристлей; они столкнулись у входа (оба пришли пѣшкомъ) и пасторъ чрезвычайно обрадовался бывшему епископу: имъ приходилось встрѣчаться въ домѣ лорда Лансдоуна. Пристлей еще внизу у дверей заговорилъ, сильно заикаясь, съ Таллейраномъ о социніанскомъ ученіи. Онъ очень любилъ богословскіе диспуты и не могъ упустить случая побесѣдовать со знатокомъ, какимъ являлся бывшій епископъ Отенскій.

— Я остаюсь при своемъ мнѣніи, — горячо сказалъ Пристлей, продолжая разговоръ, начатый шесть недѣль тому назадъ. — Ваша позиція въ вопросѣ о первородномъ грѣхѣ неправильна. Я вамъ это сегодня докажу совершенно неоспоримо...

Онъ разсѣянно пожалъ руку Воронцова и тотчасъ отъ него отвернулся.

— Кромѣ того я убѣдился въ томъ, что Соццини непричастенъ къ насилію надъ Францомъ Давидомъ. Это все было послѣдствіе интригъ пастора Мелія. Разумѣется, король Стефанъ Баторій поступилъ въ дѣлѣ Франца Давида совершенно деспотически и незаконно. Обычный актъ гнуснаго правительственнаго произвола...

Таллейрану вообще было совершенно все равно, о чемъ ни говорить: подготовка, полученная имъ въ юности, и громадная память позволяли ему такъ-же

легко вести теологическіе споры, какъ всякіе другіе: въ другой обстановкѣ онъ охотно поговорилъ-бы и о Соццини, и о первородномъ грѣхѣ, и о дѣйствіяхъ короля Стефана Баторія. Но онъ очень не любилъ попадать въ обществѣ въ смѣшное положеніе и потому усиленно старался отдѣлаться отъ разговорчиваго богослова, котораго считалъ вдобавокъ не совсѣмъ здоровымъ умственно, хотя и геніальныхъ способностей, человѣкомъ.

Воронцовъ, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха, прошелъ вслѣдъ за гостями въ салонъ; его хозяйская роль на площадкѣ у входа кончилась; теперь можно было отдохнуть и насладиться предстоящимъ зрѣлищемъ. Семенъ Романовичъ съ особенной отчетливостью громко назвалъ имена вновь вошедшихъ гостей.

Встрѣчи съ Таллейраномъ въ домѣ Воронцова ждало большинство англичанъ. Но появленіе Пристлея было совершенно непредвидѣннымъ и произвело непріятную сенсацію. Таллейранъ очень спокойно, быстро и незамѣтно разсмотрѣлъ всѣхъ гостей и выбралъ себѣ мѣсто рядомъ съ шестнадцатилѣтней красавицей миссъ Элеонорой Эденъ. Пристлей сѣлъ по другую сторону Таллейрана, сожалѣя о прерванномъ разговорѣ.

Пасторъ Пристлей имѣлъ въ Англіи большую, но весьма неблагопріятную извѣстность. Онъ по рожденію принадлежалъ къ пресбитеріанской церкви, но долженъ былъ выйти изъ ея лона, такъ какъ на консисторіальномъ экзаменѣ заявилъ ко всеобщему скандалу, что не испытываетъ ни малѣйшихъ угрызеній совѣсти въ связи съ первороднымъ грѣхомъ Адама. Затѣмъ его увлекло ученіе теолога Армензена и онъ сталъ горячимъ противникомъ Кальвиновской доктрины предопредѣленія. Еще нѣсколько позже изъ арминіанцевъ Пристлей сдѣлался аріанцемъ — и тогда враги Арія, греческіе епископы Александръ и Аѳанасій, жившіе въ четвертомъ столѣтіи, стали для него какъ-

бы личными врагами. За аріанствомъ пришло соцініанство, но и къ нему пасторъ придумалъ цѣлый рядъ существенныхъ поправокъ. Джозефъ Пристлей по натурѣ не могъ принадлежать къ вѣрѣ большинства окружавшихъ его людей. Смѣлость мысли стала для этого искренняго человѣка чѣмъ-то вродѣ привычнаго спорта, которымъ онъ неутомимо пугалъ современниковъ. Изъ отвращенія къ англійскимъ политическимъ дѣятелямъ того времени, онъ сталъ проповѣдывать революціонные взгляды; въ якобинской Франціи онъ, вѣроятно, объявилъ-бы себя контръ-революціонеромъ. По крайней добротѣ характера, Пристлей практически не могъ себѣ представить террора, — и даже плохо вѣрилъ, что якобинцы примѣняютъ терроръ; это казалось ему выдумкой французскихъ эмигрантовъ. Отдѣльныхъ террористическихъ дѣйствій онъ отрицать не могъ; но на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ они его не такъ волновали; въ своемъ присутствіи онъ, навѣрное, не позволилъ-бы раздавить комара. Человѣкъ огромной учености и трудолюбія, онъ писалъ одну за другой богословскія и политическія работы, которыхъ никто не читалъ. Въ свободное-же время, больше для развлеченія, производилъ при помощи домашнихъ приборовъ химическіе опыты, причемъ сдѣлалъ нѣсколько величайшихъ открытій въ исторіи химіи: открылъ кислородъ, азотъ, сѣроводородъ, амміакъ, соляную кислоту. Но этимъ опытамъ онъ придавалъ сравнительно мало значенія. Мысли о первородномъ грѣхѣ и объ ученіи якобинцевъ занимали его гораздо больше. За свои революціонные взгляды онъ получилъ право французскаго гражданства и былъ избранъ въ Конвентъ людьми, которые не прочли ни одной написанной имъ строчки. Зато въ Англіи на его долю выпало много гоненій: на склонѣ лѣтъ онъ долженъ былъ эмигрировать въ Америку, гдѣ и умеръ, забывъ о своихъ химическихъ работахъ и размышляя о предопредѣленіи и о первородномъ грѣхѣ.

Появленіе Таллейрана было именно тѣмъ моментомъ, котораго ждалъ Беркъ, чтобы начать политическую бесѣду. Онъ подтянулъ животъ, слегка перемѣстивъ его на колѣняхъ, наклонился въ креслѣ всѣмъ туловищемъ впередъ (въ отличіе отъ многихъ ораторовъ, онъ умѣлъ говорить сидя) и, придавъ наклоненіемъ головы и плечъ силу и выразительность жесту, заговорилъ о войнѣ съ Франціей.

XVI

Беркъ учился дикціи у знаменитаго актера Гаррика, очень умѣло скандировалъ слова, искусно модулировалъ голосъ и п о д а в а л ъ какъ слѣдуетъ самую обыкновенную фразу. Но оттого-ли, что онъ былъ старъ и у него во рту не хватало зубовъ, или потому, что при модуляціяхъ старческаго голоса у Берка какъ-то забавно шевелился жирный двойной подбородокъ, Штаалю стало жаль говорившаго. Обращаясь преимущественно къ Воронцову, но часто, по привычкѣ опытнаго оратора, обводя взглядомъ всю аудиторію, временами останавливая взглядъ на Таллейранѣ, Беркъ доказывалъ, что французскіе революціонеры съ самаго начала поставили себѣ задачей насильственное ниспроверженіе монархическаго строя во всѣхъ странахъ міра и устройство международной революціи. Онъ ссылался на якобинскую пропаганду въ рядахъ англійскихъ войскъ и утверждалъ, будто французскій агентъ Шовеленъ щедро поддерживалъ деньгами революціонные кружки въ Лондонѣ и Эдинбургѣ. Особенно-же возмущалъ Берка декретъ Конвента отъ 19 ноября 1792 г., содержавшій въ себѣ, по его мнѣнію, прямой нескрываемый призывъ къ анархіи, обращенный ко всѣмъ народамъ міра. На этомъ мѣстѣ своего монолога Беркъ поднялъ голосъ на двѣ ноты и, наклонив-

шись торсомъ въ сторону Таллейрана, опустивъ животъ на правое колѣно, устращающе проскандироваль:

— Yes, it is the formal declaration of a design to encourage disorder and revolt in all countries.[1])

Подавъ слушателямъ эти слова, онъ сдѣлалъ небольшую паузу , какъ привыкъ дѣлать въ соотвѣтствующихъ случаяхъ на парламентской трибунѣ, точно ожидая возгласовъ „hear, hear" и возраженій съ мѣстъ. Но возраженій съ мѣстъ не послѣдовало, ибо никто изъ гостей, кромѣ Таллейрана, не зналъ или не помнилъ декрета Конвента отъ 19 ноября 1792 года. Таллейранъ-же весь былъ поглощенъ мысленнымъ раздѣваніемъ миссъ Элеоноры Эденъ. Беркъ привычнымъ беззвучнымъ движеніемъ горла прочистилъ голосъ и продолжалъ, сдѣлавъ искусную модуляцію, естественно понизившую его тонъ на тѣ же двѣ ноты. Онъ коснулся основныхъ принциповъ французской революціи и подвергъ ихъ рѣзкой, сжатой и сильной критикѣ, черпая аргументы изъ богатаго запаса идей, собраннаго въ „Reflexions on the Revolution in France" и „Appeal from the New to the old Whigs". Беркъ требовалъ безпощадной войны — не съ Франціей, а съ якобинцами. Противъ французскаго народа онъ собственно ничего не имѣлъ (тѣмъ болѣе, что главными, хотя и тайными, виновниками революціи считалъ евреевъ, желающихся нажиться на міровомъ развалѣ).

— Мы воюемъ не съ націей, а съ принципомъ, — закончилъ Беркъ мрачно. — Или якобинцы насъ съѣдятъ, или мы съѣдимъ якобинцевъ. Революція въ одной Франціи это абсурдъ, революція во всемъ мірѣ это гибель. Надо спасать цивилизацію . . .

Рѣчь Берка не произвела должнаго впечатлѣнія: онъ очевидно былъ не въ ударѣ. Мѣднокрасный кандидатъ въ пэры неожиданно осмѣлѣлъ и замѣтилъ, что,

[1]) Да, это форменное заявленіе о намѣреніи поощрять безпорядокъ и бунтъ во всѣхъ странахъ.

какъ ни умно и ни глубоко все сказанное знаменитымъ государственнымъ дѣятелемъ, но торговые люди не совсѣмъ понимаютъ цѣль войны съ Франціей. Уже итакъ въ теченіе одного мѣсяца у насъ было больше ста банкротствъ.

— Многіе въ Сити спрашиваютъ, — добавилъ толстякъ, показывая неодобрительной интонаціей, что онъ все-таки не согласенъ съ мнѣніемъ многихъ въ Сити, — многіе спрашиваютъ, каковы собственно могутъ быть выгоды отъ этой войны . . .

Беркъ привскочилъ на креслѣ.

— Выгоды! — вскрикнулъ онъ, затрясшись подбородкомъ и забывъ промодулировать голосъ. — They ask what they are to get by this war! the wretches! they get their existence! . [1])

Древній маркизъ изобразилъ на лицѣ восторгъ — впрочемъ, больше изъ антипатіи къ мѣднокрасному пивовару, который сильно оробѣлъ отъ гнѣвнаго окрика Берка.

Въ эту минуту въ душѣ и во всемъ физическомъ обликѣ пастора Пристлея произошелъ взрывъ. Онъ и прежде во время монолога Берка ерзалъ на стулѣ, отрывисто бросая вполголоса какія-то отдѣльныя слова. Пристлей ненавидѣлъ автора «Размышленій о французской революціи» (онъ написалъ отвѣтъ на эту книгу). Когда Беркъ заговорилъ объ якобинскомъ золотѣ, идущемъ на пропаганду въ Лондонѣ и Эдинбургѣ, пасторъ нагнулся къ уху Таллейрана и, забрызгавъ его слюной, сообщилъ ему, что этотъ контръ-революціонный господинъ давно подкупленъ Питтомъ и получаетъ отъ него ежемѣсячно громадныя суммы. «Вотъ куда идутъ народныя деньги!», заикаясь прошепталъ онъ возмущенно. Къ удивленію Пристлея, Таллейранъ принялъ его сообщеніе весьма хладнокровно и ничѣмъ

[1]) Они спрашиваютъ, что имъ дастъ эта война! Жалкіе люди! Эта война спасаетъ имъ жизнь!

не выразилъ негодованія. Епископъ Отенскій въ это время мысленно сравнивалъ бедра Элеоноры Эденъ съ соотвѣтствующей частью тѣла одной изъ своихъ послѣднихъ любовницъ, хорошенькой парижской артистки. Это ему напомнило тѣ времена, когда у него водились деньги, и привело его въ дурное настроеніе. Онъ съ досадой отвернулся отъ Пристлея: революціонный пасторъ надоѣлъ ему чрезвычайно. Затѣмъ Пристлей еще долго крѣпился, но послѣднее, нервное и грубоватое, восклицаніе Берка, повидимому, совершенно пересилило терпѣніе пастора. Онъ вскочилъ, зашагалъ по комнатѣ и, рѣзко жестикулируя, сталъ возражать Берку. Возраженій его никто не могъ понять, ибо въ нихъ политическіе аргументы (очень серьезные и дѣльные) перемѣшивались съ химіей, ересью Арія, и соццініанской доктриной. Кромѣ того, говорилъ Пристлей крайне путанно, нервно, невнятно и отъ волненія заикался еще сильнѣе обыкновеннаго. Обращался онъ преимущественно къ Таллейрану и потому отдѣльныя фразы повторялъ на языкѣ, казавшемся ему французскимъ. Если-же не находилъ нужнаго французскаго слова, то замѣнялъ его греческимъ, еврейскимъ или халдейскимъ, чтобы быть лучше понятымъ слушателями.

По лицамъ переглядывавшихся гостей было совершенно ясно каждому, вплоть до неопытнаго Штааля, что этотъ бѣгающій по гостиной и жестикулирующій пасторъ говоритъ неприличныя вещи и всѣмъ своимъ поведеніемъ учиняетъ скандалъ въ чужомъ салонѣ. Только хозяинъ дома, Семенъ Романовичъ Воронцовъ, былъ совершенно доволенъ и наслаждался зрѣлищемъ спора. Графу казалось, что эти оба красныхъ, разъяренныхъ старика, Беркъ и Пристлей, при всемъ различіи взглядовъ и внѣшности, во многомъ и даже въ основномъ чрезвычайно похожи другъ на друга: похожи умомъ, ученостью, задорнымъ темпераментомъ, гордостью, желаніемъ удивить людей и осо-

бенно какимъ-то самодовольствомъ смѣлой мысли и влюбленностью въ собственную безпощадную искренность.

Беркъ презрительно улыбался въ сознаніи своего огромнаго умственнаго и соціальнаго превосходства надъ невоспитаннымъ пасторомъ въ потертомъ фракѣ. Отвѣчать Пристлею было, собственно, ниже его достоинства. Но когда пасторъ, наконецъ, оборвалъ скандальную рѣчь, Беркъ почувствовалъ въ устремившихся на него взорахъ гостей полную увѣренность въ томъ, что якобинцу будетъ немедленно данъ надлежащій суровый урокъ. Онъ не нашелъ возможнымъ разочаровать общество и кратко отвѣтилъ Пристлею, уничтожая его не столько содержаніемъ своихъ словъ (отвѣчать было не на что), сколько спокойной вѣжливостью формы, холоднымъ презрѣніемъ тона, увѣренными модуляціями голоса, чеканной рѣчью и правильнымъ построеніемъ фразъ; чтобы оттѣнить контрастъ съ путанными словами Пристлея, онъ придалъ своему отвѣту особенно изысканную, гладкую литературную форму. Кончая, Беркъ холодно выразилъ изумленіе по тому поводу, что нѣкоторые легкомысленные или мало освѣдомленные люди находятъ возможнымъ сравнивать презрѣнную и отвратительную французскую революцію со славной англійской революціей 1688 года, заслуживающей любви и уваженія каждаго разумнаго человѣка. Эту послѣднюю фразу онъ демонстративно повторилъ по-французски. Немедленно всѣ глаза устремились на Таллейрана и выразили совершенно ясно: «ужъ если ты и теперь ничего не скажешь, то, значитъ, противникъ тебѣ не подъ силу; да и дѣйствительно сказать тебѣ нечего».

Таллейрану очень не хотѣлось говорить. За три года трибуны, народныхъ собраній и митинговъ онъ потерялъ интересъ ко всякимъ, даже самымъ лучшимъ, политическимъ рѣчамъ, зналъ впередъ почти наизусть все, что можно сказать въ защиту и въ опроверженіе

любого политическаго взгляда, и съ одинаковымъ равнодушіемъ выслушивалъ какія угодно рѣчи. Но онъ зналъ, что его зовутъ въ гости для того, чтобы онъ говорилъ, и не хотѣлъ платить неблагодарностью хозяевамъ. Кромѣ того, его раздражало самодовольство, появившееся на лицѣ Берка послѣ побѣдоноснаго спора съ Пристлеемъ. Таллейранъ мысленно вздохнулъ, послалъ къ чорту всѣхъ англичанъ — и сталъ возражать Берку.

Онъ заговорилъ по-французски, попросивъ въ этомъ извиненія у гостей, которые холодно наклонили головы: въ ту пору даже англичане знали французскій языкъ, и война съ Франціей нигдѣ не сопровождалась его бойкотомъ. Штааль, не вполнѣ свободно говорившій по-англійски — онъ отлично понималъ иностранцевъ, изъяснявшихся на этомъ языкѣ, но не всегда понималъ англичанъ, — встрепенулся, услышавъ музыкальные звуки великолѣпной французской рѣчи. Ему сразу стала ясна разница между ораторомъ и causeur'омъ. Беркъ былъ ораторъ, Таллейранъ былъ causeur.

Бывшій епископъ Отенскій началъ съ указанія на то, что людямъ, не видавшимъ своими глазами революціи, очень трудно справедливо о ней судить. Только поэтому онъ и рѣшается противопоставить эрудиціи, глубокомыслію и таланту знаменитаго политическаго мыслителя Англіи — Таллейранъ учтиво наклонилъ голову въ сторону Берка — свое скромное сужденіе очевидца, наблюдавшаго событія вблизи: Car, oui, je peux dire que j'ai vu la révolution de près...

— Même de trop près, — не удержался хоть и смягченный немного комплиментомъ Беркъ, стрѣляя буквой r въ словахъ trop и près. Воронцовъ недовольно на него оглянулся. Но на Таллейрана не подѣйствовалъ неучтивый намекъ.

— Да, я наблюдалъ вблизи это великое историческое представленіе, — спокойно продолжалъ бывшій

епископъ. — Я видѣлъ также прологъ: послѣдніе годы монархическаго строя. Мы тогда всѣ играли въ оппозицію... Вѣдь это случается и кое-кому изъ англичанъ, — вставилъ онъ, ласково посмотрѣвъ на Берка. — Собственно никогда не знаешь, какая страшная революція можетъ выйти изъ самой мирной, лойяльной оппозиціи: оппозицію отъ революціи отдѣляетъ только одинъ шагъ... На свѣтѣ не существуетъ любимыхъ народомъ правительствъ, — вѣдь и Англія не вся въ восторгѣ отъ политики великаго государственнаго дѣятеля, какимъ безспорно является мистеръ Питтъ. Поэтому почти всѣ революціи въ началѣ бываютъ популярны. Онѣ вновь становятся популярными двадцать пять лѣтъ послѣ ихъ конца. Историки, конечно, будутъ искать людей, которымъ можно было-бы вмѣнить въ вину или въ заслугу устройство Французской Революціи. Напрасный трудъ! Говорю какъ очевидецъ: никто не устраивалъ Революціи и никто въ ней не виновенъ. Или, если хотите, виновны всѣ, — это одно и то же.

— Этимъ фатализмомъ *теперь* легко оправдывать кого угодно, — рѣзко замѣтилъ Беркъ.

— Да, можно оправдывать и особенно можно обвинять кого угодно, — повторилъ Таллейранъ. — Никто не правъ. Всѣ виноваты. Никто изъ людей, которыхъ я зналъ (а я зналъ почти всѣхъ), не можетъ считать себя совершенно невиновнымъ. И право было-бы лучше если-бъ историки не искали глубокаго смысла — положительнаго или отрицательнаго, все равно — въ ужасныхъ событіяхъ французской революціи. Никакого урока нельзя извлечь изъ смѣны стихійныхъ, безцѣльныхъ дѣйствій, порожденныхъ разнузданными страстями — въ первую очередь человѣческимъ тщеславіемъ. Французскую революцію сдѣлало тщеславіе.

И, оживившись отъ найденнаго имъ опредѣленія, Таллейранъ сталъ опровергать доводы Берка. Его собственная, совершенно искренняя, контръ-рево-

люціонность была доказана небольшимъ вводнымъ словомъ. Преодолѣвъ такимъ образомъ предубѣжденіе слушателей (какъ это невольно стараются дѣлать на трибунѣ даже искренніе люди, чувствуя враждебность аудиторіи), онъ коснулся самаго понятія революціи. Бывшій епископъ доказывалъ, что великое несчастіе, обрушившееся на Францію, это прежде всего—фактъ, и что разумная политика всегда считается съ фактами. По своей обстановкѣ, по методамъ, по быту французская революція не хуже и не лучше англійской. Въ этомъ отношеніи всѣ революціи очень похожи другъ на друга и равноцѣнны. Но французская революція не только собраніе фактовъ, она еще и цѣлая книга идей. Въ книгѣ могутъ быть дурныя и прекрасныя страницы. Одинаково безсмысленно все принимать въ революціи, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Робеспьеръ, и все отвергать въ ней, какъ это дѣлаетъ... дѣлаютъ нѣкоторые другіе (онъ пріятно улыбнулся Берку). Зачѣмъ ставить себя въ смѣшное положеніе? Рыцарь Печальнаго Образа принималъ вѣтряныя мельницы за рыцарей. Это, конечно, было нехорошо съ его стороны. Но теперь его заблужденіе разъяснено. Зачѣмъ впадать въ другое заблужденіе? Зачѣмъ отрицать существованіе самихъ вѣтряныхъ мельницъ? Зачѣмъ подставлять головы подъ удары крыльевъ или пытаться остановить эти крылья тростью? Пройдетъ вѣтеръ, станетъ и мельница.

— Да, разумѣется, все сдѣлаетъ слѣпая судьба, — сказалъ саркастически Беркъ.

Онъ очень злобно и рѣзко отвѣтилъ Таллейрану. Въ словахъ **right honourable gentleman'a** онъ усматривалъ чрезвычайно опасную идею историческаго фатализма. Нѣтъ ничего легче, чѣмъ все приписывать слѣпому ходу событій. И безспорно нѣтъ ничего удобнѣе этого для плохого политическаго дѣятеля: можно совершать какія угодно глупости и какія угодно гадости, а затѣмъ все взвалить на обстоятельства,

на судьбу или на неумолимые законы исторіи. Настоящій государственный человѣкъ не унижается до подобныхъ аргументовъ. Онъ борется съ ходомъ событій или принимаетъ за него на себя всю отвѣтственность. Разумѣется, при нѣкоторой оригинальности мысли можно объявить кого угодно виноватымъ въ революціи. Но онъ, Беркъ, не обладая оригинальностью мысли right honourable gentleman'a, думаетъ, что въ революціи виноваты революціонеры. Эти господа глубокомысленно возлагаютъ отвѣтственность за все произошедшее на гнилой старый строй, на зарѣзаннаго короля Людовика XVI и на его тоже понемногу убиваемыхъ министровъ. Жаль, что господа революціонеры не склонны примѣнять той же логики къ самимъ себѣ. Если имъ на смѣну явится какое-либо жестокое, самодержавное правительство, въ десять разъ болѣе жестокое и болѣе самодержавное, чѣмъ прежнее королевское (а дѣло повидимому идетъ именно къ этому), то виноваты будутъ опять-таки не они, а будущій самодержецъ или, еще лучше, тотъ-же зарѣзанный король. Французскіе революціонеры проявили огромный талантъ въ дѣлѣ разрушенія, — онъ, Беркъ, отдаетъ имъ полную справедливость. Но создать они ничего не умѣютъ; они лишь творятъ во всемъ мірѣ культъ разрушенія, — и это, пожалуй, самая скверная и самая вредная часть ихъ дѣла. Тотъ ореолъ, который можетъ создаться вокругъ Французской Революціи, гораздо опаснѣе для человѣчества, чѣмъ она сама: революція кончится, ореолъ останется. И, видитъ Богъ, какъ ни отвратительны сами по себѣ Маратъ и Робеспьеръ, ихъ подражатели въ потомствѣ будутъ неизмѣримо хуже: эти будутъ не только мерзавцы, но вдобавокъ еще и дураки. Онъ, Беркъ, считаетъ себя обязаннымъ всячески бороться съ зарождающимся культомъ революціи; ибо онъ ненавидитъ всякое разрушеніе.

— На мѣстѣ разрушеннаго великимъ землетрясеніемъ зданія мы выстроимъ новое, которое будетъ, вѣро-

ятно, немного лучше, — произнесъ Таллейранъ, разводя руками и показывая интонаціей, что этой фразой кончаетъ надоѣвшій гостямъ и въ сущности безполезный разговоръ.

— А потому слава великому землетрясенію! — сказалъ Беркъ, ядовито и злобно усмѣхаясь. — Vive le tremblement de terre!..

XVII

Въ эту минуту внизу послышался громкій, властный ударъ молотка во входную дверь, затѣмъ рѣзкій, продолжительный звонокъ швейцара по лѣстницѣ, и въ ту же минуту въ гостиную мелкими шажками на цыпочкахъ поспѣшно вошелъ Назаревскій, дежурившій внизу въ передней. Проглатывая отъ волненія слюну, онъ доложилъ графу, что пріѣхалъ первый министръ. Семенъ Романовичъ, разговаривавшій съ однимъ изъ менѣе важныхъ гостей, недовольно покосился на взволнованное лицо молодого человѣка, докончилъ фразу и, попросивъ извиненія у собесѣдника, вышелъ на площадку парадной лѣстницы, гдѣ въ началѣ пріема встрѣчалъ всѣхъ приглашенныхъ. Для Воронцова въ его домѣ не было первыхъ министровъ, а были только равные въ правахъ гости; онъ встрѣчалъ главу британскаго правительства на томъ самомъ мѣстѣ и совершенно такъ же, какъ пастора Пристлея.

По лѣстницѣ, въ сопровожденіи суетящихся людей, шагая черезъ двѣ ступеньки и оправляя на ходу жабо, поднимался Вилліамъ Питтъ.

— Cher ami, — привѣтливо проговорилъ Воронцовъ, крѣпко пожимая руку премьера (они были въ очень хорошихъ отношеніяхъ).

— Enchanté de vous voir, mon ami, — сказалъ одновременно Питтъ, чуть рѣзнувъ слухъ Семена Романо-

вича словами „mon ami", которыя звучатъ фамильярнѣе, чѣмъ безличное „mon cher ami", и даже нѣсколько покровительственно. Но Питтъ, хорошо для англичанина говорившій по-французски, не зналъ тонкостей и оттѣнковъ этого языка.

Они прошли въ салонъ. Гости-мужчины, не исключая стариковъ, встали при входѣ тридцатипятилѣтняго министра и даже нѣкоторыя изъ дамъ почувствовали желаніе приподняться съ мѣстъ. Миссъ Элеонора Эденъ такъ покраснѣла, что ея поведеніе было бы найдено неприличнымъ, еслибъ все вниманіе приглашенныхъ не было сосредоточено на Питтѣ.

Штааль впился глазами въ британскаго премьера, котораго называли самымъ могущественнымъ человѣкомъ на землѣ. Питтъ не былъ красивъ, но внѣшность его сразу останавливала вниманіе. Онъ былъ огромнаго роста даже для англичанина и держался такъ непріятно-прямо, что при тонкой своей фигурѣ казался затянутымъ въ корсетъ. Штааля поразили его сверкающіе глаза — такихъ блестящихъ глазъ юношѣ никогда не приходилось видѣть — и красивое сочетаніе преждевременно посѣдѣвшихъ волосъ съ тогда еще молодымъ и не пострадавшимъ отъ алкоголя лицомъ. Отъ угловъ глазъ Питта, отъ тонкихъ ноздрей большого неправильной формы носа и отъ крѣпко сжатыхъ губъ спускались наискось въ обѣ стороны три параллельныя линіи морщинъ. Онѣ придавали особенно суровое и надменное выраженіе его и безъ того суровому и надменному облику.

Питтъ обошелъ гостей, обмѣниваясь быстрыми короткими рукопожатіями со всѣми. Семенъ Романовичъ представлялъ ему незнакомыхъ. Премьеръ, молча улыбаясь, остановился передъ миссъ Элеонорой Эденъ, — зоркій взоръ Воронцова прочелъ въ улыбкѣ Питта нѣкоторое, вообще ему совершенно не свойственное, смущеніе — преувеличенно крѣпко пожалъ руку лорда Ауклэнда, на мгновеніе впился своими бле-

стящими глазами въ Таллейрана и особенно улыбнулся, подходя къ Берку, точно показывая улыбкой, что этого гостя никакъ не приходится съ нимъ знакомить. Всѣхъ остальныхъ находившихся въ салонѣ людей Питтъ просто не замѣтилъ; онъ мысленно принялъ рѣшеніе оставаться здѣсь не болѣе часа: въ теченіе этого времени разсчитывалъ сказать то, что ему казалось полезнымъ, и улучить минуту для отдѣльнаго, конфиденціальнаго разговора съ графомъ Воронцовымъ.

Питтъ всего лишь полчаса тому назадъ оставилъ свой рабочій кабинетъ на Downing Street, — ему туда приносили вечерній костюмъ. Ровно въ половинѣ одиннадцатаго онъ закончилъ дѣла, подписалъ послѣдній десятокъ бумагъ, отпустилъ вздохнувшихъ съ облегченіемъ секретарей и быстро, энергичной походкой, спустился внизъ къ выходу. Слуги, сломя голову, подали ему пальто и трость. Гиганты-полисмэны вытянулись и замерли при выходѣ перваго министра. Какіе-то люди — сыщики, оберегавшіе его отъ возможныхъ покушеній со стороны якобинцевъ, — куда-то разсыпались по улицѣ, и странно одѣтый кучеръ мгновенно подалъ къ подъѣзду пару огромныхъ великолѣпныхъ лошадей. Садясь въ карету, Питтъ отдалъ распоряженіе ѣхать на Harley Street, гдѣ находилась русская миссія, болѣе долгимъ, кружнымъ путемъ. Онъ любилъ на быстромъ ходу коляски обдумывать важныя дѣла.

Первый министръ Великобританіи былъ, подобно всѣмъ первымъ министрамъ, такъ безпрерывно занятъ въ теченіе цѣлаго дня пріемами, разговорами и чисто механическими дѣлами, что для обдумыванія безчисленныхъ вопросовъ, поступавшихъ на его разрѣшеніе, у него совершенно не оставалось времени. Питтъ почти не имѣлъ возможности готовиться по настоящему даже къ самымъ важнымъ парламентскимъ рѣчамъ и чаще всего, запасшись нѣсколькими основными идеями, полагался въ остальномъ на свою находчивость и на

свое ораторское дарованіе, размышляя и рѣшая вопросы на трибунѣ, въ процессѣ рѣчи. Для выработки же основныхъ идей, отъ которыхъ зависѣли ходъ британской политики и, стало быть, судьбы міра, у перваго министра оставались небольшіе обрывки времени — между аудіенціями, въ каретѣ, да еще въ постели утромъ: ложась очень поздно, онъ вставалъ лишь къ одиннадцати часамъ.

Въ каретѣ Питтъ откинулся на спинку сидѣнья утомленной головой, закрылъ глаза и полежалъ такъ нѣсколько минутъ, — онъ только въ одиночествѣ позволялъ своему лицу выражать усталость. Когда тѣло его приспособилось къ быстрому ходу высокой рессорной кареты, онъ сдѣлалъ надъ собой небольшое усиліе и сосредоточилъ мысли. На мгновеніе Питта заняли его собственныя личныя дѣла, въ первую очередь денежныя: первый министръ былъ много долженъ, хотя жилъ довольно скромно и не имѣлъ дорого стоющихъ привычекъ; разстройство его дѣлъ происходило главнымъ образомъ отъ того, что у него не было четверти часа въ день, нужной для приведенія ихъ въ порядокъ. Такъ и теперь, попытавшись мысленно счесть свои доходы и долги, Питтъ немедленно отложилъ эти подсчеты до другого раза; онъ успокоилъ себя тѣмъ соображеніемъ, что при его жизни кредиторы подождутъ, а послѣ его смерти Англія сочтетъ для себя честью заплатить д о л г и П и т т а. Затѣмъ перевелъ мысли на другое непріятное личное дѣло, — на миссъ Элеонору Эденъ. Здѣсь все оказалось сразу совершенно яснымъ: нужно было поделикатнѣе, по возможности не давая поводовъ для нехорошихъ разговоровъ, отвязаться отъ красавицы-дѣвушки, которой онъ какъ-то сказалъ нѣсколько больше любезностей, чѣмъ слѣдовало. Что-то однако въ этой исторіи съ миссъ Элеонорой было не совсѣмъ хорошо и не вполнѣ отвѣчало его понятіямъ совершеннаго джентльмэна. Параллельныя линіи мор-

щинъ Питта опустились ниже и лицо его сдѣлалось еще жестче. Онъ перемѣнилъ положеніе тѣла, опустивъ голову на холодную серебряную ручку палки; тотчасъ измѣнилось и теченіе его мыслей. Онѣ перешли на Англію. Переходъ этотъ былъ совершенно естественный. Питтъ, собственно, почти никогда не отдѣлялъ себя отъ Англіи.

Начинавшаяся война поглощала въ ту пору все вниманіе премьера. Въ побѣдѣ для него, какъ для англичанина, не существовало сомнѣній; онъ былъ увѣренъ въ томъ, что создаваемая имъ огромная коалиція очень быстро сломитъ Францію. Но все-таки война пугала Питта. Онъ привыкъ къ парламентской борьбѣ, постигъ ее въ совершенствѣ и въ ней не зналъ себѣ соперниковъ. Война съ внѣшнимъ врагомъ требовала какихъ-то еще неизвѣстныхъ ему пріемовъ и новаго страшнаго напряженія душевныхъ силъ. Онъ зналъ, что за каждую, хотя и недолговременную и не серьезную, неудачу вся отвѣтственность будетъ возложена лично на него. Зналъ, что безчисленные враги ненавидятъ его теперь сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было прежде, ибо ихъ особенно раздражила недавняя рѣзкая перемѣна въ его взглядахъ, — первый министръ былъ прежде горячимъ сторонникомъ мира съ Франціей. Когда Питта люди обвиняли въ перемѣнѣ взглядовъ, ему всегда казалось, что либо они надъ нимъ смѣются, либо же не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о самомъ существѣ политики: при его огромномъ опытѣ, способность быстро и своевременно мѣнять взгляды представлялась первому министру одной изъ наиболѣе важныхъ и драгоцѣнныхъ чертъ политическаго искусства. Но въ глазахъ ничего не понимающаго общества этотъ упрекъ имѣлъ значительный вѣсъ. Питтъ понималъ, что все его будущее зависитъ теперь почти исключительно отъ успѣховъ англійскаго оружія. Побѣда должна была вознести его на небывалую высоту: онъ

зналъ, что только большая побѣдоносная война создаетъ правителямъ настоящій историческій престижъ — и это соображеніе было одной изъ причинъ войны, хотя онъ ни за что въ немъ не признался-бы даже самому себѣ. Теперь всѣ мысли Питта сосредоточивались на побѣдѣ. Принявъ на себя, ради Англіи, тяжелый крестъ, онъ благоговѣйно обращался за укрѣпленіемъ къ памяти своего отца: лордъ Чатамъ былъ единственный въ мірѣ человѣкъ, передъ которымъ преклонялся Питтъ. Воспоминаніе объ отцѣ и теперь въ каретѣ поддержало перваго министра; онъ сразу перевелъ мысль на ближайшую очередную задачу. Она заключалась въ томъ, чтобы привлечь русскую армію къ дѣятельному участію въ борьбѣ съ общимъ врагомъ. Для этого Питтъ особенно ухаживалъ за Россіей: для этого онъ и ѣхалъ на вечеръ графа Воронцова, забывъ нанесшее чувствительный ударъ его самолюбію дипломатическое пораженіе по Очаковскому вопросу, которое онъ потерпѣлъ совсѣмъ недавно благодаря Воронцову. Въ умѣ Питта быстро проходили аргументы въ пользу интервенціи, способные оказать дѣйствіе на русскаго посланника и на русское правительство. Къ тому времени, когда карета остановилась у подъѣзда зданія миссіи, аргументы эти сложились очень хорошо въ одно послѣдовательное цѣлое. И первый министръ, совершенно увѣренный въ себѣ, зналъ, что у него готова блестящая рѣчь — все равно, на десять минутъ, на часъ или на три часа: это зависѣло только отъ его желанія и отъ обстановки.

Въ гостиной графа Воронцова Питтъ немедленно очутился на почетномъ мѣстѣ у камина; около него на столикѣ оказалась бутылка стараго портвейна. Медленно, высказывая замершимъ благоговѣйно гостямъ соображенія о томъ, что завтра непремѣнно будетъ хорошая погода, премьеръ налилъ себѣ вина, взялъ бисквитъ и сталъ отпивать изъ стакана боль-

шими глотками, продолжая разговоръ; бутылка чрезвычайно быстро опустѣла; вмѣсто нея появилась другая. Лизакевичъ сбоку уставился на перваго министра съ тѣмъ наивнымъ сочувственнымъ восхищеніемъ, съ какимъ русскіе люди смотрятъ на пьющихъ какъ слѣдуетъ иностранцевъ. Кривцовъ подтолкнулъ Штааля подъ локоть и сказалъ ему, что Питтъ никакъ не уступитъ извѣстному лорду Эльдону, который берется на пари выпить всякое данное количество портвейна — any given quantity of port. Англичане старались не замѣчать стабости великаго человѣка. Миссъ Элеонорѣ Эденъ хотѣлось плакать и оттого, что Питтъ ничего ей не сказалъ, и оттого, что онъ не замѣтилъ совершенно ея новаго платья, и оттого, что онъ пьетъ этотъ ужасный напитокъ. Лордъ Ауклэндъ, наклонившись къ дочери, шепнулъ ей на ухо, что врачи давно предписали первому министру старый портвейнъ для укрѣпленія здоровья. Пристлей съ радостной ненавистью глядѣлъ на Питта и желалъ ему напиться вдребезги пьянымъ. Искоса посматривалъ на премьера и Таллейранъ. Епископъ Отенскій когда-то встрѣчался съ Питтомъ во Франціи, но первый министръ не счелъ нужнымъ вспомнить объ ихъ знакомствѣ. Таллейранъ очень скоро замѣтилъ влюбленные взгляды, которые бросала на Питта миссъ Элеонора Эденъ. Это и позабавило его, и нѣсколько раздражило, хоть онъ самъ не могъ имѣть рѣшительно никакихъ видовъ на дочь лорда Ауклэнда. Штааль не отрывалъ взора отъ могущественнѣйшаго въ мірѣ человѣка, только что пожавшаго ему руку, и старался не упустить ни одного слова и ни одного жеста Питта. Воронцовъ, все больше страдая головной болью, привѣтливо улыбаясь соображалъ, сколько еще времени пробудутъ на раутѣ гости.

— Вы потеряли случай услышать чрезвычайно интересный споръ, — сказалъ онъ первому министру съ легкой насмѣшкой въ голосѣ. — «On n'a pas tous

les jours l'occasion d'assister à une passe d'armes entre Monsieur Burke et Monsieur de Talleyrand.

— Если-бы я это предвидѣлъ, — отвѣчалъ тѣмъ-же тономъ Питтъ, — я бы вышелъ въ отставку и пріѣхалъ часомъ раньше.

— D'ailleurs, la discussion n'est pas terminée, n'est-ce pas? — добавилъ Воронцовъ, обращаясь къ Берку и Таллейрану и какъ-бы приглашая ихъ продолжать споръ. Но Беркъ съ рѣшительнымъ выраженіемъ на лицѣ отрицательно покачалъ головой.

— Я не могу повторить здѣсь того, что я доказалъ на тысячѣ страницъ, — сухо замѣтилъ онъ.

— И какихъ страницъ!.. — любезно, съ усмѣшкой, вставилъ Таллейранъ.

Пивоваръ спросилъ Питта, не слышно-ли чего новаго въ военныхъ дѣлахъ. Воронцовъ опять поморщился, находя разговоры о войнѣ съ Франціей неудобными въ присутствіи гостя-француза. Но невозмутимое выраженіе лица Таллейрана ясно показывало, что его не можетъ смутить ни эта тема, ни вообще какая-бы то ни было другая.

Питтъ уклончиво отвѣтилъ на вопросъ пивовара. У него была совершенно сенсаціонная военно-политическая новость, только что привезенная ему изъ ставки принца Кобургскаго, но онъ и не думалъ дѣлиться ею въ салонѣ. По долголѣтней привычкѣ правителя, Питтъ никогда ничего не сообщалъ безъ необходимости и довольно рѣдко сообщалъ правду. Точно уступая желанію гостей, онъ коснулся общей политической темы. Блѣдное лицо его стало еще блѣднѣе отъ выпитаго вина и даръ природнаго оратора повелительно потребовалъ выхода. Питтъ всталъ какъ-бы для того, чтобы взять бисквитъ изъ вазы, и уже больше не садился; прислонившись спиной къ мрамору камина, онъ заговорилъ будто нехотя. Хотя онъ не все время молчалъ и прежде, но сразу гостямъ, включая и Штааля, стало

ясно, что то, прежнее, было такъ, а настоящее наступило лишь теперь. Началъ Питтъ очень негромко; разговоры въ гостиной мгновенно стихли.

Первый министръ говорилъ о великомъ дѣлѣ свободы, на защиту котораго во всей своей грозной силѣ встаетъ старая Англія; лорды и простые люди одинаково исполнятъ свой долгъ и, если нужно, умрутъ за отечество... Говорилъ онъ — въ отличіе отъ Берка — самыя простыя, банальныя вещи, но говорилъ такъ, что улыбки сразу стерлись, а изъ англичанъ многіе поблѣднѣли. Голосъ Питта расширился и сверкающіе глаза пріобрѣли какой-то почти нестерпимый блескъ. Къ горлу миссъ Элеоноры стали подступать рыданья; но если-бъ она теперь заплакала, то большинство гостей не слишкомъ-бы этому удивилось, ибо слова, которыя говорилъ первый министръ, хватали за душу каждаго англичанина.

Таллейранъ внимательно слушалъ и, несмотря на привычку къ краснорѣчію, не могъ не восхищаться въ качествѣ отставного профессіонала. Онъ видѣлъ, что Питтъ можетъ такъ вдохновенно говорить часъ, два, три, ничего рѣшительно не сказавъ; по мнѣнію бывшаго епископа Отенскаго это свидѣтельствовало о совершенно исключительномъ ораторскомъ талантѣ. Какъ техникъ и знатокъ, онъ оцѣнилъ и превосходный голосъ, и дикцію, и чисто оперное дыханіе Питта. Таллейранъ сразу отвелъ британскому премьеру одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ огромномъ числѣ слышанныхъ имъ ораторовъ, — только немногимъ ниже Мирабо и значительно выше Барнава.

Питтъ оборвалъ рѣчь. Состояніе нервнаго напряженія кончилось; гости чувствовали искреннюю потребность выражать восторгъ — и не знали, какъ его выразить въ салонѣ. Эдмундъ Беркъ приподнялся на креслѣ и проникновенно воскликнулъ, простирая обѣ руки къ премьеру:

— Cape saxa manu cape robora pastor!..

Но, воскликнувъ, тутъ-же пожалѣлъ, что и рѣчь Питта, и его вдохновенное восклицаніе случились не въ парламентѣ, а передъ аудиторіей всего изъ двадцати человѣкъ, безъ участія представителей прессы. Питтъ, молодой человѣкъ и исключительно практикъ, никакихъ книгъ не писавшій, не былъ конкуррентомъ для Берка, который вдобавокъ видѣлъ въ немъ теперь какъ-бы своего ученика.

Общество стало разбиваться на группы. Кривцовъ и Лизакевичъ занимали дамъ. Мужчины сгруппировались вокругъ Питта. Чувствуя особый подъемъ отъ блестящей рѣчи и отъ второй бутылки портвейна, премьеръ разговаривалъ съ Беркомъ о политической философіи, цитируя своихъ любимыхъ авторовъ, особенно Болингброка и Мильтона. Беркъ одобрительно кивалъ головой, слушая эти цитаты и пріятно сознавая неизмѣримое превосходство своей учености надъ тощей эрудиціей Питта. Оба они упорно, но тщетно старались вовлечь въ бесѣду Воронцова, который равномѣрно ухаживалъ за гостями. Таллейранъ слушалъ молча и не обнаруживалъ ни малѣйшаго желанія вступить въ разговоръ. Пристлей, къ большому неудовольствію посматривавшаго на него издали Лизакевича, заинтересовался розовыми восковыми свѣчами. Онъ даже вынулъ одну свѣчу изъ канделябра и то наклонялъ ее бокомъ, то дулъ на нее, но дѣлалъ всѣ эти опыты такъ ловко, что ни одна капля воска не пролилась на дорогую шитую скатерть столика. Внезапно пасторъ оторвался отъ этихъ опытовъ и радостно вступилъ въ разговоръ. Питтъ сдѣлалъ какую-то ошибку въ цитатѣ и Пристлей, который зналъ все, немедленно, сіяя, его поправилъ. Таллейранъ не могъ удержаться отъ улыбки. Первый министръ нахмурился. Его лицо приняло то злое, гнѣвное выраженіе, за которое враги окрестили его кличкой the angry boy.[1]) Онъ ничего

[1]) Сердитый мальчикъ.

не сказалъ, но про себя подумалъ, что оба эти господина, Пристлей и Таллейранъ, совершенно напрасно проживаютъ въ Англіи, только смущая умы въ такое опасное время. И немедленно занесъ это въ память на случай, если ему удастся, какъ онъ разсчитывалъ, въ связи съ войной пріостановить дѣйствіе конституціонныхъ гарантій и Habeas Corpus Act'a. Закончивъ разговоръ съ Беркомъ, онъ поднялся и подошелъ къ хозяину.

Воронцовъ замѣтилъ восторженный взглядъ, которымъ смотрѣлъ на Питта Штааль, и, желая сдѣлать ему удовольствіе, вторично представилъ его первому министру. Онъ сказалъ при этомъ нѣсколько очень лестныхъ словъ о молодомъ человѣкѣ. У Штааля покраснѣло не только лицо, но и шея. Питтъ разсѣянно пожалъ ему руку, хотя уже сдѣлалъ это раньше, при входѣ въ гостиную.

— Вотъ плачетъ все, что не видалъ Парижа и не можетъ туда попасть, — сказалъ, улыбаясь, Воронцовъ.

Первый министръ, очевидно думавшій о другомъ, вдругъ впился въ Штааля своими сверкающими глазами.

— А, вы хотите попасть въ Парижъ? — спросилъ онъ медленно.

Въ это время одна изъ дамъ уронила вѣеръ. Воронцовъ поспѣшилъ къ ней и, поднявъ вѣеръ, любезно заговорилъ съ дамой.

— Вы хотите попасть въ Парижъ? — повторилъ Питтъ, еще зорче впиваясь глазами въ юношу.

Штааль такъ оробѣлъ, оставшись одинъ на одинъ съ первымъ министромъ, что не могъ ничего отвѣтить кромѣ „oui, je voudrais“ и „c'est à dire“... Ему казалось, будто глаза Питта его раздѣваютъ и взвѣшиваютъ на невидимыхъ вѣсахъ. Такъ они постояли молча съ полминуты.

— Какъ васъ зовутъ? — вдругъ коротко и властно спросилъ Питтъ. — Кто вы? Вы офицеръ?

Штааль отвѣтилъ, какъ отвѣчалъ въ училищѣ, когда не зналъ урока. Онъ добавилъ, что имѣетъ къ Питту письмо отъ князя Зубова.

— Вашъ посолъ говоритъ по-французски такъ хорошо, что его часто принимаютъ за француза, — сказалъ неожиданно Питтъ съ явнымъ неодобреніемъ въ тонѣ, очевидно относившимся къ этому удивительному знанію иностраннаго языка. — Кажется, много русскихъ говоритъ по-французски не менѣе хорошо... У насъ это большая рѣдкость... Если вы совершенно свободно владѣете французскимъ языкомъ, — вдругъ быстро добавилъ онъ, не сводя глазъ съ молодого человѣка, — я, пожалуй, могъ-бы доставить вамъ случай побывать во Франціи...

И вдругъ, перемѣнивъ тонъ, онъ равнодушно добавилъ:

— Пріѣзжайте ко мнѣ на Downing Street завтра, — онъ справился по книжкѣ, — въ четверть третьяго дня. Я хочу видѣть письмо князя Зубова... Я чрезвычайно уважаю князя... Вы скажете дежурному секретарю: русскій офицеръ отъ графа Воронцова.

Съ этими словами, небрежно кивнувъ молодому человѣку, Питтъ отошелъ къ хозяину дома и, беззаботно улыбаясь, заговорилъ съ нимъ, какъ будто нечаянно отводя его въ сторону. До Штааля донеслись слова: «участіе въ общемъ дѣлѣ»... «славная русская армія»... Онъ увидѣлъ также, что выраженіе лица графа Воронцова сразу перемѣнилось: привѣтливая хозяйская улыбка сошла, уступивъ мѣсто выраженію безстрастному и даже жесткому. Они такъ говорили нѣсколько минутъ. Никто изъ гостей къ нимъ не подходилъ. Затѣмъ Питтъ улыбнулся еще беззаботнѣй и, чуть пожавъ плечами, отошелъ, какъ будто съ нѣкоторой досадой. Онъ обмѣнялся вполголоса нѣсколькими замѣчаніями съ Беркомъ, затѣмъ вслухъ что-то произнесъ о fine weather и простился. Въ душѣ миссъ Элеоноры Ауклэндъ стало темно и холодно. Ворон-

цовъ, съ прежней хозяйской улыбкой, проводилъ перваго министра до площадки и тамъ горячо пожалъ ему руку, сказавъ съ чувствомъ: „cher ami". Лизакевичъ спустился съ Питтомъ къ входной двери. Какіе-то люди вновь разсыпались по улицѣ. Черезъ секунду стекла гостиной чуть задребезжали отъ ускоряющагося топота огромныхъ лошадей.

Вскорѣ послѣ ухода Питта начался общій разъѣздъ. Онъ произошелъ чрезвычайно быстро, точно каждый боялся остаться послѣднимъ. Воронцовъ едва успѣвалъ просить гостей посидѣть еще немного и уже почти не варьировалъ своихъ прощальныхъ любезностей. Пристлей поспѣшно одѣвался, желая на улицѣ возобновить съ Таллейраномъ разговоръ о первородномъ грѣхѣ. Таллейранъ съ тревогой поглядывалъ на пастора, разсчитывая немедленно ускользнуть. Молодые секретари неустанно сбѣгали по лѣстницѣ, провожая дамъ, и возвращались наверхъ. Миссъ Элеонору Эденъ проводилъ до самой кареты едва-ли не весь составъ миссіи.

— Вотъ, вотъ кто правитъ міромъ, — устало сказалъ по-французски Воронцовъ, садясь по привычкѣ у камина и наливая себѣ минеральной воды. — У всѣхъ выдающихся политическихъ дѣятелей есть что-то общее... Что-то очень тяжелое, дурное. Очевидно, я совсѣмъ не политическій дѣятель... Да, вотъ кто правитъ міромъ. Англія идетъ во главѣ человѣчества. Питтъ, Беркъ руководятъ Англіей. Они, а за ними этотъ маркизъ, и лордъ Ауклэндъ, и больше всѣхъ тотъ пивоваръ съ перстнями. Страшная сила. Она сломитъ французскую революцію... Въ сущности, Пристлей правъ, онъ честнѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ... Но что-же самъ онъ несетъ на смѣну Питтамъ? Въ области государственнаго строительства всѣмъ этимъ Пристлеямъ грошъ цѣна, какъ грошъ цѣна Робеспьерамъ... То же самое и у насъ. Кто создалъ великую Россію? Народъ? Да, конечно, хотъ народъ

въ Россіи, какъ и вездѣ, глупъ совершенно. Но безъ царей онъ не создалъ-бы ничего. Какъ странно! Исключите Петра и вы увидите, что цари наши не блистали ни умомъ, ни талантами, ни добродѣтелью. Добродѣтельно не блисталъ, впрочемъ и Петръ... А что было-бы съ Россіей безъ этихъ маленькихъ людей? Правда, у насъ сохранилось-бы въ Новгородѣ вѣче. Зато въ Кіевѣ хозяйничали-бы поляки, въ Ригѣ — шведы, на югѣ — турки и татары, въ Сибири — китайцы или дикари... Хищныя правительства создаютъ великія государства, благородныя — ихъ теряютъ. Вотъ странная проблема: какова должна быть власть? Гдѣ она хороша? У насъ — Зубовы, у французовъ — Мараты... Лучше всего въ Англіи, это безспорно. Но радости и здѣсь мало: парламентское лицемѣріе, интриги, подкупъ. И вездѣ деньги, деньги... Я обо всемъ этомъ думаю лѣтъ двадцать пять и пока ничего хорошаго не придумалъ. Думали, впрочемъ, объ этомъ люди и поумнѣе меня... Одно ясно: исторіи ломать нельзя. Именно потому Англія первая страна въ мірѣ, что въ ней ничего не ломаютъ. Глубокое слово сказалъ Беркъ: „Il do not like to see anything destroyed."[1])

Воронцовъ, видимо не ожидая отвѣта, задумался. Лизакевичъ, Штааль, Кривцовъ, не слишкомъ внимательно слушали его слова. Они были переполнены впечатлѣніями раута. Штааль сѣлъ въ кресло, въ которомъ только что сидѣлъ Питтъ, и думалъ о своей все увеличивающейся близости къ знаменитѣйшимъ людямъ міра. Его волновало предстоящее свиданіе съ первымъ министромъ. Онъ старательно припоминалъ и обдумывалъ каждое сказанное слово: было ясно, что Питтъ хотѣлъ дать ему какое-то важное, таинственное и опасное порученіе въ Парижъ. При этой мысли у Штааля радостно и тревожно замирало сердце. Онъ хотѣлъ въ первую минуту подѣлиться своими чув-

[1]) Я не люблю видѣть разрушеніе чего бы то ни было.

ствами съ Воронцовымъ, но потомъ рѣшилъ, что лучше пока никому объ этомъ не говорить.

Кривцовъ и другой секретарь вполголоса говорили объ Элеонорѣ Эденъ и давали непочтительное объясненіе нечувствительности Питта къ ея божественной красотѣ. — Она лучше, чѣмъ госпожа Сиддонсъ,—сказалъ восторженно Кривцовъ. Завязался не слишкомъ горячій, впрочемъ, споръ. Лизакевичъ, вспоминая сотни пріемовъ и раутовъ, на которыхъ ему пришлось быть въ жизни, угрюмо слушалъ молодыхъ людей.

XVIII

Сенсаціонное извѣстіе, привезенное Питту изъ ставки принца Кобургскаго, заключалось въ томъ, что главнокомандующій Сѣверной французской арміей, побѣдитель при Жемаппѣ, знаменитый генералъ Дюмурье, склоненъ войти въ тайные переговоры съ союзной коалиціей. Республиканскій генералъ, имѣвшій репутацію пламеннаго революціонера, бывшій, какъ говорили, въ дружбѣ съ Робеспьеромъ и Дантономъ, сообщилъ — правда, черезъ эмиссаровъ и очень осторожно — австрійскому главнокомандующему принцу Фридриху Кобургскому, что, желая положить конецъ несчастьямъ родины и владычеству проходимцевъ, онъ намѣренъ двинуть преданныя ему войска на Парижъ, разогнать Конвентъ, перевѣшать стоящую у власти шайку злодѣевъ и провозгласить малолѣтняго Людовика XVII французскимъ королемъ — на началахъ конституціи 1791 г. Въ виду этого генералъ требовалъ отъ союзниковъ прекращенія военныхъ дѣйствій, и намекалъ на необходимость денежной субсидіи, предназначенной для подкупа парижскаго населенія. Обрадованный принцъ Кобургскій спѣшно оповѣстилъ о сенсаціонномъ предложеніи императора, прусскаго короля и британскаго премьера.

Питтъ не довѣрялъ Дюмурье, какъ не довѣрялъ принцу Кобургскому и союзнымъ правительствамъ. Онъ вообще въ политикѣ никому не довѣрялъ и по принципу подозрѣвалъ обманъ во всякомъ политическомъ предложеніи, каково-бы оно ни было и отъ кого-бы оно ни исходило. Безъ сплошного обмана Питтъ даже не могъ представить себѣ политику. Этому научилъ его долгій государственный опытъ. Получивъ сообщеніе австрійскаго главнокомандующаго, онъ немедленно сдѣлалъ рядъ поправокъ на обманъ, возможный со стороны принца Кобургскаго, принялъ въ соображеніе замѣшанные, вѣроятно, въ дѣлѣ личные интересы — и затѣмъ очень быстро, холодно и проницательно обсудилъ предложеніе съ точки зрѣнія интересовъ Англіи. Вопросъ представлялся сложнымъ. Переходъ генерала Дюмурье на сторону союзниковъ могъ положить конецъ французской революціи — и само по себѣ это было, разумѣется, хорошо: Питтъ, побаивавшійся якобинской заразы, вполнѣ искренно желалъ торжества во всемъ мірѣ британскихъ идей разумнаго порядка и разумной свободы. Но, съ другой стороны, конецъ революціи означалъ, собственно, и конецъ войны, при чемъ Франція выходила изъ нея не ослабленной, а значительно усилившейся. Это совершенно не соотвѣтствовало намѣреніямъ Питта. Онъ долго не хотѣлъ воевать, но теперь, когда война началась, прекратить ее до побѣды казалось ему невозможнымъ. Теоретикъ Беркъ могъ видѣть главный смыслъ борьбы Франціи съ Англіей въ столкновеніи двухъ началъ: республики и монархіи, революціи и порядка. Питтъ цѣнилъ ученость, глубокомысліе и литературный талантъ Берка и даже уважалъ его, поскольку онъ могъ вообще — послѣ восьми лѣтъ власти — уважать людей, въ частности тѣхъ, кому онъ раздавалъ деньги и награды (по настоящему Питтъ уважалъ только себя и своего отца). Но первый министръ считалъ Берка чисто кабинетнымъ человѣкомъ. Самъ онъ, британскій

премьеръ и сынъ британскаго премьера, подходилъ къ дѣлу практически: за столкновеніемъ двухъ идей, онъ отнюдь не забывалъ борьбы двухъ могущественнѣйшихъ державъ міра. Питтъ боялся Франціи. Французская армія шла отъ побѣды къ побѣдѣ, несмотря на совершенно безумную, съ его точки зрѣнія, систему правленія и администраціи. Слѣдовало опасаться, что, по установленію порядка внутри страны, могущество Франціи приметъ прямо грозный для Англіи характеръ. Поэтому британскій премьеръ не слишкомъ желалъ скораго сверженія якобинцевъ. Такимъ образомъ его политика представлялась не совсѣмъ опредѣленной, а неискушеннымъ людямъ со стороны могла даже казаться противорѣчивой. Только самъ Питтъ ясно видѣлъ, вѣрнѣе чувствовалъ, стройную логику всѣхъ своихъ противорѣчій.

Кромѣ того, самый важный вопросъ заключался въ томъ, можетъ-ли генералъ Дюмурье всецѣло разсчитывать на свою армію. Одно стало совершенно очевиднымъ Питту съ первой минуты: необходимость окружить сѣтью агентовъ ставку французскаго главнокомандующаго.

Первый министръ очень любилъ систему тайной агентуры, тратилъ на нее большія деньги, лично ею руководилъ, входя въ самыя мелкія подробности организаціи, и имѣлъ вездѣ множество секретныхъ информаторовъ: у него на службѣ состояли люди разнаго положенія, разныхъ національностей, мужчины и женщины, наемники и добровольцы, якобинцы и эмигранты, иностранные принцы и рядовые шпіоны. Питтъ при этомъ разсчитывалъ, что изъ десяти нанимаемыхъ имъ людей одинъ можетъ оказаться дѣйствительно полезнымъ. Разумѣется, онъ никому въ отдѣльности не довѣрялъ, а довѣрялъ общей своей системѣ, контролируя донесенія однихъ по донесеніямъ другихъ и посылая особыхъ агентовъ для наблюденія за обыкновенными агентами. Были у него, конечно, свои

люди и въ Бельгіи на театрѣ военныхъ дѣйствій. Но теперь, по полученіи извѣстія объ измѣнѣ Дюмурье, онъ счелъ полезнымъ увеличить ихъ число. Нужно было использовать моментъ, чтобы ввести своихъ людей также въ республиканскую армію. Для этой цѣли годились рядовые сотрудники, хорошо владѣвшіе французскимъ языкомъ. Питтъ нашелъ подходящимъ для нея и русскаго, котораго онъ встрѣтилъ на вечерѣ у графа Воронцова. Молодой человѣкъ, столь желавшій попасть во Францію, съ перваго взгляда показался ему порядочнымъ авантюристомъ. Какъ всѣ искушенные властью государственные дѣятели, Питтъ считалъ себя безошибочнымъ физіономистомъ; да и дѣйствительно обладалъ способностью хорошо распознавать людей.

Въ день, указанный для пріема Штаалю, въ записной книжкѣ перваго министра значилось около десяти аудіенцій, но изъ нихъ важныя только двѣ: одна — съ знаменитымъ адмираломъ по серьезному дѣлу, касающемуся войны; другая — съ виднымъ членомъ Палаты Общинъ, предлагавшимъ интересную парламентскую комбинацію, которая могла еще ослабить группу Фокса и даже нѣсколько скомпрометтировать этого политическаго дѣятеля. Остальные посѣтители являлись съ просьбами или просто были люди, желающіе безъ особаго дѣла поговорить съ премьеромъ и имѣющіе на то право по своему общественному положенію. Всѣ пріемы первый министръ провелъ со своимъ обычнымъ мастерствомъ. Ловко и незамѣтно выспросилъ у стараго адмирала тѣ свѣдѣнія, которыя ему были нужны для парламента и кабинетскихъ распоряженій. Питтъ учился почти исключительно изъ разговоровъ и выспрашивалъ своихъ собесѣдниковъ всегда столь искусно, что имъ казалось, будто онъ ихъ экзаменуетъ, зная вопросъ много лучше ихъ самихъ; такъ Адамъ Смитъ, полушутя, полусерьезно, говорилъ, что его собственное экономическое ученіе стало ему вполнѣ яснымъ лишь послѣ разговора о немъ съ Питтомъ; такъ и на этотъ разъ

старый адмиралъ, выходя изъ кабинета на Downing Street, умиленно благодарилъ Бога за то, что Онъ послалъ Англіи премьера, столь тонко понимающаго и столь хорошо освѣдомленнаго въ дѣлахъ морской войны. Затѣмъ Питтъ принялъ члена Палаты Общинъ и далъ ему мастерское наставленіе для интриги противъ Фокса, оставшись самъ отъ нея какъ будто совершенно въ сторонѣ. Вѣжливо отказалъ просителю, просьба котораго не отвѣчала интересамъ Англіи и который былъ ему не нуженъ. Удовлетворилъ двухъ другихъ просителей: изъ нихъ одинъ былъ ему нуженъ, а другой имѣлъ вполнѣ основательную просьбу. Поговорилъ съ каждымъ изъ остальныхъ, пришедшихъ безъ настоящаго дѣла, людей ровно столько, сколько было нужно въ зависимости отъ ихъ общественнаго положенія. Все это Питтъ продѣлывалъ, такъ искусно и незамѣтно распредѣляя разговоръ во времени, что каждаго посѣтителя онъ принималъ въ указанный заранѣе часъ, съ опозданіемъ развѣ въ нѣсколько минутъ. Штааля онъ принялъ восьмымъ. Назначенная молодому человѣку аудіенція принадлежала къ разряду неважныхъ. То, что этотъ молодой человѣкъ въ связи съ ней сильно рисковалъ головой, разумѣется, не имѣло ни малѣйшаго значенія для Питта. Онъ давалъ Штаалю порученіе въ интересахъ Англіи; а въ интересахъ Англіи Питтъ всегда готовъ былъ рисковать собственной своею жизнью, — не то, что жизнью русскаго мальчишки.

Первый министръ быстро просмотрѣлъ письмо князя Зубова, которое Штааль ему подалъ, волнуясь больше, чѣмъ въ Эрмитажѣ, въ этомъ священномъ кабинетѣ на Downing Street, казавшемся ему политическимъ центромъ вселенной. Питтъ и не читалъ письма до конца (онъ въ одну минуту высасывалъ все важное изъ любой самой длинной бумаги), но понялъ сразу (хотя это и не было сказано опредѣленно), что неоффиціальному главѣ Россійской Имперіи будетъ пріятно возможно болѣе продолжительное пребываніе

заграницей господина Штааля. Питтъ бросилъ бѣглый взглядъ на красивое лицо молодого русскаго и, хорошо зная нравы Петербургскаго двора, немедленно догадался, въ чемъ дѣло. Первый министръ брезгливо искривилъ верхнюю губу — хороша политика въ этой варварской странѣ! — и подумалъ, что молодой человѣкъ можетъ ему пригодиться и впослѣдствіи: въ Петербургѣ Англіи тоже нужны агенты, особенно агенты съ такими возможностями: «Пожалуй, станетъ моимъ коллегой», — брезгливо усмѣхаясь, подумалъ первый министръ. Наклонныя линіи морщинъ на его лицѣ совершенно искривились и выразили отвращеніе, смѣшанное съ чѣмъ-то еще. Кратко и сухо онъ предложилъ Штаалю предпринять поѣздку *заграницу* въ интересахъ Россіи и Англіи: цѣли обѣихъ державъ теперь совершенно совпадаютъ. Разумѣется, Питтъ не обмолвился ни однимъ словомъ о Дюмурье: онъ только пояснилъ, что дѣло идетъ объ освѣдомительной поѣздкѣ, *пока* въ ставку принца Кобургскаго.

— Оттуда, если вы желаете, — сказалъ онъ медленно, — вамъ будетъ дана возможность проѣхать во Францію... Донесенія русскаго офицера, вполнѣ владѣющаго французскимъ языкомъ, о настроеніяхъ населенія и арміи (Питтъ не сказалъ, какого населенія и какой арміи) намъ могутъ быть очень полезны. Я буду, разумѣется, посылать копіи въ Петербургъ.

Штааль еще утромъ рѣшилъ, что непремѣнно приметъ всякое порученіе Питта, лишь бы оно было совмѣстимо со званіемъ и достоинствомъ русскаго дипломата. Предложеніе, которое ему сдѣлалъ первый министръ, оказалось еще болѣе соблазнительнымъ, чѣмъ онъ могъ надѣяться. Его посылали въ армію, на театръ военныхъ дѣйствій. Онъ могъ увидѣть войну, принять въ ней участіе, отличиться, заслужить награды. Молодой человѣкъ вспыхнулъ отъ радости; но тутъ же все-таки подумалъ, что было бы гораздо лучше получить это порученіе отъ своего правительства, а не отъ чу-

жого (хотя въ ту пору открытая служба иностраннымъ правительствамъ составляла очень распространенное явленіе).

Быстро соображая все это, Штааль отвѣтилъ первому министру нѣсколько запутанно. Не зналъ къ тому же, какъ надо называть Питта. «Милордъ»? — такъ вѣдь онъ не лордъ... „Votre Haute Excellence", кажется, по французски не говорятъ. „Votre Excellence"— маловато, онъ еще обидится... Никакъ не надо называть... Что-жъ, соглашаться? Или спросить Семена Романовича? Не пуститъ...

Питтъ какъ будто угадалъ сомнѣнія молодого человѣка.

— Повторяю, — сказалъ онъ нетерпѣливо, — интересы Россіи и Англіи въ настоящее время совершенно совпадаютъ. Я вполнѣ увѣренъ, что русское правительство будетъ удовлетворено, если вы примете и хорошо выполните возлагаемое на васъ порученіе. Въ этомъ меня убѣждаетъ и письмо князя Зубова, — значительно подчеркнулъ онъ (письмо было вручено ему запечатаннымъ). — Разумѣется, я немедленно извѣщу князя о вашей поѣздкѣ... Но графу Воронцову, — небрежно добавилъ Питтъ, — было бы безполезно сообщать о предметѣ нашего разговора. Графъ, кажется, находитъ васъ слишкомъ молодымъ для отвѣтственныхъ порученій.

— Я считаю себя вправѣ принять порученіе, — сказалъ Штааль. — Мнѣ къ тому же предписано посылать въ Петербургъ донесенія о состояніи умовъ французскихъ эмигрантовъ («кажется, не слѣдовало сообщать это Питту», — вспомнилъ онъ, — «ну, да все равно»). Между тѣмъ въ ставкѣ принца Кобургскаго, безъ сомнѣнія, много эмигрантовъ.

— Очень радъ, что вы согласны, — холодно замѣтилъ Питтъ, вставая, и сверху внизъ, съ высоты своего огромнаго роста, еще разъ осмотрѣлъ молодого человѣка. — Можетъ быть, наша связь продлится и тогда,

когда вы вернетесь въ Россію... — Онъ помолчалъ и добавилъ, опять брезгливо сгибая верхнюю губу, а съ ней тройную линію морщинъ: — Завтра вмѣстѣ съ инструкціей вамъ будутъ доставлены деньги на поѣздку. Расходовать ихъ нужно, разумѣется, бережливо.

Штааль вспыхнулъ еще больше и отказался отъ денегъ. Какъ русскій дипломатъ, онъ не можетъ ихъ принять, да и не нуждается. Онъ постарается выполнить порученіе и оправдать оказанное ему довѣріе — въ интересахъ Россіи.

Питтъ посмотрѣлъ на молодого человѣка нѣсколько болѣе благосклонно. Обыкновенно, когда люди отказывались отъ денегъ, которыя онъ имъ предлагалъ, первый министръ заключалъ, что предложилъ недостаточную сумму и что съ него хотятъ взять больше. Но такъ какъ на этотъ разъ отказъ послѣдовалъ прежде, чѣмъ онъ успѣлъ назвать цифру, то Питтъ сразу мысленно перечислилъ Штааля изъ разряда авантюристовъ продажныхъ въ разрядъ безкорыстныхъ искателей приключеній. Это также была очень полезная для него, то-есть для Англіи, порода людей. Морщины у губъ Питта приняли обыкновенное положеніе. Онъ пожалъ руку молодому человѣку, велѣлъ оставить у секретаря адресъ и пожелалъ добраго пути.

На слѣдующее утро въ гостиницу, гдѣ жилъ Штааль, явился секретарь Питта, молодой, прекрасно одѣтый и изумительно выбритый чиновникъ, съ лица котораго не сходило особенное сіяніе, явно происходившее отъ сознанія близости къ первому государственному человѣку міра. Онъ и смотрѣлъ на собесѣдниковъ, какъ Питтъ, сверху внизъ, хотя ростомъ былъ гораздо меньше премьера. Секретарь привезъ Штаалю инструкцію, письмо въ ставку принца Кобургскаго и запасной паспортъ на имя американскаго гражданина Траси. Фамилія эта, по словамъ секретаря, могла свидѣтельствовать о французскомъ или канадскомъ происхожденіи и объяснять знаніе французскаго языка,

недостаточное для коренного француза и слишкомъ хорошее для американца. Штаалю показалось, что это придумано очень тонко. Нѣсколько взволнованный подложнымъ паспортомъ съ красиво расчеркнутыми подписями и огромной восковой печатью, онъ прочелъ инструкцію. Она была составлена по-англійски, безъ подписи, и точно, и неясно. Главная задача, возлагавшаяся на Штааля, состояла въ томъ, чтобы выяснять настроеніе населенія и арміи въ мѣстахъ, гдѣ ему придется быть. Но мѣста эти въ инструкціи не были указаны даже приблизительно. Секретарь на словахъ сообщилъ, какимъ способомъ должны пока доставляться донесенія, и далъ молодому человѣку нѣсколько полезныхъ практическихъ совѣтовъ.

Въ тотъ же день вечеромъ Штааль закончилъ свой первый отчетъ о настроеніяхъ французской эмиграціи въ Лондонѣ, использовавъ все то, что ему сообщилъ Воронцовъ и что онъ понялъ изъ разговора Берка съ Таллейраномъ. Онъ запечаталъ конвертъ своей печатью и передалъ его въ миссію для пересылки въ Петербургъ — в а л и з о й. Затѣмъ Штааль простился съ графомъ Воронцовымъ. Онъ объяснилъ, что, согласно данному ему въ Петербургѣ порученію, хочетъ съѣздить въ Бельгію и выяснить настроеніе французскихъ эмигрантовъ въ ставкѣ. Семенъ Романовичъ прекрасно видѣлъ, что Штааль чего-то не договариваетъ. На лицѣ молодого человѣка достаточно ясно читалась таинственность. Паспорта нельзя было получить въ Лондонѣ безъ посредства Downing Street, и Воронцовъ смутно подозрѣвалъ, что дѣло не обошлось безъ Питта. Но Штааль не былъ формально подчиненъ русскому посланнику, содержанія письма Зубова графъ не зналъ и вообще мало понималъ въ заграничной миссіи Штааля. Онъ видѣлъ только, что понравившійся ему сначала молодой человѣкъ, недурно одаренный отъ природы, хотя и не очень умный, имѣетъ, къ сожалѣнію, богатые задатки авантюриста. „Un chevalier d'aven-

tures, pourvu qu'il ne devienne un chevalier d'industrie", подумалъ графъ и очень холодно простился съ Штаалемъ, ничего не сказавъ въ отвѣтъ на его обѣщаніе скоро вернуться въ Лондонъ.

XIX

Въ приморскомъ городкѣ, куда приставали приходящіе изъ Англіи корабли, британскій агентъ сообщилъ Штаалю подробности объ успѣхахъ союзнаго оружія на бельгійскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Сраженіе при Неервинденѣ закончилось 19-го марта полной побѣдой принца Кобургскаго. Двумя днями позже былъ занятъ Лувенъ и съ минуты на минуту ожидалось очищеніе французами Брюсселя. Мѣстонахожденіе штаба имперскаго главнокомандующаго въ день пріѣзда Штааля не было точно извѣстно агенту. Онъ совѣтовалъ переждать день-другой, а затѣмъ направиться въ Брюссель, въ которомъ несомнѣнно должна была скоро обосноваться ставка принца.

Штааль на это не согласился. Молодой человѣкъ вошелъ во вкусъ войны послѣ тревожнаго морского перехода. Опасаясь французскихъ каперовъ, они шли ночью съ потушенными огнями и никто не раздѣвался на шкунѣ. Несмотря на холодъ, Штааль провелъ ночь на верхней палубѣ. Завернувшись въ доху, онъ то дремалъ на сундукѣ; то, проснувшись отъ холоднаго вѣтра, забиравшагося въ рукава, подъ воротникъ и за сапоги, быстро ходилъ взадъ и впередъ по квартердеку, изучая морское дѣло и стараясь запомнить терминологію: реи, марсы, шпангоуты, гафеля; то, прислонившись къ борту, вглядывался въ темную ночь. Разъ ему даже показалось, будто къ нимъ съ правой стороны — или, какъ показывалъ его карманный компасъ, съ юго-запада — подходилъ большой непріятельскій фрегатъ.

Штаалю представился абордажъ, при которомъ онъ наповалъ застрѣливалъ французскаго капитана. Онъ хотѣлъ обратить на врага вниманіе караульнаго, висѣвшаго въ бочкѣ на фокъ-мачтѣ, но караульный висѣлъ высоко, надо было-бы кричать во все горло; Штааль рѣшилъ немного переждать и фрегатъ, повидимому, прошелъ мимо. Молодой человѣкъ скоро снова заснулъ на сундукѣ, хлебнувъ предварительно, чтобы согрѣться, рому изъ висѣвшей у него на поясѣ фляги. Его разбудили голоса и бѣготня на палубѣ: было свѣтло и они подходили къ берегу. Къ судну уже подъѣзжалъ на лодкѣ лоцманъ; матросы на мачтахъ убирали косые паруса.

Нанявъ за порядочныя деньги коляску, Штааль велѣлъ закладывать, наскоро стоя позавтракалъ передъ буфетомъ постоялаго двора (можно было позавтракать и сидя, ибо лошадей закладывали долго) и выѣхалъ по направленію къ Брюсселю. Въ пути, по мѣрѣ удаленія отъ морского берега, его все сильнѣе охватывала непривычная атмосфера войны. Была ростепель, и коляска, несмотря на начаи, которые Штааль то и дѣло сулилъ кучеру, подвигалась довольно медленно. На дорогѣ стояли огромныя лужи, и лошади вступали въ нихъ почти по колѣна, захлестывая грязью фартукъ кренящейся коляски, шинель, лицо и фуражку Штааля. Порою коляска останавливалась совершенно: впереди шли длинные обозы подъ конвоемъ солдатъ въ незнакомыхъ мундирахъ, и мѣстами нужно было ждать расширенія дороги, чтобы ихъ объѣхать. Навстрѣчу часто попадались скачущіе галопомъ верховые, забрызганные грязью такъ, что нельзя было разглядѣть ихъ форму, и медленно движущіяся закрытыя фуры съ ранеными. Разъ встрѣтилась богато запряженная коляска, при видѣ которой кучеръ испуганно снялъ картузъ и перекрестился. На сидѣніи коляски, упираясь въ переднюю скамью, лежалъ наискось перевитый вѣн-

ками узкій гробъ. Его поддерживали съ обѣихъ сторонъ руками и колѣнями, оживленно разговаривая черезъ гробъ между собой, два молодыхъ офицера. Очевидно, увозили въ тылъ тѣло какого-то важнаго лица. Фронтъ продвигался впередъ медленнѣе, чѣмъ ѣхалъ Штааль, и приближеніе къ нему сказывалось все явственнѣе. Но канонады, которой ждалъ молодой человѣкъ, все еще не было слышно. Носились неопредѣленные слухи о какомъ-то перемиріи съ французами.

Верстахъ въ двадцати отъ Брюсселя по Антверпенской дорогѣ находилась большая застава. Офицеръ-австріецъ, остервенѣвшій отъ схваченнаго насморка, свирѣпымъ голосомъ потребовалъ бумаги Штааля. Увидѣвъ пропускъ въ ставку, онъ, впрочемъ, сталъ любезнѣе и сообщилъ, что французская армія проходитъ, не останавливаясь, черезъ городъ. Завтра, 25-го марта, въ него войдутъ имперскія войска. Пока дальше ѣхать было невозможно. Штааль провелъ ночь въ крестьянской избѣ. На слѣдующій день, часовъ въ шесть утра, черезъ заставу двинулись впередъ кавалерійскія части и по большой дорогѣ, идущей отъ Малина, началось медленное движеніе экипажей, войскъ и обозовъ. Коляска Штааля влилась въ общій потокъ и часамъ къ десяти остановилась у воротъ гостиницы, на одной изъ старыхъ узкихъ улицъ, впадающихъ въ Grand' Place. Наканунѣ въ этой гостиницѣ квартировали французскіе офицеры — и кое-гдѣ по стѣнамъ хозяинъ еще не прибралъ трехцвѣтныхъ флажковъ. Штааль легко получилъ комнату, такъ какъ пріѣхалъ въ числѣ первыхъ, не имѣлъ никакой реквизиціонной квитанціи и благоразумно объщалъ платить за все золотой монетой. Но когда онъ, смывъ съ себя грязь и переодѣвшись, спустился снова внизъ, гостиница была совершенно переполнена: отвѣтный хозяинъ съ убитымъ видомъ отвѣчалъ въѣзжавшимъ во дворъ новымъ гостямъ: „Désolé! c'est bondé"; а

тѣмъ, кто предъявлялъ реквизиціонныя квитанціи, указывалъ адреса своихъ конкурентовъ.

Штааль вошелъ въ столовую и увидѣлъ пышное зрѣлище. Всѣ столы большой комнаты были заняты нарядными имперскими офицерами въ красивыхъ, богатыхъ, но слежавшихся въ чемоданахъ мундирахъ. Слышалась почти исключительно французская рѣчь въ нѣмецкомъ, венгерскомъ, польскомъ, кроатскомъ и другихъ произношеніяхъ. Чувствовалась праздничная оживленная атмосфера штабовъ только что одержавшей побѣду арміи. Летавшій метръ д'отель отыскалъ для Штааля мѣсто у небольшого столика, за который какъ разъ садился элегантный офицеръ, безусый мальчикъ съ румянымъ веселымъ лицомъ. Штааль слегка поклонился. Офицеръ немедленно вновь поднялся съ мѣста и сообщилъ свою фамилію: лейтенантъ драгуновъ Латура, Дитерихсъ фонъ-Альтенштейнъ. Штааль тоже назвалъ себя. Имъ подали меню, на которомъ potage Condé и poularde Montmorency замѣнила вчерашніе soupe à la sans-culotte и poule à la Brutus. Чтобы оказать почтеніе гостямъ, хозяинъ на сладкое заказалъ даже повару Zwetschkenknödel, что за всѣми столами вызвало дѣйствительно шумный восторгъ. При обсужденіи меню Штааль и его сосѣдъ разговорились. Лейтенантъ оказался чрезвычайно милымъ и общительнымъ молодымъ человѣкомъ, проникнутымъ той особой любовью къ иностранцамъ, которая во всемъ мірѣ свойственна, кажется, однимъ лишь вѣнцамъ. Онъ назвалъ Штаалю имена двухъ завтракавшихъ въ залѣ генераловъ, объяснилъ ему мундиры, погоны и знаки отличія имперскихъ войскъ; сообщилъ также, что ближайшимъ образомъ участвовалъ въ сраженіи при Неервинденѣ, которое, по его словамъ, являлось одной изъ величайшихъ побѣдъ въ исторіи міра. Самымъ замѣчательнымъ эпизодомъ сраженія была атака, произведенная 21 эскадрономъ имперской кавалеріи, подъ командой генерала Бороса, на французскія

позиціи между Обервинденомъ и Рокуромъ. Гусары Бланкенштейна, кирасиры Цешвитца, и особенно они, драгуны Латура, покрыли себя въ этотъ день безсмертной славой. Лейтенантъ Дитерихсъ фонъ-Альтенштейнъ лично участвовалъ въ аттакѣ, при чемъ у него въ двухъ мѣстахъ была прострѣлена пулями шляпа, а отъ удара копьемъ въ грудь его чудомъ спасъ большой серебряный портсигаръ, подаренный ему бѣлокурымъ Schatz'емъ въ Вѣнѣ; лейтенантъ хотѣлъ даже показать Штаалю погнувшійся портсигаръ, но тотъ, какъ нарочно, остался наверху въ номерѣ. Французы также недурно дрались, — особенно бѣлые (линейныя войска), а синіе (волонтеры) куда похуже. Въ центрѣ, говорятъ, самъ Дюмурье водилъ пѣхоту въ аттаку. Вообще французы хорошій народъ и ужасно жаль, что они затѣяли эту глупую революцію. Впрочемъ, для него, Дитерихсъ фонъ-Альтенштейна, не существуетъ національныхъ предразсудковъ. Онъ любитъ и уважаетъ всѣ націи, — за исключеніемъ, разумѣется, чеховъ, которыхъ терпѣть не можетъ, потому что они дѣйствительно ужасно противны, всѣ эти господа Поспешиль и Кшиванекъ (лейтенантъ совершенно уничтожающе, какимъ-то тоненькимъ фальцетомъ, нараспѣвъ произнесъ, растягивая по слогамъ, эти чешскія имена). Русскихъ Дитерихсъ также любилъ и признавалъ военное дарованіе Суворова, который въ Турціи оказалъ принцу Кобургскому очень серьезныя услуги. Если-бъ Суворовъ обладалъ теоретическими познаніями, изъ него могъ-бы выйти русскій Даунъ или де-Ласси. Принцъ Кобургскій тоже прекрасный полководецъ, но Штаалю по знакомству можно сообщить, что въ дѣйствительности всѣмъ въ ихъ арміи руководитъ генералъ-квартирмейстеръ, полковникъ Маккъ. Называя это имя, Дитерихсъ умиленно возвелъ глаза къ потолку: полковникъ Маккъ, фактическій главнокомандующій имперской арміей, авторъ плана бельгійской кампаніи, руководитель сраженій при Неервинденѣ и Лувенѣ, былъ,

по словамъ лейтенанта и по общему мнѣнію авторитетовъ того времени, самымъ блестящимъ военнымъ геніемъ вѣка *).

— Онъ душа нашей арміи. Безъ него въ ставкѣ не дѣлается ничего, — сказалъ Дитерихсъ, незамѣтно накладывая себѣ на тарелку третью порцію Zwetschkenknödel.

— Тогда, значитъ, и я къ нему попаду, — замѣтилъ радостно Штааль. — У меня порученіе въ вашъ главный штабъ.

— Непремѣнно попадете къ Макку, — подтвердилъ лейтенантъ. — Впрочемъ, теперь скоро конецъ войнѣ.

— Почему? — изумился Штааль.

Лейтенантъ посмотрѣлъ на него и многозначительно поднялъ брови.

— Дюмурье, — медленно произнесъ онъ, одновременно наслаждаясь Zwetschkenknödel'ями и производимымъ эффектомъ.

Въ отвѣтъ на недоумѣвающее выраженіе лица Штааля, Дитерихсъ съ легкой улыбкой, относившейся къ неосвѣдомленности собесѣдника, сообщилъ, что генералъ Дюмурье вступилъ въ переговоры со ставкой принца Кобургскаго. Онъ предполагаетъ двинуться на Парижъ съ тѣмъ, чтобы возстановить монархію. Обо всемъ существенномъ уже договорились. Сегодня въ главной квартирѣ французовъ въ Атѣ будетъ заключено окончательное соглашеніе.

— Вы не знали? Теперь это уже не секретъ, и я потому вамъ сообщаю, — сказалъ, слегка улыбаясь, драгунъ (онъ самъ услышалъ объ измѣнѣ Дюмурье часа два тому назадъ).

Штааль былъ совершенно озадаченъ. Конецъ войны!... Знаменитый революціонный генералъ хочетъ

*) Тотъ самый, который въ 1805 году сдался въ Ульмѣ Наполеону со всей своей арміей.

Авторъ.

возстановить монархію! . . . Молодой человѣкъ еще не могъ сообразить, какъ все это должно отразиться на его миссіи; но что-то въ сообщеніи Дитерихса было ему непріятно.

— Позвольте, это странно, — сказалъ онъ недовольнымъ голосомъ. — Я три дня тому назадъ видѣлся съ Питтомъ (вотъ тебѣ за «вы не знали?») и онъ мнѣ. . . и онъ еще ничего не зналъ. .

Драгунъ опять улыбнулся.

— Однако, *если это такъ, какъ вы говорите,* то мы, вѣроятно, черезъ двѣ недѣли будемъ въ Парижѣ?

— Даже навѣрное, — категорически подтвердилъ драгунъ. — Такъ думаютъ въ нашемъ штабѣ, а, вы понимаете, Маккъ недурно разбирается въ дѣлахъ. Приглашаю васъ въ Пале-Рояль на бутылку шампанскаго въ тотъ день, когда Дюмурье—онъ будетъ, говорятъ, коннетаблемъ маленькаго короля — повѣситъ Марата и Робеспьера. Надѣюсь, что господа якобинцы еще не выпили всего вина прекрасной Франціи. . . Ну, вы меня извините, я долженъ васъ покинуть, я вѣдь пріѣхалъ по дѣламъ нашего полка. Очень радъ былъ познакомиться и надѣюсь, наше знакомство продлится, — вы не уѣзжаете пока изъ этой гостиницы? Хорошо было-бы вечеромъ погулять по городу, а? Вообразите, я уже больше двухъ недѣль живу, какъ совершеннѣйшій монахъ. Вы не вѣрите? Что дѣлать, походъ. . . Брюссель, конечно, не Вѣна и не Парижъ, но, говорятъ, здѣсь есть хорошенькія женщины . . . Очень, очень былъ радъ . . .

Штааль не безъ сожалѣнія разстался съ говорливымъ вѣнцемъ. Расплатившись за обѣдъ, онъ вышелъ на улицу. На Grand' Place, поразившей его глазъ непривычной позолотой домовъ, стояла большая толпа. Посрединѣ площади дымился, плохо разгораясь на сыромъ воздухѣ, большой костеръ. Это народъ, которому смертельно надоѣли французы, комиссары и революція, съ криками „Vive l'Empereur!"

жегъ дерево свободы. Старый сторожъ площади руководилъ церемоніей, давалъ указанія и подкладывалъ сухого хвороста изъ хранившагося у него въ сторожкѣ запаса: старикъ имѣлъ привычку къ такимъ дѣламъ, ибо на Grand' Place постоянно что-либо жгли — въ послѣднее время больше скипетры и изображенія тирановъ, а во времена молодости сторожа, случалось, и живыхъ людей, что было гораздо интереснѣе (прежде все было интереснѣе).

Штааль разыскалъ главную квартиру и справился о нужныхъ ему лицахъ. Но его попросили прійти на слѣдующій день, ибо штабъ еще не размѣстился. Макка не было въ городѣ. Затѣмъ Штааль побродилъ по Брюсселю, посмотрѣлъ на думу, на Manneken Pis, на Porte de Hal, на другія достопримѣчательности, и почувствовалъ, что ему крайне скучно и тоскливо въ этой чужой толпѣ. Онъ зашелъ въ кофейню, спросилъ ликера и газетъ (давно ничего не читалъ). Лакей-фламандецъ съ ошалѣвшимъ лицомъ дико на него посмотрѣлъ. Этого лакея наканунѣ звали „citoyen", говорили ему ты — по-граждански, — начаевъ не давали, а за слово monsieur не такъ давно пригрозили предать его суду революціоннаго трибунала. Теперь онъ былъ garçon или Kellner, говорили ему имперскіе офицеры въ третьемъ лицѣ Er (чего онъ уже совсѣмъ не понималъ, хоть по-нѣмецки зналъ лучше, чѣмъ по-французски), публика оставляла на чай, но за слова „Merci, citoyen", сказанныя имъ по пріобрѣтенной въ послѣднее время привычкѣ, какой-то каваллерійскій офицеръ утромъ вытянулъ его хлыстомъ. Ошалѣвшій фламандецъ теперь старался вовсе не говорить съ публикой. Онъ принесъ Штаалю рюмку, бутылку и цѣлую кучу газетъ. Здѣсь были „La chronique de Paris", „Le Moniteur," „La Gazette de France" и „Le Batave." Штааль никогда не видѣлъ революціонной прессы и жадно принялся было за нее, но къ нему поспѣшно подошелъ хозяинъ и вполголоса, съ умоляющимъ ви-

домъ, попросилъ отдать газеты. Публика дѣйствительно начинала какъ будто коситься на молодого человѣка. Хозяинъ, отобравъ газеты, немедленно сжегъ ихъ въ каминѣ, громко повторяя: „Oh, les sales feuilles!..“ Штааль почувствовалъ себя неловко и вышелъ изъ кофейни.

По дорогѣ домой онъ обдумывалъ свое положеніе. Если даже считать войну оконченной, это обстоятельство никакъ не освобождало его отъ принятаго порученія. Конечно, Питтъ поступилъ съ нимъ некорректно, не сообщивъ ему объ измѣнѣ Дюмурье: если британскій премьеръ хотѣлъ, чтобы русскій дипломатъ, рискуя головой, снабжалъ его важными свѣдѣніями, то и самъ онъ долженъ былъ съ нимъ дѣлиться, — ну, не всѣмъ, такъ хоть самымъ главнымъ, — а не ставить его, какъ сегодня, въ нелѣпое положеніе. Но некорректныя дѣйствія Питта не могли помѣшать ему, Штаалю, выполнить свой долгъ до конца. Долгъ-же его заключался въ томъ, чтобы попасть въ Парижъ раньше имперскихъ войскъ. Да, дѣло шло именно объ этомъ: только въ Парижѣ онъ могъ оказать союзникамъ настоящія услуги. Насталъ очевидно случай использовать паспортъ американскаго гражданина Траси. Штааля неудержимо манила революціонная столица. Опасность предпріятія только усиливала соблазнъ. „A vaincre sans péril, on triomphe sans gloire“, — повторялъ Штааль вслухъ, не совсѣмъ впрочемъ ясно себѣ представляя смыслъ понятія vaincre въ примѣненіи къ его дѣлу. Не пройдетъ мѣсяца, союзники войдутъ въ Парижъ, и тогда онъ вернется черезъ Лондонъ въ Россію, увѣнчанный русскими и британскими наградами. Или нѣтъ, онъ лучше ничего не приметъ за оказанныя имъ услуги... Оставалось только выяснить, какъ перейти черезъ линію фронта. Въ этомъ ему должны были завтра помочь въ имперскомъ штабѣ.

Онъ очутился на Parvis Sainte-Gudule. Кучки австрійскихъ офицеровъ осматривали надругательства,

произведенныя недавно революціонерами въ старой церкви. Какая-то старушка, набожно крестясь, разсказывала, какъ нечестивые французы, поднявшіе руку на драгоцѣнности алтаря, были тутъ-же на мѣстѣ испепелены гнѣвнымъ взоромъ Богородицы: такъ и попадали мертвые, рядомъ, одинъ вслѣдъ за другимъ, — она сама видѣла. Подъ лѣстницей, ведущей на перронъ собора, били какого-то застрявшаго въ городѣ француза-комиссара, который впрочемъ клятвенно увѣрялъ, будто онъ не французъ и не комиссаръ.

XX

Развѣдочное отдѣленіе имперской арміи временно занимало въ одномъ изъ отдаленныхъ кварталовъ Брюсселя красивый особнякъ въ стилѣ начала восемнадцатаго вѣка, расположенный между маленькимъ переднимъ дворомъ и огромнымъ тѣнистымъ садомъ англійскаго образца, придуманнаго Кентомъ въ противовѣсъ французскимъ садамъ Ленотра. Особнякъ былъ почти пустъ: часть службъ полицейской развѣдки, работавшая на передовыхъ позиціяхъ, уже прошла съ авангардомъ арміи черезъ Брюссель; другой отдѣлъ, занятый розыскомъ въ тылу, еще работалъ въ Лувэнѣ. Въ особнякѣ-же остановился съ небольшимъ числомъ ближайшихъ сотрудниковъ главный руководитель развѣдочной службы, который обыкновенно передвигался вмѣстѣ съ штабомъ главнокомандующаго войсками.

Штааль подъѣхалъ къ особняку въ довольно необычное время, часовъ около пяти дня. Онъ все утро разъѣзжалъ по разнымъ мѣстамъ; изъ одного штаба его посылали въ другой: въ главной квартирѣ былъ, какъ водится на новой стоянкѣ, чрезвычайный безпорядокъ. Отыскавъ, наконецъ, британскаго военнаго

агента, Штааль вручилъ ему запечатанное письмо съ Downing Street и добавилъ отъ себя, что желаетъ какъ можно скорѣе отправиться въ Парижъ. Агентъ, немолодой генералъ, носившій свой красный мундиръ и лосины съ неподражаемой изящной простотой, свойственной англійскимъ офицерамъ, очень внимательно прочелъ представленное ему письмо.

— У васъ паспортъ на имя американскаго гражданина Джонсона? — небрежно спросилъ онъ молодого человѣка.

— Нѣтъ, на имя американскаго гражданина Траси, — отвѣтилъ съ удивленіемъ Штааль.

Генералъ кивнулъ головой. Штааль догадался, что это была небольшая повѣрочная хитрость.

— Бумаги иногда теряются — и находятся, — пояснилъ генералъ. — Надо быть очень осторожнымъ. Между тѣмъ примѣты ваши изложены въ письмѣ недостаточно ясно...

«Такъ въ письмѣ были примѣты?» — спросилъ себя Штааль съ недоумѣніемъ. — «Кто-же и когда могъ ихъ записать?»

— Переходъ во Францію теперь не можетъ представлять большихъ трудностей, — продолжалъ военный агентъ. — Какъ вы знаете, заключено перемиріе; мы дойдемъ до самой французской границы, и черезъ нее въ обоихъ направленіяхъ будетъ по разнымъ надобностямъ переходить довольно много народа. Вамъ необходимо получить пропускъ отъ имперскаго развѣдочнаго отдѣленія. Я вамъ дамъ письмо. Тамъ вамъ укажутъ, какъ перейти фронтъ.

Военный агентъ написалъ нѣсколько строкъ и запечаталъ своей печатью, не прочитавъ записки Штаалю.

— Само собой разумѣется, — сказалъ онъ, — вы не должны сообщать этимъ господамъ въ развѣдкѣ, для чего вы ѣдете во Францію. Они, конечно, наши друзья... Но я долго служилъ на востокѣ, а восточ-

ная мудрость говоритъ: «никогда не сообщай твоимъ друзьямъ того, что не должны знать твои враги». Вообще мой совѣтъ: возможно меньше разговаривайте тамъ, куда я васъ посылаю. Помните, что вы идете на очень опасное дѣло.

Въ выраженіи лица и въ тонѣ англичанина ясно сквозило презрѣніе военнаго человѣка къ полиціи. Штааль чувствовалъ, что ему самому генералъ отводитъ какое-то неопредѣленное, промежуточное мѣсто между полицейскимъ и офицеромъ. Онъ смущенно откланялся, спряталъ письмо въ большой, купленный въ Лондонѣ портфель съ серебрянымъ замкомъ и поѣхалъ въ отдѣленіе имперской развѣдки. По двору особняка прогуливались два господина въ штатскомъ платьѣ. Они немедленно остановили Штааля у воротъ. Одинъ изъ нихъ чрезвычайно вѣжливо разспросилъ молодого человѣка, взялъ письмо, и затѣмъ, предложивъ подождать нѣсколько минутъ во дворѣ, вошелъ въ особнякъ. Другой господинъ продолжалъ гулять по двору, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Штааля. Вѣжливый господинъ скоро вернулся и, необыкновенно любезно улыбаясь, сказалъ, что господинъ полковникъ проситъ пожаловать. Какъ только Штааль вошелъ въ переднюю, онъ услышалъ лившіеся сверху пріятные звуки клавесина. Кто-то очень хорошо и съ большимъ чувствомъ игралъ „Ave verum corpus“ Моцарта. По лѣстницѣ, покрытой мягкимъ толстымъ ковромъ, Штааль, въ сопровожденіи вѣжливаго господина, поднялся во второй этажъ и вошелъ въ небольшой салонъ, убранный въ старомъ, давно вышедшемъ изъ моды даже внѣ Франціи, стилѣ Людовика XIV. Звуки оборвались и изъ-за клавесина всталъ очень грузный военный, съ выразительнымъ, потасканнымъ, но чрезвычайно благодушнымъ съ виду лицомъ, на которомъ виднѣлся бѣлый шрамъ черезъ всю лѣвую щеку. Штааль совершенно иначе представлялъ себѣ шефа тайной полиціи. Ему казалось, что у сыщиковъ всегда бываютъ

мрачныя физіономіи съ бѣгающими глазами, никогда не смотрящими прямо на собесѣдника. У полковника-же глаза были голубые, взглядъ открытый и почти наивный. Онъ смотрѣлъ на Штааля, пріятно улыбаясь, и, казалось, увлеченный музыкой, еще ничего не видѣлъ передъ собой. На самомъ дѣлѣ онъ въ первое-же мгновеніе разглядѣлъ и запомнилъ на всю жизнь всѣ подробности внѣшности Штааля, отъ его глазъ (не поддающейся измѣненію и потому наиболѣе важной для сыщиковъ отличительной черты человѣка) до сапогъ и перчатокъ. Полковникъ съ особенной пріятностью, точно старому знакомому, пожалъ обѣими руками руку Штааля, обдавъ его крѣпкимъ запахомъ духовъ — модной смѣси мускуса и амбры. Руки у начальника развѣдки были громадныя, волосатыя, очень мягкія и теплыя. Усаживая молодого человѣка въ кресло рядомъ съ клавесиномъ, онъ, чтобъ облегчить гостя, взялъ его портфель и разсѣянно повертѣлъ въ рукахъ, подавливая въ разныхъ мѣстахъ кожу пальцами. Затѣмъ также разсѣянно вернулъ портфель Штаалю и самъ сѣлъ, тѣсно придвинувъ свой стулъ къ креслу молодого человѣка.

— Чѣмъ могу служить? Сердечно буду радъ сдѣлать все возможное для Его Превосходительства, — сказалъ онъ улыбаясь, — въ углу рта у него сверкнуло золото (это тогда было большой рѣдкостью). — Пожалуйста, подробно, подробно изложите ваше желаніе. Приказывайте . . .

Полковникъ превосходно говорилъ по-французски, но французская картавость, выходившая у него по-нѣмецки очень растянутой и мягкой, мучительно рѣзнула слухъ Штааля.

Молодой человѣкъ кратко сказалъ, что просьба его, вѣроятно, изложена въ письмѣ: онъ хочетъ перейти линію французскаго фронта. Выслушавъ это сообщеніе, полковникъ помолчалъ, какъ-бы ожидая продолженія.

— По какому-же дѣлу изволите ѣхать? — нѣжно улыбаясь, спросилъ онъ наконецъ, убѣдившись, что самъ гость больше ничего не намѣренъ сказать.

— Дѣло мое извѣстно британскому военному агенту, — отвѣтилъ Штааль.

Улыбка полковника расплылась еще нѣжнѣе.

— Видите-ли, сударь, — сказалъ онъ. — Очень легко, конечно, перейти фронтъ. Но вѣдь надо знать, *какъ* вы его перейдете. Ну, хоть въ какомъ платьѣ? Если вы предполагаете *работать* въ арміи, мы можемъ вамъ предложить любой французскій мундиръ. Если вы желаете быть *тамъ* гражданскимъ лицомъ, я бы позволилъ себѣ рекомендовать вамъ республиканскій кафтанъ, хоть карманьолу, что-ли. Когда-бъ я имѣлъ честь знать лучше ваши намѣренія, мой опытъ могъ-бы вамъ очень и очень пригодиться.

— А у васъ есть карманьолы? — живо спросилъ Штааль. Онъ не разъ слышалъ это слово, но не зналъ въ точности, что такое карманьола: не то пѣсня, не то платье.

— У насъ все есть, — сказалъ, ласково улыбаясь, полковникъ, — и все въ вашемъ полномъ распоряженіи. Да вотъ, извольте выбрать сами. Принесите сюда платье, — строго приказалъ онъ вѣжливому господину.

Господинъ закивалъ головой и вышелъ изъ комнаты. Штааль, желая избѣжать разспросовъ, небрежно разсматривалъ ноты клавесина.

— Изволите, сударь, знать эту вещицу? — любезно обратился къ нему хозяинъ, наклоняясь надъ Штаалемъ и обдавая его снова острымъ запахомъ мускуса. — Одна изъ послѣднихъ господина Моцарта. Вѣрно слышали, бѣдняга не такъ давно умеръ. Мы очень съ нимъ были хороши; я ему даже заказалъ въ свое время пьеску для моихъ часовъ съ музыкой. Хорошенькая пьеска и покойный недорого взялъ съ меня по знакомству. Надо вамъ сказать, я очень, очень люблю музыку и еще больше литературу. Особенно

Жанъ-Жака Руссо, — это мой кумиръ... Жаль, жаль бѣднягу Моцарта. Теперь у насъ остались только братья Гайдны, да еще Сальери. Впрочемъ, изъ молодыхъ есть способные музыканты. Родственницѣ моей даетъ уроки ванъ-Бетховенъ, — недавно пріѣхалъ къ намъ въ Вѣну, очень, очень способный юноша, хоть большой чудакъ. И представьте, совершенно не любилъ въ дѣтствѣ музыки. Но отецъ поролъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не полюбилъ; теперь славныя пишетъ вещицы и играетъ очень бойко. Вотъ что значитъ хорошее воспитаніе. Немного старше васъ будетъ... А вы давно изволите состоять на секретной службѣ?

— Недавно, — отвѣтилъ Штааль.

Вѣжливый господинъ, слегка запыхавшись, вернулся въ комнату и раскрылъ на столѣ большой чемоданъ съ дворянской короной на потертой зеленой кожѣ. Въ чемоданѣ лежало нѣсколько свертковъ въ бѣлой чистой бумагѣ, аккуратно заколотой булавками, какъ у прачекъ. Полковникъ поднялся съ мѣста, взялъ одинъ свертокъ, взглянулъ на помѣтку, сдѣланную на бумагѣ синимъ карандашемъ, и вытянулъ булавки.

— Ну, вотъ штатскій костюмъ, парижскаго кроя, на вашъ ростъ какъ разъ подойдетъ, — сказалъ онъ, обмѣривая Штааля взглядомъ. Только при этомъ Штааль замѣтилъ, какого огромнаго роста былъ начальникъ развѣдки, показавшійся ему въ первую минуту лишь очень грузнымъ. Круглыя плечи его были такъ широки, что на нихъ могли-бы умѣститься четыре головы.

— Какъ разъ на васъ костюмъ, точно по мѣркѣ шитъ, — повторилъ полковникъ и вдругъ бросилъ свертокъ на столъ. Лицо у него сразу совершенно перемѣнилось; старый шрамъ на щекѣ выдѣлился розовой полосой, а голубые глаза внезапно стали темностекляными и страшными.

— Что за ослы! — сказалъ онъ по-нѣмецки вѣжливому господину, не повышая голоса (вѣжливый го-

сподинъ, однако, вдругъ поблѣднѣлъ). — Господи, что за ослы!... Сколько разъ я говорилъ: передъ разстрѣломъ раздѣвать... Этакое дурачье! Думаютъ, что заштопали шесть дыръ на кафтанѣ, такъ т а м ъ никто ничего не замѣтитъ. У н и х ъ жандармы, можетъ быть, получше нашихъ. Не хотятъ раздѣвать, такъ пусть пробавляются одними повѣшенными. Этакіе подлецы! Подводятъ людей подъ топоръ!..

Штааль съ невольнымъ ужасомъ уставился на кафтанъ. На груди и пониже ея дѣйствительно были замѣтны плохо заштопанныя, точно прожженныя, круглыя дыры.

— Съ тѣхъ двухъ, что утромъ повѣсили, гдѣ платье? — рѣзко спросилъ своего подчиненнаго полковникъ.

— Въ чисткѣ, еще не успѣли... — отвѣтилъ вѣжливый господинъ, не сводя глазъ съ начальника.

Полковникъ повернулся къ Штаалю. Стекляные глаза мгновенно приняли прежнее наивно-добродушное выраженіе. Замѣтивъ ужасъ на лицѣ молодого человѣка, начальникъ развѣдки усмѣхнулся.

— Понимаю, сударь, ваши чувства, — сказалъ онъ, — я и самъ очень, очень чувствительный человѣкъ... Къ несчастью, намъ трудно заказывать для нашихъ сотрудниковъ новое платье: ни денегъ, ни времени нѣтъ, да и покроя такъ не поддѣлаютъ. Военныхъ мундировъ у насъ сколько угодно — плѣнныхъ, слава Богу, достаточно, а насчетъ карманьолъ хуже. Беремъ, гдѣ можемъ. Вотъ сегодня два комиссарчика нашлись, задержались какъ-то въ Брюсселѣ... Вещи повѣшеннаго, какъ вы знаете, приносятъ счастье... Впрочемъ, если вы брезгаете, мы найдемъ вамъ новенькую карманьолу. Ну, хоть эта, — видите помѣтку: взята въ чемоданѣ.

Полковникъ развернулъ другой свертокъ и вынулъ изъ него, потряхивая и поглаживая, черную шерстяную блузу, такія-же брюки, трехцвѣтный жи-

летъ и красную шапку. Штааль смотрѣлъ на огромныя, волосатыя руки полковника и представлялъ себѣ въ нихъ тонкую человѣческую шею, а надъ ними высунутый языкъ. Устыдившись обнаруженной нервности и подавивъ въ себѣ ужасъ, онъ спросилъ равнодушнымъ голосомъ:

— Это и есть карманьола?

— Самая настоящая карманьола, — отвѣтилъ весело полковникъ. — Черная грубая шерсть — символъ республиканской простоты нравовъ. Идеи Жанъ-Жака-Руссо, очень, очень гуманныя идеи и съ большимъ будущимъ. Великій человѣкъ былъ Жанъ-Жакъ. Изволили читать «Новую Элоизу»?.. Какая прекрасная вещь!.. Впрочемъ, теперь въ Парижѣ революціонеры-модники носятъ шелковыя карманьолы. Очень, очень красиво, только дорого стоятъ, много дороже нашихъ кафтановъ. А по росту, жаль, тотъ кафтанъ пришелся-бы лучше; ну, да можно перешить. Вы когда изволите ѣхать?

— А какъ-же мнѣ ѣхать-то? — спросилъ Штааль.

— Чего-же проще! Здѣсь застряло много всякаго народа, и кто мирный человѣкъ, мы тѣхъ не задерживаемъ, особенно теперь. Хочешь во Францію? Ну, и ступай во Францію, покричи тамъ еще немного: «да здравствуетъ республика!», — скоро будешь кричать: «да здравствуетъ король!». Лишь только наши войска займутъ пограничную линію, — а объ этомъ, какъ вы изволите знать, полковникъ Маккъ заключилъ соглашеніе, — сейчасъ и начнемъ выпускать желающихъ. У нихъ на фронтѣ теперь тоже контроль не очень строгій. Армейщина, что они понимаютъ! — съ презрѣніемъ замѣтилъ полковникъ. — Въ тылу, особенно въ Парижѣ, — этого не скажу: тамъ гораздо труднѣе. Тамъ не юнцы какіе-нибудь, а старые настоящіе полицейскіе, — остались отъ покойнаго короля. Ну, да вѣдь у васъ паспортъ, вѣроятно, вполнѣ надежный?

— Вполнѣ надежный.

— А то, если вы не совсѣмъ увѣрены, мы могли-бы дать нашъ.

Полковникъ помолчалъ, вопросительно глядя на Штааля, и затѣмъ, снова не дождавшись отвѣта, спросилъ:

— Такъ карманьолу прикажете вамъ доставить?

— Да, я возьму ее съ собой, — поспѣшно сказалъ Штааль. — И военный мундиръ тоже, на всякій случай, — ну, волонтера пѣхоты или другой, все равно. Что это стоитъ? — задалъ онъ вопросъ, вынимая бумажникъ.

— Ничего не стоитъ, — отвѣтилъ улыбаясь полковникъ. — Мы обслуживаемъ нашихъ союзниковъ безплатно... А намъ вы ничего не будете сообщать? — быстро спросилъ онъ. — Пріятно было-бы поработать вмѣстѣ. Мы, кстати, платимъ не хуже англичанъ, кому даже и лучше. Люди, работающіе у нашихъ союзниковъ, намъ особенно интересны, — сказалъ онъ многозначительно, подчеркивая каждое слово, и опять помолчалъ. — Тоже, если вы пожелали-бы посылать ваши донесенія черезъ насъ, мы охотно возьмемся доставлять ихъ: всегда съ удовольствіемъ оказываемъ услуги...

— Такъ какъ-же мнѣ перейти фронтъ? — спросилъ сухо Штааль, стараясь не смотрѣть на это лицо съ ласковой, сверкающей золотомъ улыбкой.

— Не безпокойтесь, я вамъ дамъ пропускъ. Вы съ нимъ проѣдете дня черезъ два въ нашъ пограничный пунктъ, ну хотъ въ Турнэ, и явитесь тамъ къ коменданту. Онъ васъ и отправитъ съ первой-же партіей... Пропускъ какъ прикажете написать?

Штааль, быстро подумавъ, назвалъ свою настоящую фамилію, но почему-то счелъ полезнымъ измѣнить ея орфографію.

— Въ письмѣ Его Превосходительства не совсѣмъ такъ написано, — сказалъ полковникъ, вставляя имя въ бланкъ пропуска. — Генералъ, вѣрно, ошибся...

Костюмы съ собой захватите? А то мы можемъ доставить на домъ, чтобы вамъ не утруждаться? Ну, какъ знаете... Заверните, — приказалъ онъ вѣжливому господину. — Вы еще дня два пробудете здѣсь? Если пожелаете меня видѣть, весь къ вашимъ услугамъ. Очень, очень пріятно было-бы съ вами поработать... Но и просто, безъ дѣла, радъ буду случаю поговорить, — о музыкѣ, о литературѣ... Имѣю честь кланяться, чрезвычайно радъ былъ познакомиться.

Онъ привѣтливо пожалъ руку Штааля. Вѣжливый господинъ съ двумя свертками проводилъ молодого человѣка до воротъ. Когда они спускались по лѣстницѣ, сверху изъ салона снова послышались звуки клавесина. На этотъ разъ полковникъ игралъ не Моцарта. Онъ игралъ, тоже съ большимъ чувствомъ, революціонную пѣсню марсельскихъ волонтеровъ, которую уже слыхалъ Штааль и которая начиналась словами „Allons, enfants de la patrie."

XXI

Восьмидольнаго формата тетрадь, купленная въ Англійскомъ Магазинѣ, была извлечена, наконецъ, изъ чемодана. Штааль засвѣтилъ двѣ свѣчи въ своемъ номерѣ брюссельской гостиницы. Красный сафьянъ переплета тетради, ея превосходная толстая бумага съ золотымъ обрѣзомъ, высокое покойное кресло и жарко растопленный каминъ манили къ письменному столу.

«Письма русскаго путешественника» уже въ ту пору появились на страницахъ «Московскаго Журнала» и Воронцовъ въ Лондонѣ познакомилъ съ ними Штааля, отозвавшись, впрочемъ, довольно сдержанно объ ихъ авторѣ. Молодого человѣка поразило содержаніе писемъ Карамзина. Правда, въ жизни ему не слу-

чаюсь встрѣчать столь тонко и благородно чувствующихъ людей. Но онъ зналъ, что литература совершенно не похожа и не должна быть похожа на жизнь. Зато стиль книги показался ему недостаточно возвышеннымъ, иногда чуть-ли не разговорнымъ, мѣстами просто *подлымъ*. Не нравились Штаалю, казались нерусскими и разныя новыя словечки, вродѣ слова «промышленность», которыми явно щеголялъ изобрѣтавшій ихъ въ большомъ количествѣ сочинитель Карамзинъ. Не нравилась вся форма карамзинской рѣчи. Самъ Штааль намѣревался писать свои мемуары столь-же чувствительно и тонко, но гораздо болѣе литературнымъ, отборнымъ и благороднымъ языкомъ. Однако, онъ порою сбивался со стараго слога на новый, ибо слишкомъ усердно читалъ въ послѣдніе дни захваченный въ дорогу «Московскій Журналъ». Не желая подражать Карамзину, Штааль отказался отъ формы писемъ къ друзьямъ. Тетрадь должна была заключать въ себѣ его интимный дневникъ. Разумѣется, онъ твердо разсчитывалъ, что этотъ интимный дневникъ будетъ скоро напечатанъ и составитъ ему громкое имя.

Штааль старательно фигурными буквами вывелъ слова «Журналъ путника» и нарисовалъ виньетку, которая изображала качающуюся въ волнахъ парусную лодку: парусъ казался ему, какъ всѣмъ молодымъ людямъ, чрезвычайно поэтическимъ образомъ. И виньетка, и фигурныя буквы вышли недурно (путникъ въ училищѣ имѣлъ по рисованію двѣнадцать); а все-же до ихъ появленія сафьянная тетрадь была какъ будто лучше. Штааль вздохнулъ и принялся писать, изрѣдка отрываясь отъ тетради, чтобы поправить свѣчу. Къ концу вечера, послѣ мучительной работы и долгихъ выправленій, первыя страницы приняли слѣдующій видъ (въ небольшомъ п р е д у в ѣ д о м л е н і и замѣчалось, что клочки и лоскутки сіи едино для себя и прямо набѣло писаны были, и тисненію никогда не будутъ преданы):

«Мѣста королевствъ европейскихъ нашелъ я совсѣмъ отмѣнными отъ нашихъ. Города и селы выстроены изряднехонько; домы, хоть поменьше иныхъ санктъ-петербургскихъ, но гораздо опрятны; вездѣ фабрикаты и мануфактуры; пространства рѣкъ покрыты кораблями и протчими судами, а въ горенкѣ трактира готова для путника чистая постеля. Фуры нѣмецкія цугомъ и аглицкія кибитки возятъ изрядно, постильоны учтивы и лишняго не берутъ. Улицы городовъ, въ низкихъ мѣстахъ и дороги, мощены, а индѣ возвышены родомъ плотинъ. На рощицы и долины, гдѣ нѣжный вѣтерокъ струитъ свѣтлую воду, безъ пріятнаго удовольствія смотрѣть не можно. Видны ландшафты, достойные, по красотѣ натуры, кисти Клодъ-Лорреневой. Возымѣлъ я увышеннѣйшее мнѣніе объ Европѣ... А все-же, хоть почитаютъ насъ сущими варварами, но коли что, замечемъ непріятеля даже шапками...»

Описавъ въ общихъ чертахъ Европу и пожалѣвъ о кляксѣ, пришедшейся какъ разъ на Клодъ-Лорреневу кисть, Штааль перешелъ къ впечатлѣніямъ самыхъ послѣднихъ дней, хотя первоначально собирался разсказать всю исторію своего путешествія.

«Не могъ я довольно начудиться измѣнѣ славнаго Дюмурьеза. Таковая необыкновенная и не имѣющая еще себѣ примѣра поступка, хоть намъ и весьма полезна, но не даетъ ему повода славиться ею. Въ Неервиндской баталіи потерпѣлъ сей искусный вождь великій уронъ и войски его ретировались въ довольномъ безпорядкѣ... Нельзя, чтобы пролитіе столь многой человѣческой крови пропало тщетно и безъ кары достодолжной осталось. Но, о! кто-же въ ономъ передъ Создателемъ виненъ? Не вѣдаю, что сказать объ удивленія достойной революціи французовъ. Ужли могутъ быть извергами сыны Дидерота и Вольтера? Ужли клевещетъ на оныхъ вся Европа? Какъ обѣ стороны желаютъ приписать врагу вину, то обѣ многое лгутъ. А все-же самую истину не утаятъ отъ глазъ

свѣта. Разсудитъ нѣкогда Филантропъ-Космополитъ, выспренной піитъ, аки Расинъ, Шакеспеаръ иль отечественный Херасковъ, нѣкакой глубокосмысленной мудрецъ, аки Иммануилъ Кантъ, котораго мнѣ не забыть мудрой, потрясшей душу бесѣды, иль новый Мендельзонъ, сей мѣтко названный Карамзинымъ іудейской Сократъ...

«Двѣ фасы войны видѣлъ я въ сіи дни. Нельзя быть славнѣе одной! Сколь ужасна другая! Милъ и любезенъ сердцу юный пылкій Дитерихсъ. Но какъ жалокъ сей шефъ полиціи кесарскихъ войскъ, коего не могу вспомнить безъ внутренняго содроганія сердца!...

«Въ красный день при наивожделѣннѣйшей погодѣ изъ окна кофейнаго дома зрѣлъ я какъ на ладони шествіе цесарскаго генералъ-фельдмаршала. Улица, кровли и окошки домовъ были усыпаны упражнявшимся въ пріятныхъ увеселеніяхъ народомъ обоего пола, хотящимъ видѣть сію поразительную церемонію. Прежде всѣхъ маршировали фурьеры съ распущенными значками при предводительствѣ квартермистровъ. Потомъ шелъ штатъ и ведомыя заводныя разношерстныя лошади, прыгая, играли ногами. На оныхъ расписанныя разноманерныя попоны изъ шелка съ вензеловыми именами производили отмѣнно пріятный видъ. Далѣ везены были пушки, у коихъ дулы прикрыты мѣдными сковородами. За ними слѣдовалъ самъ цесарскій принцъ Фердинандъ-Іосій Кобургскій въ провожаніи прочаго генералитета и знатныхъ чиновныхъ людей. За онымъ съ барабаннымъ боемъ и играющею военною музыкою проходили войски, и стекла кофейнаго дома возгремѣли отъ трубнаго игранія и барабаннаго звука. Но о! вперившееся въ меня люто воображеніе, что изъ шествующихъ столь многихъ людей весьма многіе не возвратятся въ милое отечество, но положатъ головы на чужбинѣ, сраженные вражеской пулей, и неизвѣстность, кто и кто, по волѣ Промысла божескаго или, собственнѣе

сказать, судьбы, подвергнется сему славному, но плачевному жребію, и протчія тому подобныя тяжкія помышленія уменьшали много моего удовольствія, воспаляя душу, и несказанно вздыхалъ я о тлѣнности всего подлуннаго!..

«Ахъ, есть другая фаса!.. Отъѣхавъ вчерась изъ Брюсселя для наслажденія сельской натурой, видѣлъ я проѣзжая рядъ поставленныхъ висѣлицъ съ тѣлами... Я вострепеталъ и ужасъ разлился по холоднымъ жиламъ... Пусть винны сіи преступники, но какъ ужасно зрѣлище ихъ участи. Ничтожные измѣнники иль малые люди, служившіе своему отечеству, казнены, но чья рука коснется могущей главы Дюмурьезовой? Раздувшіяся тѣла висѣли обнажены и черви изъѣдали кожу... А птички порхали тутъ-же, наслаждаясь сладкимъ бытіемъ («кажется, птичекъ не было», — подумалъ Штааль, не отрываясь отъ тетради)... Да будетъ благословена память Елисаветы, отмѣнившей навсегда въ отечествѣ смертную казнь. Не къ чести народовъ свирѣпыя сіи варварства... Въ протчемъ, для устрашенія измѣны, оныя государствамъ полезны...

«Увы! и самъ иду я, быть можетъ, на извѣстную смерть. Но все-же льстительныя надежды бодрятъ паки унылое сердце...»

Штааль перечелъ написанное и въ общемъ остался доволенъ своими мыслями и слогомъ. Ему даже казалось, что онъ совершенно искренно изложилъ — правда, въ возвышенной литературной формѣ — свои дѣйствителѣныя мысли и чувства. Штааль всталъ, прошелся по комнатѣ, снова сѣлъ за столъ и написалъ еще нѣсколько строкъ:

«Изъ женщинъ въ сіемъ городѣ многія весьма прекрасны. Вчерась съ одной, нарочитаго возраста бѣлокурой и нѣжной дѣвицей я куртизировалъ поздно. Она мила и нещастлива. Похожа лицомъ оная на

Нощь славнаго рѣщика Микеля-Ангела, а тѣломъ на Прозерпину Рубенса, котораго по справедливости почитаютъ фландрскимъ Рафаиломъ».

XXII

Въ назначенный день, часамъ къ девяти утра, Штааль подъѣхалъ въ нанятой простой телѣжкѣ къ дому, въ которомъ помѣщался комендантъ пограничнаго съ Франціей городка Турнэ, занятаго имперскими войсками. У воротъ дома стояли огромная фура, двѣ кибитки и десятокъ запряженныхъ волами телѣгъ. Все это было завалено корзинами, сундуками и разнымъ скарбомъ. На улицѣ у крыльца, во дворѣ и на входной лѣстницѣ толпилось около сотни французовъ. Они говорили между собой мало и вполголоса. Чувствовалось обычное настроеніе плѣна, — плохо скрываемый страхъ и старательно скрываемая злоба. Нѣсколько говорливѣе и бойчѣе другихъ казались люди, толпившіеся вокругъ большой фуры: это были актеры бродячей труппы, застрявшей въ Бельгіи послѣ отступленія Дюмурье. Они иногда шутили и смѣялись, а одинъ изъ нихъ даже заучивалъ вслухъ какіе-то стихи. Семейные люди, тѣснившіеся у своихъ телѣгъ, съ любопытствомъ, но не безъ пренебреженія посматривали на скомороховъ.

Имперскія власти задерживали только подозрительныхъ людей, а большинству желающихъ довольно легко выдавали пропускъ. Около десяти часовъ на крыльцѣ появился помощникъ коменданта. Онъ быстро провѣрилъ по своему списку бумаги отъѣзжающихъ (не назвавъ вслухъ ни одного имени) и пожелалъ добраго пути. Изъ воротъ дома выѣхала небольшая кибитка, къ козламъ которой былъ прикрѣпленъ на высокомъ древкѣ бѣлый флагъ. Въ ней

сидѣлъ австрійскій фельдъ-егерь; у него между колѣнями стояла большая мѣдная труба. Въ толпѣ послышались радостные возгласы. Всѣ бросились размѣщаться по повозкамъ, точно боясь опоздать. Актеръ, репетировавшій роль, повторилъ послѣдній стихъ, захлопнулъ тетрадь и полѣзъ на самый верхъ фуры. Штааль сѣлъ въ свою телѣжку, которая заняла въ поѣздкѣ второе мѣсто, за кибиткой фельдъ-егеря.

Въ это время къ крыльцу подошелъ старый довольно бѣдно одѣтый человѣкъ, державшій въ рукѣ съ очевиднымъ трудомъ небольшой потертый чемоданъ. Онъ озадаченно посмотрѣлъ на уходившаго помощника коменданта и хотѣлъ повидимому что-то сказать, но не сказалъ ничего. Штааль еще раньше обратилъ вниманіе на этого человѣка: онъ въ ожиданіи отъѣзда сидѣлъ во дворѣ на тумбѣ и читалъ книгу, ни съ кѣмъ не заговаривая и не обращая вниманія на попутчиковъ. Ему можно было дать лѣтъ шестьдесятъ пять или даже больше. Лицо у него было темно-желтое, утомленное, какъ будто восточнаго типа, глаза недобрые и холодные.

Увидѣвъ, что размѣщеніе партіи закончилось, онъ осмотрѣлъ поѣздъ, встрѣтился взоромъ со Штаалемъ и, подумавъ, направился къ нему тяжелой усталой поступью.

— Милостивый государь, — сказалъ старикъ Штаалю, — обращаюсь къ вамъ съ большой просьбой. Я почему-то предполагалъ, что имперскія власти будутъ переправлять насъ въ своихъ фурахъ, и не запасся никакимъ экипажемъ. Отдѣльный экипажъ былъ-бы мнѣ и не совсѣмъ по карману. Всѣ телѣги переполнены, только вы ѣдете одинъ. Не разрѣшите ли вы мнѣ занять мѣсто рядомъ съ вами? Разумѣется, я готовъ понести часть вашего расхода по найму этой телѣжки. Вещей у меня, какъ видите, немного, а спутникъ я очень удобный: могу и поговорить, и помолчать, въ зависимости отъ вашего желанія...

Старикъ говорилъ съ такими внушительными интонаціями и имѣлъ такой почтенный видъ, несмотря на бѣдную свою одежду, что Штаалю не пришло въ голову отказать, хотя въ его положеніи было бы благоразумнѣе переѣзжать фронтъ не въ обществѣ совершенно неизвѣстнаго ему человѣка. Но это онъ разсудилъ потомъ, а старику немедленно отвѣтилъ согласіемъ (далъ вмѣстѣ съ тѣмъ понять, что никакой платы не требуется). Господинъ чрезвычайно учтиво поблагодарилъ и не безъ труда взобрался на телѣжку (Штааль взялъ его чемоданъ, который оказался очень легкимъ). Извозчикъ-фламандецъ, не знавшій ни слова по-французски, быстро заговорилъ на своемъ нарѣчіи, возмущенно показывая пальцемъ на старика и на свою лошадь. Кто-то съ сосѣдней фуры перевелъ слова извозчика: онъ заявлялъ, что нанимался везти одного сѣдока, а не двоихъ: двоихъ его лошадь по такой дорогѣ и не повезетъ. Штааль и старикъ въ одинъ голосъ обѣщали добавку къ платѣ. Фламандецъ мгновенно успокоился и телѣжка тронулась. Поѣздъ, приноравливаясь къ медленному ходу возовъ, запряженныхъ волами, пошелъ шагомъ. Актеры, фура которыхъ была запряжена рослыми, крѣпкими лошадьми, недовольно поглядывали на воловъ и, подражая крестьянскому говору, отпускали ироническія замѣчанія по адресу попутчиковъ. Кто-то сказалъ, что до французскихъ линій не добраться этимъ ходомъ и къ тремъ часамъ дня.

Желая уже въ дорогѣ нѣсколько войти въ роль человѣка, путешествующаго подъ чужимъ именемъ, Штааль представился своему спутнику. Тотъ выразилъ большое удовольствіе по случаю знакомства съ американскимъ гражданиномъ Траси, назвалъ свое имя: Пьеръ Ламоръ, и, перейдя на англійскій языкъ, сообщилъ, что былъ когда-то въ Америкѣ. Штааль, чрезвычайно смутившись, по-англійски объяснилъ, что самъ онъ, собственно, родомъ изъ Канады. Пьеръ

Ламоръ усмѣхнулся. Усмѣшка у него была такая-же какъ глаза: недобрая и холодная.

— Милостивый государь, — сказалъ онъ снова по французски, — вы сейчасъ, вѣроятно, немало интересуетесь моей личностью. Если вы не въ ладахъ съ французскими властями, васъ справедливо можетъ тревожить вопросъ о томъ, не шпіонъ-ли вашъ покорный слуга. Если же, наоборотъ, — извините меня, — вы — шпіонъ (чего я, разумѣется, не думаю), то для васъ существенное значеніе имѣютъ мои отношенія къ французскимъ властямъ. Прошу васъ не тревожиться понапрасну. Вы для меня — человѣкъ, очень мило и безъ всякой выгоды оказавшій мнѣ большую услугу, — это люди дѣлаютъ чрезвычайно рѣдко. Вы не французъ, хотя прекрасно говорите по-французски. Принимаю къ свѣдѣнію, что вы — американскій гражданинъ Траси. Лицо ваше внушаетъ мнѣ довѣріе, а такъ какъ я не безъ основанія считаю себя знатокомъ человѣческихъ лицъ, то никакъ не предполагаю въ васъ доносчика, даже если вы не американскій гражданинъ и не Траси. Весьма возможно, что и Пьеръ Ламоръ — не совсѣмъ настоящее имя вашего покорнаго слуги. Теперь очень много такъ называемыхъ порядочныхъ людей находится по разнымъ причинамъ въ необходимости путешествовать подъ чужимъ именемъ. Я разоблаченіемъ этихъ людей не занимаюсь, ибо, помимо всего прочаго, у меня есть другая забота. Не скрою отъ васъ, хоть это, вѣроятно, внесетъ нѣкоторый холодокъ въ нашу пріятную бесѣду, не скрою отъ васъ, я неизлѣчимо боленъ — не прилипчивой болѣзнью, милостивый государь, — и жить мнѣ осталось, по всей видимости, очень недолго. Помнится, поэтъ, никогда ни о комъ не пожалѣвшій въ жизни, величайшій эгоистъ и циникъ литературы, писавшій, по собственнымъ своимъ словамъ, для публичныхъ женщинъ, сказалъ solamen miseris socios habuisse malorum (думаю, что вы понимаете по латыни, милостивый государь?):

но я это утѣшеніе склоненъ считать весьма слабымъ — и близость собственной моей смерти не вызываетъ во мнѣ особаго желанія сокращать жизнь дорогихъ «ближнихъ». А потому вы можете быть совершенно увѣрены, что я на васъ доносить никому не стану.

Весь этотъ длинный и гладкій монологъ старикъ произнесъ очень увѣренно и неторопливо.

— Позвольте, я и не предполагалъ, — сказалъ озадаченный Штааль.

— Жаль, что не предполагали, милостивый государь. Повѣрьте, въ вашихъ интересахъ предполагать a priori негодяя въ каждомъ новомъ человѣкѣ.

Штааль минуты двѣ не находилъ темы для продолженія разговора.

— Вы чѣмъ же больны? — догадался спросить онъ наконецъ.

— Не знаю, — отвѣтилъ не сразу старикъ. — Повидимому, какой-то сложной (повторяю, совершенно не заразительной) болѣзнью разныхъ органовъ: печени, желудка, почекъ, вѣроятно, чего-то еще. Одинъ врачъ лѣчитъ почки и вредитъ этимъ желудку. Другой пытается излѣчить желудокъ и губитъ печень. Такъ вѣдь у нихъ всегда. Лѣчить человѣка невозможно. Сегодня врачи объявляютъ вреднымъ то, что вчера признавали спасительнымъ. Медицина, какъ объяснялъ мнѣ когда-то Гольбахъ (большой былъ шарлатанъ, а въ этомъ онъ, кажется, не ошибался), медицина должна основываться на физикѣ и на химіи. Но на чемъ основаны физика и химія? Прежде, когда я учился, ученые были помѣшаны на флогистонѣ. Теперь Лавуазье, на зло Сталю, отмѣнилъ флогистонъ; однако никто изъ моихъ учителей не вернулъ мнѣ денегъ, которыя они, стало быть, у меня украли. Я утѣшаю себя мыслью, что лѣтъ черезъ сто или двѣсти будетъ опять флогистонъ или нѣчто въ этомъ родѣ... Если таковы физика и химія, воображаю, что такое ятрофизика, ятрохимія или какъ тамъ еще называютъ

медицину... Правильнѣе всего было-бы, разумѣется, вовсе не ходить къ врачамъ. Но такъ какъ лѣчится — одно изъ любимѣйшихъ удовольствій человѣка, то естественно ради этого удовольствія приходится жертвовать здоровьемъ. Я лѣчился у всѣхъ врачей и теперь въ Парижѣ тоже непремѣнно обращусь къ знаменитостямъ. Кажется, лучшими докторами сейчасъ считаются Дезо и Пипле? Вотъ къ нимъ и пойду, пусть травятъ меня каждый по-своему. Воображаю, какъ они ненавидятъ другъ друга, эти самые Дезо и Пипле! — добавилъ старикъ, непріятно засмѣявшись.

— Вы для того и ѣдете въ Парижъ, чтобы лѣчиться?

— Вопросъ вашъ основателенъ. Конечно, теперь только ненормальный человѣкъ можетъ ѣхать безъ необходимости въ сумасшедшій домъ, именуемый Парижемъ. Ненормальный человѣкъ или еще, пожалуй, философъ, желающій изучать людей въ естественномъ состояніи. Бугэнвилль для этого ѣздилъ на островъ Таити. Зачѣмъ я ѣду въ Парижъ? Видите ли, люди почему-то любятъ умирать тамъ, гдѣ они родились, и я не составляю исключенія. Рискую я, впрочемъ, очень немногимъ. При нѣкоторой неудачѣ меня, во имя свободы, посадятъ въ революціонную тюрьму. Бѣда будетъ не велика. Въ тюрьмахъ теперь сидитъ аристократія породы и службы; скоро туда будетъ посажена аристократія ума и таланта. Мнѣ, право, пріятнѣе умереть въ Консьержери (не знаете ли вы кстати, какъ тамъ кормятъ?), чѣмъ въ скверной наемной комнатѣ фламандскаго или нѣмецкаго лавочника, который будетъ все время явно и непріятно озабоченъ формальностями, связанными съ моей близкой смертью... Разумнѣе всего, пожалуй, было бы (хотя я въ этомъ не совсѣмъ увѣренъ) — использовать остающіеся мнѣ дни для того, чтобы выслѣдить и пристрѣлить, какъ собаку, Марата, Робеспьера или другого революціонного негодяя — изъ тѣхъ, что покрупнѣе («Кажется, это

агентъ-провокаторъ», — подумалъ, сразу насторожившись, Штааль). Какого-нибудь Лепеллетье Сенъ-Фаржо совершенно не стоило убивать. Лепеллетье былъ, разумѣется, прохвостъ, какъ почти всѣ революціонеры, или, вѣрнѣе, какъ почти всѣ люди; но прохвостъ онъ былъ довольно безобидный и ужъ, конечно, недостаточно знаменитый, а потому его убійца, покойный Николай Пари (тоже былъ молодчикъ не изъ лучшихъ), навѣрное, не станетъ въ исторіи рядомъ съ Брутомъ или Равальякомъ. Убійцѣ Марата, напротивъ, было-бы обезпечено то, что принято обозначать нелѣпымъ словомъ: безсмертіе. Но какого рода безсмертіе, — на этотъ счетъ у меня большія сомнѣнія... Не заключите, милостивый государь, изъ моихъ словъ, — добавилъ со своей непріятной усмѣшкой старикъ, — что я принадлежу къ такъ называемымъ шпіонамъ-провокаторамъ и желаю вовлечь васъ въ преступную бесѣду.

— Вамъ было бы трудно, — отвѣтилъ сдержанно Штааль, — я совершенно не согласенъ съ тѣмъ, что вы говорите.

— Да я васъ ни о чемъ и не спрашиваю. Я высказываюсь самъ. Это, конечно, неосторожно, но жизнь давно сдѣлала меня фаталистомъ. Подъ гильотину можно угодить и хваля революцію, и ругая ее, и совсѣмъ о ней не говоря. А въ общемъ, революція вѣроятно отправитъ на эшафотъ больше революціонеровъ, чѣмъ реакціонеровъ. Я, впрочемъ, нисколько не реакціонеръ. При старомъ строѣ тоже мерзавецъ сидѣлъ на мерзавцѣ, а, главное, оселъ на ослѣ. Только теперь все гораздо замѣтнѣе: произошло самое скверное изъ ауто-да-фе, — сожженіе фиговыхъ листочковъ... Люди чувствуютъ время отъ времени потребность скинуть съ себя совершенно всѣ цѣпи такъ называемой культуры. Очень можетъ быть, что эта потребность вполнѣ законна и для чего-то необходима природѣ... Нашу революцію въ 1789 году дураки съ восторгомъ называли безкровной; теперь они ее ру-

гаютъ, потому, что она стала кровавой... Этакіе ослы!.. Всякая революція по самой природѣ своей ужасна и другой быть не можетъ. Въ душѣ человѣка дремлютъ тяжелыя страсти: зависть, жестокость, тщеславіе, жажда разрушенія, да просто жажда зла во всѣхъ его формахъ. Законъ, власть, государство только для того и нужны, чтобы сдерживать звѣря желѣзомъ. Этотъ старый распутный идіотъ — я имѣю въ виду Жанъ-Жака-Руссо — что-то лепеталъ объ естественномъ состояніи людей. Вотъ-бы ему теперь воскреснуть, — пусть-бы полюбовался, а? Если человѣкъ на пятьдесятъ лѣтъ вернется къ своему естественному состоянію, то міръ превратится въ окровавленную пустыню. Къ счастью или къ несчастью, люди возвращаются къ естественному состоянію не на столь продолжительное время. Имъ скоро и это надоѣдаетъ. Но потребность стать дикаремъ неискоренима въ человѣкѣ, и ей Господь Богъ даетъ выходъ либо въ формѣ войны, либо — гораздо рѣже — въ формѣ революціи. По природѣ война и революція совершенно тождественны, только первая привычнѣе людямъ и вызываетъ меньше удивленія. Осуждать терроръ во время революціи не менѣе глупо, чѣмъ осуждать убійство во время войны. Безкровная революція такая-же смѣшная нелѣпость, какъ безкровная война...

— Есть разница между войной и революціей, — возразилъ Штааль. — Во время революціи убиваютъ не чужого врага, а своихъ соотечественниковъ, людей своего народа.

— Полноте, милостивый государь, — возразилъ старикъ. — Повѣрьте, своихъ соотечественниковъ, людей своего народа, убиваютъ во время революціи съ гораздо большимъ удовольствіемъ, чѣмъ внѣшняго врага во время войны. Въ гражданской войнѣ ненависть много сильнѣе и жестокости всегда больше. Разница не въ этомъ... Разница, если хотите, въ другомъ. Революція гораздо безобразнѣе войны. Въ ре-

волюціи все антиэстетично: бой безъ знаменъ и безъ каваллерійскихъ аттакъ; вожди безъ шпагъ и мундировъ; грязная толпа безъ дисциплины, а особенно разливное море слова — и какого сквернаго, безстыднаго слова: я революціонныхъ газетъ просто не могу читать; каждая ихъ страница мнѣ представляется переложеніемъ Руссо, написаннымъ малограмотной горничной... Но сердиться на революцію — все равно что сердиться на Лиссабонское землетрясеніе.

— Помилуйте, сударь, чѣмъ же виноватъ Руссо? И я его не люблю, но вы подставляете «звѣрство» подъ «естественное состояніе». Это совсѣмъ другое.

— Другое? Нѣтъ, не другое. Помните, Вольтеръ шутилъ, будто ему, при чтеніи Руссо, хотѣлось стать на четвереньки и побѣжать въ лѣсъ. Старый циникъ былъ совершенно правъ. Теперь Франція — сплошной Бондійскій лѣсъ, населенный разбойниками, при чемъ въ главной, атаманской берлогѣ засѣдаютъ ученики Руссо. Это и есть естественное состояніе человѣческаго рода... А вотъ, при чтеніи романовъ Вольтера, мнѣ, когда я былъ помоложе, хотѣлось сѣсть на извозчика и поѣхать въ публичный домъ, ха-ха-ха... И вамъ, вѣрно, хотѣлось того-же, милостивый государь, да только вы не скажете, ибо Вольтеръ—просвѣтитель, борецъ за прогрессъ и кумиръ молодого поколѣнія... Я хорошо зналъ Вольтера, милостивый государь, и могу васъ увѣрить, что не было большаго реакціонера *въ душѣ*, чѣмъ этотъ великій словоблудъ-«просвѣтитель». Нынѣшніе революціонные болваны непремѣнно отрубили-бы ему голову, — и по своему были-бы совершенно правы...

— Эти революціонные болваны, милостивый государь, однако заставляютъ трепетать всю Европу.

— Я потому-то и сомнѣваюсь на счетъ того, какова будетъ слава, ожидающая убійцъ Марата и Робеспьера. Я убѣжденъ, что послѣ гибели революціонеровъ — а они едва-ли умрутъ естественной смертью — вокругъ

нихъ создастся грандіозная легенда. Я-то знаю, я, современникъ, что они за люди; слава Богу, имѣю честь быть лично знакомымъ съ большинствомъ современныхъ знаменитостей; многихъ зналъ и до того, какъ они стали знамениты: они тогда, до революціи, были совсѣмъ другіе... Маратъ служилъ ветеринаромъ у графа д'Артуа, ха-ха-ха... Но черезъ двадцать пять лѣтъ ихъ будутъ знать немногіе, а черезъ сто лѣтъ — никто. Легенда уже начинаетъ создаваться. Какъ вы сказали? «Заставляютъ трепетать Европу»?.. «Гиганты Конвента», правда? Римскія души!..

Онъ долго и весело хохоталъ.

Штааль вспомнилъ, что нѣчто подобное говорилъ на раутѣ у Воронцова епископъ Отенскій. Но тотъ какъ будто защищалъ революцію. Странно... Штаалю захотѣлось возражать.

— По-моему, вы совершенно ошибаетесь, — сказалъ онъ. — Именно намъ, современникамъ, трудно судить о событіяхъ и о людяхъ революціи. Мы слишкомъ пристрастны. Надо отойти на разстояніе отъ того, что происходитъ. Все выяснитъ судъ исторіи.

— Нѣтъ суда исторіи, — сказалъ Пьеръ Ламоръ. — Есть судъ историковъ и онъ мѣняется каждое десятилѣтіе; да и въ теченіе одного десятилѣтія всякій историкъ отрицаетъ то, что говорятъ другіе. Это тѣ же Дезо и Пипле... Повѣрьте, найдутся ученые, которые, ради оригинальности мысли (за оригинальность мысли ученымъ платятъ деньги) или, еще лучше, по искреннему убѣжденію, будутъ доказывать въ многотомныхъ сочиненіяхъ, что Маратъ и Робеспьеръ были невинные ангелы, оклеветанные пристрастными современниками... Нѣтъ, милостивый государь, правду знаютъ одни современники и только они одни могутъ судить. Повѣрьте, для исторіи нужно лишь имѣть успѣхъ, хоть не очень долгій, проявить силу, да нагромоздить вокругъ себя возможно больше трагическихъ элементовъ, все равно какихъ. Чѣмъ больше полити-

ческій (а особенно революціонный) дѣятель пролетъ крови, тѣмъ больше чернилъ и слезъ пролютъ въ его оправданіе умиленные дураки потомства. Почти всѣ памятники воздвигнуты или тамъ, гдѣ стояли историческіе эшафоты, или тамъ, гдѣ жили историческіе палачи... Какую огромную услугу оказалъ «гигантамъ Конвента» добрый, милый докторъ Жозефъ Гильотенъ, — если правда, что машина, которая рубитъ головы въ Парижѣ, построена по его плану... Я знаю этого доктора, онъ очень хорошій человѣкъ, едва-ли не лучшій изъ нихъ; это одинъ изъ тѣхъ чудаковъ, которые не только говорятъ, но и думаютъ о благѣ «ближнихъ». «Декларацію правъ человѣка и гражданина» породили зависть, тщеславіе, донкихотство, всего больше та же блудливая страсть къ слову. А вотъ гильотину свою докторъ Гильотенъ изобрѣлъ отъ искренней любви къ людямъ. Теперь онъ, кажется, изобрѣтаетъ какія-то прививки... Надо будетъ и у него полѣчиться, пусть что-нибудь мнѣ привьетъ.

— Да вы, сударь, мизантропъ, настоящій Альсестъ, — сказалъ, смѣясь, Штааль.

— Альсестъ? Какой-же Альсестъ мизантропъ? Это Мольеръ пошутилъ. Развѣ настоящіе мизантропы возмущаются и негодуютъ? Они констатируютъ... Самъ Мольеръ былъ гораздо больше мизантропъ, чѣмъ Альсестъ... Онъ вообще былъ великій геній, можетъ быть, самый геніальный изъ людей. Замѣтьте, Мольеръ, кажется, ни разу въ жизни не задумался надъ вопросомъ о смерти... На это способенъ только или очень глупый человѣкъ, или природный обитатель Олимпа, по ошибкѣ попавшій въ долину, гдѣ копошатся смертные. Жаль, что онъ жилъ въ скучное время. Нынѣшняя революція еще ждетъ своего Мольера... Тартюфъ и Жоржъ Данденъ — это революціонные герои. Я объ однихъ гигантахъ Конвента говорю: „Que diable allait-il faire dans cette galère!“, а другимъ — съ особымъ удовольствіемъ за-

мѣчу, когда ихъ повезутъ на эшафотъ: „Vous l'avez voulu, Georges Dandin! . . .“

— Вы помните, — сказалъ Штааль, — въ старинной итальянской поэмѣ «Божественная Комедія», автора — его зовутъ Дуранте Алигьери — водитъ по аду римскій поэтъ Виргилій. Такъ и меня теперь вводитъ въ царство революціи мужъ всевѣдущій и строгій.

— Хоть я и не всевѣдущъ, сударь, а Данте знаю хорошо и люблю не слишкомъ. Голова у него, кажется, была слабая. Ужъ очень смѣшно себя описалъ . . . Сегодня гвельфъ, завтра гибелинъ . . . Былъ влюбленъ въ какую-то Беатриче, и все дрожалъ, дрожалъ, — вдругъ Беатриче умретъ. Наконецъ, сглазилъ: Беатриче умерла. Вотъ-бы и ты отправился за ней. Нѣтъ, онъ немедленно утѣшился съ другой дѣвкой, съ Пьетрой. А потомъ еще на комъ-то женился . . . Смѣшно . . . И, вѣрно, умывался онъ разъ въ недѣлю, а Беатриче та, должно быть, совсѣмъ никогда не умывалась . . . Да и поэтъ онъ не въ моемъ вкусѣ, хотя, вѣроятно, очень хорошій. Я никогда не могъ читать его безъ скуки и сомнѣваюсь, милостивый государь, чтобы читали безъ скуки вы. Философія у него дѣтская и глупая, даже для его времени: время кстати было не дѣтское и не глупое. А вспомнили вы сейчасъ Данте, быть можетъ, и кстати. Вы ѣдете въ восьмой кругъ «Ада». Помните, какъ тамъ аккуратно, по отдѣльнымъ рвамъ, сидятъ грѣшники: льстецы, колдуны, взяточники, воры, обманщики, возмутители, кажется, кто-то еще. Эти шесть рвовъ — весь якобинскій клубъ. А въ девятомъ кругу, гдѣ жарятся измѣнники, — Брутъ подъ ручку съ Іудой, ха-ха-ха! Брутъ и Іуда! . . — тамъ какъ разъ мѣсто для всей нашей эмиграціи . . . Теперь туда-бы еще и доблестнаго генерала Дюмурье.

— А вы что думаете о генералѣ Дюмурье? — спросилъ Штааль, желая использовать новое знакомство въ интересахъ миссіи.

— Ничего хорошаго, сударь.

— Въ этомъ я не сомнѣвался, судя по предыдущимъ вашимъ замѣчаніямъ, — сказалъ съ улыбкой Штааль. — Но не полагаете-ли вы, что переходъ Дюмурье на сторону союзниковъ быстро положитъ конецъ французской революціи?

— Нѣтъ, этого я никакъ не полагаю, — отвѣтилъ старикъ. — Дюмурье очень талантливый человѣкъ, но у него въ головѣ, повидимому, не все въ порядкѣ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время... Онъ совершенно правильно разсудилъ, что революціи положитъ конецъ революціонная армія. Это вѣрно. Спасеніе безспорно придетъ оттуда (старикъ показалъ широкимъ жестомъ руки впередъ — въ ту сторону, гдѣ могли находиться французскія войска). Но, во-первыхъ, моментъ едва-ли наступилъ; еще не всѣ обогатились на счетъ революціи, кто могъ на ея счетъ обогатиться: не все разграблено, не вся отобранная у помѣщиковъ земля перешла къ новымъ владѣльцамъ и не всѣмъ революція опротивѣла въ достаточной мѣрѣ. Во-вторыхъ, государственные перевороты, особенно во Франціи, не дѣлаются по открытому соглашенію съ внѣшнимъ врагомъ. Французы, какъ всѣ народы, не любятъ и боятся иностранцевъ. Одинъ видъ мундира этого господина (Пьеръ Ламоръ показалъ на сворачивавшаго впереди имперскаго фельдъ-егеря) губитъ популярность Дюмурье. Наконецъ, въ-третьихъ, генераламъ рекомендуется устраивать такія дѣла послѣ побѣдъ, а не послѣ пораженій. Дюмурье *долженъ былъ* сначала выиграть битву при Неервинденѣ... Жалъ, очень жаль... Онъ, вообще, говоря, былъ подходящій человѣкъ для дѣла. Превосходный генералъ — разъ; уменъ, хотя не совсѣмъ того (старикъ повертѣлъ пальцемъ передъ лбомъ), — два; очень храбръ — у него двадцать двѣ раны — три; большой подлецъ — четыре. Послѣднее, пожалуй, главное, — сказалъ съ одобреніемъ старикъ. — Такого прохвоста намъ и нужно.

— Неужели знаменитый Дюмурье просто подлецъ? — спросилъ Штааль.

Старикъ опять засмѣялся.

— О да, лучше подлеца и желать нельзя. Вообще вѣрьте старому человѣку, милостивый государь: есть честные генералы, есть честные революціонеры, но честныхъ генераловъ-революціонеровъ въ природѣ не существуетъ. Всякій генералъ, объявляющій себя революціонеромъ, непремѣнно обманщикъ и прохвостъ. А Дюмурье, можно сказать, прохвостъ изъ прохвостовъ. Революціонный вождь, слуга народа, сокрушитель тирановъ, ха-ха-ха! Этотъ другъ кордельеровъ, жирондистовъ, якобинцевъ (кого еще?) въ восемьдесятъ девятомъ году выработалъ для короля прекрасный планъ укрѣпленія и защиты Бастиліи... Еще раньше, задолго до революціи, онъ представилъ Шуазелю на выборъ два проекта: планъ порабощенія Корсики и планъ ея освобожденія, ха-ха-ха!.. Корсиканцамъ предлагалъ свою шпагу противъ генуэзцевъ и генуэзцамъ противъ корсиканцевъ... Однимъ словомъ, ужъ вы не сомнѣвайтесь: подлецъ самый настоящій, типичный генералъ-революціонеръ... Жаль, жаль, что его дѣло не вышло. Ну, да не онъ, такъ другой: все равно, спасеніе придетъ отъ нихъ.

— Отъ кого?

— Отъ революціонныхъ офицеровъ. Очень много военныхъ — и недурныхъ военныхъ — пошло на службу къ якобинцамъ. Пошли по разнымъ причинамъ. И умереть съ голоду не хотѣлось (что-же знаетъ офицеръ кромѣ своей службы?); и разсчитывали служить отечеству независимо отъ преходящаго политическаго строя; и коварные замыслы лелѣяли: думали, что подурачатъ якобинцевъ, а потомъ, въ подходящій моментъ, сломятъ имъ шею. На самомъ дѣлѣ до сихъ поръ якобинцы дурачили ихъ. Всѣ эти военные Маккіавелли пока были игрушкой въ рукахъ Карно и Дантоновъ. Нынѣ господа офицеры сами не

знаютъ, какъ имъ быть: гордиться-ли революціонной арміей или презирать и ее, и самихъ себя. Вѣдь теперь многіе вмѣняютъ въ заслугу революціонерамъ, что они «создали армію». Экая заслуга! подумайте, во Франціи «создали армію»!.. Да у насъ всегда были и будутъ прекрасныя войска. Революціонная армія многочисленна и по качеству недурна, — приблизительно такая-же армія, какая у насъ была при Людовикѣ XIV или при Францискѣ I. Отчего-бы ей стать лучше или хуже? И черезъ сто, и черезъ двѣсти лѣтъ у насъ будутъ такія-же войска. Но офицеры все-таки сейчасъ обозлены и унижены. Предпріятіе Дюмурье — первая попытка реванша съ ихъ стороны. Первая попытка обыкновенно терпитъ неудачу... Но послѣднее слово еще не сказано. Повторяю, не Дюмурье, такъ другой. Лѣтъ черезъ десять все будетъ кончено.

— Какъ лѣтъ черезъ десять? — изумился Штааль.

— А такъ, очень просто. Это наши неизлѣчимые эмигранты убѣждены, что черезъ мѣсяцъ революція кончится и они вернутся къ власти во Франціи, перевѣшавъ всѣхъ мятежниковъ. У власти-то они будутъ, — эмигранты почти всегда приходятъ къ власти, даже самые глупые, — но очень нескоро. А карать имъ врядъ-ли кого придется. Лучшіе изъ революціонеровъ сами себя перерѣжутъ, а худшіе останутся безнаказанными при всякомъ строѣ... Я у своихъ знакомыхъ эмигрантовъ постоянно спрашиваю: имѣете-ли вы возможность переждать заграницей безъ дѣла лѣтъ десять? Тогда храните гордую позу и высоко держите знамя... А если не имѣете возможности, то понемногу начинайте утверждать, что въ революціи далеко не все скверно: есть хорошія начала, здоровыя идеи, цѣнныя завоеванія, ха-ха-ха!... Дальше — больше... Не умирать-же съ голоду...

— А я, признаться, думалъ, что вы сами эмигрантъ, — сказалъ полувопросительно Штааль.

Старикъ помолчалъ.

— Sum pius Aeneus fama super aethera notus, — произнесъ онъ съ насмѣшкой. — Помните, такъ Эней скромно представился Венерѣ: «я благочестивый Эней, знаменитый превыше небесъ»... Вы, очевидно, ждете съ моей стороны столь-же сенсаціоннаго представленія. Разочаруйтесь. Я — гражданинъ Пьеръ Ламоръ...

— Если это псевдонимъ, то онъ звучитъ слишкомъ зловѣще и можетъ обратить на васъ вниманіе жандармовъ.

— Что эти ослы понимаютъ! Къ тому-же я, какъ древній ессей, вѣрю въ неотразимость судьбы. Это даже единственное, во что я вѣрю...

— Разрѣшите сказать вамъ, — началъ Штааль, — что ваши замѣчанія меня нимало не убѣдили. Мнѣ трудно допустить, что французы, самый культурный народъ Европы, внезапно стали стадомъ дикихъ звѣрей. Мнѣ трудно допустить и то, что изъ прекрасныхъ идей Вольтера, Дидро, Даламбера могло выйти гнусное, скверное дѣло. Къ революціи навѣрное присосалось много грязи, много лжи... много дурного. Но въ общемъ высокій и благородный порывъ, конечно, сказался въ этомъ неизбѣжномъ историческомъ потрясеніи. Путь къ добру ведетъ черезъ зло... Слышите-ли вы радостные голоса, несущіеся оттуда изъ фуры? Вы видите сами, простые люди счастливы возвращенію въ страну революціи. Это обстоятельство краснорѣчивѣе вашихъ скорбныхъ замѣчаній, которыя меня, повторяю, не убѣдили.

— Да я ни въ чемъ васъ и не убѣждалъ, милостивый государь, — сказалъ съ досадой Пьеръ Ламоръ. — Какъ я, семидесятилѣтній старикъ, могу убѣдить въ чемъ-бы то ни было васъ, двадцатилѣтняго юношу? У насъ и истина, и ложь совершенно различны, — это въ порядкѣ вещей... Къ тому-же, какое мнѣ теперь дѣло до всего, что происходитъ въ мірѣ? Я черезъ нѣсколь-

ко мѣсяцевъ умру, и, повѣрьте, революція интересуетъ меня неизмѣримо меньше, чѣмъ, напримѣръ, сансара, индусское ученіе о переселеніи душъ. Сегодня я бесѣдую съ вами, молодой гражданинъ Траси, а завтра — кто знаетъ? — можетъ быть, буду говорить съ Паскалемъ или съ Платономъ... Только т а м ъ мы о революціи говорить не станемъ... Засимъ, милостивый государь, полагаю, что утомилъ васъ долгой и ненужной бесѣдой. Да и болѣзнь моя снова даетъ себя чувствовать... Простите...

Лицо старика въ самомъ дѣлѣ болѣзненно искривилось. Онъ высунулся изъ телѣжки и, мимо спины извозчика, посмотрѣлъ впередъ, жадно втягивая въ себя весенній воздухъ полей. Впереди ничего не было видно. Пьеръ Ламоръ откинулся на невысокую спинку телѣжки и утомленно закрылъ глаза.

Штааль, поглядывая сбоку на собесѣдника, думалъ, кто-бы могъ быть этотъ человѣкъ, такъ явно и безъ толку щеголяющій всевозможными цитатами. Шпіонъ? Конечно, нѣтъ... Въ его годы не занимаются шпіонствомъ? Раскаявшійся эмигрантъ? Разоренный герцогъ? — Штаалю вдругъ показалось, что, если-бъ къ древнему желтому лицу его сосѣда придѣлать длинную сѣдую бороду, то онъ очень походилъ-бы на одного престарѣлаго еврея, котораго всѣ знали въ Шкловѣ, какъ ученѣйшаго изъ раввиновъ.

Мысли Штааля скоро перешли на другой предметъ. Озабоченный предстоящимъ вступленіемъ на французскую территорію, онъ снова проводилъ въ умѣ вопросы, возможные со стороны революціонныхъ властей, и свои заранѣе приготовленные тонкіе отвѣты. Кажется, все предусмотрѣно, опасности нѣтъ никакой.... Штааль смотрѣлъ по сторонамъ на пустынныя ровныя поля. Сзади изъ фуры слышался смѣхъ и звонъ посуды: актеры весело завтракали. Молодой человѣкъ задумался объ актерахъ, объ ихъ странной

кочевой жизни. Среди нихъ онъ, во дворѣ коменданта, видѣлъ молодую хорошенькую женщину. Съ кѣмъ она живетъ? Съ однимъ? Со всѣми? Или ни съ кѣмъ? Штаалю вдругъ стало грустно, но ненадолго. Скоро онъ задремалъ.

Его разбудилъ толчекъ остановившейся телѣжки и громкій звукъ трубы. Онъ быстро приподнялся на неудобномъ сидѣньи. Ихъ возокъ подошелъ вплотную къ переднему экипажу. Поѣздъ сомкнулся. Впереди въ кибиткѣ, рядомъ съ древкомъ бѣлаго флага, приложивъ къ губамъ трубу, стоялъ имперскій фельдъегерь. Пьеръ Ламоръ неподвижно, какъ статуя, сидѣлъ, откинувшись на спинку телѣжки. По темной щекѣ его, поросшей пожелтѣвшимъ сѣдымъ пухомъ, скатывалась слеза.

Молодой человѣкъ съ замираніемъ сердца уставился впередъ. Въ сторонѣ недалеко отъ фельдъ-егеря на высокомъ столбѣ развѣвался трехцвѣтный флагъ. По направленію къ ихъ поѣзду, съ саблями наголо, поспѣшно шли люди въ странныхъ мундирахъ. У одного изъ нихъ былъ перекинутъ черезъ плечо широкій шарфъ. Штааль уже могъ разобрать часть надписи, сдѣланной на шарфѣ золотыми буквами: „... Liberté Fraternité ... Egalité ...“

— Стой! Паспорта! . . — властно, повышеннымъ голосомъ сказалъ человѣкъ въ шарфѣ, подойдя къ поѣзду, который и безъ предписанія стоялъ неподвижно.

Это были французскіе жандармы. Штааль находился въ странѣ Революціи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I.

Въ маленькомъ домикѣ деревушки Пасси лучше всего была круглая комната верхняго этажа, напоминавшая опрокинутую чашку, и таинственная винтовая лѣстница, которая вела въ нее снизу, да еще садъ, спускавшійся по откосу къ самой Сенѣ.

Круглой комнатой Штааль былъ особенно доволенъ. Ему никогда не случалось жить въ круглыхъ комнатахъ. Домикъ въ Пасси незадолго до революціи богатый откупщикъ отдѣлалъ для своей любовницы — не слишкомъ роскошно, но и не скупо. Въ комнатѣ, затянутой бумажными обоями (эту китайскую недорогую моду недавно занесло въ Парижъ изъ Англіи), стояла мебель розоваго дерева, работы моднаго столяра Давида Рентгена, который очень искусно подражалъ Ризнеру, но бралъ гораздо дешевле. На этажеркѣ, разукрашенной бронзовыми цвѣточками, находилось нѣсколько статуэтокъ мягкаго Маккеровскаго фарфора лиможскаго производства подъ Севръ; на шкафу стоялъ бронзовый бюстъ какого-то римлянина (Штааль такъ и не разобралъ, какого именно; всѣ римляне казались ему похожими одинъ на другого); а на стѣнѣ надъ неудобнымъ, странной формы диванчикомъ съ вышитыми на спинкѣ игривыми картинками, висѣла за-

сиженная мухами пастель, на которой неразборчивая подпись могла сойти за подпись Латура. Пастель изображала красивую даму съ улыбкой на губахъ и съ печалью во взорѣ (это сочетаніе тоже было въ большой модѣ). На улыбающуюся даму съ другой стѣны очень хмуро смотрѣлъ своими маленькими коричневыми глазками Жанъ-Жакъ Руссо. Женевскій философъ былъ изображенъ въ пожиломъ возрастѣ — въ періодъ армянскаго костюма, книги „Rousseau juge de Jean Jacques“ и состоянія близкаго къ совершенному безумію. Штааль подумывалъ о томъ, чтобы убрать со стѣны портретъ писателя: его начинало безпокоить это мрачное лицо, выражавшее послѣднюю степень отвращенія ко всему на свѣтѣ.

На столѣ у дивана былъ приготовленъ ужинъ, подходящій для любовнаго свиданія. По добрымъ старымъ завѣтамъ, основой ужина были трюфли, которые казались Штаалю, какъ большинству иностранцевъ, воплощеніемъ роскоши французскаго стола. Въ уваженіе къ особымъ, славившимся въ ту пору, свойствамъ трюфелей, они имѣлись даже въ двухъ видахъ — въ видѣ пирога и въ видѣ ratafia de truffes: послѣднимъ напиткомъ, ванильнымъ ликеромъ съ трюфелями, Штааль особенно гордился. Все остальное на столѣ было тоже очень старательно обдумано и куплено въ лучшихъ магазинахъ.

Домикъ въ Пасси былъ сданъ Штаалю въ наемъ по случаю за безцѣнокъ, главнымъ образомъ потому, что сдавалъ его не настоящій владѣлецъ (настоящій скрывался въ бѣгахъ). Такихъ загородныхъ особняковъ, выстроенныхъ до Революціи весело жившими людьми, сдавалось въ ту пору немало въ Пасси и въ Монружѣ. Между этими двумя деревнями Штааль остановилъ выборъ на первой, ибо по ней протекала Сена. Для любовныхъ встрѣчъ видъ на рѣку казался молодому человѣку почти столь-же нужнымъ, какъ трюфли. Правда, Сена сама по себѣ не могла итти въ

сравненіе ни съ Днѣпромъ, ни съ Невою, но все-таки это была Сена, и Штаалю нравилось, что прозрачныя воды тихо струились журча подъ окнами пустыннаго жилища (такъ было записано въ красной сафьянной тетради послѣ перваго ночного свиданья съ Маргаритой Кольбъ). Впрочемъ, въ этотъ холодный октябрьскій вечеръ журчанья водъ не было слышно; шелъ дождь, и отъ вѣтра жалюзи уныло колотились о стекла закрытыхъ, затянутыхъ изнутри занавѣсями оконъ. Въ круглой комнатѣ не имѣлось камина; зато рядомъ, въ спальной, гдѣ стояла постель такихъ размѣровъ, что на ней одинаково удобно было лежать вдоль и поперекъ, разгорѣвшіяся дрова отсвѣчивались на полу краснымъ пятномъ. Это золотое дрожащее пятно на полу неосвѣщенной комнаты, подобно винтовой лѣстницѣ, создавало уютъ и таинственность. «Домикъ мой будто созданъ для адюльтера», — сказалъ себѣ Штааль; но тутъ же подумалъ, что адюльтеромъ собственно нельзя назвать его любовное похожденіе, ибо ему совершенно неизвѣстно, замужемъ-ли Маргарита Кольбъ. Да и вообще ему ничего о ней не извѣстно.

Штааль сѣлъ на диванъ подъ пастелью и встрѣтился глазами съ Жанъ-Жакомъ Руссо, который изъ-подъ мѣховой шапки посмотрѣлъ на него съ крайнимъ отвращеніемъ и затѣмъ какъ-будто даже отвернулся. Молодой человѣкъ тотчасъ пришелъ въ дурное настроеніе. Мысли его приняли непріятный оборотъ (вдобавокъ, онъ чувствовалъ себя въ этотъ день скверно).

Онъ все меньше понималъ, какія отношенія связываютъ его съ Маргаритой Кольбъ. Она была его любовницей, но онъ не чувствовалъ къ ней никакой любви. Физическое общеніе съ ней длилось долго, повторялось слишкомъ часто и подъ конецъ почти ему опротивѣло.

Взятая Штаалемъ на себя миссія оставляла ему очень много свободнаго времени. Работы у него соб-

ственно не было никакой. Онъ еще изрѣдка являлся къ представителю британской тайной агентуры, и тотъ небрежно и не очень внимательно его разспрашивалъ. Молодой человѣкъ излагалъ, какъ умѣлъ, свои наблюденія въ Парижѣ, но ясно чувствовалъ, что они не могутъ представлять большого интереса для союзной коалиціи. Штааль не зналъ, что девять десятыхъ всей агентуры союзниковъ не имѣютъ рѣшительно никакого дѣла; не зналъ и того, что всякая агентура чаще всего сама выдумываетъ себѣ разныя занятія для оправданія получаемаго жалованья. И онъ первое время очень тяготился неудачными результатами своей поѣздки. Потомъ онъ привыкъ къ этой мысли: морально его оправдывалъ тотъ рискъ, которому онъ подвергался во Франціи.

Впрочемъ, революціонная полиція оказалась менѣе проницательной и менѣе свирѣпой, чѣмъ думалъ Штааль. Обыскъ на границѣ прошелъ быстро и благополучно. Остаться въ арміи или вблизи отъ нея молодому человѣку не пришлось. Предпріятіе Дюмурье очень быстро провалилось; самъ Дюмурье бѣжалъ къ австрійцамъ; о стремительномъ продвиженіи союзныхъ войскъ впередъ больше не было рѣчи. Штааль отправился, какъ ему и хотѣлось, прямо въ Парижъ. По дорогѣ его не останавливали и не обыскивали. Сейчасъ-же по пріѣздѣ въ столицу, онъ явился, тщательно заметая за собой слѣды и перемѣнивъ два раза извозчика, къ агенту британской развѣдки. Агентъ принялъ его довольно равнодушно и, замѣтивъ, что Штааль не вполнѣ свободно говоритъ по-англійски, посовѣтовалъ ему не пользоваться фальшивымъ американскимъ документомъ. Границу было трудно перейти безъ нейтральнаго паспорта, но въ самомъ Парижѣ въ 1793 году жило легально немало иностранцевъ, принадлежавшихъ къ враждебнымъ Франціи державамъ, — и первое время ихъ не слишкомъ безпокоили. Въ частности къ русскимъ революціонныя вла-

сти относились вполнѣ терпимо, несмотря даже на то, что французскій уполномоченный въ Польшѣ, Бонно, былъ схваченъ въ Варшавѣ по приказанію Екатерины и посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Декретъ Комитета Общественнаго Спасенія отъ 20 апрѣля разрѣшалъ русскимъ гражданамъ свободно жить во Франціи. Независимо отъ этого декрета, агентъ развѣдки зналъ въ революціонной полиціи такихъ людей, которые, по его словамъ, могли законнѣйшимъ образомъ прописать въ Парижѣ самого Питта. Штааль вздохнулъ съ облегченіемъ, но и былъ немного разочарованъ, когда за сто ливровъ ему принесли прописанный видъ на жительство, гдѣ были указаны его настоящая фамилія и національность. Молодой человѣкъ долго дивился революціонной печати, подъ которой чиновникъ секціи сдѣлалъ очень искусный и пышный росчеркъ чуть не во всю ширину страницы.

II.

Какъ это часто бываетъ съ людьми, впервые попадающими въ Парижъ, Штааль вначалѣ испытывалъ нѣкоторое чувство разочарованія. Петербургъ, до посѣщенія котораго онъ ничего не видалъ, кромѣ городковъ русскаго захолустья, въ свое время поразилъ его много сильнѣе: Петербургъ былъ не только грандіозенъ, — онъ былъ новенькій, весь будто только-что выкрашенный. Въ Парижѣ все потускнѣло и облупилось отъ времени. Свѣжесть и блескъ краски входили, какъ часть въ цѣлое, въ ощущеніе красоты неопытнаго Штааля; онъ еще не научился цѣнить очарованіе выцвѣтавшихъ столѣтьями зданій. Первое время ему казалось, что не мѣшало бы выкрасить заново и Лувръ, и Palais de Justice, и Notre-Dame de Paris. Непередаваемую красоту Парижа Штааль сталъ чувствовать лишь много позже. Изъѣздивъ всю Европу, онъ

пришелъ къ мысли, что есть небольшіе чудесные города, какъ Венеція, Толедо, Эдинбургъ или Кіевъ, но названія великихъ столицъ заслуживаютъ въ мірѣ только Петербургъ и Парижъ.

Не имѣя ни дѣла, ни знакомыхъ, Штааль сильно скучалъ и стыдился своей скуки: ему хотѣлось любить одиночество, а оно мучительно его тяготило. Молодой человѣкъ вначалѣ поселился въ гостиницѣ, на улицѣ Закона, но въ своемъ номерѣ сидѣлъ рѣдко: большую часть дня проводилъ на улицахъ; часто уѣзжалъ за городъ, въ лѣса Медона, Бельвю, Марли: лѣса были какъ лѣса, — надъ Днѣпромъ водились и не такіе. Гулялъ тамъ Штааль только по утрамъ, да и то не безъ опаски: въ окрестностяхъ Парижа разбойники грабили проѣзжихъ среди бѣлаго дня. Въ Эрменовиллѣ онъ посидѣлъ на островкѣ Тополей надъ гробницей Руссо и, хоть не любилъ автора «Исповѣди», повздыхалъ надъ поэтической могилой и сдѣлалъ нѣсколько замѣтокъ на память, чтобы когда-нибудь потомъ описать островокъ въ «Дневникѣ путника». Побывалъ онъ также въ Версалѣ, — твореніе Мансара и Ленотра поразило его, хотя дворецъ былъ разоренъ, а сады запущены и изгажены. Походивъ такъ съ недѣлю, Штааль рѣшилъ, что знаетъ Парижъ, и всецѣло занялся изученіемъ революціи. Съ развѣдкой дѣло не ладилось, но молодой человѣкъ все же разсчитывалъ, что выполнитъ съ пользой свою миссію: онъ предполагалъ въ докладѣ Питту и императрицѣ освѣтить глубокія причины революціонныхъ событій и сдѣлать соотвѣтствующіе выводы, которые могли имѣть значеніе для дѣла монарховъ, ибо это были не пустыя слова, а докладъ, составленный на мѣстѣ съ ежеминутной опасностью для жизни.

Хотя опасность оказалась значительно меньшей, чѣмъ Штааль предполагалъ вначалѣ, онъ все-таки, ложась спать, съ гордостью ставилъ у изголовья шкатулку съ заряженными пистолетами и тщательно про-

вѣрялъ зарядъ; а одинъ изъ пистолетовъ приподнималъ даже на ночь рукояткой изъ бархатной впадины, чтобы имѣть возможность стрѣлять (или застрѣлиться? — это еще не было твердо рѣшено), какъ только революціонная полиція начнетъ ломиться въ дверь. Дверь онъ закрывалъ на ночь двойнымъ поворотомъ ключа и на запоръ, да еще на всякій случай придвигалъ къ ней изнутри тяжелое кресло. Все это оказывалось довольно неудобнымъ по утрамъ, когда горничная отеля приносила кофе: нужно было, услышавъ ея стукъ, выходить изъ теплой постели, прятать пистолеты и безшумно ставить кресло на обычное мѣсто, успокаивая горничную повтореніемъ: „Un moment, Marie, un moment“ (Штааль при этомъ для правдоподобія громко зѣвалъ и покашливалъ). Порою, его предосторожности казались ему самому чрезмѣрными; но онъ тогда вспоминалъ слова британскаго военнаго агента: «вы идете на очень опасное дѣло». Всѣ мѣры безопасности почему-то принимались имъ только на ночь. Между тѣмъ обыскъ могъ, разумѣется, произойти и днемъ. И дѣйствительно, однажды въ полдень въ гостиницу явились изъ секціи люди свирѣпаго вида, вооруженные съ ногъ до головы, и произвели въ сопровожденіи хозяина обходъ всѣхъ комнатъ, при чемъ въ каждой комнатѣ спрашивали бумаги жильца и приказывали открыть какой-либо ящикъ или чемоданъ; но ни къ чему почти не прикасались, а вопросы задавали довольно безтолковые. Потомъ, когда дозоръ, не найдя ничего подозрительнаго, удалился, Штааль съ ужасомъ вспомнилъ, что у него въ чемоданѣ могли отыскать второй, американскій паспортъ. Вечеромъ того-же дня хозяинъ объяснилъ ему, что старшему дозора онъ впередъ уплатилъ за всю гостиницу двѣсти ливровъ (изъ которыхъ десять были затѣмъ включены въ недѣльный счетъ Штааля подъ неразборчиво написаннымъ названіемъ «спеціальный расходъ»). Въ дозорѣ, по словамъ хозяина, бралъ взятки только старшій,

служившій въ участкѣ и въ королевскія времена; всѣ остальные были молодые люди, душой преданные революціи, но незнакомые съ полицейскимъ дѣломъ.

Штааль дѣятельно принялся собирать матеріалы для своего доклада. Это тоже оказалось не легко. Проникнуть въ Конвентъ (Штааль никакъ не могъ понять, что собственно означаетъ это странное слово, прежде мало кому извѣстное) и въ якобинскій клубъ было, вообще говоря, не очень трудно; однако, для входа туда требовались связи, которыхъ молодой человѣкъ не имѣлъ. Онъ побывалъ на открытыхъ революціонныхъ митингахъ, но тамъ выступали передъ немногочисленной публикой неизвѣстные люди, въ большинствѣ случаевъ молодые и безтолковые, — о нихъ было бы совѣстно докладывать Питту и императрицѣ. Штаалю сказали, что революціонныя знаменитости собираются въ Café Procope-Zoppi и что тамъ будто-бы Маратъ ежедневно подъ вечеръ пьетъ стаканъ миндальнаго молока съ глиной (онъ лечился этимъ страннымъ питьемъ). Штааль сталъ бывать въ Café Procope и ни разу не встрѣтилъ Марата. Народа въ кофейнѣ всегда толклось немало, но распознать въ лицо знаменитыхъ революціонеровъ Штааль не могъ, а разспрашивать не рѣшался. Однажды въ какомъ-то тощемъ и мрачномъ господинѣ онъ призналъ было Бриссо; господинъ этотъ приходилъ каждый вечеръ, говорилъ на политическія темы и отстаивалъ политику жирондистовъ. Его внимательно слушали, и молодой человѣкъ, сразу увѣровавшій въ свою догадку, сталъ распознавать и собесѣдниковъ Бриссо: одинъ изъ нихъ напоминалъ какъ-будто лицомъ Кондорсе. Но на третій вечеръ, къ большому разочарованію Штааля, изъ разговора выяснилось, что замѣченные имъ люди принадлежали къ торговому классу и ничего общаго не имѣли съ вождями жирондистской партіи. Только много позже, въ іюнѣ, въ ресторанѣ Meo Штааль впервые увидѣлъ революціонную знаменитость — красавца Геро де-Сешелля, ко-

торый въ отдѣльномъ кабинетѣ этого ресторана за бутылкой вина, какъ говорили, писалъ конституцію 1793 года.

Побывалъ молодой человѣкъ и въ театрахъ. Началъ онъ съ Variétés amusantes, горячо рекомендованныхъ ему Носковымъ. Въ этомъ театрѣ шла теперь революціонная пьеса «Свобода негровъ» — и Штааль никакъ не могъ досидѣть до ея конца. Позже ему случилось побывать еще на другой революціонной пьесѣ, гдѣ изображалась гибель всѣхъ тирановъ. Главными дѣйствующими лицами въ ней были римскій папа и „Madame l'Enjambée", т. е. Екатерина II. Римскій папа на необитаемомъ островѣ дѣлалъ постыдное предложеніе Екатеринѣ, послѣ чего они вступали между собою въ рукопашную драку. Публика бѣшено апплодировала, но не столько гибели тирановъ, сколько дракѣ римскаго папы съ императрицей и особенно тѣмъ непристойнымъ словамъ и жестамъ, которые щедро добавлялъ отъ себя къ пьесѣ игравшій римскаго папу извѣстный комикъ Дюгазонъ. Эту драму Штааль смотрѣлъ не безъ удовольствія (артистка, изображавшая Екатерину, ему особенно понравилась и напомнила талантъ Авдотьи Михайловой), но использовать пьесу въ качествѣ матеріала для доклада императрицѣ было трудно. Изъ знаменитостей онъ въ зрительномъ залѣ опять-таки не увидѣлъ никого.

Молодой человѣкъ рѣшилъ отложить знакомство съ революціонными верхами до болѣе поздняго времени. Онъ самъ въ точности не зналъ, на какой срокъ прибылъ въ Парижъ. Ждать ему, въ сущности, было нечего; въ глубинѣ души Штаалю захотѣлось домой въ первый-же день пребыванія въ столицѣ (въ первый день даже сильнѣе хотѣлось домой, чѣмъ потомъ). Но простое приличіе требовало, по его мнѣнію, чтобы онъ провелъ въ Парижѣ по крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ. За это время Штааль надѣялся обзавестись связями, которыя помогли-бы ему добраться до верховъ

революціи. Для начала-же онъ занялся ея низами и производилъ наблюденія за табльдотомъ своей гостиницы. Въ гостиницѣ жило довольно много разнаго народа; въ обѣденные часы всѣ сходились въ столовой и разговаривали порою откровенно: терроръ только начиналъ развиваться, и люди, не занимавшіеся спеціально политикой, мало его чувствовали.

Крайне удивило Штааля съ первыхъ-же дней то, что на повседневной жизни парижанъ революція сама по себѣ, повидимому, отразилась не очень сильно. Интересъ къ политическимъ событіямъ былъ не великъ. Штаалю казалось, будто въ Парижѣ идеями французской революціи интересуются меньше, чѣмъ въ Лондонѣ или даже въ Петербургѣ. Правда, вездѣ засѣдали комитеты, комиссіи, секціи, клубы, и каждый парижанинъ былъ куда-то записанъ и сочувствовалъ той или другой партіи. Но въ большинствѣ своемъ люди на засѣданія ходили рѣдко, а когда ходили, то недолго тамъ засиживались, точно отбывали обязательную и скучную повинность. На митингахъ сами ораторы жаловались на то, что теперь слушать рѣчи ходитъ въ десять разъ меньше народа, чѣмъ въ первые революціонные годы. Штааль прежде думалъ, что во Франціи, а особенно въ Парижѣ, всѣ занимаются Революціей. Въ дѣйствительности это было вѣрно только въ отношеніи очень немногихъ; громадное большинство французовъ занималось обычнымъ дѣломъ, — кто торговлей, кто службой, кто ученьемъ. Жизнь населенія текла независимо отъ революціи.

Въ столовой гостиницы на улицѣ Закона разговоръ ежедневно, хоть ненадолго, заходилъ на политическія темы: одни жильцы высказывались за жирондистовъ, другіе за монтаньяровъ. Но ни тѣ, ни другіе не проявляли большого энтузіазма въ политическихъ спорахъ. Революція очень давно стала изъ праздника буднемъ. Общее настроеніе совершенно не соотвѣтствовало тону революціонныхъ газетъ и митинговыхъ рѣчей. Выска-

зывались порою тѣ же мысли, но безъ пышныхъ фразъ. Пышныя фразы въ небольшой компаніи неизмѣнно вызывали усмѣшку (какъ это всегда бываетъ во Франціи, — вопреки мнѣнію людей, которые французовъ не знаютъ). Называли другъ друга на ты, но какъ будто конфузились этого недавно введеннаго обычая и часто вдругъ переходили на вы. Отдавъ должное политической злобѣ дня, разговоръ переходилъ на другія темы, и тогда часто проявлялось и больше интереса, и больше горячности, чѣмъ при обсужденіи великихъ событій революціи. Штааля однажды поразило, какъ, послѣ вялаго политическаго спора о борьбѣ партій въ Конвентѣ, рѣчь за столомъ (въ отсутствіи хозяина) вдругъ перешла на порядки гостиницы. Кто-то замѣтилъ, что хозяинъ, навѣрное, зарабатываетъ не менѣе половины взимаемой имъ съ жильцовъ платы. Лица оживились, всѣ приняли участіе въ разговорѣ, стали производиться точные подсчеты. Говорили въ тонѣ хотя и неодобрительнаго, но почтительнаго удивленія къ заработкамъ хозяина.

Денежные интересы вообще занимали огромное мѣсто въ жизни населенія революціонной столицы. Почти каждый день Штааль слышалъ въ столовой разговоры о томъ, какъ разныя лица на поставкахъ, на скупкѣ конфискованныхъ имуществъ, на спекуляціи нажили сотни тысячъ или даже милліоны. Цыфры эти, повидимому, составляли исключеніе, судя по тому почтительно-завистливому тону, въ которомъ о нихъ говорилось. Но въ меньшемъ размѣрѣ наживались почти всѣ. Иногда изъ разговоровъ выяснялось, кѣмъ былъ до революціи тотъ или другой жилецъ гостиницы, — и почти всегда оказывалось, что онъ теперь занималъ гораздо болѣе выгодное положеніе, чѣмъ прежде. При этомъ каждый жаловался на ростущую стоимость жизни, и съ грустной улыбкой приводилъ изумительные примѣры прежней дешевизны и удобствъ, которыхъ никто не замѣчалъ въ былыя времена.

Почти столь-же часто, какъ о наживѣ, говорилось за столомъ о новыхъ сановникахъ, о сказочныхъ карьерахъ: такой-то, прежде захудалый адвокатъ, теперь состоялъ членомъ Конвента и засѣдалъ въ правительствѣ; другой, бывшій школьный учитель, въ качествѣ комиссара распоряжался судьбами огромной провинціи, казнилъ и миловалъ людей; третій, служившій до революціи сержантомъ, въ чинѣ генерала командовалъ арміей. Объ этихъ счастливцахъ говорили не безъ иронiи; но при подобныхъ разсказахъ блестѣли глаза, и зѣвковъ нельзя было подмѣтить.

Иногда Штаалю казалось, что вся Революція была только гигантскимъ перемѣщеніемъ людей съ однихъ ступеней благополучія и почета на другія. Общая масса благъ въ странѣ уменьшилась — и объ этомъ всѣ сожалѣли. Но для большинства французовъ произошедшая общественная перетасовка, повидимому, все-таки оказалась выгодной. Пострадавшихъ отъ нея, перешедшихъ съ высшей ступени на низшую, Штааль почти не замѣчалъ: онъ догадывался, что они въ значительной своей части бѣжали заграницу; это и были тѣ аристократы, о нищетѣ и бѣдствіяхъ которыхъ разсказывалъ ему въ Лондонѣ Воронцовъ. Къ эмигрантамъ во Франціи почти всѣ относились враждебно или по крайней мѣрѣ неодобрительно. Стараго порядка тоже никто не отстаивалъ; кромѣ дешевизны и удобствъ жизни почти ничего отъ той поры не хвалили. Вѣря иностраннымъ газетамъ, Штааль разсчитывалъ найти монархическія чувства въ странѣ тысячелѣтней монархіи. Но онъ такихъ чувствъ не замѣчалъ. О казненномъ королѣ вспоминали рѣдко и равнодушно. Жалкая участь его сына, заключеннаго въ башню Тампль, тоже не вызывала участія,—мало ли есть на свѣтѣ несчастныхъ дѣтей. Въ общемъ, всѣ жаловались на революцію и всѣ ее принимали,—какъ люди принимаютъ климатъ или время года.

Однажды въ Люксембургскомъ саду Штааль неожиданно встрѣтилъ своего бывшаго наставника по

Шкловскому училищу, мосье Дюкро. Ничто другое не могло-бы обрадовать юношу сильнѣе, чѣмъ встрѣча съ этимъ, когда-то столь близкимъ, человѣкомъ. Еще въ Петербургѣ, подготовляясь къ отъѣзду заграницу, Штааль смутно надѣялся, что, быть можетъ, свидится съ любимымъ учителемъ, мѣстопребываніе котораго было ему неизвѣстно. Эта смутная мечта сбылась такъ неожиданно, — Штааль почти оторопѣлъ отъ счастья. Онъ едва, впрочемъ, узналъ своего наставника. Мосье Дюкро сильно измѣнился: полысѣлъ и очень потолстѣлъ; новенькая, ловко сшитая карманьола облегала теперь весьма плотную, солидную фигуру. Онъ заключилъ молодого человѣка въ объятья. Еще въ объятьяхъ учителя Штааль успѣлъ смущенно пролепетать, что пріѣхалъ поглядѣть на Революцію. Дюкро не слишкомъ этому удивился и не очень разспрашивалъ своего ученика; замѣтилъ только, что въ Парижѣ теперь находится немало русскихъ: вообще у себя въ якобинскомъ клубѣ онъ постоянно встрѣчаетъ иностранцевъ. Это «у себя въ якобинскомъ клубѣ» нѣсколько огорошило Штааля. Послѣ пятиминутнаго разговора онъ съ грустью почувствовалъ, что отъ ихъ прежней близости осталось немного: у нихъ не было ни общаго дѣла, ни общихъ практическихъ интересовъ, а безъ этого встрѣча послѣ долгой разлуки неизбѣжно влечетъ за собой разочарованіе и грусть. Такъ оно и случилось. Мосье Дюкро, вдобавокъ, куда-то торопился. Онъ собирался уѣзжать изъ Парижа на довольно продолжительное время, по важнымъ дѣламъ, не то коммерческимъ, не то политическимъ, — Штааль не могъ разобрать: Дюкро, какъ оказалось, занимался теперь торговлей и поставками (это очень поразило молодого человѣка) и въ связи съ однимъ подрядомъ уѣзжалъ на сѣверъ Франціи. Но въ его передачѣ выходило такъ, что взятый имъ подрядъ имѣетъ государственное значеніе и что онъ его принялъ по чисто патріотическимъ соображеніямъ. Въ политическихъ

взглядахъ его тоже произошла, повидимому, нѣкоторая перемѣна. Онъ больше не восхищался Верньо и о жирондистахъ вообще отзывался иронически, даже враждебно. Дюкро обѣщалъ Штаалю немедленно по своемъ возвращеніи въ Парижъ ввести его въ якобинскій клубъ, въ которомъ самъ бывшій учитель состоялъ, судя по его тону, не послѣднимъ дѣятелемъ; обѣщалъ также познакомить юношу съ разными знаменитостями. Это обѣщаніе обрадовало Штааля: теперь его пребываніе въ Парижѣ имѣло цѣль и срокъ; онъ откладывалъ изученіе революціонныхъ верховъ до возвращенія мосье Дюкро, а пока могъ понемногу продолжать собираніе матеріаловъ для доклада. Ссылаясь на близкій отъѣздъ, Дюкро не звалъ его къ себѣ въ гости; но оставилъ ему для справокъ адресъ своего магазина. Они скоро разстались — и эта встрѣча въ теченіе цѣлаго вечера щемила неопредѣленной грустью сердце молодого человѣка.

III

Паденіе жирондистовъ прошло для Штааля почти незамѣтно. Только разговоры за столомъ гостиницы стали нѣсколько менѣе откровенны, чѣмъ были прежде: жильцы начали остерегаться другъ друга. Разгоралась гражданская война; терроръ усиливался.

Въ одинъ іюльскій вечеръ по городу молніей пронеслось извѣстіе о томъ, что Маратъ убитъ женщиной-аристократкой въ своей квартирѣ на улицѣ Кордельеровъ; черезъ часъ весь Парижъ повторялъ на разные лады имя Маріи Кордэ (въ первыхъ сообщеніяхъ ее называли Маріей). Личность убитаго, эффектная, драматическая обстановка убійства, то, что убійцей была молодая, красивая дѣвушка, правнучка великаго Корнеля, ея геройское поведеніе, ея римскіе отвѣты на судѣ, — все это произвело потрясающее дѣйствіе. Но говорили въ Парижѣ объ историческомъ преступленіи со-

вершенно не такъ, какъ могъ ожидать Штааль. Всѣ знали, что Маратъ былъ либо звѣрь, либо сумасшедшій; любая его статья убѣждала въ этомъ съ несомнѣнностью. Тѣмъ не менѣе его тѣлу воздавались божескія почести. О Кордэ втихомолку, въ тѣсномъ кругу, говорили съ благоговѣйнымъ восторгомъ. На людяхъ же всѣ возмущались гнуснымъ убійствомъ и выражали по его поводу глубокую скорбь. Для Штааля, какъ для многихъ другихъ, Маратъ былъ самимъ воплощеніемъ зла. Молодой человѣкъ съ жадностью слушалъ и читалъ все, что касалось драмы на улицѣ Кордельеровъ. Онъ до послѣдняго часа не вѣрилъ, что Шарлотта Кордэ будетъ казнена; разсказы объ ея смерти чрезвычайно его потрясли.

Черезъ два дня послѣ убійства Марата, въ гостиницу снова явился тотъ полицейскій, который прежде приходилъ во главѣ дозора. Онъ долго наединѣ разговаривалъ съ хозяиномъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ надѣльный счетъ Штааля было вписано неразборчивымъ почеркомъ двадцать ливровъ на спеціальные расходы, а хозяинъ потихоньку предупредилъ жильцовъ, чтобы они, особенно иностранцы, вели себя очень осторожно: въ столицѣ ожидаются всякія строгости и стѣсненія. Штааль подумалъ, что теперь не худо-бы убраться на время изъ Парижа; въ городѣ было, вдобавокъ, жарко и душно, а возвращеніе мосье Дюкро ожидалось не такъ скоро.

Въ началѣ августа молодого человѣка вызвалъ къ себѣ агентъ британской развѣдки, къ которому онъ являлся по пріѣздѣ изъ заграницы, и съ гораздо болѣе озабоченнымъ видомъ, чѣмъ прежде, рекомендовалъ ему крайнюю осторожность. Начиналось трудное время. Декретъ Конвента объявлялъ Питта «врагомъ человѣческаго рода», и малѣйшее подозрѣніе въ службѣ иностранному правительству, конечно, влекло за собой неминуемую казнь. Хотя Штааль и до того не разъ себѣ говорилъ, что рискуетъ головою, однако отъ

словъ агента у него пробѣжалъ по спинѣ холодокъ и захотѣлось выпить коньяку. Агентъ вызвалъ его не только для того, чтобы предостеречь. У него было и дѣло. Нѣкая дама, по имени Маргарита Кольбъ, состоявшая на службѣ у революціонной полиціи, дала туманно понять, что готова оказывать услуги британской развѣдкѣ. Этого, впрочемъ, агентъ не сказалъ Штаалю ясно. Онъ только сообщилъ молодому человѣку, что желалъ-бы приставить его къ одной дамѣ, которая, повидимому, знаетъ не мало интересныхъ вещей и съ которой поэтому надо завязать тѣсныя сношенія. Безъ излишнихъ тонкостей агентъ объявилъ Штаалю, что азбука ремесла предписываетъ вступить съ дамой въ любовную связь.

Штааль былъ озадаченъ и оскорбленъ. Онъ все еще не могъ разобрать толкомъ, что такое собственно представляетъ собой и какъ расцѣнивается морально миссія, взятая имъ на себя (можетъ быть, слишкомъ поспѣшно,—думалъ онъ теперь): геройскій-ли подвигъ или дѣло весьма предосудительное, а то, быть можетъ, и грязное. Съ одной стороны, рискъ, связанный съ его миссіей, и безвозмездность оказываемыхъ имъ услугъ какъ будто его оправдывали и даже ставили очень высоко. Съ другой же стороны, Штааль не могъ не чувствовать, что другіе смотрѣли на дѣло совершенно иначе: онъ, подергиваясь, вспоминалъ тотъ тонъ, въ которомъ съ нимъ говорилъ въ Брюсселѣ англійскій генералъ. («А Воронцову, непогрѣшимому авторитету въ дѣлахъ чести, я вѣдь такъ и не рѣшился сказать правду», — думалъ онъ.) Новое предложеніе, исходившее отъ агента развѣдки, — вступить въ связь съ женщиной въ интересахъ д ѣ л а — было ужъ совсѣмъ трудно истолковать въ выгодную сторону. Правда, нѣкоторый налетъ возвышеннаго можно было усмотрѣть и въ немъ. Но Штааль чувствовалъ, что гораздо легче усмотрѣть въ немъ — другое. Однако, что-то удержало молодого человѣка отъ отказа. Агентъ раз-

вѣдки говорилъ такимъ тономъ, точно предлагалъ самую обыкновенную, само собой разумѣющуюся вещь (ему дѣйствительно и въ голову не приходили колебанья его собесѣдника). Штааль рѣшилъ, что отказаться можно будетъ и позже; а раньше нужно узнать ближе, въ чемъ дѣло (ему неловко было себѣ сознаться, что онъ прежде всего хотѣлъ посмотрѣть на загадочную даму). Агентъ сообщилъ ему, гдѣ и какъ встрѣтиться съ Маргаритой Кольбъ, а затѣмъ началъ было говорить о томъ, что не имѣетъ, къ сожалѣнію, большихъ свободныхъ суммъ. Штааль совершенно побагровѣлъ и замоталъ головой; выйдя на улицу, онъ еще долго вздрагивалъ и не могъ сосредоточить мыслей.

Маргариту Кольбъ онъ повидалъ на слѣдующій день. Она оказалась довольно красивой женщиной не первой уже молодости: Штааль далъ ей на видъ 33-34 года, но смутно чувствовалъ, что вѣрнѣе было-бы нѣсколько лѣтъ набавить. Съ первой-же встрѣчи, а особенно въ дальнѣйшемъ, его удивила ея манера рѣчи, весьма неестественная и странная: она говорила о самыхъ простыхъ предметахъ туманно и загадочно; часто подчеркивала слова, но не тѣ, какія можно было-бы подчеркнуть по смыслу, а другія. Постоянно казалось, будто она на что-то намекаетъ; смысла ея намековъ Штааль, однако, въ большинствѣ случаевъ не могъ понять (сама она ихъ никогда не разъясняла). Выраженіе лица ея тоже на что-то намекало (и даже яснѣе намекало, чѣмъ ея слова). Къ собесѣднику она обращалась отрывистымъ тономъ и почти всегда въ формѣ приказовъ или мольбы: выраженій обыкновенной вѣжливости никогда не употребляла. Въ наружности ея, обыкновенно-красивой, не было ничего примѣчательнаго, кромѣ блѣдныхъ припухшихъ губъ, сразу останавливавшихъ вниманіе своей величиной, оттопыренной формой и не вполнѣ естественнымъ цвѣтомъ: она постоянно чѣмъ-то ихъ мазала. Губы

эти придавали ея лицу выраженіе силы и хищности, которымъ она замѣтно гордилась. Впослѣдствіи Штааль пытался разгадать тайну ея лица (какъ обыкновенно дѣлаютъ молодые люди въ отношеніи своихъ любовницъ), и ему показалось, что тайна эта — въ несиметричности и въ несоотвѣтствіи глазъ и рта: нижняя часть лица имѣла выраженіе рѣзко отличное отъ выраженія глазъ. Въ глазахъ Маргариты Кольбъ, обыкновенныхъ, коричневыхъ, не слишкомъ большихъ, часто проскальзывалъ какой-то испугъ — особенно, если на нее смотрѣли въ упоръ; этотъ испугъ впослѣдствіи казался Штаалю самымъ естественнымъ изъ всего, что въ ней было.

Испугъ скользнулъ въ ея глазахъ и при первой встрѣчѣ, когда молодой человѣкъ довольно безцеремонно сталъ ее разглядывать. Она тотчасъ смѣрила его взоромъ (это она вообще дѣлала чрезвычайно часто безъ всякой причины) и заговорила особенно отрывисто. Штааль еще и не рѣшилъ, слѣдовать ли ему ради дѣла азбукѣ ремесла, преподанной ему агентомъ, когда для нея этотъ вопросъ былъ уже рѣшенъ положительно. Здѣсь она нашла возможнымъ обойтись безъ загадочныхъ намековъ. Послѣ получаса знакомства она очень просто — сначала въ формѣ краткой мольбы, а затѣмъ въ формѣ краткаго приказа — выразила желаніе стать любовницей Штааля. Молодой человѣкъ былъ опять озадаченъ, но не спорилъ; онъ съ Петербурга соблюдалъ цѣломудріе. «Что-жъ, если всѣ этого требуютъ!» — сказалъ онъ себѣ и отвѣтилъ краткимъ-же согласіемъ. Маргарита Кольбъ захохотала. Смѣялась она такъ, какъ хохочутъ злодѣйки въ скверныхъ театрахъ, — Штааль подумалъ, что у самыхъ плохихъ ученицъ Дмитревскаго хохотъ выходилъ естественнѣй.

Принимать даму въ гостиницѣ было неудобно. Молодой человѣкъ рѣшилъ немедленно переѣхать въ окрестности Парижа и снялъ особнякъ надъ Сеной въ

Пасси. Онъ предложилъ Маргаритѣ Кольбъ поселиться тамъ вмѣстѣ съ нимъ. Она отрывисто отказалась, не объясняя причинъ отказа, но пріѣзжала къ нему каждый день, — чаще подъ вечеръ, иногда и съ утра. Первыя недѣли, проведенныя въ Пасси, навсегда запечатлѣлись въ памяти Штааля по остротѣ жгучихъ ощущеній, которыя были съ ними связаны. Онъ прежде думалъ и говорилъ, что въ петербургскомъ кружкѣ молодежи видалъ всякіе виды. Но теперь чувствовалъ, что въ особнякъ Пасси вступилъ совершеннымъ ребенкомъ. Вначалѣ ему иногда казалось, что онъ по настоящему влюбленъ въ Маргариту Кольбъ; разъ даже молодой человѣкъ поймалъ себя на мысли: ужъ не жениться-ли ему на ней? отчего-бы и нѣтъ въ самомъ дѣлѣ? Маргарита Кольбъ тоже была въ него влюблена по настоящему, — такъ по крайней мѣрѣ онъ думалъ.

Порученное ему агентомъ дѣло не подвигалось однако ни на шагъ. Въ первое время Штааль старался незамѣтно разспрашивать свою любовницу. Она всякій разъ смѣривала его взглядомъ и адски хохотала. Разъ какъ-то подъ утро она сама стала задавать ему вопросы, и онъ на слѣдующій день съ тревогой объ этомъ вспоминалъ: какъ сквозь сонъ помнилъ, что она особенно освѣдомлялась о какихъ-то адресахъ, — эти адреса не были ему извѣстны. Еще до того онъ сообщилъ агенту развѣдки, что выполнилъ порученіе, но ничего подозрительнаго не нашелъ въ госпожѣ Кольбъ и ничего отъ нея не узналъ. Агентъ, все болѣе хмурый и озабоченный, молча его выслушалъ и съ той поры не давалъ ему порученій.

Штааль со своей стороны потерялъ интересъ къ дѣлу и больше ни о чемъ не выспрашивалъ Маргариту Кольбъ. Онъ такъ и не зналъ до конца, кому она служитъ: якобинской ли полиціи или британской развѣдкѣ; порою думалъ даже, что она и сама этого толкомъ не знаетъ. Разговаривать съ ней ему вообще

было нелегко и не о чемъ. Если она пріѣзжала въ Пасси рано, онъ заботливо придумывалъ разныя развлеченія, чтобы заполнить время до ночи. Часто они садились на rue Vineuse въ почтовую карету и черезъ заставу уѣзжали въ Парижъ; обѣдали въ Palais-Egalité и пили въ кофейняхъ чай, который въ ту пору вошелъ въ большую моду. Штааль сопровождалъ свою даму по магазинамъ, по аукціонамъ (въ столицѣ развелось необычайное множество всякихъ аукціоновъ). Маргарита Кольбъ покупала очень много, часто совершенно ненужныя ей вещи. Такъ, на аукціонѣ имущества одного изъ монастырей купила два ящика книгъ въ темныхъ кожаныхъ переплетахъ (книги продавались на вѣсъ), къ большому удивленію Штааля, который зналъ, что она ничего не читаетъ. За покупки всегда платилъ онъ. Въ первое время Штааль не зналъ, слѣдуетъ-ли давать деньги Маргаритѣ Кольбъ. Однажды вечеромъ, она,точно въ разсѣянности, взяла съ ночного столика его бумажникъ, просмотрѣла все, что въ немъ содержалось, и переложила въ свою сумку нѣсколько ассигнацій. На слѣдующій день онъ самъ предложилъ ей денегъ. Она адски захохотала и воскликнула трагическимъ голосомъ: „Il me prend pour une fille!“ Но черезъ недѣлю снова разсѣянно переложила къ себѣ изъ бумажника довольно крупную сумму. Штааль охотно принялъ этотъ способъ оплаты и только старался его урегулировать, оставляя на ночь въ бумажникѣ ровно столько денегъ, сколько онъ находилъ нужнымъ дать своей любовницѣ.

Страсть молодого человѣка быстро шла на убыль. Изъ даннаго ему политическаго порученія вышла самая обыкновенная связь, оплачиваемая деньгами, ни въ какомъ особомъ отношеніи не интересная и скоро ему надоѣвшая. Странными и непонятными были только нѣкоторыя черты характера этой женщины. Днемъ она казалась ему плохой комедьянткой дурного тона. Но иногда, ночью, онъ видѣлъ въ ней и другое.

Маргарита Кольбъ очень любила посѣщать казни (терроръ все усиливался) и часто звала съ собой Штааля. Онъ отказывался подъ разными предлогами: стыдился сознаться въ своей нервности (какъ всѣхъ въ ту пору, его тянуло къ гильотинѣ). Очень удивило молодого человѣка слѣдующее: Маргарита Кольбъ не присутствовала ни при казни Шарлотты Кордэ, ни при казни Маріи-Антуанетты, хотя весь Парижъ въ тѣ дни высыпалъ на площадь Революціи.

IV

Она вошла хорошо: такъ, какъ демоническимъ женщинамъ полагается приходить на свиданье. Въ передней, куда былъ проведенъ колокольчикъ, послышались три звонка, одинъ громкій и довольно протяжный, два другихъ — послѣ небольшого перерыва — краткіе, злые и зловѣщіе. Этотъ условный сигналъ придумала для ихъ встрѣчъ она сама. Штааль быстро сбѣжалъ внизъ по винтовой лѣстницѣ и отперъ входную дверь. Шнурокъ колокольчика еще вздрагивалъ отъ рѣзкаго звонка. Какъ только Маргарита Кольбъ переступила порогъ, молодой человѣкъ порывисто схватилъ ее за руку обѣими руками и горячо произнесъ:

— Вы! Наконецъ! Какъ я счастливъ!

Здѣсь онъ подумалъ, что уже раза три или четыре встрѣчалъ Маргариту Кольбъ именно этими словами, — нужно придумать что-нибудь новое. Первую фразу Штааль обыкновенно приготовлялъ для разговора заблаговременно. Маргарита Кольбъ поднесла ему руку къ губамъ. Рука у нея была холодная и мокрая. «Зачѣмъ она безъ перчатокъ?» — подумалъ Штааль, цѣлуя. Гостья смотрѣла на него въ упоръ, молча и безъ улыбки, съ такимъ видомъ, точно хотѣла сказать что-то очень важное и даже роковое, но не рѣшалась; Штааль зналъ, что ей не нужно ничего ему сказать;

это просто была ея обычная манера. Они пошли наверхъ. Посредине лѣстницы Штааль счелъ долгомъ вѣжливости остановиться и обнять Маргариту Кольбъ. Она слегка его оттолкнула, затѣмъ взяла его голову обѣими руками и прижала лобъ къ своимъ губамъ, не цѣлуя и не отпуская. Штаалю было неудобно и смѣшно стоять въ этой позѣ на узкой лѣстницѣ, и онъ пожалѣлъ о томъ, что преждевременно обнялъ свою даму. «Хорошо было-бы теперь поднять ее и отнести на рукахъ въ гостиную», — подумалъ онъ, но тотчасъ отказался отъ этого проекта: въ Маргаритѣ Кольбъ было не менѣе четырехъ съ половиной пудовъ вѣса. Молодой человѣкъ ограничился тѣмъ, что, освободивъ лобъ, страстно припалъ къ рукѣ своей гостьи и нѣсколько разъ повторилъ:

— Какъ я счастливъ! Боже, какъ я счастливъ!

Она вырвала руку, вдругъ захохотала и побѣжала наверхъ. Штааль послѣдовалъ за ней. При этомъ, пользуясь полутьмой, онъ поспѣшно вынулъ носовой платокъ и вытеръ непріятный мокрый слѣдъ ея губъ на лбу. Ему удалось спрятать платокъ въ карманъ прежде, чѣмъ Маргарита Кольбъ вновь къ нему повернулась.

«Теперь, значитъ, этакъ часовъ на пятнадцать?» — съ тоской спросилъ онъ себя. «Какъ она ненатурально смѣется!.. Ничего, кажется, не было смѣшного. Зачѣмъ ломается?..»

Въ гостиной онъ засуетился у стола, усаживая гостью и сразу начиная угощать ее. Маргарита Кольбъ окинула взоромъ закуску.

— Я буду ужинать. Я проголодалась, — сказала она трагически и принялась ѣсть. Ѣла она жадно и много. Штааль потягивалъ изъ рюмки ratafia de truffes и думалъ, что эта женщина смертельно ему надоѣла.

«Хорошо было-бы, еслибъ она потомъ ушла домой, а не оставалась здѣсь всю ночь», — подумалъ

онъ. Въ домѣ не было второй постели. Штааль любилъ спать одинъ; онъ вспоминалъ слова Носкова: «порядочный человѣкъ никогда не спитъ съ женщиной». «Да нѣтъ, она не уйдетъ. Куда ей итти ночью?»

— Въ Периге охотники дрессируютъ свиней, чтобы тѣ отыскивали трюфли, — сказала чрезвычайно значительнымъ тономъ Маргарита Кольбъ, отрываясь отъ пирога. — Больше всего любятъ трюфли гурманы и свиньи.

— Возьмите еще кусокъ, — умоляюще предложилъ Штааль.

Маргарита Кольбъ разочарованно улыбнулась и отодвинула тарелку.

— Налейте мнѣ вина. Много, — сказала она.

— Какія новости? Что процессъ? — спросилъ Штааль, наливая вина гостьѣ.

Онъ имѣлъ въ виду дѣло жирондистовъ, которое шло въ революціонномъ трибуналѣ.

Маргарита Кольбъ быстро провела суставомъ указательнаго пальца ниже подбородка.

— Завтра... Всѣ, — сказала она.

— Развѣ приговоръ вынесенъ? — вскрикнулъ Штааль.

Гостья внимательно на него посмотрѣла.

— Его выносятъ сейчасъ, — отвѣтила она нехотя.

«Почемъ же она знаетъ, каковъ будетъ приговоръ?» — подумалъ Штааль. Ему вдругъ стало нехорошо. Ликеръ пролился на коверъ изъ рюмки, которую молодой человѣкъ держалъ въ рукахъ. Штааль быстро поставилъ рюмку на столъ, всталъ и прошелся по комнатѣ. Жанъ-Жакъ Руссо смотрѣлъ на него съ безграничнымъ отвращеніемъ.

«Кому служитъ эта женщина? » — въ сотый разъ спросилъ себя Штааль.

Въ первый разъ въ жизни онъ столкнулся вплотную съ тайной чужой души.

— Мы завтра пойдемъ на площадь Революціи, — сказала Маргарита Кольбъ.

«Завтра! Такъ и есть, будетъ сидѣть у меня всю ночь и половину дня. . .»

Онъ угрюмо кивнулъ головой.

— Почему вы думаете, что ихъ приговорятъ къ смерти? — спросилъ онъ, не глядя на гостью. — Верньо еще не говорилъ. Его ораторскій геній можетъ спасти ихъ.

— Революціонное правительство не шутитъ съ врагами, — отвѣтила кратко Маргарита Кольбъ.

«Допустимъ. Но какимъ образомъ ей извѣстно, что приговоръ будетъ вынесенъ сегодня?»

— Кромѣ того, какъ вы знаете, у меня есть разные источники освѣдомленія, — загадочно добавила она, помолчавъ.

— Вы ошибаетесь, я о вашихъ источникахъ освѣдомленія ничего не знаю, — съ живостью сказалъ Штааль.

— И не надо.

— Позвольте мнѣ быть другого мнѣнія. . .

«Какой глупый разговоръ!» — подумалъ онъ съ тоской и отошелъ къ окну, повернувшись спиной къ гостьѣ. Темныя жалюзи тоскливо колотились о стекло. На Сенѣ вѣтеръ вылъ, то усиливаясь, то замирая. Гдѣ-то по близости, надрываясь, лаяли собаки. Штаалю вдругъ стало страшно. Что-то заставило его быстро повернуться, будто сзади ему грозила опасность. Маргарита Кольбъ смотрѣла на него въ упоръ. Выраженіе лица ея было странно. Ихъ глаза встрѣтились. Внезапно въ ея взорѣ скользнулъ легкій испугъ.

«Кажется, я нездоровъ. . . У меня, должно быть, жаръ», — подумалъ Штааль.

— Вы обо мнѣ забываете, — сказала насмѣшливо Маргарита Кольбъ.

Штааль взялъ себя въ руки, подошелъ къ ея креслу и, опустившись на колѣни, поцѣловалъ ее. Она долго молча на него смотрѣла.

— Завтра мы пойдемъ на казнь жирондистовъ, — опять повторила Маргарита Кольбъ съ вопросомъ въ голосѣ, хоть онъ не возражалъ и тогда.

Онъ не сводилъ съ нея глазъ и чувствовалъ, что блѣднѣетъ безъ причины.

— Ножъ гильотины бьетъ по этому мѣсту, — сказала она, быстро проводя ногтемъ мизинца по шеѣ молодого человѣка и отдергивая руку. — Рубецъ очень тонкій — какъ красная нитка... Но только при первыхъ ударахъ. Когда казнятъ сразу много народа, ножъ быстро тупѣетъ. Образуются зубцы... Если тебя казнятъ, старайся попасть въ число первыхъ.

— Какой вздоръ вы говорите! — прошепталъ Штааль.

Она со странной, тотчасъ исчезнувшей улыбкой посмотрѣла на него, приблизивъ глаза къ его лицу. Затѣмъ схватила его за голову и покрыла поцѣлуями.

— Раздѣвайся скорѣе, — негромко, поспѣшно сказала она и быстро прошла въ спальню.

V.

Утро было сѣрое, дождливое, октябрьское. Утомленный Штааль съ трудомъ приподнялъ жалюзи, — онъ все не могъ справиться съ ихъ несложнымъ механизмомъ. Въ комнатѣ стало немного свѣтлѣе. Пріоткрылъ окно и съ жадностью втянулъ въ себя сырой воздухъ. Маргарита Кольбъ что-то промычала во снѣ, почувствовавъ холодъ на выбившемся изъ-подъ одѣяла тѣлѣ. Штааль оглянулся на нее почти съ отвращеніемъ.

«Какъ она могла мнѣ нравиться?» — спросилъ онъ себя.

При тускломъ свѣтѣ октябрьскаго дня она казалась ему не только не привлекательной, но прямо противной. Она спала, уткнувшись лицомъ въ подушку и засунувъ руки подъ валикъ изголовья. Штаалю бы-

ли видны лишь рѣдкіе волосы, желтая нездоровая кожа шеи и кружева рубашки не первой свѣжести. Онъ вспомнилъ ея любовь и даже повелъ плечами отъ отвращенія.

«А я, кажется, и въ самомъ дѣлѣ расхворался», — подумалъ онъ, почувствовавъ острый холодъ. Закрылъ окно и отправился умываться въ уборную, расположенную рядомъ со спальной. Тамъ на столѣ стояло десятка полтора разныхъ вазочекъ; чашка умывальника не превышала размѣромъ большой тарелки. Штааль въ десятый разъ сказалъ себѣ, что нужно будетъ обзавестись если не ванной, то хоть настоящимъ умывальникомъ. Онъ постарался умыться возможно тише, чтобы не разбудить своей любовницы. Закончивъ туалетъ, на цыпочкахъ прошелъ черезъ спальню въ гостиную, еще на порогѣ встрѣтился глазами съ Жанъ-Жакомъ Руссо, сразу обозлился и тутъ-же, взобравшись на стулъ, снялъ со стѣны портретъ философа. На близкомъ разстояніи лицо Руссо выражало совершенное омерзѣніе. Штааль положилъ портретъ на шкафъ розоваго дерева стекломъ внизъ и на всякій случай еще прикрылъ пыльную картонную спинку старыми газетами. Затѣмъ съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ сѣлъ на диванъ и сталъ приготовлять завтракъ. Хозяйство въ домикѣ было небогатое; чистой посуды не оказалось. Молодой человѣкъ перелилъ вино изъ своего стакана въ стаканъ Маргариты Кольбъ и налилъ себѣ разогрѣтаго кофе. Кофе было невкусное, недостаточно горячее и пахло виномъ. Штааль почувствовалъ, что ему ѣда противна. Ознобъ у него усиливался. Въ каминѣ спальной на черной золѣ едва вздрагивали два или три раскаленныхъ уголька.

«Хорошо бы теперь выпить горячаго русскаго чаю съ лимономъ, затѣмъ лечь въ настоящую постель, вмѣсто того одра, и накрыться периной, подоткнувъ подъ себя края. Да еще на перину положить что-нибудь, подушку что-ли», — подумалъ онъ устало и от-

кинулся было на диванѣ, вложивъ въ рукава руки и плотно прижавъ ихъ къ груди. Въ это время изъ спальной его окликнулъ лѣнивый голосъ:

— Ты уже всталъ. Который часъ?

— Скоро одиннадцать.

Изъ-за двери послышалось легкое восклицаніе. Молодой человѣкъ почувствовалъ, что дѣлать нечего, вздохнулъ и направился въ спальную. Маргарита Кольбъ сидѣла на постели, свѣсивъ голыя ноги. При входѣ Штааля, она слегка вскрикнула и накинула на ноги одѣяло. Этотъ стыдливый жестъ послѣ того, что дѣлалось ночью, крайне раздражилъ Штааля. Онъ произнесъ про себя грубое русское ругательство и, влюбленно улыбнувшись, освѣдомился о томъ, отдохнула-ли гостья. Оказалось, что она отдохнула.

— Но, ради всего святого, теперь оставь меня, — сказала она умоляющимъ тономъ, точно требовала отъ него необычайной жертвы. — Надо скорѣе одѣться. Вѣдь къ полудню мы должны быть на площади Революціи, если не хотимъ опоздать.

«Чортъ знаетъ что: на казнь собирается точно въ театръ», — подумалъ Штааль и произнесъ холодно:

— Я оставляю васъ. Пойду куплю газеты.

— Ты не хочешь поцѣловать меня? — спросила она съ кокетливой улыбкой. Но Штааль постарался этого не разслышать и быстро спустился по винтовой лѣстницѣ. Газеты онъ покупалъ долго. По узкой rue de l'Annonciation, мимо старой церкви, онъ прошелъ въ центръ деревушки; тамъ, чтобы согрѣться, заглянулъ въ кабачекъ и выпилъ стаканъ горячаго краснаго вина. Ему стало немного легче. Когда онъ вернулся, Маргарита Кольбъ съ обиженнымъ видомъ сидѣла въ гостиной на диванѣ и задумчиво-меланхолически доѣдала пирогъ. Штааль не могъ не замѣтить, что отъ обильнаго ужина, къ которому онъ почти не прикоснулся, не оставалось ничего. «И какъ она противно чавкаетъ!»

Онъ ласково улыбнулся и быстро на ходу поцѣловалъ ея волосы, на которые она, очевидно, вылила добрую половину его склянки духовъ; отбывъ повинность, сѣлъ подальше въ кресло и развернулъ газету. Сразу ему бросилось въ глаза набранное крупнымъ шрифтомъ сообщеніе о процессѣ жирондистовъ: всѣ обвиняемые, числомъ 21, были присуждены къ смерти. Казнь должна была состояться сегодня въ часъ дня на Площади Революціи. Свѣдѣнья Маргариты Кольбъ оказались совершенно точны. Между тѣмъ приговоръ былъ вынесенъ въ одиннадцать часовъ вечера. Вчерашній безотчетный страхъ, страхъ передъ какой-то нависшей надъ нимъ опасностью, снова овладѣлъ Штаалемъ.

— Откуда же вы все-таки знали приговоръ до того, какъ трибуналъ его вынесъ? — небрежно спросилъ онъ свою любовницу, показывая ей газету.

Она быстро смѣрила его глазами.

— Повторяю, мой милый, я знаю, быть можетъ, много больше, чѣмъ вы предполагаете, — отвѣтила она, подчеркивая особенную интонацію.

«Это угроза», — сказалъ себѣ Штааль. — «Нѣтъ, положительно надо отсюда подальше».

Онъ равнодушно пожалъ плечами и, стараясь сохранить беззаботное выраженіе, продолжалъ читать газету.

— Одинъ изъ жирондистовъ, Валазе, закололся кинжаломъ въ трибуналѣ послѣ вынесенія приговора, — сказалъ онъ, какъ-бы продолжая разговоръ.

— Неужели? Покажите!

Она заволновалась, читая газетное сообщеніе. Штааль искоса внимательно на нее смотрѣлъ, и выраженіе лица ея все болѣе его тревожило.

— Скоро двѣнадцать часовъ. Пойдемъ, — сказала, быстро вставая, Маргарита Кольбъ.

Штааль прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ. Онъ чувствовалъ, что надо принять важное рѣшеніе.

Въ спальной въ шкафу у него хранились деньги. Онъ незамѣтно вышелъ, притворивъ за собою дверь, и переложилъ все свое богатство въ карманъ. «Что еще? Паспортъ при мнѣ. Еще брилліантовая булавка — вотъ... Больше ничего не захватишь. Все остальное надо бросить: и три новыхъ костюма, и бѣлье, и коллекцію галстуковъ, экая досада. Неужели, однако, я не вернусь въ этотъ домъ?..»

— Идемъ, моя дорогая, — сказалъ онъ нѣжнымъ голосомъ, возвращаясь въ гостиную.

Они вышли изъ дому. Когда Штааль спускался по лѣстницѣ, у него вдругъ закружилась голова, онъ схватился рукой за перила. Но тотчасъ взялъ себя въ руки и пересилилъ болѣзнь.

Изъ деревушки много народа шло пѣшкомъ на площадь Революціи.

VI

. . . . . .

«Вотъ, вотъ она! Буква п о к о й!..».

. . . . . .

«Зачѣмъ столбы поставлены такъ близко другъ отъ друга ?..»

. . . . . .

«Отчего ножъ имѣетъ закругленную форму?.. Серпъ... Жатва... Революція жнетъ!..»

. . . . . .

«Разносчикъ продаетъ горячіе пирожки... Неужели у нихъ хватитъ безстыдства ѣсть... Развѣ можно ѣсть при видѣ э т о г о ? Вздоръ!.. Все можно! Я самъ ѣлъ-бы, еслибъ не былъ такъ боленъ... Все ложь, все обманъ!»

. . . . . .

«Вотъ отецъ высоко поднялъ ребенка на рукахъ... Онъ хочетъ показать э т о сыну... Ребенокъ смѣется... Смѣется и отецъ... У него ласковое, доброе лицо...»

. . . . . .

— «Такой толпы не было въ Парижѣ со дня казни отравителя Дерю — въ 1776 году». — «Въ самомъ дѣлѣ? Милый старичекъ... Онъ посѣщаетъ всѣ казни... Онъ театралъ... Говорятъ, они всѣ здѣсь сегодня на площади: Робеспьеръ, Дантонъ, Демуленъ... Они смотрятъ на черный п о к о й...».

. . . . . .

— «Головы будутъ падать къ ногамъ временной статуи Свободы, такъ нарочно поставили гильотину...» — «Картечью по нимъ, по всѣмъ! Гдѣ пушки Суворова? Будь проклята временная Свобода!.. Все гнусно, все ложь, все обманъ!..».

. . . . . .

«Нѣтъ силъ терпѣть эту муку... Бѣжать... Бѣжать отъ н е я... Какъ она противна мнѣ!.. Что-то здѣсь въ ней сегодня особенное...»

. . . . . .

— Les voilà!.. Les voilà!.. Oh, les traîtres!..

. . . . . .

«Зачѣмъ она вцѣпилась мнѣ въ руку? Что говоритъ она? — «Везутъ!» — Да, кажется, везутъ... Ихъ сейчасъ зарѣжутъ, моя милая...»

. . . . . .

Стотысячная толпа рванулась. Съ улицы Florentin выходилъ на площадь большой отрядъ солдатъ. За нимъ слѣдовало четыре фургона... Послышалось пѣніе. Оно становилось все громче...

Allons, enfants de la patrie,
Le jour de gloire est arrivé!..

. . . . . .

«Какъ страстно, какъ вдохновенно поютъ эти связанные люди! Они уносятъ съ собой славу, они уносятъ доблесть революціи...»

. . . . . .

Contre nous de la tyrannie
Le c o u t e a u sanglant est levé!..

Въ мертвой тишинѣ площади вторая, грозная фраза марсельезы прозвучала рыданьемъ смерти. Никто въ толпѣ не замѣтилъ демонстраціи: вмѣсто „l'étendart“ жирондисты пѣли „le couteau“. Но словъ не требовалось: и безъ того замеръ, не переводя дыханья, народъ.

Колесницы подъѣхали къ самому эшафоту. Связанные люди прямо съ нихъ переступали на лѣстницу подмостковъ. Протяжнымъ стономъ проносились по площади имена: одно знаменитѣе другого.

. . . . . .

«Четыре удара... Всякій разъ четыре удара».

. . . . . .

На шарнирахъ съ трескомъ повертывалась доска. Коротко стучалъ опускающійся ошейникъ. Со страшнымъ грохотомъ падалъ ножъ. И негромко ударяла о дно корзины голова.

А съ фургоновъ съ новой силой неслось въ отвѣтъ пѣнье связанныхъ людей,—ихъ число все уменьшалось:

Plutôt la mort que l'esclavage!
C'est la devise des Français!....

На эшафотѣ помощникъ палача быстрымъ движеніемъ щетки сметалъ далеко разбрызгивавшуюся кровь.

. . . . . .

«Четыре удара... Еще четыре удара... Работаетъ черный п о к о й... Жнетъ жатву окровавленный серпъ... Кого несутъ съ послѣдней колесницы?.. Почему застонала толпа?.. Это трупъ Валазе, того что вчера закололся... Имъ надо обезглавить мертваго»...

«Остался одинъ... Онъ поднимается на эшафотъ... Онъ поетъ... Что за голосъ!..»

. . . . . .

Allons, enfants de la patrie...
Le jour de gloire... est arrivé!..

. . . . . .

«Кто это? Кто послѣдній на лѣстницѣ эшафота?— «Верньо... Верньо...» — «Боже, какой голосъ!.. Такъ вотъ гдѣ впервые я его услышалъ... Это пѣнье рветъ душу на части... Скорѣй, скорѣй конецъ...»

. . . . . .

Contre nous... de la... tyrannie...
Le couteau... sanglant...

. . . . . .

«... Четыре удара!..»

. . . . . .

Кто-то вцѣпился Штаалю въ руку выше локтя. Лицо Маргариты Кольбъ было искажено. Штааль заглянулъ въ ея глаза и отшатнулся. Онъ хорошо зналъ то, что въ нихъ было... Съ отвращеніемъ онъ вырвалъ руку, бросился въ сторону и скрылся въ волнахъ народа.

VII

«Куда же теперь?» — спросилъ себя Штааль, задыхаясь отъ волненія. Съ усиліемъ онъ собралъ мысли. Возвращаться въ Пасси невозможно. Маргарита Кольбъ знала объ его связи съ британской развѣдкой. Онъ не понималъ характера этой женщины, но чувствовалъ въ ней злое и опасное существо. «Ей достаточно одного слова, чтобы погубить меня... Почему она не выдала меня до сихъ поръ? Или ей была еще нужна моя любовь?» (Штааль содрогнулся). «Что дѣлать? Съѣздить въ Пасси за вещами?.. Нѣтъ, вѣрно они уже ждутъ меня тамъ. А если и не ждутъ, то перевозка вещей обратитъ вниманіе, — выслѣдятъ...»

«Да ужъ не въ бреду ли я?» — мелькнула у него мысль. — «Быть можетъ, это страшная казнь разстроила мою душу. Быть можетъ, никакой опасности нѣтъ, и лучше всего пойти спокойно къ себѣ домой?».

Онъ повернулъ было къ тому мѣсту, откуда шла въ Пасси почтовая карета. Но вдругъ ясно почувство-

валъ, что не вернется больше въ особнякъ надъ Сеной. Очутиться въ глухой деревушкѣ въ одиночествѣ, въ тоскливый осенній день, слушать вой вѣтра надъ рѣкой и вспоминать тамъ это — нѣтъ. Прежде она заполняла жизнь, — «да, вѣдь я любилъ ее», — подумалъ онъ съ отвращеніемъ.

Жажда мести кому-то за что-то наполняла его душу. Въ больной, все тяжелѣвшей головѣ носились смутныя злобныя мысли. «Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ Суворовъ сидитъ въ Херсонѣ? Зачѣмъ не онъ, вмѣсто Кобурговъ и Брауншвейговъ, ведетъ къ побѣдѣ, къ мщенью союзныя войска?», — подумалъ Штааль съ тоскою. Вдругъ грозную фигуру херсонскаго полководца смѣнилъ образъ Шарлотты Кордэ. Штааль подумалъ, поднялъ воротникъ пальто и пошелъ дальше. Ему было очень холодно, онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Шелъ онъ быстро, торопливо и увѣренно. И мысли такъ-же торопливо, такъ-же дрожа ходили у него въ головѣ.

«Да, я останусь теперь въ Парижѣ. Здѣсь скверно, но здѣсь оживленье, шумъ... Дождусь Дюкро, посмотрю скорѣе все, что имъ нужно, затѣмъ уѣду навсегда отсюда... Ахъ, да, докладъ... Я напишу докладъ въ дорогѣ... И какой ужъ теперь докладъ! Кому онъ нуженъ? Зубову или Безбородкѣ? Можетъ быть, и не ждать вовсе Дюкро? Еще удастся-ли уѣхать? Говорятъ, послѣ его убійства на границахъ пошли другіе порядки... Они вѣдь всѣ сожалѣютъ объ его смерти, они оплакиваютъ изверга. Онъ сдѣлалъ все это.. Онъ погубилъ тѣхъ несчастныхъ... О благородная Шарлотта! На всѣхъ площадяхъ своихъ городовъ міръ долженъ воздвигнуть тебѣ памятники!.. Теперь повернуть налѣво, это уже недалеко... Да, куда-же я дѣнусь? Или поселиться въ прежней гостиницѣ, на улицѣ Закона? Тамъ хозяинъ прекрасный человѣкъ. Мы съ нимъ разстались пріятелями, — они были мною довольны, прислуга тоже: никогда не нужно жалѣть денегъ

прислугѣ, отъ нея многое зависитъ.. . Хозяинъ въ ладахъ съ полиціей и можетъ все устроить за деньги. Я прямо ему скажу, что хочу уѣхать и готовъ заплатить сколько угодно... При мнѣ-ли деньги? (онъ вдругъ вздрогнулъ и схватился рукой за боковой карманъ, — бумажникъ былъ на мѣстѣ). Хорошъ-бы я былъ, если-бъ остался здѣсь безъ денегъ, — подумать страшно!.. Надо уменьшить рискъ: буду носить при себѣ только половину, а другую — положу въ сундукъ. Эхъ, и сундука нѣтъ. Ничего у меня больше нѣтъ, все осталось въ Пасси... Кто-то допьетъ мой ratafia de truffes?.. Они тамъ не скоро меня хватятся. Ну, мало-ли что бываетъ: человѣкъ уѣхалъ въ городъ... Это очень важно... Теперь опять налѣво, да, вотъ она улица Кордельеровъ»...

Онъ шелъ и смотрѣлъ на номера домовъ. Вдругъ увидѣлъ двадцатый номеръ и остановился. — «Это здѣсь», — произнесъ онъ вслухъ, озираясь по сторонамъ. «Да, двадцатый номеръ по улицѣ Кордельеровъ»... Штааль сто разъ читалъ въ газетахъ описаніе дома и зналъ наизусть всю обстановку, всѣ подробности убійства Марата. Домъ былъ совершенно обыкновенный, старый и грязный. Замирая, молодой человѣкъ вошелъ, черезъ дверь между двумя лавками, въ маленькій дворъ... «И дворъ самый обыкновенный, только какая-то въ немъ разлита печаль»... Въ глубинѣ двора находился входъ въ квартиру Марата. На дворѣ никого не было. Всего лишь нѣсколько первыхъ дней и занималъ этотъ домъ любопытство парижской толпы. Ничто не свидѣтельствовало о томъ, что здѣсь три мѣсяца тому назадъ было совершено одно изъ знаменитѣйшихъ убійствъ исторіи. Штааль жадно вбиралъ въ себя глазами все. «Въ этотъ самый дворъ, черезъ ту же дверь что и я, вошла тогда, 13-го іюля, прекрасная женщина, въ высокой черной шляпѣ съ черной кокардой, съ чернымъ вѣеромъ въ рукѣ... Здѣсь она, быть можетъ, останови-

лась и осмотрѣлась, — нѣтъ-ли людей, удастся-ли спастись бѣгствомъ?.. Думала-ли она о бѣгствѣ? ... Тогда было тепло, свѣтило солнце... Вотъ окна его квартиры, — она тоже на нихъ смотрѣла»...

Штааль, блѣдный какъ смерть, перешагнулъ порогъ. Пахло кухней. Молодой человѣкъ поднялся по лѣстницѣ и остановился, замирая, на квадратной площадкѣ. Онъ смотрѣлъ на дверь, обитую черной клеенкой. Почему-то клеенка особенно его поразила. «Да, это здѣсь» — подумалъ онъ. Въ дѣйствительности, онъ ошибся дверью: въ этой квартирѣ жилъ другой жилецъ, зубной врачъ Делафондэ. Штааль немного отступилъ назадъ, потрогалъ черную клеенку рукой, но тотчасъ отдернулъ руку — и разсердился на себя за чрезмѣрную чувствительность. «Какое мнѣ собственно дѣло до Шарлотты Кордэ, что за слезливость такая!» — постарался онъ подумать. Штааль быстро, не оглядываясь, спустился по каменной лѣстницѣ и прошелъ мимо настоящей квартиры Марата, не замѣтивъ ея. Онъ глубоко вздохнулъ въ себя, послѣ противнаго ему запаха кухни, свѣжій, мокрый воздухъ и, почувствовавъ въ горлѣ острую боль, сразу упалъ духомъ совершенно. «Куда-же теперь? Ни одной живой души знакомыхъ», — жалостно раза три повторилъ онъ вслухъ. Ему стало крайне жалко себя. «Да, я очень боленъ, мнѣ нужно ѣхать не въ гостиницу, а въ гошпиталь».

Молодой человѣкъ вспомнилъ, что недалеко отъ той гостиницы на улицѣ Закона, гдѣ онъ жилъ, была больница, которую очень хвалили; собственно даже не больница, а лечебница для выздоравливающихъ, нуждающихся въ отдыхѣ людей. Штаалю страстно захотѣлось мягкой постели и заботливаго ухода. Онъ кликнулъ извозчика и долго, волнуясь, сбивчиво объяснялъ, куда ѣхать. Старикъ извозчикъ смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ; затѣмъ, подумавъ, сказалъ: „C'est bien... Montez... Allons-y".

Штааль облегченно вздохнулъ и не безъ труда взобрался на сидѣнье. Въ тряскомъ экипажѣ онъ сразу почувствовалъ себя совсѣмъ плохо. Жаръ у него усиливался съ каждой минутой, мысли мѣшались. Онъ все боялся, что недостаточно объяснилъ, какъ и куда ѣхать, думалъ, что его везутъ не туда, нѣсколько разъ заговаривалъ съ извозчикомъ, который смотрѣлъ на него очень серьезно и нахмуренно, — это крайне безпокоило Штааля: ужъ не везетъ ли онъ его въ Комитетъ Всеобщей Безопасности? Штааль хотѣлъ было доказать извозчику свою непричастность къ убійству, но тотъ не отвѣчалъ и все погонялъ лошадь. Посрединѣ дороги въ дрожки вдругъ вскочилъ обнаженный крошечный, крѣпкій человѣчекъ, съ больнымъ, горбоносымъ, распухшимъ лицомъ, съ воспаленными желтыми глазами. Въ жирную волосатую грудь его, повыше праваго соска, былъ по черную рукоятку всаженъ ножъ. Съ обнаженнаго человѣка лились кровь и вода. Онъ схватилъ Штааля за горло. Штааль вскрикнулъ не своимъ голосомъ.

Старый извозчикъ довезъ его до лечебницы, слѣзъ, не говоря ни слова, съ козелъ, вызвалъ сидѣлку, сдалъ ей больного и уѣхалъ, качая головой, не получивъ и не потребовавъ платы. Молодого человѣка немедленно уложили въ постель; врачъ констатировалъ у него серьезную болѣзнь и сильное нервное потрясенье. Штааль все требовалъ, чтобы ему дали миндальнаго молока съ глиной.

VIII

Мѣднозвучащіе мѣсяцы на „ôse“ революціоннаго календаря уступили мѣсто сладкозвучащимъ мѣсяцамъ на „al“, и уже растаялъ рѣдкій снѣгъ, съ натугой выброшенный на землю французской зимой, когда Штааль сталъ оправляться отъ своей тяжелой болѣзни.

Лечебница на улицѣ Закона предназначалась для богатыхъ людей и была поставлена очень хорошо. Какъ все въ Парижѣ, она находилась подъ наблюденіемъ Комитета Всеобщей Безопасности. Но владѣлецъ-врачъ наладилъ добрыя отношенія съ Комитетомъ: полиція рѣдко безпокоила лечебницу; раза два или три врачу удалось даже отстоять паціентовъ, которыхъ агенты Комитета хотѣли перевести въ тюрьму или хоть въ больницу Революціоннаго Трибунала. Это создало заведенію особую славу, и въ немъ нерѣдко, подъ видомъ больныхъ, находили пріютъ здоровые люди, считавшіе для себя небезопаснымъ другое мѣстопребываніе. Жилось въ лечебницѣ довольно спокойно, а, слѣдовательно, чрезвычайно пріятно: люди въ ту пору стали тихи, скромны и нетребовательны. Паціенты, исключительно мужчины, всѣ принадлежали къ образованнымъ классамъ; по взглядамъ они сильно расходились между собой, но другъ къ другу относились терпимо или, вѣрнѣе, равнодушно, обращались на вы и monsieur, спорили мягко и учтиво, негромкими голосами и со слабыми улыбками, какъ подобаетъ въ заведеніи, гдѣ люди ложатся спать въ девять часовъ вечера и по нѣсколько разъ въ день принимаютъ разныя лекарства. О политикѣ, впрочемъ, вообще говорили мало, чтобы не волноваться. Зато очень интересовались искусствомъ; читали не газеты, а книги, въ большинствѣ случаевъ старыя; дѣлились на глюккистовъ и пиччинистовъ; вспоминали, какъ историческое событіе, первую постановку «Женитьбы Фигаро»; обсуждали сравнительныя достоинства игры Маріи Вестрисъ и старшей Сенваль. Послѣ обѣда здоровые и выздоравливающіе сходились въ гостиной, гдѣ одинъ изъ паціентовъ, мосье Борегаръ, не очень хорошо, но съ чувствомъ, игралъ на клавесинѣ.

Врачъ впервые разрѣшилъ Штаалю встать съ постели и выйти изъ комнаты только въ концѣ флореаля. Въ мягкомъ, чистомъ халатѣ, выбритый впервые послѣ

очень долгаго времени, ощущая всѣмъ существомъ радость выздоровленія, молодой человѣкъ слабыми, неувѣренными шагами вошелъ подъ вечеръ въ полутемную гостиную. Мосье Борегаръ тихо наигрывалъ на клавесинѣ фантазію изъ «Альсеста».

Штааль опустился въ кресло, въ другомъ концѣ большой комнаты, и сталъ умиленно слушать. Онъ былъ музыкаленъ отъ природы, а болѣзнь, долгое одиночество и тяжелое настроеніе особенно настраивали его къ тихимъ меланхолическимъ мелодіямъ Глюкка. Въ комнатѣ, какъ ему показалось, больше не было никого. Вдругъ, однако, сзади его окликнулъ голосъ:

— Tiens! Monsieur Tracy!

Штааль вздрогнулъ и обернулся. Около него, въ темномъ углу, сидѣлъ на диванѣ Пьеръ Ламоръ. Молодой человѣкъ радостно съ нимъ поздоровался (радъ былъ всякому знакомому лицу) и смущенно пояснилъ, что онъ собственно не американецъ Траси, а русскій Штааль (въ лечебницѣ его записали по паспорту настоящимъ именемъ); хотѣлъ было объяснить, какимъ образомъ случилась эта перемѣна, но Пьеръ Ламоръ негромко засмѣялся (смѣхъ у него остался такой-же непріятный) и перебилъ его:

— Пожалуйста, извините меня, — сказалъ онъ, — съ моей стороны, разумѣется, было неосторожно назвать васъ вашимъ псевдонимомъ; я вѣдь догадывался, что вы не американецъ и не Траси. Къ счастью, никто не слышалъ... Однако, и осунулись-же вы! — добавилъ онъ, вглядываясь въ полутьмѣ въ лицо Штааля. — Докторъ намъ говорилъ о молодомъ русскомъ, котораго привезли на извозчикѣ тяжело больнымъ въ день казни бриссотинцевъ. Вотъ ужъ не догадывался я, что это вы. Очень радъ, что вы оправились... Жизнь скверная штука, но въ двадцать лѣтъ этого еще не замѣчаешь; и теперь, неправда ли, было бы особенно жалко умереть, не узнавъ, какъ все это кончится.

— У васъ, напротивъ, прекрасный видъ, — сказалъ Штааль (они говорили вполголоса, чтобы не мѣшать мосье Борегару).

— Да, я неожиданно сталъ себя чувствовать много лучше. Не знаю, уберегусь-ли отъ Сансона, а отъ врачей, какъ видите, пока спасся, — поправился... Заграницей мнѣ пришлось туго, я остался безъ средствъ; это очень разстраиваетъ здоровье. Здѣсь мои дѣла стали лучше; мнѣ удалось распродать имущество.

— Почему-же вы поселились въ лечебницѣ, если выздоровѣли?

— Не все-ли равно, гдѣ жить? Здѣсь кормятъ прекрасно. А главное, эта лечебница — самое безопасное мѣсто въ Парижѣ. Въ гостиницѣ меня обыскивали и арестовывали два раза; я, наконецъ, счелъ нужнымъ заболѣть и переѣхалъ сюда. Но все-таки не увѣренъ, что меня оставятъ въ покоѣ: Комитетъ Всеобщей Безопасности почему-то очень мною интересуется. Того и гляди, арестуютъ, — а изъ тюрьмы на эшафотъ теперь рукой подать. Буду, вѣрно, пѣть марсельезы на ступеняхъ гильотины, какъ жирондисты.

— Вы присутствовали при ихъ казни? — быстро спросилъ Штааль.

— Присутствовалъ. Прекрасный былъ случай сказать знаменитымъ революціонерамъ: „Vous l'avez voulu, Georges Dandin!.." Я не придаю большого значенія смерти, особенно чужой, но жирондистовъ все-таки жаль. Они умерли съ достоинствомъ, не отрицаю. Эти люди были созданы для подмостковъ, — даже для подмостковъ эшафота. Какъ политическіе дѣятели, они достоинствомъ не блистали. Политика — это шарлатанство, умѣряемое проницательностью. У жирондистовъ было только шарлатанство. Въ политикѣ есть с е г о д н я и есть з а в т р а, — больше нѣтъ ничего. А у нихъ было в ч е р а и ч е р е з ъ т ы с я ч у л ѣ т ъ. Въ теоріи они желали быть граждана-

ми платоновской республики. Въ дѣйствительности имъ хотѣлось стать либеральными министрами конституціоннаго короля и удивлять демократическими фраками раззолоченную толпу версальскихъ залъ... Версальскій блескъ вообще оказалъ сильное дѣйствіе на воображеніе разныхъ революціонеровъ... Жирондистамъ слѣдовало родиться въ Англіи. Бриссо былъ созданъ для того, чтобы хитрымъ парламентскимъ запросомъ или тонкой газетной статьей сваливать чужое министерство. Для этого ему нужна была и революція. А вышло, какъ на зло, совсѣмъ не то: невѣжественная Коммуна, разъяренная чернь, пьяный генералъ Анріо, революціонный трибуналъ, гильотина. Этого жирондисты не предвидѣли и были очень обижены.

— Вы предпочитаете имъ нынѣшнихъ якобинцевъ? — сухо спросилъ Штааль.

— Якобинцы заливаютъ клоаку кровью. Жирондисты хотѣли вспрыснуть ее духами. Да и духи у нихъ были скверные. Повторяю, по человѣчеству, мнѣ ихъ очень жаль, особенно Верньо и тѣхъ двухъ молодыхъ богачей, Дюко и Фонфреда... Замѣтьте кстати, это странно: у многихъ революціонеровъ огромныя состоянія. Не рѣдкость, особенно теперь, увидѣть человѣка, который отдаетъ родинѣ жизнь. Но я еще ни разу не встрѣтилъ ни одного, кто отдалъ-бы ей свое богатство. Еслибъ для спасенія республики граждане должны были пожертвовать, скажемъ, третью состоянія каждый, вся Франція оказалась-бы состоящей изъ монархистовъ (то-же самое, но наоборотъ, было-бы вѣрно въ отношеніи Россіи или любой другой монархической страны). Это нелогично, ибо жизнь, разумѣется, дороже людямъ, чѣмъ богатство... Одинъ изъ безчисленныхъ абсурдовъ, заложенныхъ въ природу человѣка. Что-же касается якобинцевъ... Honni soit qui bien y pense... У насъ теперь свирѣпствуетъ какой-то новый тикъ: жажда облагодѣтельствовать че-

ловѣчество. И, разумѣется, больше всего пылаютъ этой жаждой всякіе прохвосты и проходимцы; изъ нихъ и состоитъ въ массѣ якобинскій клубъ... Я всегда радъ, когда власть переходитъ къ мерзавцамъ... Кромѣ того у насъ во Франціи было слишкомъ много адвокатовъ: долженъ вамъ сказать, у меня органическое отвращеніе къ адвокатамъ. Можетъ быть, къ концу террора ихъ число сократится... А вы, значитъ, не потеряли интереса къ политическимъ спорамъ? Вотъ познакомьтесь съ мосье Борегаромъ, — старикъ кивнулъ головой въ сторону господина, игравшаго на клавесинѣ, — съ нимъ наговоритесь о прелестяхъ Революціи.

— По внѣшности онъ что-то не похожъ на революціонера.

— Я могъ-бы вамъ, конечно, отвѣтить, что по внѣшности судить трудно. Самый благообразный, почтенный и представительный съ виду человѣкъ изъ всѣхъ, кого я зналъ въ жизни, былъ маркизъ де-Садъ. Но въ настоящемъ случаѣ вы, пожалуй, не ошибаетесь... Мосье Борегаръ въ разговорѣ, когда этого требуетъ грамматика, употребляетъ imparfait du subjonctif. По моему, человѣкъ, употребляющій imparfait du subjonctif, не можетъ быть революціонеромъ. Но мосье Борегаръ нѣжной любовью любитъ революцію. По своимъ симпатіямъ онъ ближе къ жирондистамъ, однако, видите-ли, признаетъ большія заслуги и за монтаньярами. Шамфоръ совершенно правильно замѣтилъ: il faut avoir l'esprit de haïr ses ennemis. Мосье Борегару недостаетъ этого рода ума. Хотя, вообще говоря, онъ человѣкъ неглупый и порядочный... Мосье Борегаръ! — окликнулъ онъ игравшаго, — оставьте стараго монархиста Глюка, — во первыхъ, скоро позовутъ ужинать, а во-вторыхъ, я хочу познакомить васъ съ юношей, который, какъ вы, страстно любитъ Великую Революцію...

Мосье Борегаръ всталъ изъ-за клавесина. Это былъ высокій, немного сутуловатый, тучный человѣкъ

лѣтъ тридцати пяти съ усталымъ, привѣтливымъ лицомъ, желтымъ и немного опухшимъ какъ отъ болѣзни почекъ. Онъ ласково поздоровался со Штаалемъ и поздравилъ его съ выздоровленіемъ.

— Никогда не говорите о политикѣ съ мосье Ламоромъ, — сказалъ онъ, улыбаясь, молодому человѣку. — Есть люди глухіе къ Революціи, какъ есть люди невоспріимчивые къ музыкѣ. Убѣдите-ка глухого въ томъ, что Глюкъ великій человѣкъ! Мосье Ламоръ, къ тому-же, органически не способенъ видѣть добро въ жизни. Послушать его, въ Революціи нѣтъ ничего, кромѣ уголовныхъ преступленій, совершенныхъ пьяной толпой подъ руководствомъ шайки разбойниковъ. Въ этомъ онъ совершенно сходится съ господами эмигрантами, которыхъ онъ, впрочемъ, считаетъ другой шайкой разбойниковъ.

— Вотъ, вотъ, — сказалъ Пьеръ Ламоръ, вставая. — Учите молодого человѣка, объясняйте ему благодѣянія Великой Революціи. Можетъ быть, вы сдѣлаете изъ него со временемъ русскаго Робеспьера. Подумайте, какъ будетъ вамъ благодарно за это потомство... Пойдемъ ужинать, пора.

Мосье Борегаръ очень понравился Штаалю. Онъ показался ему одновременно и умнымъ, и добрымъ человѣкомъ, — сочетаніе, не часто встрѣчающееся въ жизни. Штааль подъ вліяніемъ болѣзни находился въ размягченномъ душевномъ состояніи и инстинктивно тянулся сердцемъ къ привѣтливымъ и ласковымъ людямъ.

По профессіи мосье Борегаръ былъ химикъ и въ послѣднее время занимался изготовленіемъ взрывчатыхъ веществъ для нуждъ арміи. На этой работѣ онъ разстроилъ здоровье. Кромѣ того, черезъ Кондорсе онъ былъ тѣсно связанъ съ жирондистами, писалъ въ свое время въ ихъ газетахъ, а потому состоялъ на учетѣ въ Комитетѣ Всеобщей Безопасности. Ему рекомендовали пожить нѣкоторое время въ лечебницѣ.

Онъ все это въ первый-же вечеръ откровенно разсказалъ Штаалю.

— А вы купите себѣ certificat de civisme, —посовѣтовалъ Пьеръ Ламоръ. — Молодые герои, которыхъ гонятъ на фронтъ, очень охотно продаютъ свои свидѣтельства — и недорого. Я бы и самъ купилъ, но не подхожу по возрасту: не могу сойти за молодого героя.

Мосье Борегаръ только отмахнулся. Къ насмѣшкамъ старика онъ относился вполнѣ равнодушно. Умѣлъ и самъ отвѣчать довольно колко, но вообще ироніи не любилъ, а особенно ироніи непрерывной, къ которой сводилась рѣчь Пьера Ламора. Говорилъ мосье Борегаръ очень хорошо и дѣйствительно такъ литературно, точно писалъ статью. Повидимому, онъ былъ прекрасно образованъ и страстно любилъ науку: недавняя казнь Лавуазье была для него тяжелымъ личнымъ ударомъ; лицо его темнѣло всякій разъ, когда Пьеръ Ламоръ, тотчасъ нащупавшій больное мѣсто, сочувственно разспрашивалъ его о работахъ великаго ученаго или разсказывалъ подробности суда надъ нимъ. О химіи мосье Борегаръ говорилъ съ такимъ увлеченіемъ, что Штаалю захотѣлось заняться этой наукой и устроить себѣ лабораторію. Мосье Борегаръ былъ ученикъ Бертолле и вмѣстѣ со своимъ учителемъ девять лѣтъ тому назадъ принялъ, послѣ долгихъ колебаній, новое ученіе. Онъ пытался объяснить молодому человѣку сущность новаго ученія, созданнаго геніемъ Лавуазье; излагалъ, съ радостной улыбкой на лицѣ, содержаніе собственныхъ химическихъ изслѣдованій. О работѣ-же своей по изготовленію взрывчатыхъ веществъ распространялся неохотно. Онъ считалъ эту работу необходимой для Республики, но изготовленіе орудій убійства и разрушенія было ему непріятно.

Штааль проводилъ часы въ разговорахъ съ новымъ знакомымъ. Въ освѣщеніи мосье Борегара моло-

дой человѣкъ сталъ по новому понимать Революцію. Конвентъ и правительство перестали ему казаться сборищемъ злодѣевъ. Мосье Борегаръ не любилъ якобинцевъ, но отдавалъ должное ихъ смѣлости и энергіи. Онъ крайне отрицательно относился къ террору, однако, доказывалъ, что къ странѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ смертельными врагами, не могутъ прилагаться обычныя политическія и моральныя мѣрила. Онъ вѣрилъ въ Революцію, подходилъ къ ней исторически и только съ досадой пожималъ плечами, когда ему сообщали о творившемся кругомъ злѣ.

— Повѣрьте, — говорилъ онъ Штаалю, — черезъ пятьдесятъ лѣтъ все это забудется, или, по крайней мѣрѣ, умнымъ людямъ будетъ совѣстно объ этомъ вспоминать. А вотъ декларацію правъ человѣка, всеобщее избирательное право, конституцію 1793 года, отраженіе непріятельскаго нашествія — исторія будетъ помнить вѣчно.

— Да, этого я не отрицаю, — сказалъ услышавшій его заключеніе Пьеръ Ламоръ (старикъ рѣдко слушалъ рѣчи Борегара). — Я не сомнѣваюсь, что «передъ лицомъ исторіи» будете правы вы. Исторія все о с м ы с л и т ъ, она на это мастерица. Въ дѣйствительности, разумѣется, правъ я. Извините меня, исторія — дура.

Мосье Борегаръ, обращаясь исключительно къ Штаалю (что очень льстило молодому человѣку), перечислялъ положительныя заслуги Революціи въ области народнаго образованія, культуры, развитія искусствъ.

— Ну да, ну да, — говорилъ старикъ. — Вы еще забыли ея заслуги въ области созданія новой національной одежды. Говорятъ, насъ всѣхъ скоро переодѣнутъ въ какой-то балетный костюмъ, надъ которымъ теперь работаетъ дуракъ Давидъ. Я недавно его встрѣтилъ на улицѣ, — на немъ голубенькія туфельки, голубенькая блузка, шляпа съ перомъ, на спинѣ огром-

ная сабля, а за поясомъ два пистолета (ручаюсь, кстати, головой, что онъ боится и не умѣетъ стрѣлять: пистолеты, навѣрное, не заряжены). Я принялъ-бы его за балетмейстера, не будь онъ безобразенъ, какъ смертный грѣхъ. По моему, такимъ безобразнымъ людямъ слѣдовало-бы вообще запретить заниматься искусствомъ.

Штааль, со своей стороны, не желая слушать чужія мысли безъ возраженій, разсказалъ о томъ, какъ на аукціонѣ монастырскаго имущества продавались на вѣсъ книги. Многое, навѣрное, было куплено для вывоза изъ Франціи.

— Разумѣется, — подтвердилъ съ удовольствіемъ Пьеръ Ламоръ. — Съ товарной биржи на улицѣ Сенъ Мартенъ ежедневно уходятъ заграницу огромные ящики съ произведеніями искусства. Вѣковыя сокровища Франціи расхищаются и распродаются, — а Конвентъ гордо ассигнуетъ деньги на поощреніе наукъ и искусствъ. Это и есть революціонное творчество. Такъ у нихъ всегда: на словахъ они облагодѣтельствовали весь міръ, а въ дѣйствительности, къ чему они ни прикоснутся, все гибнетъ, пачкается, пошлѣетъ. Революція творить не можетъ. Единственная ея заслуга: послѣ нея все приходится строить заново. А иногда (далеко не всегда, впрочемъ) новое выходитъ лучше стараго... Но эту заслугу Французская Революція всецѣло раздѣляетъ съ Лиссабонскимъ землетрясеніемъ. Добавлю еще, что основныя понятія добра и зла въ политикѣ не вполнѣ разработаны революціонной мыслью. Чего хотятъ мудрецы Конвента? Матеріальнаго благополучія Франціи? Расширенія ея границъ? Военной славы? Освобожденія міра? Они сами этого не знаютъ. А знать не мѣшало бы...

Пьеръ Ламоръ отошелъ и усѣлся на диванѣ съ «Мыслями» Паскаля. Онъ все читалъ эту книгу и называлъ ея благочестиваго автора королемъ скептиковъ и атеистовъ.

Штааль и Борегаръ продолжали разговоръ. Молодой человѣкъ разсказывалъ о наблюденіяхъ, которыя имъ производились въ столовой гостиницы на улицѣ Закона. Химикъ съ улыбкой качалъ головой.

— Не придавайте всему этому значенія, — говорилъ онъ. — Въ вашей гостиницѣ, очевидно, собрались торгаши. Народъ настроенъ духомъ высоко, онъ опьяненъ свободой. Помните и то, что цвѣтъ поколѣнія находится на границахъ. Было-бы странно, еслибъ въ странѣ, окруженной врагами, въ тылу оставалась лучшая часть населенія. Молодежь, воплощающая въ себѣ идеализмъ Великой Революціи, творитъ въ борьбѣ за родину чудеса храбрости и самопожертвованія. Судите о насъ по воинамъ, а не по спекулянтамъ. А лучше всего вообще не анализируйте. Въ Революцію нужно вѣрить! Вы музыкальны, такъ прислушайтесь-же къ мелодическому голосу Великой Революціи...

Мелодическаго голоса революціи Штааль не слышалъ и про себя думалъ, что во многомъ (хотя и не во всемъ) правъ Пьеръ Ламоръ. Чаще всего онъ мысленно соглашался съ тѣмъ, съ кѣмъ говорилъ, — пока говорилъ. Но оба толкователя были ему полезны: въ своемъ докладѣ (онъ опять возвращался мыслями къ докладу) молодой человѣкъ хотѣлъ использовать доводы противниковъ и сторонниковъ Революціи (доводы сторонниковъ, — разумѣется, очень осторожно и въ формѣ вопросительной).

До возвращенія въ Россію было, однако, далеко. Штааль посылалъ въ лавку мосье Дюкро за справками. Оказалось, что бывшій учитель успѣлъ вернуться въ Парижъ и снова уѣхать. Возвращеніе его ожидалось къ началу лѣта. Впрочемъ, Штааль былъ еще слишкомъ слабъ для далекаго путешествія. Да и трудно было теперь покинуть Францію въ самый разгаръ террора.

Лечебницей молодой человѣкъ былъ очень доволенъ. Полиція его не тревожила и, повидимому, не разыскивала. Штааль начиналъ думать, что напрасно

подозрѣвалъ Маргариту Кольбъ. Быть можетъ, она и не собиралась вовсе его выдавать.

Мысли объ этой женщинѣ продолжали его тревожить, и ему очень хотѣлось ими подѣлиться съ опытнымъ въ жизни человѣкомъ. Мосье Борегаръ, навѣрное, ничего не могъ ему сказать: онъ былъ слишкомъ чистъ и возвышенъ душою для того, чтобы понять Маргариту Кольбъ. Но Пьеръ Ламоръ казался подходящимъ. Штааль однажды во всѣхъ подробностяхъ разсказалъ ему свой романъ. Старикъ слушалъ очень внимательно, даже переспрашивалъ о нѣкоторыхъ интимныхъ подробностяхъ ихъ отношеній и переспрашивалъ такъ, что у молодого человѣка краска заливала лицо. Радостная, недобрая усмѣшка не сходила при этомъ съ устъ Ламора.

— Вы отлично сдѣлали, что бѣжали отъ этой госпожи, — сказалъ старикъ, выспросивъ Штааля какъ слѣдуетъ. — Ваше счастье... Она, навѣрное, состояла на службѣ у полиціи и непремѣнно выдала-бы васъ, послѣ того, какъ ей надоѣло-бы ваше двадцатилѣтнее тѣло. Такими женщинами полна революціонная эпоха, и онѣ играютъ въ ней немалую роль. Ваша-то дама, правда, — третій сортъ, но кое-что отъ Маргариты Кольбъ есть, думаю, во всѣхъ героиняхъ Революціи. Революція не создана для нормальныхъ женщинъ; зато для ненормальныхъ она настоящій кладъ. Вотъ интересная тема: роль половыхъ извращеній въ революціонной психологіи. Не говорите этого мосье Борегару, онъ назоветъ меня пошлякомъ или какъ-нибудь еще обиднѣе. Но мосье Борегаръ понимаетъ въ революціи еще гораздо меньше, чѣмъ вы — въ характерѣ женщинъ.

Послѣднее замѣчаніе нѣсколько покоробило Штааля. Ему не нравился Пьеръ Ламоръ.

Въ лечебницѣ старика недолюбливали и боялись. Онъ былъ окруженъ тайной. Всѣ думали, что Пьеръ Ламоръ — не настоящее его имя. Одни говорили,

будто онъ принадлежитъ къ очень знатной семьѣ овернскаго дворянства. Но кто-то изъ пацiентовъ, встрѣчавшiй его въ молодости, передавалъ съ чьихъ-то словъ, не ручаясь за достовѣрность, что Ламоръ по происхожденiю потомокъ маранновъ, — давно выкрестившихся испанскихъ iудеевъ. Всѣ сходились на томъ, что онъ человѣкъ недоброжелательный и злой.

Въ концѣ весны, въ лечебницу ночью неожиданно явились агенты Комитета Всеобщей Безопасности и увезли въ тюрьму нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ Ламора и Борегара. Никто не успѣлъ съ ними проститься. Врачъ ѣздилъ ихъ выручать, но безъ успѣха. Надъ арестованными, какъ оказалось, тяготѣло зловѣщее обвиненiе въ сношенiяхъ съ эмиграцiей и въ подозрительныхъ знакомствахъ. Толкомъ объ ихъ судьбѣ ничего не удалось узнать; да особенно никто и не старался: люди равнодушно узнавали объ арестѣ и гибели даже близкихъ родныхъ и друзей.

IX

Членъ Конвента Баррасъ въ жаркiй iюльскiй день 1794 года получилъ отъ Фуше короткую записку, приглашавшую его явиться вечеромъ въ Café Corrazza, гдѣ обыкновенно собирались заговорщики.

Францiя переживала самыя тяжелыя времена всей своей исторiи. Военныя дѣла республики были въ блестящемъ состоянiи: армiя шла отъ побѣды къ побѣдѣ. Но эти успѣхи не радовали никого. Революцiя явно вступила въ полосу развала и вырожденiя. Никому не было извѣстно, кто и во имя чего правитъ государствомъ: то-ли вся власть принадлежитъ якобинскому клубу; то-ли страной распоряжается двадцать одна тысяча терроризировавшихъ ее революцiонныхъ комитетовъ, состоящихъ изъ подонковъ населенiя; то-ли, на-

конецъ, существуетъ слѣдующая конструкція власти: надъ Франціей — Конвентъ, надъ Конвентомъ — Комитетъ Общественнаго Спасенія, надъ Комитетомъ — такъ называемые тріумвиры, надъ тріумвирами — Максимиліанъ Робеспьеръ.

О народѣ никто и не говорилъ. Послѣ казни Дантона народъ уже больше ничего не понималъ и, потерявъ интересъ къ событіямъ, все терпѣлъ безучастно. Лучшіе изъ вождей революціи погибли подъ ножомъ гильотины. Многіе ушли отъ политики и переживали острые припадки мизантропіи. Въ общемъ почти всѣ думали, что такъ дальше продолжаться не можетъ; безобразію и позору долженъ придти конецъ. Какъ придетъ конецъ, насчетъ этого мнѣнія расходились. Одни стояли за общенаціональное объединеніе противъ террористовъ; въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни къ этой мысли примкнулъ Дантонъ. Другіе, напротивъ, опасаясь реакціи, оставались вѣрны старой формулѣ Анахарсиса Клоотса: „ni Marat, ni Roland“, разумѣется, измѣнивъ ее сообразно съ событіями, ибо и Маратъ, и Роланъ уже погибли. Третьи, наконецъ, какъ Лаканаль и Буасси д'Англа, думали, что существующій хаосъ пройдетъ самъ собой, и проповѣдывали мирный трудъ на пользу родины, кто бы ни былъ у власти. Тріумвиры — Робеспьеръ, Кутонъ и Сенъ-Жюстъ — боялись первыхъ, ненавидѣли вторыхъ и искусно пользовались третьими, глубоко ихъ презирая.

Къ лѣту 1794 г. большое распространеніе получила мысль, что оздоровленіе придетъ снизу и что, пока звѣрскіе инстинкты не улягутся въ народныхъ массахъ, борьба съ властью совершенно безполезна.

Но существовало и другое мнѣніе.

Нѣсколько отважныхъ, безпринципныхъ и безчестныхъ людей, которымъ нечего было терять, составило заговоръ противъ Робеспьера. Они предполагали искуснымъ маневромъ преодолѣть апатію Конвента, поднять вооруженное возстаніе, уничтожить тріумвировъ

и разогнать якобинскій клубъ. Дальше заговорщики не заглядывали, разсчитывая, что тамъ будетъ видно. Дѣйствовали они по личнымъ мотивамъ, большей частью низменнаго свойства. Но порядочные люди, знавшіе о заговорѣ, всей душой ему сочувствовали.

Сбылось то, что въ своей вѣщей мудрости предвидѣлъ графъ Мирабо. Не могли спасти Францію честные политическіе дѣятели съ ихъ честными политическими дѣйствіями. Несчастную, порабощенную страну спасали отъ фанатиковъ негодяи.

Главнымъ режиссеромъ заговора термидоріанцевъ былъ Фуше, въ прошломъ священникъ и профессоръ богословія, въ настоящемъ террористъ, въ будущемъ герцогъ Отрантскій, знаменитый министръ полиціи, служившій всѣмъ режимамъ и всегда своевременно ихъ предававшій.

Баррасу въ вооруженномъ возстаніи предназначалась роль командующаго войсками. Бывшій офицеръ королевской арміи, Баррасъ любилъ разъяснять штатскимъ людямъ тонкіе стратегическіе вопросы и умѣлъ очень хорошо говорить о походахъ Конде, Тюренна и Фридриха II. Это искусство, въ связи съ его атлетической фигурой, воинственной выправкой и врожденнымъ апломбомъ провансальца, создало ему въ Конвентѣ репутацію рубаки и знатока военнаго дѣла. Но самъ Баррасъ въ глубинѣ души былъ не слишкомъ увѣренъ въ своихъ боевыхъ талантахъ и, чѣмъ ближе дѣло пододвигалось къ возстанію, тѣмъ чаще ему приходило въ голову, что хорошо было бы выписать на время въ Парижъ, себѣ въ помощники, одного молодого корсиканскаго офицера, работу котораго онъ недавно наблюдалъ, находясь въ миссіи въ Тулонѣ. Этотъ офицеръ, невысокій, худой, крайне нервный человѣкъ съ подвижнымъ, блѣднымъ лицомъ и страшными сѣрыми глазами, звался не то Буонапарте, не то Бона-Парте. Онъ былъ еще очень молодъ и не имѣлъ никакого имени. Тѣмъ не менѣе всѣ, кому приходилось вести съ

нимъ опасную и отвѣтственную работу, испытывали такое чувство, что за этимъ человѣкомъ не пропадешь.

Нервное состояніе, въ которомъ находился Баррасъ по дорогѣ въ Café Corrazza, усиливалось еще отъ разныхъ мелочей. Такъ, наканунѣ, находясь по дѣлу въ Тамплѣ, онъ натолкнулся на непріятную сцену. Когда онъ проходилъ по двору тюрьмы, сопровождавшій его дежурный комиссаръ секціи, по профессіи портной, внезапно накинулся на замореннаго длинноволосаго десятилѣтняго мальчика въ лохмотьяхъ, смирно лежавшаго на крыльцѣ, и за что-то нѣсколько разъ ударилъ его палкой. Баррасъ недовольно оглянулся на плачъ поднявшагося ребенка — и внезапно почувствовалъ легкій приливъ крови къ головѣ: это былъ тотъ самый, всѣмъ когда-то знакомый по портретамъ, мальчикъ, котораго заграничныя газеты, послѣ казни его отца, называли Людовикомъ XVII, королемъ Франціи и Наварры. Баррасъ видѣлъ его въ послѣдній разъ, пять лѣтъ тому назадъ, на большомъ выходѣ въ Версальскомъ дворцѣ; въ свитѣ этого ребенка въ то время шло двадцать знатнѣйшихъ французскихъ вельможъ. Хотя Баррасъ уже два года ненавидѣлъ павшую два года тому назадъ династію, ему все-таки сдѣлалось не по себѣ отъ мысли, что въ присутствіи его, потомка крестоносцевъ, портной бьетъ палкой престолонаслѣдника Людовика Святого. На секунду онъ даже задумался, ужъ не напрасно-ли, право, онъ, виконтъ де-Баррасъ, съ его шестисотлѣтнимъ дворянствомъ, съ гордымъ девизомъ его рода: Vivat Barrasia proles, antiquitate nobilis, virtute nobilior, присоединился къ портнымъ и адвокатамъ. Онъ ничего, однако, не рѣшился сказать комиссару: зналъ къ тому же, что комиссаръ, по существу не злой, хотя, какъ и всѣ, нѣсколько озвѣрѣвшій отъ революціи, человѣкъ, ударилъ бывшаго дофина не изъ жестокости, а больше для того, чтобы этимъ революціоннымъ дѣйствіемъ поддержать

въ глазахъ вліятельнаго члена Конвента свою репутацію добраго санкюлотта: каждому было полезно въ такое время лишній разъ себя застраховать отъ висѣвшаго надъ всѣми обвиненія въ контръ-революціи. Но дурное настроеніе Барраса усилилось отъ сцены въ Тамплѣ. Ему захотѣлось уѣхать изъ раскаленнаго іюльскимъ жаромъ и залитаго кровью Парижа, подальше отъ тюремъ и казней, отъ узниковъ и сторожей, куда-либо на свѣжій воздухъ, въ глушь, гдѣ, быть можетъ, еще живутъ люди простой человѣческой жизнью, досыта ѣдятъ, до-пьяна пьютъ, не боятся шпіоновъ и не рѣжутъ другъ друга. Уже давно облюбовалъ онъ себѣ продававшееся по случаю великолѣпное имѣніе Гробуа. Доходы, которые выпали на его долю — тутъ онъ вздохнулъ — при взятіи Марселя и Тулона, давали ему возможность осуществить этотъ замыселъ.

Баррасъ размечтался было о паркѣ, о замкѣ, объ охотахъ Гробуа. Но внезапно въ воображеніи его встало неподвижное, мрачное, точно изъ пергамента сдѣланное лицо Робеспьера, мутный взглядъ покрытыхъ очками глазъ, — и съ тоской и злобой онъ подумалъ, что, если этотъ человѣкъ не погибнетъ, то не видать ему, Баррасу, ни замка, ни парка, ни охоты — и вообще ничего больше въ жизни не видать и головы не сносить. Онъ вспомнилъ свой визитъ къ диктатору, послѣ возвращенія изъ Тулона, и встрѣченный ледяной пріемъ: очевидно, Робеспьеръ узналъ о несчастномъ случаѣ, произошедшемъ съ комиссаромъ Конвента въ дорогѣ. Баррасъ везъ изъ Марселя восемьсотъ тысячъ казенныхъ денегъ, которыя долженъ былъ сдать Камбону. Но вмѣсто нихъ онъ представилъ протоколъ, удостовѣрявшій, что въ пути, надъ болотомъ, коляска опрокинулась и всѣ деньги утонули. Комиссаръ и теперь не могъ безъ смѣха вспомнить гнѣвное и растерянное лицо Камбона, когда тотъ читалъ составленный по всей формѣ мѣстными властями протоколъ. «Неужели онъ, разбойникъ, пожаловался Робеспьеру? А,

можетъ-быть, до Парижа дошли слухи о хищеніяхъ въ городѣ Тулонѣ?»

— Ну да, я бралъ, — подумалъ Баррасъ, — но съ кого же? Съ контръ-революціонеровъ, которымъ онъ рубитъ головы. Рѣзать можно, а штрафовать нельзя? Да кто же не беретъ взятокъ? И Мирабо бралъ, и Дантонъ. Одинъ Робеспьеръ не беретъ ... Такъ вѣдь на какой ему чортъ деньги при его образѣ жизни? А могъ бы, дуракъ, если-бъ хотѣлъ, составить себѣ сказочное состояніе! И гораздо было бы лучше, чѣмъ безъ толку рѣзать людей. Что за мелочность во взглядахъ у этого человѣка! Да, пока онъ живъ, Франція не воскреснетъ. Только какъ съ нимъ покончить? Возстаніе? Конечно... Но трудно, очень трудно.

И опять онъ подумалъ, что непремѣнно, непремѣнно нужно, какъ можно скорѣе, выписать въ Парижъ блѣднаго корсиканскаго офицера.

— Конечно, этотъ молодой человѣкъ будетъ пѣшкой въ моихъ рукахъ. Я буду давать ему директивы. Но для распоряженія боемъ онъ, пожалуй, способенъ бытъ моимъ замѣстителемъ. Артиллерійское дѣло онъ знаетъ, это что и говорить. Очень ловко онъ, подлецъ, сообразилъ, что позиція Эгильетъ — ключъ къ Тулону. У меня просто не было времени изучить какъ слѣдуетъ карту...

Баррасу вспомнились сцены, послѣдовавшія за взятіемъ Тулона. Онъ тогда былъ очень встревоженъ: имѣлъ основанія думать, что въ осажденномъ городѣ, въ числѣ другихъ контръ-революціонеровъ, находится его родной дядя. Римская душа, полагавшаяся комиссарамъ Конвента, а кромѣ нея элементарная осторожность, предписывали Баррасу разстрѣлять родственника въ первую очередь. Но онъ очень любилъ своего дядю и вдобавокъ нисколько не желалъ, чтобы имущество старика было отобрано въ казну. Къ счастью, оказалось, что дядя своевременно успѣлъ убѣжать изъ Тулона. Эта первая удача очень бодро настроила Барраса.

Отдавъ приказъ вездѣ и всѣмъ называть по-новому контръ-революціонный городъ (Марсель была на вѣчныя времена переименована въ Sans Nom, а Тулонъ — въ Port de la Montagne) и предоставивъ снятіе реакціонныхъ эмблемъ и закрытіе церквей своимъ товарищамъ, Баррасъ занялся болѣе серьезнымъ дѣломъ. Онъ уединялся поочередно съ богатыми контръ-революціонерами Тулона и подвергалъ ихъ допросу. Послѣ нѣсколькихъ такихъ бесѣдъ фондъ, предназначавшійся для покупки замка Гробуа, достигъ внушительнаго размѣра — и Баррасъ въ самомъ радужномъ настроеніи духа пѣшкомъ отправился въ лагерь обѣдать. Картина зимняго вечера въ захваченномъ городѣ была ужасна. Тулонъ горѣлъ. Арсеналъ, склады, корабли въ порту были подожжены англійскимъ адмираломъ Сиднеемъ Смитомъ при отходѣ англо-испанскаго флота, и казалось, что горитъ самое море. По домамъ шелъ грабежъ. На портовой площади, у стѣны развороченнаго дома, массами разстрѣливались контръ-революціонеры, имѣвшіе несчастье натолкнуться на неподкупныхъ комиссаровъ. Баррасъ не любилъ такихъ зрѣлищъ и ускорилъ шаги. Вдругъ въ небольшомъ разстояніи отъ мѣста разстрѣла онъ увидѣлъ одиноко стоящаго на возвышеніи офицера. Это былъ Бонапартъ. Освѣщенный заревомъ пылающихъ кораблей, онъ стоялъ въ изорванномъ плащѣ, тяжело опершись обѣими руками на саблю, живой символъ войны и побѣды, — и молча, безучастно смотрѣлъ на казнь. Блѣдное лицо его поразило Барраса выраженіемъ любопытства, отвращенія, усталости и чего-то еще: точно какая-то мысль, неизвѣстная и непонятная другимъ, глубоко гнѣздилась въ мозгу этого человѣка.

Комиссаръ его окликнулъ, и они пошли вмѣстѣ. По дорогѣ Баррасъ оживленно излагалъ свои идеи относительно штурма крѣпостей и войны вообще, ссылался на Тюренна, на Вобана и на Фридриха II. Буонапарте внимательно его слушалъ, но за почтительностью

карьериста къ всемогущему комиссару Конвента въ стальныхъ глазахъ офицера Баррасу почему-то почудилась холодная насмѣшка. Онъ былъ однако такъ хорошо настроенъ, что немедленно представилъ своего спутника къ наградѣ: Буонапарте былъ раненъ при штурмѣ; подъ нимъ была убита лошадь. Кромѣ того въ революціонномъ штабѣ всѣ хорошо знали, что Тулонъ взялъ именно этотъ молодой человѣкъ.

— Жаль только, говорятъ, онъ преданъ душою и тѣломъ якобинцамъ. Впрочемъ, и обо мнѣ говорятъ то же самое. Очень онъ потомъ ухаживалъ за госпожей Рикоръ, съ которой живетъ младшій Робеспьеръ. Вѣрно, дѣлаетъ карьеру черезъ женщинъ. Ну что-жъ, тѣмъ лучше: за этимъ дѣло не станетъ и у насъ.

И внезапно члену Конвента пришло въ голову, что недурно бы свести этого Буонапарте съ его, Барраса, любовницей, Розой де-Богарне, креольская любовь которой успѣла утомить сорокалѣтняго виконта-революціонера.

— Въ самомъ дѣлѣ, это было-бы прекрасно, — подумалъ онъ. — И офицеришку-бы къ себѣ привязалъ, и отъ Жозефины-бы навсегда отдѣлался. Съ чего она, дура, стала называть себя Жозефиной, когда весь вѣкъ была Розой. Думаетъ, такъ поэтичнѣй. Жозефина, такъ Жозефина, мнѣ все равно. Хорошаго въ ней мало. Немолода и фальшива, и зубы дурные. Гдѣ ей до этой прелестной Терезы Кабаррю, которую тоже за что-то посадили въ тюрьму! Какъ можно сажать въ тюрьму женщинъ!.. Надо, надо потомъ подсунуть Буонапарте Жозефинку. Вотъ только она ревѣть будетъ, когда я ее брошу. Ахъ, не легко женщинамъ разставаться съ Баррасомъ... Ну, да можно ей напомнить ея шашни. Генералъ Гошъ — куда ни шло, а вотъ конюхъ Ванакръ, съ которымъ она путалась, фи... Прекрасная будетъ полковая дама, самая подходящая супруга для Буонапарте. •

И, весело улыбаясь при этой мысли, Баррасъ вошелъ въ Кафе Корраццa. За столикомъ въ углу сидѣлъ Фуше и читалъ вѣдомости якобинскаго клуба.

X

— Citoyen, salut, — сказалъ Баррасъ своимъ могучимъ грднымъ баритономъ.

— Et fraternité, — довольно кисло отвѣтилъ Фуше. Лицо его ясно говорило, что кричать на всю кофейню совершенно напрасно, а между собой можнобы бросить ерунду и говорить другъ другу bon soir.

— Какія новости? — спросилъ Баррасъ, садясь и наливая себѣ вина.

Фуше, посматривая на собесѣдника тѣмъ незамѣтнымъ острымъ взглядомъ, который свойственъ сыщикамъ и писателямъ, негромко и съ беззаботной улыбкой, точно онъ разсказывалъ пріятные пустячки, сообщилъ новости: въ спискѣ, переданномъ Робеспьеромъ Фукье-Тенвиллю, значилось имя Барраса.

Баррасъ сильно поблѣднѣлъ.

— Почемъ ты знаешь?

Фуше улыбнулся еще пріятнѣе. Это можно было истолковать такъ: «Да ужъ повѣрьте; не зналъ бы, не говорилъ».

— Но за что же? За что? — вскрикнулъ Баррасъ, ударивъ по столу кулакомъ такъ, что стаканы затряслись и люди съ другого конца комнаты оглянулись.

— Пожалуйста, не кричите, Баррасъ, — сказалъ Фуше, внушительно глядя на собесѣдника сквозь свою беззаботную улыбку.

— Здѣсь шпіоны?

— Не думаю. Кажется, я знаю всѣхъ шпіоновъ. Но, согласитесь, безполезно кричать о томъ, что васъ должны надняхъ гильотинировать... Вы спрашиваете,

за что? Почемъ я знаю? Быть можетъ, этому чудаку не понравился несчастный случай, произошедшій, кажется, съ вашей коляской по дорогѣ изъ Марселя. Быть-можетъ, просто вы недостаточно добродѣтельны или не вѣрите въ безсмертіе души. Развѣ у него разберешь? Онъ всѣхъ насъ собирается съѣсть какъ артишокъ: лепестокъ за лепесткомъ. Пожалуй, и подавится.

— Кто еще въ спискѣ? — спросилъ Баррасъ, выпивъ залпомъ одинъ за другимъ три стакана вина.

— Многіе... Бареръ.

— Не можетъ быть! Одинъ изъ ближайшихъ его сотрудниковъ!

Фуше засмѣялся тихимъ, веселымъ смѣхомъ.

— Знаете ли, Бареръ разучиваетъ двѣ пламенныя рѣчи для рѣшительнаго дня въ Конвентѣ: одну — за Робеспьера, другую — противъ него. Онъ еще не выяснилъ, чьи шансы сильнѣе. Теперь можетъ бросить первую рѣчь: попалъ, голубокъ, въ списочекъ. Это для насъ чрезвычайно цѣнно: Бареръ очень вліятельный человѣкъ. Робеспьеръ сдѣлалъ крупную ошибку... Сообщу вамъ, кстати, еще новость: казнь Терезы Кабаррю назначена на ближайшіе дни. Она прислала изъ тюрьмы письмо Талльену, молитъ ее спасти. Талльенъ въ совершенномъ изступленіи... Кажется, вы тоже интересуетесь этой дамой?

Красивѣйшая женщина Франціи, Тереза Кабаррю, бывшая маркиза Фонтенэ, будущая жена Талльена и любовница Барраса, извѣстная въ исторіи подъ кличкой „Notre-Dame de Thermidor“, была недавно арестована.

— Нѣтъ, это ужъ слишкомъ, — сказалъ Баррасъ, багровѣя отъ вина и бѣшенства. —Онъ можетъ казнить насъ («говорите за себя», — вставилъ Фуше), но пусть не смѣетъ трогать женщинъ. Клянусь честью, я своими руками задушу тирана!

— Вамъ предназначена другая роль. Въ Конвентѣ въ рѣшительную минуту будетъ говорить Талльенъ. У

него изумительная дикція. Мы теперь съ нимъ проходимъ его рѣчь. Вотъ послушайте, я знаю ее на память: «Я молчалъ до сихъ поръ. Отъ человѣка, близкаго къ тирану Франціи, я зналъ, что имъ составляются проскрипціонные списки, и все-же не хотѣлъ выступить съ обвиненіемъ. Но вчера мнѣ довелось быть на засѣданіи якобинскаго клуба. Я задрожалъ, подумавъ о родинѣ. Я увидѣлъ армію новаго Кромвелля — и вооружился кинжаломъ, чтобы пронзить ему грудь, если Конвентъ не найдетъ въ себѣ мужества возстать противъ деспота!»... Здѣсь онъ выхватываетъ кинжалъ, — старый ножъ Терезы. А? Что скажете? Тальма не могъ бы разыграть эту сцену лучше... Дальше мы всѣ вскакиваемъ съ мѣстъ въ сильномъ волненіи и предлагаемъ васъ въ главнокомандующіе... Послушайте, Баррасъ, скажите совершенно откровенно: вы умѣете распоряжаться боемъ?

— Странный вопросъ!

— Значитъ, умѣете? Да... Впрочемъ, теперь объ этомъ говорить поздно. Другого военнаго среди насъ нѣтъ. Карно не пойдетъ. Этотъ тихоня умѣетъ подписывать смертные приговоры — на послѣднемъ мѣстѣ, съ краю бумаги. Но вообще онъ предпочитаетъ, чтобъ за него рисковали головой другіе. Однако, я не кончилъ. Переворотъ назначенъ на девятое термидора...

Въ краткихъ и точныхъ выраженіяхъ онъ изложилъ весь планъ дѣйствій. У Барраса вытянулось лицо: было поздно вызывать Буонапарте.

— Когда все это кончится, Фуше? — спросилъ онъ мрачно.

Фуше ласково похлопалъ его по плечу.

— Тогда кончится, когда у каждаго изъ насъ будетъ по приличному имѣньицу. Прекрасный замокъ въ Гробуа, а? Временъ Карла IX, очень хорошо тогда строили... Ну, прощайте, я ухожу. Много дѣла. Поѣзжайте отсюда къ Колло д'Эрбуа и все ему передайте. Не забудьте сообщить, что и онъ значится въ спискѣ.

И, разумѣется, не ночуйте дома. Вы вооружены? Прекрасно. Завтра мы всѣ обѣдаемъ у Дуайена. Прощайте... Да, да, salut et fraternité.

Фуше вышелъ изъ Палэ-Эгалите, гдѣ находилось кафе Корацца, и отправился въ Комитетъ Общественнаго Спасенія; онъ зналъ, что, несмотря на поздній часъ, найдетъ тамъ Карно, который работалъ регулярно шестнадцать часовъ въ сутки. Онъ сказалъ о р г а н и з а т о р у п о б ѣ д ы (Карно чрезвычайно любилъ это свое прозвище), что предупреждаетъ его по дружбѣ. Робеспьеръ очень недоволенъ ходомъ военныхъ операцій: во главѣ армій стоятъ генералы-честолюбцы, которые не умѣютъ внушить чужимъ народамъ любовь къ республиканскимъ идеямъ; не сегодня-завтра какой-либо изъ этихъ побѣдоносныхъ генераловъ уничтожитъ республику въ самой Франціи и установитъ солдатскую диктатуру; лучше бы поменьше побѣдъ. Однимъ словомъ, военная секція работаетъ плохо и противъ нея будутъ приняты мѣры. Карно, который и раньше объ этомъ слышалъ (Робеспьеръ дѣйствительно такъ думалъ), даже прослезился отъ огорченія и обиды. Онъ сказалъ взволнованнымъ голосомъ, что ему всегда было противно работать съ этимъ кровожаднымъ Катилиной и что, если-бъ не внѣшній врагъ, со всѣхъ сторонъ грозящій Франціи, онъ бы давно самъ ушелъ въ отставку и занялся наукой. Фуше прослезился вмѣстѣ съ Карно, обнялъ его, назвалъ Катономъ — и уѣхалъ очень успокоенный: военная секція не выступитъ на защиту Робеспьера. Изъ Комитета онъ отправился на Новую Улицу Разума, къ вліятельному члену группы такъ называемыхъ кавалеровъ кинжала, во главѣ которой стоялъ знаменитый роялистскій заговорщикъ, баронъ де-Батзъ: какимъ-то образомъ у Фуше были условныя слова, пропуски, псевдонимы и рекомендаціи, открывавшіе ему всѣ двери. Вдохновенно воспользовавшись наканунѣ слышаннымъ разсказомъ Барраса, онъ съ чрезвычайнымъ обиліемъ подробностей описалъ ка-

валеру кинжала сцену въ Тамплѣ: по его словамъ, дофина избилъ палкой до полусмерти самъ Робеспьеръ. На этихъ дняхъ несчастный младенецъ будетъ отправленъ на эшафотъ. Посмотрѣвъ на побагровѣвшее лицо и выкатившіеся бараньи глаза роялиста, Фуше рискнулъ пойти дальше: глухо намекнулъ, что въ Парижѣ готовятся очень важныя событія; если еще осталось на свѣтѣ нѣсколько сотъ французскихъ дворянъ, готовыхъ умереть ради правнука Генриха IV, пусть они отточатъ шпаги: скоро, скоро настанетъ часъ мести и избавленія. Тутъ онъ даже попробовалъ спѣть фальшивымъ голосомъ два такта роялистскаго гимна: „O Richard, o mon roi! L'univers t'abandonne", — но поперхнулся и уѣхалъ, на томъ же извозчикѣ, на Улицу Санкюлоттовъ, къ одному чрезвычайно крайнему террористу, который былъ недоволенъ Робеспьеромъ за умѣренность и за желаніе остановить величественный и грозный потокъ французской революціи. Этого террориста (у него на письменномъ столѣ стояла гильотинка, искусно выпиленная изъ краснаго дерева) Фуше считалъ совершеннымъ дуракомъ и безъ долгихъ размышленій объявилъ не проснувшемуся какъ слѣдуетъ, оторопѣвшему старику, вышедшему къ нему въ шлафрокѣ и фригійскомъ колпачкѣ, что, по полученнымъ точнымъ свѣдѣніямъ, Робеспьеръ хочетъ жениться на Madame Royale, дочери Людовика XVI, и объявить себя французскимъ королемъ. Фуше самъ врядъ-ли предвидѣлъ, какое историческое значеніе будетъ имѣть эта импровизація, позже повторенная термидоріанцами съ трибуны Конвента. — «Брутъ, проснись!» — воскликнулъ онъ взволнованно, схвативъ за руку старика. Старый террористъ пришелъ въ ярость, сказалъ, что можно было ожидать всего отъ человѣка, который пудритъ себѣ голову, и поклялся умереть за единую и нераздѣльную Республику. Фуше отправилъ его предупредить друзей, а самъ поѣхалъ спать. На утро у него было назначено

въ Елисейскихъ Поляхъ свиданіе съ сестрой диктатора, Шарлоттой Робеспьеръ: онъ просилъ руки сварливой дѣвы, чтобы на нѣсколько дней отвлечь отъ себя подозрѣнья ея брата. Шарлотта не знала, что бывшій священникъ женатъ.

XI

Старый Морисъ Дюплэ, мастеръ-столяръ по ремеслу, одинъ изъ тѣхъ артистовъ, которые и теперь встрѣчаются между ремесленниками Франціи, недовольно покачивая головой, ходилъ подъ вечеръ по мастерскимъ, осматривая то, что за день было сдѣлано его помощниками. Работа идетъ плохо. Вотъ на это бюро краснаго дерева положили гораздо больше бронзы, чѣмъ нужно; явно не понята самая идея бюро. Здѣсь не соблюденъ данный имъ рисунокъ. Молодое поколѣніе не любитъ и не цѣнитъ своего искусства. Забыты великія традиціи столяровъ прошлыхъ временъ. Стыдно сказать: иные молодчики дошли до того, что на связяхъ употребляютъ клей! Дерево пускаютъ въ работу черезъ годъ, много черезъ два, послѣ сруба! Въ былое время такихъ господъ взашеи-бы выгнали изъ корпораціи... Да и не для кого, въ сущности, работать какъ слѣдуетъ. Совѣстно признаться, а революція испортила дѣла. Всѣ эти аристократы, нынѣшніе эмигранты — предатели и враги народа, но, нельзя не сказать, многіе изъ нихъ знали толкъ въ мебели. Самъ тиранъ Капетъ былъ любитель и большой знатокъ ремесла. Не будь онъ королемъ, изъ него вышелъ-бы прекрасный ремесленникъ. Нынѣшніе богачи и смыслятъ мало, и заказываютъ неохотно: боятся показать, что разбогатѣли. Дошло до того, что Ризнеръ, король столяровъ, геніальнѣйшій человѣкъ столѣтія, ученикъ великаго Эбена, терпитъ нужду: шедевры, созданные его геніемъ, не продаются! Столы и комоды Ризнера, прежде шедшіе на вѣсъ золота!

Самому Дюплэ, впрочемъ, жаловаться не приходилось. Сорокалѣтнимъ упорнымъ трудомъ онъ сколотилъ себѣ порядочное состояніе. Если бы всѣ жильцы его трехъ домовъ платили исправно, у старика было-бы пятнадцать тысячъ годового дохода. Правда, при нынѣшней дороговизнѣ этой суммы едва хватаетъ на жизнь. Но жена, слава Богу — т. е. Верховному Существу, — прекрасная хозяйка. Дочери въ нее: славныя дѣвочки и работницы. Понемногу пристраиваются: младшая, Елизавета, очень хорошо вышла замужъ. Честнѣйшій человѣкъ этотъ Леба. Старшая, Элеонора, тоже скоро выйдетъ... Охъ, лучше не выходила-бы...

Лицо Дюплэ потемнѣло. Онъ все не могъ понять, быть ли ему на седьмомъ небѣ отъ радости или рвать на себѣ въ ужасѣ волосы отъ того, что на старшей его дочери долженъ скоро жениться ихъ жилецъ, тотъ самый человѣкъ, кого семья умиленно и съ обожаніемъ называетъ добрымъ другомъ и кто всему остальному міру извѣстенъ подъ именемъ Максимиліана Робеспьера.

Уже три года прошло съ той поры, когда на одну тревожную ночь Дюплэ предложилъ въ своемъ домѣ убѣжище этому знаменитому человѣку. И такъ онъ ихъ всѣхъ тогда очаровалъ своей кротостью, привѣтливостью и простотой, что они умолили его переѣхать къ нимъ навсегда и окружили лаской и заботой. Три года почти безвыѣздно жилъ онъ у нихъ, на глазахъ у семьи, трудовой, замкнутой, праведной жизнью, и Дюплэ все меньше понималъ — кого-же пустилъ онъ въ свой домъ въ тотъ роковой для ихъ семьи вечеръ 17-го іюля 1791 года: святого подвижника или кровожаднаго звѣря?

Старикъ не могъ не видѣть, что, какъ отъ жилища прокаженныхъ, бѣгутъ люди отъ ихъ дома. По этой rue Honoré (до революціи ее звали Saint-Honoré) прежде возили на эшафотъ осужденныхъ. Понемногу, одна за другой, лавки стали закрываться на зловѣщей

улицѣ, и по вечерамъ тихо, стараясь не обращать на себя вниманія, съѣзжали съ нея старые жильцы.

Нынче днемъ, зайдя въ кофейню, Дюплэ услышалъ разговоръ. У стойки какой-то старичокъ разсказывалъ хозяину, что въ день празднованія Верховнаго Существа по площади, гдѣ ежедневно производились казни, должна была проѣхать запряженная разукрашенными волами аллегорическая колесница Искусствъ и Ремеселъ. Но волы, почуявъ запахъ крови, отъ ужаса выпятили глаза на гильотину, судорожно откинулись назадъ и вросли въ землю ногами. На глазахъ у оцѣпенѣвшей многотысячной толпы колесницу пришлось повернуть и повезти другой дорогой. (Объ этомъ происшествіи много говорили въ Парижѣ, хотя едва-ли оно не было вымышлено). Посреди разсказа хозяинъ круто прервалъ старичка и что-то тихо ему сказалъ, чуть замѣтно показывая глазами въ сторону Дюплэ. Старичокъ сразу замолкъ, поблѣднѣлъ и посмотрѣлъ на человѣка, у котораго живетъ Робеспьеръ, тѣмъ же выпученнымъ, исполненнымъ ужаса взглядомъ вола, почуявшаго запахъ крови. Столяру захотѣлось провалиться сквозь землю.

Дюплэ и самъ хорошо зналъ, какія дѣла ежедневно творятся во Франціи по волѣ или съ попустительства праведнаго, кроткаго человѣка, живущаго у него въ домѣ. Столяръ былъ присяжнымъ Революціоннаго Трибунала и видѣлъ своими глазами, какъ на казнь сотнями отправляются люди безъ всякой вины, часто женщины, дѣти и старики. Всѣмъ сердцемъ преданный республиканскимъ идеямъ, онъ все чаще съ душевной болью думалъ, что въ худшія времена стараго строя при мосье де-Монеу, не творилось такихъ насилій, звѣрствъ и злоупотребленій, какъ теперь; стоило ли брать приступомъ Бастилію для того, чтобы вмѣсто нея учредить 41 революціонную тюрьму? Дюплэ подъ всяческими предлогами уклонялся отъ исполненія своихъ обязанностей присяжнаго, а когда являлся въ судъ, не-

измѣнно подавалъ голосъ за оправданіе — и давно бы самъ погибъ, если-бъ Фукье-Тенвиллю не было извѣстно, что этотъ странный присяжный — ближайшій другъ неподкупнаго. Однажды Робеспьеръ за обѣдомъ намекнулъ, что до него дошли слухи о крайней снисходительности Дюплэ, противной долгу гражданина.

— Добрый другъ, — отвѣтилъ затрясшись старикъ, — я не спрашиваю васъ о томъ, что вы дѣлаете въ Комитетѣ Общественнаго Спасенія. Предоставьте же мнѣ судить въ Революціонномъ Трибуналѣ такъ, какъ мнѣ говоритъ совѣсть.

Жена и дочери Дюплэ, обожавшія своего жильца, удивленно переглянулись при этой выходкѣ. Робеспьеръ посмотрѣлъ на старика, пожевалъ губами — и протянулъ ему руку. Но, несмотря на ласковый жестъ, старому столяру показалось, что добрый другъ при случаѣ не задумается отправить на эшафотъ и его, какъ это ни будетъ непріятно Элеонорѣ и всей милой семьѣ.

— Развѣ съ несчастнымъ Камилломъ не было то же самое!

Камиллъ Демуленъ былъ школьнымъ товарищемъ Робеспьера. Они говорили другъ другу ты задолго до того, какъ это было предписано обычаемъ всѣмъ гражданамъ Республики. Въ день свадьбы Камилла Робеспьеръ былъ его шафером. Весь Парижъ зналъ о трогательномъ романѣ Демулена съ прелестной Люсиль, а ихъ свадьба стала свѣтлымъ, радостнымъ праздникомъ молодой революціи. Въ церкви сошлись знаменитѣйшіе представители всѣхъ партій. Шаферами невѣсты были Бриссо и Петіонъ. Съ нетерпѣніемъ ждали Мирабо, но онъ не могъ пріѣхать — его вызвалъ неожиданно король — и прислалъ одно изъ своихъ очаровательныхъ писемъ, о которыхъ впослѣдствіи съ завистью говорилъ Шатобріанъ: „Mirabeau tenait de son père: il écrivait à la diable des pages immortelles.“ Потомъ Камиллъ

съ женой чуть не каждый вечеръ — и ужъ обязательно каждый четвергъ — бывали въ домѣ Дюплэ (гдѣ въ нихъ не чаяли души), внося въ этотъ домъ, и безъ того веселый и счастливый, свою особенную атмосферу нѣжности и счастья. Еще позже Люсиль принесла какъ-то на ихъ четвергъ своего крошечнаго Горація. Ребенокъ игралъ на колѣняхъ Робеспьера, забавно дергая его за бѣлоснѣжное жабо и уставясь глазенками на пудру волосъ добраго друга. Кажется, вчера все это было. Но за четыре года, прошедшіе со дня свадьбы, по волѣ человѣка, бывшаго шаферомъ жениха, погибли и женихъ, и невѣста, — да, и этотъ ангелъ Люсиль, — и оба шафера невѣсты, и значительная часть гостей.

Съ днемъ казни Демулена и Дантона было связано самое страшное воспоминаніе всей жизни Дюплэ. Въ этотъ день дамы, кромѣ Элеоноры, вышли къ столу заплаканныя. За обѣдомъ говорилъ одинъ Робеспьеръ, говорилъ, какъ почти всегда, о добродѣтели — онъ о добродѣтели могъ говорить часами, — но и рѣчь его текла менѣе гладко, чѣмъ обыкновенно, и слушателямъ было не по себѣ. Только Элеонора, какъ всегда, влюбленно смотрѣла на добраго друга и съ наслажденіемъ слушала звукъ его словъ: содержанія она не понимала. Дюплэ не выдержалъ и подъ предлогомъ спѣшной работы ушелъ въ мастерскія. Съ ожесточеніемъ онъ самъ принялся строгать, чего обычно не дѣлалъ. Вдругъ — было около пяти часовъ дня — мастерскія сразу опустѣли: всѣ рабочіе выскочили на улицу. Въ ту же минуту раздался страшный, нечеловѣческій крикъ, отъ котораго окна затряслись и, казалось, инструменты запрыгали на столѣ. Въ этомъ крикѣ, слышномъ на нѣсколько кварталовъ, было все: и проклятье, и ярость отчаянія, и пророческое торжество побѣды, и ужасъ предсмертнаго часа:

— Робеспьеръ, ты скоро послѣдуешь за мной!

Во всемъ Парижѣ подобный голосъ принадлежалъ только одному человѣку. Какая-то сила подхватила

столяра и вынесла его на улицу. Мимо дома проходили фургоны парижскаго палача. На переднемъ, повернувшись къ дому Дюплэ и протянувъ къ нему сжатую руку, стоялъ гигантъ Дантонъ. Его искаженное лицо безобразнаго льва было страшно, какъ адское видѣнье. Рядомъ съ нимъ рвалъ на себѣ одежду Камиллъ, одинъ изъ немногихъ людей революціи, потерявшихъ самообладаніе передъ эшафотомъ. Такъ потомъ рабочіе сказали Дюплэ, но самъ онъ не видѣлъ Демулена: закрывъ глаза руками, столяръ бросился назадъ, пробѣжалъ дворъ и лѣстницу и, не помня себя отъ ужаса, вскочилъ въ комнату Робеспьера. Добрый другъ сидѣлъ за столомъ и дѣлалъ видъ, что пишетъ.

— Что вамъ угодно, милый Дюплэ? — ласково спросилъ онъ.

Но лицо у него было бѣлое, какъ мѣлъ, нижняя челюсть вздрагивала и онъ говорилъ не совсѣмъ внятно.

XII

Обстановка небольшой гостиной Дюплэ была проникнута строгимъ республиканскимъ духомъ. На одной стѣнѣ комнаты висѣлъ большой Жераровскій портретъ Робеспьера; по бокамъ отъ него въ дорогихъ рамахъ, выпиленныхъ самимъ столяромъ, красовались «Декларація правъ человѣка и гражданина» и недавнее постановленіе Конвента, принятое по предложенію диктатора: «Французскій народъ признаетъ Верховное Существо и безсмертіе души». Можно было прочесть на стѣнахъ и на мебели разныя республиканскія изреченія, вродѣ: „Ici on s'honore du titre de citoyen“ или „La vigilance et la justice caractérisent un peuple libre“. Но молодежь, которая переполняла гостиную въ этотъ іюльскій день, была настроена менѣе строго. Здѣсь царилъ красавецъ Сенъ-Жюстъ, недавно пріѣхавшій изъ арміи. Въ обществѣ юныхъ Дюплэ Сенъ-Жюстъ

забывалъ, что онъ могущественный членъ Конвента и столпъ Комитета Общественнаго Спасенія, оставлялъ на время свою зачѣмъ-то, въ подражаніе кому-то, имъ на себя надѣтую маску холоднаго безстрастія и становился милымъ, веселымъ юношей. Въ немъ точно просыпался прежній до-революціонный Сенъ-Жюстъ, авторъ легкомысленныхъ поэмъ и герой безпутныхъ похожденій. (Самъ онъ вспоминалъ о своемъ прошломъ съ ужасомъ; по его глубокому убѣжденію, онъ тогда, сочиняя „L'Organt", былъ дурнымъ и вреднымъ гражданиномъ, а теперь, гильотинируя людей, дѣлалъ чистое, святое дѣло). Сегодня въ своемъ нарядномъ лѣтнемъ костюмѣ, которому придавали особенно живописный видъ пышный франтовской галстучекъ, тайно скопированный въ свое время у августѣйшаго якобинца Филиппа Эгалите, и длинный пистолетъ съ золоченой насѣчкой и съ высокимъ сложнымъ куркомъ, снисходительно разряженный владѣльцемъ по требованію мадамъ Дюплэ, Сенъ-Жюстъ чувствовалъ себя королемъ. Съ удовольствіемъ ловя влюбленные взгляды хорошенькой Генріетты Леба, онъ вѣрнымъ и страстнымъ голосомъ пѣлъ какой-то романсъ, по-французски выговаривая итальянскія слова. Ему аккомпанировалъ на клавесинѣ, пожимая плечами отъ произношенія пѣвца, Филиппъ Буонаротти, потомокъ Микель-Анджело и другъ семьи Дюплэ.

Въ этотъ день въ гостиной чувствовалась особенная праздничная атмосфера. Даже Шарлотта, сестра добраго друга, которую не любили въ домѣ за ея сварливый характеръ, была настроена дружелюбно и не слишкомъ давала чувствовать, что тамъ революція революціей, а она, Шарлотта де-Робеспьеръ, дочь и внучка почтенныхъ людей, извѣстныхъ всему Аррасу, не чета какимъ-то столярамъ, хотя-бы и очень симпатичнымъ. Была особая причина праздничнаго настроенія Шарлотты: сегодня утромъ, гуляя съ ней по обыкновенію въ Елисейскихъ поляхъ, Фуше, ужъ совер-

шенно ясно на этотъ разъ, намекнулъ ей, что влюбленъ въ нее по уши и намѣренъ на-дняхъ просить ея руки. Конечно, Фуше некрасивъ собой, и жаль, что онъ бывшій священникъ, но при его общеизвѣстномъ умѣ ему открыты всѣ дороги; будутъ же ее помнить подлыя арраскія злючки.

Элеонора Дюплэ все безпокойно подходила къ окну. Она никогда не могла найти себѣ мѣста въ отсутствіи Робеспьера, особенно послѣ покушенія на него этой мерзкой Сесили Рено. Правда, за нимъ ходятъ всегда два тѣлохранителя-силача, добрые Николь и Дидье, но все-же какъ-то неспокойно. Онъ скоро долженъ былъ вернуться домой съ длинной прогулки, и Элеонора нетерпѣливо ждала той минуты, когда въ домѣ станетъ свѣтлѣе отъ прихода добраго друга. Ее волновало еще и то, что сегодня у нея для жениха имѣлась дурная вѣсть. Съ другой стороны, было пріятно, что хоть разъ не явилась на вечеръ противная аристократка, госпожа Шалабръ, такъ явно желающая отбить у нея добраго друга: вѣдь всѣ женщины отъ него безъ ума; но онъ любитъ только ее.

Остальные всѣ были беззаботны, веселы и счастливы... Пятьдесятъ лѣтъ спустя, женщина, уцѣлѣвшая въ вихрѣ тяжелыхъ ударовъ, обрушившихся на бѣдную семью Дюплэ, умиленно вспоминала о нѣжной атмосферѣ любви и счастья, которой въ эти страшные дни террора былъ исполненъ этотъ зачумленный домъ.

XIII

Робеспьеръ шелъ изъ Эрменонвилля. Передъ смертью ему захотѣлось еще разъ повидать тѣ мѣста, гдѣ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ памятный счастливый день молодости, подъ вѣковыми деревьями парка онъ увидѣлъ земного бога. Это было въ послѣдній годъ жизни Жанъ-Жака Руссо. Между юношей и уми-

равшимъ отшельникомъ произошелъ тогда длинный разговоръ, тайну котораго оба унесли съ собой въ могилу.

Робеспьеръ чувствовалъ, что погибаетъ. Нельзя было устоять передъ глухимъ и тяжелымъ напоромъ возбужденной имъ ненависти міра. Онъ зналъ, что неуловимый и страшный заговоръ составленъ противъ него людьми, которые не любятъ и не понимаютъ добродѣтели. Всѣми силами, всѣми способами боролся онъ съ врагами и значительную часть ихъ сумѣлъ отправить на эшафотъ. Но обнаруживались новые и новые. Робеспьеръ не терялъ энергіи; чуть не каждый день онъ обращалъ на не-добродѣтельныхъ людей вниманіе Фукье-Тенвилля. Иногда приходилось, какъ ни больно, цѣликомъ выдумывать то, что они, адвокаты, въ былое время называли составомъ преступленія. Съ грустью онъ вспоминалъ, какъ въ дѣлѣ Дантона пришлось прибѣгнуть къ грубой и очевидной клеветѣ. Необходимость заставила его, Робеспьера, изучить въ совершенствѣ ремесло интриги, запугиваній, обмановъ, подвоховъ. Но что такое условныя средства въ сравненіи съ цѣлью, безконечно великой, безконечно прекрасной? Поняли-ли ее, эту цѣль, всѣ эти Бриссо, Демулены, Дантоны? Постигли-ли они возможность кроваваго очищенія гильотиной безсмертной души человѣка? Еще нѣсколько сотъ, нѣсколько тысячъ разъ упадетъ тяжелый ножъ палача — и Франціи, Европѣ, человѣчеству откроется новая эра. Не будетъ ни бѣдности, ни злобы, ни несчастья. Оставшіеся добродѣтельные люди заживутъ новой жизнью, по законамъ, которые дало міру Верховное Существо, возвѣстилъ великій отшельникъ Эрменонвилля и осуществилъ онъ, Максимиліанъ Робеспьеръ.

Но если прежде онъ не сомнѣвался нисколько въ близости этой райской жизни, то въ послѣднее время ему все чаще казалось, что не пойметъ народъ его священной миссіи, что порочные люди, не вѣрящіе въ без-

смертіе души, не захотятъ очиститься гильотиной, и что людей этихъ больше, чѣмъ онъ могъ предполагать, — не сотни, не тысячи, а много, такъ много, — подумать страшно: ужъ не онъ-ли, Максимиліанъ Робеспьеръ, единственный на свѣтѣ вполнѣ добродѣтельный человѣкъ, совершенно ясно постигшій волю Верховнаго Существа и великіе завѣты Жанъ-Жака?

Онъ зналъ, что развязка близка, и былъ готовъ къ рѣшительному бою. Длинная рѣчь, его завѣщаніе, была почти закончена; вечеромъ онъ хотѣлъ прочесть отрывки изъ нея друзьямъ, чтобы потомъ повторить въ Конвентѣ и у Якобинцевъ. Готовъ и новый списокъ враговъ, на которыхъ долженъ пасть мечъ закона. Однако, въ успѣхъ боя Робеспьеръ вѣрилъ плохо. Земного конца онъ не боялся, твердо зная, что душа его безсмертна. Только мысль о томъ, что онъ уноситъ съ собой Республику, что послѣ его гибели Франція достанется развратнымъ, порочнымъ людямъ, которыхъ скоро метлой вымететъ какой-либо побѣдоносный генералъ — они этого не видятъ, всѣ эти ничтожные Карно, — только эта мысль его угнетала. Но даже и въ ней было что-то, меланхолически ласкавшее мрачную душу Робеспьера.

Черезъ крошечный дворъ, лѣстницу и умывальную онъ прошелъ къ себѣ. Убранство его небольшой комнаты съ окномъ, выходившую на столярную мастерскую, было скудно до крайности: постель, закрытая синимъ пологомъ, сшитымъ изъ стараго платья госпожи Дюплэ, столъ, нѣсколько соломенныхъ стульевъ и полка съ книгами. Все сверкало особенной чистотой. Умывшись, напудривъ рыжую голову (пудра была единственная роскошь, которую онъ себѣ позволялъ), тщательно вычистивъ щеткой свой и безъ того чистый полосатый кафтанъ, онъ подошелъ къ окну, стряхнулъ опахаломъ съ подоконника деревянную пыль, осѣвшую за день изъ мастерскихъ, подсыпалъ корма для птичекъ (онъ чрезвычайно любилъ птицъ, особенно голубей) и

сѣлъ за письменный столъ. Въ комнату вбѣжалъ его датскій догъ Браунтъ, успѣвшій послѣ гулянья поздороваться съ собакой Леба, Шиллишемомъ, и улегся у ногъ хозяина.

На столѣ стояла тарелка съ апельсинами. Элеонора Дюплэ утромъ потратила на нихъ свои сбереженія, зная, какъ добрый другъ любитъ эти плоды. — «Робеспьеръ, отучись отъ апельсиновъ, страсти тебя погубятъ», — благодушно говаривалъ когда-то Дантонъ въ пору ихъ недолгой дружбы. Именно послѣ одного изъ такихъ саркастическихъ замѣчаній, съ ненавистью глядя на огромную фигуру, на красное курносое лицо опаснѣйшаго изъ своихъ соперниковъ, вспоминая все то, что разсказывали въ Парижѣ о развратѣ Дантона, Робеспьеръ окончательно пришелъ къ мысли, что этотъ человѣкъ позоритъ Республику и что надо его казнить.

Добрый другъ потрогалъ своими тонкими, слабыми пальцами апельсины и уже хотѣлъ было снять съ одного изъ нихъ кожу. Но вздохнулъ и отложилъ въ сторону. Не время предаваться излишествамъ, когда народъ голодаетъ. Нужно завтра отдать эти плоды одной изъ тѣхъ хорошихъ женщинъ, которыхъ называютъ вязальщицами Робеспьера: пусть подѣлитъ между маленькими гражданами.

Вернувшись къ пріятно-меланхолическому ходу мыслей, навѣянному прогулкой въ Эрменонвилль, диктаторъ открылъ лежавшую на столѣ старую тетрадь. Его мелкимъ, четкимъ, красивымъ почеркомъ на первой страницѣ было написано:

«Праху Жанъ-Жака Руссо».

«Я видѣлъ тебя въ твои послѣдніе дни, и гордую радость будитъ во мнѣ это воспоминаніе; я смотрѣлъ на твои величественныя черты и видѣлъ слѣды скорби, которой обрекла тебя людская несправедливость. Съ той поры понялъ я всю горечь благородной жизни, посвященной служенію правдѣ. Эта горечь меня не испугала. Въ сознаніи того, что онъ желалъ добра сво-

имъ ближнимъ, лежитъ награда добродѣтельнаго человѣка. Затѣмъ идетъ благодарность народовъ, которая окружаетъ его память почестями, возданными ему его современниками. Какъ ты, я хотѣлъ-бы купить эти блага цѣной трудовой жизни, цѣной даже преждевременной смерти».

Онъ задумался. Смерть? Нѣтъ, смерти нѣтъ...

Снялъ съ полки любимую книгу и принялся ее перелистывать.

«Эмиль исполненъ любви къ Софіи; какія-же прелести привязывали его къ ней? Чувствительность, добродѣтель и любовь честнаго. Но что пробудило Софію? Чувства, естественныя ея возлюбленному: уваженіе добра, умѣренность, простота, великодушное безкорыстіе, презрѣніе блеска и богатствъ». «Иной разъ въ прогулкахъ, наблюдая чудеса природы, безвинныя и чистыя сердца подымались къ Создателю. И не боятся они Его присутствія, и раскрываются передъ Нимъ. И видятъ себя совершенными, и любятъ другъ друга, и съ очарованіемъ ведутъ бесѣду о томъ, что добродѣтели цѣну придаетъ. И льютъ порою слезы чище росы небесной».

Всякій разъ, когда онъ доходилъ до этого мѣста, что-то подкатывалось у него къ горлу и въ носу начинало колоть. Теперь собственное умиленіе было ему особенно пріятно.

Въ дверь постучали. Вошла Элеонора.

— Добрый другъ, — сказала она, — къ вамъ пришелъ Фукье, но онъ подождетъ. Я должна огорчить васъ, мой бѣдный, бѣдный Максимиліанъ: голубь, вашъ голубь, тотъ, что въ крапинкахъ, умеръ.

Этого удара Робеспьеръ не ожидалъ. Шаръ, подступавшій къ его горлу, поднялся еще выше, и слезы показались на глазахъ добраго друга.

Элеонора умиленно любовалась своимъ женихомъ, взявъ его за руку. Подумать, что есть люди, которые называютъ этого человѣка дурнымъ! Угадывая ея

мысли, Робеспьеръ смотрѣлъ на Корнелію (такъ онъ ее называлъ) благодарнымъ взглядомъ и думалъ, что хорошо было-бы жениться на этой добродѣтельной дѣвушкѣ, — не теперь, конечно, а лѣтъ черезъ пять или, еще лучше, черезъ десять. Онъ не любилъ Элеоноры и вообще никогда никого не любилъ, но мысли о долгой, добродѣтельной семейной жизни была ему пріятна, особенно сейчасъ, когда онъ зналъ, что скоро умретъ, какъ уже умеръ его бѣдный, несчастный сизый въ крапинкахъ голубь.

Такъ они сидѣли минутъ пять, держа другъ друга за руку и обмѣниваясь нѣжными взглядами. Корнелія убѣждала добраго друга съѣсть хоть одинъ апельсинъ, все больше умиляясь при непреклонномъ отказѣ. Наконецъ, долгъ призвалъ добраго друга. Онъ ласково отпустилъ Корнелію.

Порылся въ ящикѣ стола и отыскалъ небольшой листокъ бумаги. Черезъ минуту вошелъ Фукье-Тенвилль. Прокуроръ былъ, какъ почти всегда, не совсѣмъ трезвъ: имѣлъ привычку послѣ засѣданій Революціоннаго Трибунала выпивать въ буфетѣ съ присяжными за безсмертную душу осужденныхъ. Сегодня выдался трудовой день. Было отправлено на эшафотъ сразу пятьдесятъ человѣкъ, и Фукье-Тенвилль выпилъ нѣсколько больше, чѣмъ обычно. За стойкой буфета кто-то изъ присяжныхъ, закусывая, благодушно замѣтилъ, что Дантонъ на своемъ процессѣ предсказалъ Робеспьеру три мѣсяца власти и жизни. «Три мѣсяца какъ разъ и прошли; между тѣмъ неподкупный крѣпче крѣпкаго, да и мы за нимъ, маленькіе люди, не пропали». Фукье-Тенвилль усмѣхнулся; ему вспомнилось, что должность прокурора онъ получилъ въ свое время отъ Дантона: ее выхлопоталъ ему его двоюродный братъ Камиллъ Демуленъ. Это обстоятельство показалось Фукье забавнымъ; онъ лишнихъ раза два чокнулся съ памятливымъ присяжнымъ и вышелъ на улицу въ весело-возбужденномъ настроеніи духа. Но

когда онъ проходилъ по Pont au Change, ему внезапно показалось, что Сена покраснѣла.

— Vois, qu'elle est rouge! — сказалъ онъ спутнику.

По дорогѣ Фукье успѣлъ, однако, нѣсколько протрезвиться и теперь былъ только чуть-чуть веселѣе обыкновеннаго. Они поговорили съ Робеспьеромъ о разныхъ новостяхъ; затѣмъ Фукье-Тенвилль замолчалъ, очевидно, чего-то ожидая. Добрый другъ вздохнулъ и передалъ прокурору свой листокъ; для памяти онъ набросалъ на бумагу списокъ лицъ, которыя кажутся ему подозрительными. Фукье просмотрѣлъ записку и замѣтилъ, что съ своей стороны онъ давно обратилъ вниманіе какъ разъ на этихъ самыхъ людей. Все это явные или скрытые контръ-революціонеры и враги народа.

— Помните, однако, гражданинъ Фукье: никто не долженъ вліять на вашу свободную волю. Этотъ списокъ ни къ чему васъ не обязываетъ.

Вмѣсто отвѣта Фукье-Тенвилль восторженно посмотрѣлъ на Робеспьера и приложилъ руку къ сердцу.

XIV.

Въ узкія ворота дома № 366 улицы Honoré съ шумомъ въѣхало что-то странное: невысокое, узенькое, обшитое выцвѣтшимъ, сѣро-зеленымъ бархатомъ кресло на тяжелыхъ колесахъ, приводимыхъ въ движеніе сѣдокомъ при помощи деревянныхъ рукоятокъ, по сторонамъ отъ сидѣнья, и зубчатыхъ валовъ. На креслѣ сидѣлъ, энергично работая руками и держа неподвижно, какъ грузъ, ноги на деревянной подставкѣ, маленькій, скрюченный, сморщенный человѣкъ, которому можно было на видъ дать и 30 и 60 лѣтъ. Это былъ паралитикъ Кутонъ, одинъ изъ трехъ диктаторовъ Франціи. Браунтъ, бѣгавшій по двору, залаялъ, но сейчасъ успокоился, узнавъ своего. Вслѣдъ за Кутономъ во-

шли Бареръ, красивый человѣкъ съ наивно-дѣтскимъ выраженіемъ лица, къ которому очень шли длинныя, вьющіяся кудри и по дѣтски открытая на мягкомъ отложномъ воротникѣ тонкая шея, и знаменитый художникъ Давидъ, ближайшій другъ Робеспьера, прозванный „le broyeur du rouge“ („broyer du rouge“ на его языкѣ значило — гильотинировать). Кутонъ быстро подкатилъ кресло къ двери и безпомощно оглянулся на спутниковъ. Бареръ и Давидъ бережно подняли его на руки вмѣстѣ съ кресломъ и внесли въ домъ.

— Эхъ, удавился-бы ты лучше самъ, — подумалъ при этомъ Бареръ, ласково улыбаясь калѣкѣ. — И на доску гильотины тебя нельзя будетъ положить. (Кутона въ самомъ дѣлѣ гильотинировали въ сидячемъ положеніи.)

Бареръ все былъ занятъ однимъ вопросомъ: дѣйствительно ли онъ занесенъ въ списокъ обреченныхъ или Фуше вретъ, желая вовлечь его въ заговоръ. Онъ былъ послѣднее время въ очень холодныхъ отношеніяхъ съ Робеспьеромъ и особенно съ Сенъ-Жюстомъ. Но старался не доводить дѣло до полнаго разрыва и обезпечивалъ себѣ возможность отступленія.

Когда они пробирались черезъ умывальную (въ комнату Робеспьера нельзя было проникнуть иначе), имъ встрѣтился выходившій Фукье-Тенвилль. Бареру показалось, что пьяный прокуроръ игриво подмигнулъ ему лѣвымъ глазомъ.

— Такъ и есть: Фуше сказалъ правду, — подумалъ онъ, холодѣя.

Давидъ глазомъ геніальнаго художника мгновенно впиталъ въ себя откинутые волосы, густыя, черныя брови, выдавшійся подбородокъ Фукье-Тенвилля и рѣшилъ, что черезъ сколько угодно лѣтъ можно будетъ написать его портретъ на память. Фукье безобразенъ, но какое интересное безобразіе!

У Робеспьера сидѣлъ Сенъ-Жюстъ, — не тотъ, который часъ тому назадъ пѣлъ барышнямъ романсы. Его

классически красивое лицо было безстрастно и непроницаемо. Онъ холодно отвѣтилъ на любезный поклонъ Барера.

Для вошедшихъ не хватило стульевъ. Бареръ потоварищески, какъ подобаетъ санкюлотту, сѣлъ было на постель, откинувъ синій пологъ. Робеспьеръ посмотрѣлъ на него — и онъ тотчасъ же поднялся, сдѣлавъ видъ, будто забылъ что-то на столѣ. Давидъ, свой человѣкъ въ домѣ, сбѣжалъ внизъ въ столовую и принесъ стулъ, замѣтивъ на немъ по дорогѣ три небольшихъ пятнышка (одно свѣжее) и порѣзъ на правой ножкѣ. Бареръ сѣлъ и положилъ на колѣни свой большой толстый портфель изъ темно-зеленой кожи, заботливо повернувъ его лицевой стороной внизъ. На портфелѣ была старая надпись большими золотыми буквами: Barère de Vieuxzac, Député à l'Assemblée Constituante, 1789, и владѣлецъ считалъ болѣе удобнымъ не напоминать здѣсь о своемъ (весьма сомнительномъ) дворянствѣ: Сенъ-Жюстъ еще недавно требовалъ отправленія дворянъ на общественныя работы. Въ портфелѣ Барера лежали проекты тѣхъ двухъ рѣчей, о которыхъ говорилъ Фуше: въ защиту и въ обвиненіе Робеспьера.

Робеспьеръ, послѣ короткаго сухого предисловія, взялъ листки и сталъ читать. Какъ почти всѣ ораторы Французской Революціи, онъ писалъ свои рѣчи напередъ. Сенъ-Жюстъ, Кутонъ, Бареръ замерли отъ напряженнаго вниманія.

Вникая и въ явный, и въ сокровенный смыслъ каждаго слова, Бареръ слушалъ, съ трудомъ переводя дыханье. Самъ превосходный ораторъ, знатокъ аудиторіи Конвента, онъ сразу понялъ, что это очень сильная, рѣшительная рѣчь, отъ которой полетитъ много головъ и, пожалуй, его собственная. Въ двухъ мѣстахъ онъ съ удовлетвореніемъ подумалъ, что Робеспьеръ, кажется, дѣлаетъ крупную тактическую ошибку: врядъ-ли ему выгодно задѣвать Камбона и ужъ, конечно, надо было-бы точно назвать людей, которыхъ онъ желаетъ

отправить на эшафотъ: иначе каждый членъ Конвента будетъ бояться за себя; вѣдь и онъ самъ, Бареръ, такъ-таки не знаетъ толкомъ, относится-ли къ нему или нѣтъ страшная угроза рѣчи. — Эта ошибка можетъ его погубить, — подумалъ онъ, безъ большой, впрочемъ, увѣренности: до сихъ поръ Робеспьеръ всегда игралъ навѣрняка и неизмѣнно одерживалъ побѣду. Бареръ былъ близокъ къ диктатору, встрѣчался съ нимъ чуть не каждый день, но не имѣлъ опредѣленнаго мнѣнія насчетъ его политическихъ способностей. Иногда Бареру казалось, что Робеспьеръ простъ почти до глупости; иногда, — что онъ необыкновенно, истинно дьявольски уменъ и хитеръ. Онъ вспомнилъ, какъ Мирабо, видѣвшій людей насквозь, послѣ перваго знакомства съ Робеспьеромъ, сказалъ, разводя въ недоумѣніи руками: «Этотъ человѣкъ далеко пойдетъ: онъ дѣйствительно думаетъ все то, что говоритъ». — Но чего-же онъ хочетъ? Къ чему стремится? Зачѣмъ читаетъ эту рѣчь при мнѣ? — Бареръ слушалъ, не поднимая головы, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, чувствуя на себѣ взглядъ диктатора, нервно теребилъ портфель. — Да, это страшный противникъ. И если ужъ присоединяться къ заговору, то надо потребовать, чтобы Робеспьеру не дали возможности говорить. Надо заглушить его голосъ.

Давидъ тоже пытался слѣдить за рѣчью. Но ненасытные глаза мѣшали ему слушать. Черезъ нѣсколько минутъ онъ привыкъ къ мѣрному звуку рѣзкаго голоса Робеспьера — и потерялъ нить рѣчи. Его заинтересовалъ контрастъ между цвѣтущей красотой Сенъ-Жюста и полумертвой маской Кутона. Можно-ли этимъ воспользоваться для картины? Антиной и — кто? Нѣтъ, нельзя... Затѣмъ онъ подумалъ, что Жераръ неудачно изобразилъ лицо Робеспьера (въ комнатѣ диктатора было нѣсколько его портретовъ въ разныхъ позахъ), онъ самъ, Давидъ, сумѣлъ-бы гораздо лучше передать эту неподвижность картона. Ну-

женъ былъ болѣе холодный тонъ. Потомъ взоръ его остановился на Барерѣ, и онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что тотъ очень блѣденъ, гораздо блѣднѣе, чѣмъ былъ прежде, и пальцы у него, — бѣлые, тупые, съ напухшими, особенно у сочлененій, отъ жары блѣдно-синими жилами (ноготь на лѣвомъ мизинцѣ неправильный), — дрожатъ. И, вѣрно, руки холодныя... Это особенно у женщинъ лѣтомъ холодѣютъ руки и плечи... А у другихъ тоже странныя лица. Отчего-бы? О чемъ это говоритъ такъ проникновенно добрый другъ? Давидъ прислушался. Робеспьеръ кого-то обвинялъ, не называя кого именно. «Міръ населенъ глупцами и обманщиками...» — Сильно сказано. Браво!.. Удивительно, что у людей въ солнечные дни глаза свѣтлѣютъ и зрачки становятся меньше... И странные глаза у добраго друга, зеленые, особенные. Гдѣ я такіе видѣлъ?..

Голосъ Робеспьера вдругъ расширился и зазвучалъ истиннымъ страданіемъ.

«Кто же я, человѣкъ, котораго обвиняютъ? Рабъ свободы, живой мученикъ Республики, жертва и врагъ преступленія. Всѣ негодяи меня оскорбляютъ. То, что позволено другимъ, для меня считается преступленіемъ... Отнимите у меня совѣсть, — я несчастнѣйшій изъ людей...»

— Бѣдный, да что такое съ нимъ? что это съ ними со всѣми? — съ удивленіемъ подумалъ разстроенный Давидъ и сталъ внимательно слушать. Робеспьеръ больше не читалъ. То смотря въ упоръ на Барера, то обводя глазами другихъ, то поднимая взоръ кверху, онъ говорилъ страстно и вдохновенно:

«О, я безъ сожалѣнія отдамъ имъ свою жизнь! Я извѣдалъ прошлое и предвижу будущее... Зачѣмъ оставаться въ мірѣ, гдѣ коварство вѣчно торжествуетъ надъ правдой, гдѣ справедливость — ложь, гдѣ самыя низкія страсти и позорная трусость занимаютъ мѣсто священныхъ интересовъ человѣчества... Исторія го-

воритъ мнѣ, что всѣ защитники свободы стали жертвой клеветы; но умерли также и ихъ угнетатели. Добрые и дурные уходятъ изъ міра, но они уходятъ поразному... Нѣтъ, Шометтъ, нѣтъ, Фуше, смерть не есть вѣчный сонъ. Граждане, сотрите съ могилъ это изрѣченіе, написанное нечистыми руками: оно покрываетъ природу траурнымъ саваномъ; оно дѣлаетъ малодушными невинно-угнетаемыхъ; оно наноситъ оскорбленіе смерти. Нѣтъ, смерть есть начало безсмертія!»

Робеспьеръ порывисто всталъ. Глядя на него съ испугомъ и жалостью, Давидъ вдругъ вспомнилъ, что такой странный огонекъ въ глазахъ онъ видѣлъ у одного изъ тѣхъ сумасшедшихъ, которыхъ онъ когда-то ходилъ изучать въ Шарантонъ. И вдругъ ему стало совершенно ясно, — онъ самъ не зналъ, отчего и какъ, — что этотъ великій человѣкъ, этотъ новый Сократъ, скоро умретъ страшной смертью. Слезы брызнули изъ глазъ Давида. Онъ бросился на шею къ доброму другу.

— Робеспьеръ, я выпью цикуту съ тобой!..

XV

Диктаторъ остался одинъ. Въ домѣ всѣ спали. Опустивъ голову на руки, Робеспьеръ долго неподвижно сидѣлъ за своимъ убогимъ столомъ. Онъ думалъ, что его рѣчь не спасетъ, не возродитъ человѣчества, какъ ни велико производимое ею впечатлѣніе. Думалъ, что врядъ-ли Давидъ выпьетъ съ нимъ цикуту и что безсмертіе души совершенно не утѣшило Барера.

Браунтъ всталъ, зѣвнулъ, потянулся, подошелъ къ хозяину и положилъ ему голову на колѣни.

Можетъ быть, еще этой ночью убійцы ворвутся въ домъ и прикончатъ его, и вмѣстѣ съ нимъ добродѣтельную семью, на которую его дружба должна неминуемо навлечь несчастіе. Не все-ли равно?.. Душа

Робеспьера была полна и настроена торжественно. Онъ взялъ листокъ бумаги и написалъ нѣсколько стиховъ:

„Le seul tourment du juste, à son heure dernière,
Et le seul dont alors je serai déchiré,
C'est de voir, en mourant, la pâle et sombre envie
Distiller sur mon front l'opprobre et l'infamie,
De mourir pour le peuple, et d'en être abhorré."

XVI.

Лѣто 1794 года выдалось чрезвычайно знойное. Нестерпимый душный жаръ недѣлями стоялъ надъ Парижемъ и даже въ поздніе часы ночи температура не опускалась ниже восемнадцати градусовъ. Въ концѣ іюля разразилась короткая страшная гроза; но часа черезъ два послѣ нея городъ снова совершенно высохъ, грязь немощенныхъ улицъ опять жестко хрустѣла подъ ногами, зелень деревьевъ тускнѣла отъ сѣрой пыли, и дышать по-прежнему было нечѣмъ. Многоцвѣтное измѣнчивое парижское небо точно вылиняло и устало остановилось на одномъ жемчужно-голубомъ оттѣнкѣ; сухой раскаленный воздухъ, едва замѣтно мерцая въ глазахъ, медленно, дрожа поднимался вверхъ, словно надъ пламенемъ свѣчи. Какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ бываетъ, люди, жалуясь другъ другу на погоду, утверждали въ одинъ голосъ, будто подобной жары испоконъ вѣка не запомнятъ старожилы. Тѣмъ не менѣе почти никто не выѣзжалъ изъ города: парижане точно чего-то ждали. Многіе находили къ тому-же, что столица, хотя и заливавшаяся ежедневно кровью гигантскихъ казней, все-таки самое безопасное мѣсто въ республикѣ. Въ Парижѣ, на глазахъ у центральной власти, безъ суда казнили рѣдко; а въ провинціи рубилъ головы кто хотѣлъ и за что хотѣлъ: все могло сойти за контръ-революцію.

Штааль въ началѣ лѣта покинулъ лечебницу и переѣхалъ въ меблированныя комнаты на лѣвый берегъ.

Онъ готовился къ отъѣзду въ Россію, но уѣхать было трудно: надзоръ на границахъ сталъ очень строгъ. О своемъ докладѣ молодой человѣкъ думалъ очень мало; имъ овладѣло мрачное настроеніе; къ революціи онъ теперь чувствовалъ отвращеніе и только саркастически усмѣхался, вспоминая мысли мосье Борегара.

Изнемогая отъ жары, Штааль проводилъ дома большую часть дня; не ходилъ ни на патріотическія церемоніи, ни въ театры, въ которыхъ шли длинныя въ пять актовъ санкюлотиды, одна скучнѣе другой, ни даже на сенсаціонныя казни, составлявшія главное развлеченіе веселящейся молодежи. Онъ считалъ, что нервы его достаточно, на всю жизнь, закалены зрѣлищемъ казни жирондистовъ. Историческія сцены перестали интересовать Штааля. Онъ все тосклив-вѣе мечталъ о томъ, какъ бы поскорѣе и побезопаснѣе убраться отъ исторіи и отъ революціи, какъ бы покинуть Францію, не рискуя угодить въ тюрьму или на эшафотъ. Штааль проклиналъ Безбородко, пославшаго его заграницу; проклиналъ Питта, давшаго ему возможность попасть въ Парижъ; проклиналъ въ особенности самого себя. Великолѣпный, спокойный Петербургъ, въ которомъ не дѣлалась исторія, но зато можно было жить по человѣчески, пышные сады Сарскаго Села, еще болѣе Шкловское имѣніе, гдѣ прошли его дѣтскіе годы, все томительнѣе вставали въ памяти Штааля.

Разъ, часовъ въ шесть пополудни, онъ возвращался къ себѣ домой, нагруженный свертками купленной провизіи. У самаго дома ему встрѣтился старый разносчикъ газетъ; онъ сиплымъ, надорваннымъ голосомъ выкрикнулъ непонятно нѣсколько названій, упершись глазами, одурѣлыми отъ зноя и жажды, въ молодого человѣка и въ бутылку, торчавшую изъ его свертка. Штааль вздохнулъ, остановился, купилъ старый номеръ „Lettres bougrement patriotiques“ и, такъ какъ сдачи у разносчика не бы-

ло (въ столицѣ уже чувствовался недостатокъ мелкой монеты), пріобрѣлъ заодно свѣжій выпускъ другого изданія, полное названіе котораго было: „Le glaive vengeur de la République Française, par un ami de la Révolution, des moeurs et de la justice".

— Tu y trouveras, citoyen, la liste des gagnants à la loterie de la Sainte-Guillotine, — сказалъ хрипло разносчикъ, невесело усмѣхаясь и протягивая газету, очень скверно отпечатанную на дурной, сѣро-желтой съ пятнами бумагѣ.

Штааль вздохнулъ еще глубже (онъ зналъ это ходячее выраженіе), спряталъ въ карманъ газету, вытеръ платкомъ холодный отъ жары лобъ и сталъ подниматься къ себѣ по крутой, узкой, винтовой лѣстницѣ. Сердце у него стучало и нервы натянулись туго. Отворяя дверь ключемъ, онъ уронилъ одинъ свертокъ, поднялъ его, уронилъ при этомъ другіе, снова поднялъ и, когда вошелъ къ себѣ въ комнату, почувствовалъ, что еще-еще немного и онъ разрыдается, какъ дитя. Подошелъ поправить слипшіеся волосы къ потускнѣвшему, съ двоящимися пятнами, зеркалу, которое у него надъ каминомъ неизмѣнно отражало бюстъ Марата изъ грязнаго гипса и группу «Маркизъ и пастушка» изъ дерева, выкрашеннаго подъ бронзу. Зеркало отразило, между Маратомъ и пастушкой, совершенно блѣдное, исхудалое, возмужавшее лицо. Штааль долго всматривался въ свое изображеніе и вдругъ, какъ это часто бываетъ передъ зеркаломъ съ нервными людьми, изображеніе показалось ему чужимъ, и онъ почувствовалъ неизъяснимый ужасъ. Онъ поспѣшно отошелъ, сѣлъ въ высокое кресло съ непокорной, оторвавшейся пружиной, главную гордость его меблированной комнаты, и машинально сталъ читать длинный списокъ казненныхъ за день въ городѣ людей. Хотя ни одно имя въ этомъ, очень обстоятельно составленномъ, спискѣ не могло быть и не было извѣстно Штаалю, онъ читалъ внимательно и долго. Въ спискѣ были старики и юно-

ши, герцогини и ихъ лакеи. Прочитавъ, Штааль свернулъ листокъ, зачѣмъ-то бережно спряталъ его въ шатающійся, съ соромъ по угламъ, ящикъ худого крошечнаго стола у огромной двуспальной постели, затѣмъ съѣлъ холодную котлету съ корнишономъ, разрѣзая ее на бумагѣ карманнымъ ножомъ, налилъ изъ графина воды въ теплый толстостѣнный стаканъ, въ которомъ въ обычное время хранилась зубная щетка, и жадно выпилъ. Пожелтѣвшая отъ солнца теплая вода отдавала мятой. Штааль подошелъ къ окну. Снизу, съ улицы, дурно, по лѣтнему, пахло ѣдой и доносился чей-то крикливый злой голосъ: „Attends un peu, on te fera compter tes abatis“... Перебивая пальцемъ ровную нить пыли, повисшую на косомъ солнечномъ лучѣ, Штааль устало соображалъ, какое могло быть сегодня число, хотя это свѣдѣніе было ему совершенно ненужно и неинтересно; хотѣлъ взять для справки газету, но вспомнилъ, что ничего не понимаетъ въ новомъ календарѣ, въ преріаляхъ, жерминаляхъ, фрюктидорахъ и мессидорахъ. По его соображеніямъ т а м ъ теперь долженъ былъ быть іюль мѣсяцъ. Вдругъ Штаалю неожиданно вспомнился паркъ Шкловскаго имѣнія, круто и криво спускавшаяся къ Днѣпру, къ огромной досчатой купальнѣ, гдѣ они такъ весело купались лѣтомъ каждое утро, тѣнистая, всегда сырая, густо поросшая орѣшникомъ аллея. „Attends, salaud, tu vas voir!“ — злобно кричалъ голосъ внизу... Слезы брызнули изъ глазъ Штааля. Онъ бросился на постель и уткнулся лицомъ въ круглый, жарко разогрѣтый солнцемъ, валикъ изголовья.

Такъ онъ лежалъ болѣе получаса, не думая н и о ч е м ъ, то-есть думая о самыхъ разныхъ предметахъ безпорядочно и безсвязно. Затѣмъ, лежа на постели, пытался в з я т ь с е б я в ъ р у к и и при этомъ убѣдился, что нервы его пока недостаточно закалены: ни въ революціонные, ни въ контръ-революціонные диктаторы онъ еще не годится и, повидимому, укрощеніе

французской революціи нужно будетъ всецѣло предоставить Суворову.

Въ дверь постучали. Вошелъ мосье Дюкро. Онъ уже давно возвратился въ Парижъ и раза два видѣлся съ Штаалемъ, но до сихъ поръ все не приводилъ въ исполненіе своего обѣщанія — показать молодому человѣку революціонные верхи. Бывшій преподаватель Шкловскаго училища по прежнему держалъ на улицѣ Общественнаго Договора лавку мѣдныхъ и жестяныхъ издѣлій, но занимался и разными другими дѣлами. Несмотря на свою ненависть къ революціонерамъ, Штааль чрезвычайно обрадовался этому человѣку, съ которымъ его связывали воспоминанія дѣтства. Онъ живо поднялся съ постели и сдѣлалъ видъ, будто спалъ. Незамѣтно осмотрѣлъ себя въ зеркало, — не видно ли слѣдовъ слезъ. Глаза, точно, были красные и Штааль тутъ же пожаловался на разъѣдающую вѣки уличную пыль. Гражданинъ Дюкро съ своей стороны ругнулъ погоду и сообщилъ молодому человѣку, что на этотъ разъ поведетъ его к ъ с е б ѣ въ клубъ, гдѣ, повидимому, предстоитъ вечеромъ важное засѣданіе. Ожидается выступленіе Робеспьера. Дюкро брался проводить Штааля на такое мѣсто, откуда будетъ прекрасно видно и слышно. Штааль охотно принялъ это предложеніе: чѣмъ оставаться одному дома, лучше было провести вечеръ у якобинцевъ; въ самомъ дѣлѣ, и для доклада нужно повидать хоть разъ этотъ знаменитый клубъ, и пріятно будетъ впослѣдствіи въ Петербургѣ вставлять въ разговоръ: «я какъ-то слышалъ у якобинцевъ», или что-нибудь въ такомъ родѣ. Они распили вдвоемъ бутылку вина, на этикеткѣ котораго значилось звучное названіе одного изъ бургундскихъ замковъ; передъ словомъ Château лавочникъ, впрочемъ, изъ ц и в и з м а приписалъ на всякій случай ci-devant. Отъ вина и общества Штааль повеселѣлъ и вышелъ на улицу уже въ болѣе бодромъ настроеніи духа.

Напротивъ, Дюкро былъ настроенъ не слишкомъ весело. Многозначительно не договаривая, онъ сообщилъ Штаалю, что положеніе въ городѣ довольно тревожное. Ожидаются серьезныя событія. Ссора Робеспьера и его группы съ Комитетомъ Всеобщей Безопасности и съ большинствомъ Комитета Общественнаго Спасенія растетъ. Сегодня въ Конвентѣ Робеспьеръ долженъ былъ произнести грозную рѣчь, которую онъ, вѣроятно, повторитъ вечеромъ въ клубѣ. Противъ Робеспьера, — съ сожалѣніемъ пояснилъ Дюкро, — выступаетъ группа вліятельныхъ, извѣстныхъ революціонеровъ: Баррасъ, Талльенъ, Фуше, Колло д'Эрбуа, Билльо-Вареннъ. Штааль сталъ спрашивать о причинахъ раздора, но мосье Дюкро отвѣчалъ очень уклончиво и неопредѣленно, явно свидѣтельствуя своимъ видомъ, что не можетъ сказать всего. Штаалю показалось, однако, будто Дюкро самъ не слишкомъ хорошо освѣдомленъ и не вполнѣ разбирается въ существѣ спора Робеспьера съ группой вліятельныхъ, извѣстныхъ революціонеровъ. Во всякомъ случаѣ, онъ такъ и не объяснилъ своему бывшему ученику, на чьей сторонѣ должны быть симпатіи въ этомъ спорѣ. Говорилъ онъ вполголоса и часто оглядывался по сторонамъ. Вдругъ недалеко отъ улицы Honoré имъ встрѣтился большой, нестройно и не въ ногу шедшій отрядъ плохо одѣтыхъ, оборванныхъ солдатъ. Въ этой встрѣчѣ не было ничего необыкновеннаго: солдаты могли возвращаться съ Площади Повергнутаго Трона, на которой въ послѣднее время производились казни. Но въ хвостѣ отряда нѣсколько худыхъ со втянутыми боками лошадей везло три пушки. Это было странно. Штааль вопросительно посмотрѣлъ на своего спутника. Дюкро нахмурился и немного поблѣднѣлъ. Солдаты шли молча. Лица у нихъ были отъ жары у однихъ слишкомъ красныя, у другихъ слишкомъ блѣдныя, а видъ у всѣхъ очень мрачный и тоже какъ будто недоумѣвающій.

Велъ ихъ какой-то человѣкъ въ штатскомъ платьѣ, что-то оживленно объяснявшій офицеру. На него солдаты посматривали особенно хмуро.

Вдругъ Дюкро, точно продолжая начатый разговоръ (хоть говорили они собственно не совсѣмъ объ этомъ), принялся оживленно защищать передъ Штаалемъ политику якобинскаго клуба.

— Вѣдь я знаю, насъ теперь во всемъ обвиняютъ явные и скрытые контръ-революціонеры, — горячо говорилъ Дюкро. — Гидра реакціи все выше поднимаетъ голову. А въ чемъ наша вина? Мы говорили громко то, что вся Франція говорила тихо. Мы выражали вѣру нашей страны, ея мысли, ея чувства, быть можетъ, не спорю, иногда ея ошибки. Когда народъ вѣрилъ тирану, вѣрили ему и мы. Нашъ клубъ тогда такъ и назывался «Общество друзей конституціи, засѣдающее въ Парижѣ въ якобинскомъ монастырѣ». Мы были роялистами, мы вѣрили въ аристократическіе предразсудки. Кто предсѣдательствовалъ въ нашемъ клубѣ всего три года тому назадъ? Герцогъ д'Эгильонъ, виконтъ де-Ноайль, графъ де-Мирабо, принцъ де-Брой (мосье Дюкро не безъ удовольствія отчеканилъ эти знатныя имена). Но черная смола предразсудка растаяла отъ солнца свободы. Заря правды и равенства восходитъ надъ старымъ міромъ, и скоро, скоро падутъ цѣпи простирающихъ къ намъ руки народовъ. Освобожденные нашей доблестной арміей, они благословятъ имя Франціи. Для всего человѣчества начнется эра мирнаго свободнаго труда... А какія перспективы откроются тогда передъ нашей промышленностью, передъ нашей торговлей!.. Не Англія, погрязшая въ болотѣ монархіи, а республиканская Франція поведетъ свободное человѣчество по свѣтлому пути прогресса... Повѣрь, освободится и твоя родина. Факелъ французскихъ идей озаритъ безпредѣльныя степи Россіи. Скоро мы повеземъ къ вамъ наши книги, наши журналы, наши картины, наши продукты, наши мѣдныя и

жестяныя издѣлія... Повѣрь, эра позорнаго рабства кончается для всего міра!.. Франція освободитъ человѣчество.

Дюкро кратко изложилъ Штаалю общія идеи якобинской политики: административное и хозяйственное переустройство Франціи; твердость въ отношеніи иностранныхъ державъ; укрѣпленіе военной и экономической мощи государства... Говорилъ онъ высокимъ слогомъ революціонныхъ газетъ. Но мысли его показались Штаалю и ясными, и понятными, и разумными, и даже очень практичными.

— А правда ли, — спросилъ Штааль, — будто Барнавъ въ свое время велѣлъ пріору якобинскаго монастыря принести въ залъ засѣданій тотъ кинжалъ, которымъ когда-то монахъ Жакъ Клеманъ закололъ короля Генриха III, и будто вы, якобинцы, поклялись на этомъ кинжалѣ разрушить троны всего міра?

— Ничего подобнаго! — воскликнулъ возмущенно Дюкро. — Этими баснями проклятые эмигранты пытаются скомпрометировать насъ въ глазахъ Европы.

— Отчего же вы сердитесь? — весело спросилъ Штааль. — Вѣдь тиранъ Капетъ казненъ по волѣ народа?

— Меня возмущаетъ трясина лжи и клеветы, въ которой враги хотятъ насъ утопить, — угрюмо отвѣтилъ Дюкро.

Они свернули на улицу Honoré. Передъ ними показалось мрачное зданіе якобинскаго клуба.

XVII

Штааль зналъ это старинное зданіе съ высокой остроугольной крышей, въ которомъ помѣщался грозный революціонный клубъ. Но ему еще никогда не случалось переступать порогъ монастырской усадьбы. Дюкро вынулъ изъ кармана какую-то бумажку и увѣ-

ренно вошелъ въ лѣвый каменный проходъ невысокаго ограднаго строенія. Подъ сводомъ въ нишѣ стояла статуя святой Екатерины Сіеннской. Ей на голову кто-то надѣлъ красную шапку свободы, криво повисшую на волосахъ и на правомъ ухѣ святой. Дюкро и Штааль вошли въ большой квадратный дворъ монастыря. На мрачномъ пятиугольникѣ фасада кровавыми пятнами выдѣлялись окна, освѣщенныя уходящимъ солнцемъ. Надъ входной дверью церкви, въ безвѣтренномъ воздухѣ, уныло и неподвижно повисъ выцвѣтшій, трехцвѣтный флагъ, почти одинаково сѣрый отъ пыли на всѣхъ трехъ своихъ цвѣтахъ. Закрывая глаза рукой отъ солнца, Штааль вглядѣлся въ надпись надъ порталомъ и разобралъ: „...Fraternité ou la mort“. Посреди двора неумѣлыми руками горожанъ-якобинцевъ было посажено худенькое, неровно подстриженное, обнесенное низенькимъ частоколомъ дерево свободы.

На дворѣ было еще не очень много народа, ибо никакая революція не можетъ заставить французовъ нарушить порядокъ обѣденнаго часа. Штааль всматривался въ якобинцевъ и съ удивленіемъ убѣждался въ томъ, что, по внѣшности, въ нихъ не было ничего страшнаго. Дюкро, сразу повеселѣвшій въ клубѣ, былъ знакомъ почти со всѣми и безпрестанно обмѣнивался привѣтствіями; кому говорилъ: „Salut et fraternité“ или даже „Salut et indivisibilité“ (послѣднее привѣтствіе было не очень въ ходу и употреблялось только самыми ревностными патріотами), кому „Comment ça va?“, кого просто похлопывалъ на ходу по плечу, а то и по животу. Штааля это также удивило: онъ никакъ не предполагалъ, что можно хлопать якобинца по животу; своего наставника молодой человѣкъ не считалъ настоящимъ якобинцемъ, помня въ немъ прежде всего мосье Дюкро, съ которымъ въ Шкловскомъ училищѣ продѣлывались разныя веселыя шутки. Одного изъ гулявшихъ по двору членовъ клуба зналъ и самъ Штааль. Это былъ владѣлецъ лавки съѣстныхъ продуктовъ.

Звали его Луи, но онъ уже давно, съ разрѣшенія коммуны, перемѣнилъ эту контръ-революціонную фамилію на другую: Муцій Сцевола. Штааль ежедневно покупалъ у него припасы къ ужину. Муцій Сцевола, огромнаго роста, краснощекій, красноносый бургундецъ, тоже узналъ молодого человѣка и, весело сказавъ ему: „Salut et fraternité", довелъ вполголоса до его свѣдѣнія, что въ лавкѣ получено винцо — une merveille! — которое постояннымъ кліентамъ будетъ отпускаться по баснословно дешевой цѣнѣ — pour rien.

Настроеніе во дворѣ было вначалѣ довольно веселое. Всѣ смутно слышали, что въ Конвентѣ произошли серьезныя событія, но толкомъ пока никто ничего не зналъ; да и къ серьезнымъ событіямъ въ клубѣ успѣли привыкнуть. Разговоръ шелъ о разныхъ злободневныхъ предметахъ: говорили о вчерашнемъ адресѣ, поданномъ клубомъ Конвенту; обсуждали вопросъ о томъ, насколько преступно и заслуживаетъ ли смертной казни восклицаніе „sacré nom de Dieu!" (большинство склонялось къ мысли, что восклицаніе контръреволюціонно, но смертной казни все-таки не заслуживаетъ). Вспоминали интересные эпизоды и эффектныя ораторскія выступленія послѣднихъ засѣданій; спорили о томъ, кто лучше предсѣдательствуетъ — нынѣшній-ли президентъ Эли Лакостъ или предыдущій Бареръ. Разсказывали веселые анекдоты о видныхъ членахъ клуба, причемъ фамильярно называли извѣстныя, часто упоминавшіяся въ газетахъ имена; однихъ ругали, другихъ хвалили. Эта прогулка по двору и эти оживленные разговоры вызвали въ умѣ Штааля неожиданное и крайне удивившее его самого воспоминаніе: ему вспомнилась «большая перемѣна» въ Шкловскомъ училищѣ въ промежуткѣ между классами, — разговоры о первомъ ученикѣ, о хорошихъ и нехорошихъ товарищахъ, объ интересныхъ и неинтересныхъ урокахъ.

Притокъ новыхъ людей ускорялся съ каждой минутой. Кое-кто изъ якобинцевъ, не останавливаясь во дворѣ, входилъ прямо въ монастырь, чтобы занять мѣсто получше. Штааль тоже вошелъ въ зданіе клуба, желая посмотрѣть залъ засѣданій. Въ старомъ монастырѣ было темно, прохладно и неуютно. Заломъ служила церковь, мало, повидимому, измѣнившаяся въ своемъ внѣшнемъ видѣ. Штаалю бросилось въ глаза возвышеніе алтаря и надъ нимъ огромная картина духовнаго содержанія, какъ будто изображавшая Благовѣщеніе. На невысокой эстрадѣ стояли кресло предсѣдателя, большой столъ, очевидно для секретарей, и трибуна оратора. Внутренность церкви, отъ алтаря и эстрады до противоположной стѣны, занимали разставленныя полукругомъ скамьи. Штааль минутъ двадцать бродилъ по залу, стараясь все запомнить для разсказовъ въ Петербургѣ; остановился передъ какой-то великолѣпной усыпальницей — это была гробница маршала де-Креки, — затѣмъ вышелъ черезъ боковую дверь; въ сосѣднихъ съ церковью помѣщеніяхъ тоже стояли столы, скамьи и трибуны. Со двора доносился все крѣпнущій гулъ толпы. По корридорамъ монастыря бродило нѣсколько вновь поступившихъ членовъ клуба, вѣроятно, провинціаловъ. Они почтительно слушали небрежныя объясненія старшихъ, что опять напомнило Штаалю, какъ въ училищѣ старички-второгодники руководили первыми шагами новичковъ. Это сходство очень его забавляло.

Внезапно въ залѣ засѣданій послышались оживленныя восклицанія и шумъ. Штааль вернулся въ залъ и увидѣлъ, что люди, занявшіе удобныя мѣста, поспѣшно выходили, догоняя другъ друга и встревоженно переговариваясь. Штааль послѣдовалъ за ними. Дворъ былъ теперь совершенно заполненъ народомъ, и гулъ былъ такъ силенъ, что отдѣльные разговоры, даже между рядомъ стоящими людьми, стали затруднительны. Появилось довольно много женщинъ, и это еще

усилило общую нервность. Разобрать въ гулѣ Штааль не могъ ничего, но по лицамъ, у всѣхъ нахмуреннымъ, у многихъ растерянным и блѣднымъ или озлобленнымъ, нетрудно было угадать, что случилось что-то очень серьезное. Штааль, новичекъ въ дѣлахъ революціи, съ большимъ удивленіемъ замѣтилъ, что эта публика совершенно не походила на ту, которую онъ оставилъ во дворѣ менѣе получаса тому назадъ. Отъ благодушія, веселья и шуточекъ не осталось слѣда. Люди стали т о л п о й. Вдругъ Штаалю бросилось въ глаза взволнованное лицо мосье Дюкро. Молодой человѣкъ протолкался къ бывшему учителю и схватилъ его за руку.

— Что такое случилось? — прокричалъ онъ.

Дюкро кратко сообщилъ въ отвѣтъ, что происходятъ весьма тревожныя событія. Оказывается (со словъ только что пришедшихъ очевидцевъ), сегодняшняя рѣчь Робеспьера вызвала въ Конвентѣ настоящую бурю. Возможно рѣшительное столкновеніе обѣихъ партій.

— Я ничего не понимаю, — заявилъ Штааль. — На чьей же вы сторонѣ?

Дюкро отвѣтилъ не сразу.

— Почти всѣ якобинцы на сторонѣ Робеспьера, — сказалъ онъ нехотя — и вдругъ толкнулъ Штааля въ бокъ: невдалекѣ отъ нихъ по двору проходилъ, неестественно наклонившись впередъ, высокій, плотный, актерскаго вида человѣкъ. Изображая пріятную улыбку на непріятномъ, грубомъ лицѣ, раздвигая толпу эффектнымъ одновременнымъ жестомъ обѣихъ рукъ, онъ безпрестанно повторялъ: „excusez, citoyens!“, „laisse passer, citoyen!.. — „Колло... Колло д'Эрбуа“, — сказало сразу нѣсколько голосовъ около Штааля, и названное имя тихимъ шипѣніемъ прошло въ отдаленные концы двора. Сразу, какъ всегда, почувствовалась въ замолкшемъ гулѣ враждебность толпы. Штааль понялъ, что это былъ здѣсь главный н е х о р о ш і й т о в а р и щ ъ.

— Этакій наглецъ! — вдругъ свирѣпо вскрикнулъ одинъ пожилой, побагровѣвшій якобинецъ. Толпу прорвало ненавистью. Послышался свистъ и рѣзкіе выкрики:

— Зачѣмъ онъ здѣсь?

— Здѣсь не Конвентъ!

— Вонъ! Долой!

— Предатель! Дантонистъ! Къ чорту!

Колло д'Эрбуа, не отвѣчая ни слова, прокладывалъ себѣ дорогу къ входу въ монастырь. Онъ сохранялъ пріятно-беззаботную улыбку, но жирное, актерское лицо его сильно поблѣднѣло. Часть толпы хлынула за нимъ въ залъ засѣданій. На другомъ концѣ двора вновь приходящіе съ улицы Honoré люди сообщали новыя, все болѣе серьезныя вѣсти, увеличивая каждый своей тревогой быстро наростающую общую тревогу толпы. Какой-то хмурый, тощій человѣкъ невдалекѣ отъ Штааля вдругъ вытащилъ изъ-подъ худого кафтана пистолетъ и демонстративно-тщательно сталъ осматривать курокъ и повѣрять зарядъ. Этотъ жестъ вдругъ совершенно по новому объяснилъ Штаалю смыслъ происходящаго. Онъ прежде не понималъ, что такое значитъ рѣшительное столкновеніе, о возможности котораго говорилъ Дюкро: предполагалъ, что рѣчь шла о столкновеніи ораторовъ на трибунѣ. У Штааля забилось сердце. Его вдругъ захлестнуло общее настроеніе безпокойства, тревоги, страха и безпредметнаго гнѣва. Онъ почувствовалъ себя частью этой толпы и пожалѣлъ, что не взялъ съ собой оружія. И тутъ же ему показалось, будто до этой минуты онъ ровно ничего не понималъ и не чувствовалъ въ революціи. Оглянувшись вокругъ себя, онъ подумалъ, что революція точно была здѣсь, въ этой обозленной и напуганной толпѣ, на этомъ дворѣ стараго монастыря.

Вдругъ у прохода, гдѣ стояла статуя Екатерины Сіеннской, послышался крикъ, который мгновенно со страшной наростающей силой распространился по дво-

ру и ворвался въ зданіе монастыря. Штааль ничего не могъ разобрать въ этомъ крикѣ на букву «е». Толпа рванулась къ проходу такъ стремительно, что часть ея оказалась вытѣсненной на улицу. Произошла невообразимая давка. Штааль потерялъ мосье Дюкро и нѣсколько минутъ перебрасывался волнами народа, видя передъ собой озвѣрѣло-радостныя лица и слыша дикій крикъ, все на букву «е». Гдѣ-то кто-то зааплодировалъ; сразу волна рукоплесканій бурно хлеснула по двору и слилась съ ревомъ въ нестерпимый, пьянящій, чудовищный гулъ, все усиливающійся по мѣрѣ приближенія къ статуѣ святой Екатерины. Одна изъ тысячи небольшихъ волнъ, составлявшихъ это людское море, выплеснула Штааля впередъ и прижала его къ стѣнѣ на самомъ углу каменнаго прохода, ведущаго на улицу Honoré. Штааль ухватился за выступъ и коекакъ укрѣпился на мѣстѣ. Противъ него, въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія, рядомъ со статуей святой Екатерины Сіеннской, въ небольшой, свободной отъ людей воронкѣ неподвижно стоялъ человѣкъ, къ которому, очевидно, относился восторгъ бѣснующейся толпы. Въ крикѣ на букву «е» Штааль вдругъ не столько разобралъ, сколько угадалъ слово: Робеспьеръ. Онъ жадно впился глазами въ неподвижную фигуру диктатора. Это былъ дурно сложенный, нѣсколько ниже средняго роста, хорошо и даже щегольски одѣтый человѣкъ, сразу выдѣлявшійся изъ разношерстной (хоть и не простонародной) толпы нарядным, чистенькимъ кафтаномъ фіолетоваго шелка и особенно — напудренной головой. Въ неподвижно повисшей лѣвой рукѣ неподвижными тонкими пальцами онъ держалъ шляпу, — оттого ли, что было очень жарко, или чтобы выразить почтеніе людской массѣ, на которую такъ дѣйствовалъ его видъ. Безстрастное лицо его, чуть тронутое оспой, было мертвенно блѣдно и по цвѣту почти не отдѣлялось отъ пудры волосъ; глаза закрыты очками. Впослѣдствіи, черезъ долгіе годы, когда

Штааль пытался вспомнить наружность Робеспьера, онъ неизмѣнно находилъ въ памяти первое впечатлѣніе — совершенной неподвижности: болѣе безжизненнаго облика ему никогда не приходилось видѣть.

По картонной маскѣ лица внезапно проскочила легкая судорога. Робеспьеръ поднялъ правую руку. Штааль увидѣлъ въ ней аккуратно сложенный и перевитый чистенькой шелковой ленточкой свертокъ бумаги. Въ ту же минуту изъ переднихъ рядовъ толпы понеслась назадъ вѣсть, сразу подхваченная тысячей голосовъ: „Il veut parler!.. Silence!.. Robespierre veut parler!.. Silence, sacré nom de Dieu!.."

Минуты двѣ длился ревъ, призывавшій къ „Silence". Затѣмъ въ наступившей тишинѣ Штааль, задыхаясь, услышалъ высокій рѣзкій голосъ, медленно и проникновенно сказавшій:

— Ceci est mon testament de mort...

И снова легкая, едва замѣтная, судорога свела картонное лицо. Робеспьеръ пошелъ впередъ, по направленію къ церкви. Передъ нимъ въ толпѣ самъ собой разрѣзывался узкій проходъ. Непостижимый восторгъ подступилъ къ горлу Штааля. Онъ рванулся впередъ почти въ изступленіи. Разбирая впослѣдствіи свои чувства, онъ рѣшительно ничего не могъ въ нихъ понять и приписывалъ ихъ мгновенному опьяненію, странной заразѣ, перехваченной у обезумѣвшей толпы. Человѣкъ, стоявшій передъ нимъ, былъ въ глазахъ всего міра виновникомъ, вдохновителемъ, воплощеніемъ террора. И тѣмъ не менѣе онъ, Штааль, который ненавидѣлъ Революцію, который въ ту минуту совершенно ясно чувствовалъ, что этотъ страшный человѣкъ и есть Революція, испытывалъ восторгъ, близкій къ изступленію, при видѣ идола и главы террористовъ.

Толпа съ ревомъ рванулась вслѣдъ за Робеспьеромъ, мгновенно стирая за нимъ проходъ. Штааль отчаянно работалъ локтями, желая попасть въ залъ засѣданій. Но это ему не удалось: онъ былъ на противо-

положномъ концѣ двора. Людская волна хлынула въ церковь и сразу заполнила залъ засѣданій, трибуны для публики, сосѣднія комнаты, проходы, все. Сотни людей, въ томъ числѣ Штааль, остались во дворѣ, сбившись въ кучу у настежь раскрытой, запруженной народомъ двери. Нѣсколько минутъ длился гулъ борющейся за мѣста толпы, затѣмъ донесся отчаянный звонокъ предсѣдателя, взволнованный споръ нѣсколькихъ повышенныхъ голосовъ (Колло д'Эрбуа и Робеспьеръ одновременно попросили слова), и внезапно наступила мертвая тишина: Робеспьеръ началъ читать рѣчь, ту самую, которую онъ утромъ произнесъ въ Конвентѣ и которую только-что назвалъ своимъ предсмертнымъ завѣщаніемъ. Но до людей, оставшихся во дворѣ, какъ ни напрягали они слухъ, какъ ни приставляли руки къ ушамъ, только изрѣдка — въ особенно патетическихъ мѣстахъ рѣчи — доносился отдаленный звукъ рѣзкаго крикливаго голоса Робеспьера. Слова совершенно ускользали. Иногда кто-либо изъ толпы у дверей тихимъ стономъ спрашивалъ стоящихъ впереди: „Qu' est-ce qu' il dit?“ Но сосѣди звѣрски оглядывались и съ безнадежнымъ отчаяніемъ шипѣли „Silence!“, хотя все равно ничего не было слышно.

Это состояніе продолжалось, однако, недолго. Тишина и невозможность выражать страсть очень скоро положили конецъ коллективному умопомѣшательству. Отъ сбившейся у дверей въ липкій комъ толпы робко на цыпочкахъ отошелъ одинъ толстый, тяжело дышащій человѣкъ и въ свое оправданіе, изнеможенно мотая головой, разстегнулъ кафтанъ и рубашку. За нимъ сразу послѣдовали другіе. Скоро вся толпа разбилась на небольшія кучки. Больше не ходили на цыпочкахъ; стали переговариваться, сначала шопотомъ, потомъ громче. Время отъ времени во дворъ доносился изъ залы засѣданій взрывъ апплодисментовъ, послѣ чего толпа снова бросалась къ дверямъ, снова тщетно напрягала вниманіе и снова разбивалась на группы. Во

дворѣ нашлись люди, которые днемъ были на засѣданіи Конвента и слышали рѣчь Робеспьера. Эти счастливцы вкратцѣ излагали по кружкамъ содержаніе исторической рѣчи. Но Штааль не могъ не замѣтить, что излагали они ее по разному и довольно сбивчиво; было даже трудно понять — и едва-ли сами разсказчики вполнѣ ясно понимали, — въ чемъ ея основной политическій смыслъ. Тѣмъ не менѣе знатоки разъяснили (хотя это совершенно не вытекало изъ передачи очевидцевъ), что послѣ такой рѣчи у Фуше, у Колло д'Эрбуа, у Барраса голова, навѣрное, не останется на плечахъ. Знатоки говорили также, что главный бой будетъ данъ Робеспьеромъ завтра въ Конвентѣ и что въ побѣдѣ н е п о д к у п н а г о не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Съ этимъ вполнѣ согласился и гражданинъ Дюкро. Штааль увидѣлъ, что его наставникъ, обѣщавшій предоставить ему лучшее мѣсто въ клубѣ, самъ не попалъ въ залу засѣданій. Дюкро былъ этимъ нѣсколько сконфуженъ и въ свое оправданіе пояснилъ, что давки, подобной сегодняшней, у нихъ никогда не бывало. Зато, чтобы вознаградить Штааля, онъ категорически обѣщалъ проводить его завтра въ Конвентъ; для этого онъ тутъ же снесся съ однимъ своимъ другомъ, членомъ Конвента, очень добродушнымъ и веселымъ маленькимъ человѣчкомъ, который немедленно согласился помочь имъ, — только совѣтовалъ прійти завтра возможно раньше. Съ членомъ Конвента Дюкро говорилъ о политикѣ нѣсколько проще, чѣмъ со Штаалемъ, вѣрно потому, что члена Конвента было трудно удивить революціоннымъ слогомъ. Ихъ разговоръ былъ прерванъ хлынувшей изъ церкви новой бурей апплодисментовъ. На этотъ разъ рукоплесканія длились нѣсколько минутъ; отсюда можно было заключить, что Робеспьеръ кончилъ рѣчь, продолжавшуюся болѣе часа. Всѣ опять рванулись къ дверямъ. По плечамъ стоявшихъ прохожихъ донеслась вѣсть о томъ, что художникъ Давидъ, онъ же „Grosse joue“ и „Bro-

yeur du rouge", выразилъ желаніе выпить цикуту съ Робеспьеромъ. Не всѣ въ публикѣ знали, что такое цикута; тѣмъ не менѣе заявленіе Давида произвело въ клубѣ сильное впечатлѣніе. Затѣмъ крикъ въ залѣ сталъ совершенно бѣшеннымъ. Та-же идущая изъ церкви почта сообщила съ негодованіемъ, что Колло д'Эрбуа пытается возражать Робеспьеру. И дѣйствительно могучій голосъ бывшаго актера на мгновеніе выдѣлился изъ общаго чудовищнаго гула. Очень скоро толпа, забившая двери, поддалась назадъ во дворъ и въ образовавшійся проходъ не вышелъ, а вылетѣлъ растрепанный, съ перекошеннымъ лицомъ, Колло д'Эрбуа, сопровождаемый немногочисленными противниками Робеспьера. За нимъ гнались по пятамъ какіе-то люди, впереди другихъ гигантъ лавочникъ Муцій Сцевола. Слышались изступленные крики:

— Предатель! Въ трибуналъ! На эшафотъ!

Озвѣрѣвшаго лавочника, который все рвался въ проходъ, желая „casser la figure à Collot!", успокаивали болѣе сдержанные люди:

— Sois tranquille, citoyen Mucius, — говорили ему. — Dans deux jours il ne parlera pas si haut...

— Il ne parlera même plus du tout!..

— Il ne nous enforcera pas le poignard dans le dos...

— On lui coupera le caquet! — истерически прокричала некрасивая, немолодая женщина.

Въ залѣ зажглись огни. Засѣданіе продолжалось. Какія-то группы сходились для таинственныхъ переговоровъ. Куда-то посылались гонцы съ распоряженіями. Духота все усиливалась, несмотря на поздній часъ. Ночь не обѣщала прохлады. Дюкро, Штааль и крошечный членъ Конвента рѣшили освѣжиться на террасѣ сосѣдняго кафэ. Они потихоньку направились къ выходу. У ограды Штааль въ послѣдній разъ оглянулся на монастырь. Зданіе было совершенно покрыто тѣнью ночи. Только окна залы засѣданій горѣли яр-

кимъ зловѣщимъ огнемъ, напоминавшимъ пламя пожара. Штааль вздрогнулъ.

— Какъ душно! Будетъ гроза! — сказалъ онъ, вытирая лобъ платкомъ.

— Да, и не только на небѣ, у Верховнаго Существа, — отвѣтилъ Дюкро, очень довольный шуткой.

— Завтра будетъ великій день въ исторіи Революціи, — подтвердилъ крошечный членъ Конвента.

— А какое завтра число? — спросилъ Штааль, входя въ каменный корридоръ ограды, тускло освѣщенный фонаремъ.

— Нониди. Девятое термидора, — отвѣтилъ Дюкро. — Исторія отмѣтитъ этотъ великій день.

— Свѣтъ Революціи положитъ конецъ длинной ночи деспотизма, — лѣниво откликнулся членъ Конвента, поправляя тростью, изъ врожденной любви къ порядку, красный колпакъ, неровно повисшій на головѣ святой Екатерины Сіеннской.

XVIII

Чтобы попасть на засѣданіе Конвента, нужно было прійти часовъ въ шесть утра. Такимъ образомъ отправляться спать въ полночь уже не стоило. Штааль и Дюкро рѣшили не расходиться по домамъ и пошли бродить по улицамъ. Захаживали въ кофейни и у стойки выпивали по чашкѣ кофе, приправляя его то коньякомъ, то арманьякомъ, то кальвадосомъ: мосье Дюкро утверждалъ, будто такъ легче коротать безсонную ночь. И дѣйствительно, такъ было легче. Послѣ нѣсколькихъ чашекъ крѣпкаго кофе Штааль былъ бодрѣе и возбужденнѣе, чѣмъ днемъ. Только ноги у него немного отяжелѣли, и онъ чувствовалъ, что, если сѣсть какъ слѣдуетъ въ кресло, то встать будетъ не легко. Да еще въ мысляхъ, несмотря на пріятное возбужденіе, была тяжесть отъ обилія впечатлѣ-

ній вечера; Штааль не хотѣлъ въ нихъ разбираться: это тоже могло оказаться труднымъ. Непріятно было воспоминаніе о восторгѣ, который онъ испыталъ при видѣ Робеспьера.

Въ одной небольшой, уютно освѣщенной кофейнѣ они попробовали было посидѣть. Но при ихъ появленіи другіе кліенты, очевидно завсегдатаи, сразу прекратили разговоры, и вошедшимъ стало не по себѣ. Дюкро съ неудовольствіемъ замѣтилъ вполголоса Штаалю, что повидимому это контръ-революціонное кафе, вродѣ Café de Foy или La grotte flamande, и вышелъ, оставивъ на чай (каждый платилъ за себя) только въ половинномъ размѣрѣ противъ обычнаго. Для слѣдующаго привала онъ повелъ Штааля въ завѣдомо революціонное Café Brutus, прежде называвшееся Café de la Régence. Но тамъ народу было мало; кофейня уже запиралась и оба позднихъ гостя снова очутились на улицѣ. Къ нимъ пристали двѣ женщины, которыя ходили по улицѣ Honoré быстрой, дѣловой, раскачивающейся походкой, свойственной проституткамъ. Штааль нерѣшительно оглянулся на мосье Дюкро и въ формѣ предположенія замѣтилъ, что проще всего было бы провести ночь съ этими дамами въ Hôtel du Cercle или въ Hôtel de la Liberté (онъ тоже щегольнулъ своей освѣдомленностью парижанина).

— Берегись, онѣ теперь всѣ больны, — быстро возразилъ Дюкро и съ достоинствомъ попросилъ гражданокъ оставить ихъ въ покоѣ. Услышавъ слово «гражданки», женщины осыпали Дюкро отчаянной бранью: проститутки въ Парижѣ были настроены крайне контръ-революціонно.

Было около двухъ часовъ ночи. У лавокъ съѣстныхъ припасовъ уже начинали строиться хвосты бѣдныхъ людей, большей частью женщинъ. Тамъ говорили о близости конца міра и ругали правительство, отчасти за терроръ, но больше за дороговизну жизни. Штааль начиналъ чувствовать голодъ. Мосье Дюкро, подумавъ,

сказалъ, что, хотя всѣ рестораны закрыты, можно прекрасно поужинать, если рѣшиться истратить по сотнѣ-другой ливровъ. Штааль немедленно изъявилъ согласіе. Они вышли на улицу Закона, затѣмъ свернули въ кривой переулокъ, а оттуда черезъ незапертую дверь и узкій коридоръ, непонятнымъ для Штааля образомъ, очутились въ какомъ-то саду. Въ тепломъ воздухѣ пахнуло свѣжѣе. Штааль осмотрѣлся. Со всѣхъ сторонъ открылись одинаковыя стройныя зданія, грустно и таинственно освѣщенныя луной, маленькіе балконы съ вазами на перилахъ, колонны, широкія спереди и узкія съ боковъ, прелестные полуэтажи мансардъ, а между зданіями размѣренныя линіи пышныхъ деревьевъ, отъ которыхъ тѣни уходили подъ колонны пустынныхъ галерей. Мудрено было не узнать это мѣсто, единственное въ мірѣ по своеобразному очарованію. Они были въ Palais-Egalité.

Изъ оконъ, мѣстами, сквозь жалюзи и туго затянутыя занавѣски, по краямъ прорѣзывался четыреугольниками свѣтъ. Въ галереѣ сквозь колонны луна ровно дѣлила плиты пола на темныя и свѣтлыя пятна. Мосье Дюкро постучалъ въ одну изъ дверей сначала нерѣшительно, потомъ крѣпче. Кто-то надъ нимъ высунулъ голову изъ неосвѣщеннаго окна. Черезъ минуту дверь открылась. Ихъ зѣвая встрѣтилъ человѣкъ въ порванной карманьолѣ и въ красномъ шерстяномъ колпакѣ; такъ подчеркнуто по санкюлоттски рѣдко одѣвались настоящіе санкюлотты. Дюкро пошептался съ нимъ, вынулъ бумажникъ и положилъ на столъ нѣсколько ассигнацій.

— Налѣво, двѣ лѣстницы, первая дверь, — сказалъ кратко санкюлоттъ, сѣлъ зѣвая на табуретъ и, повидимому, немедленно заснулъ.

Въ комнатѣ, въ которую вошли Штааль и Дюкро, за длиннымъ столомъ шла игра. Игроки недовольно, но безъ замѣтнаго безпокойства, оглянулись на вошедшихъ, накрывая руками кучки золота, и продолжали свое дѣ-

ло. Комната, огромная, высокая, нежилая, напоминала залы дворцовъ: потолки были раскрашены картинами безсмысленнаго содержанія, а стѣны и неудобные стулья обтянуты дорогимъ шелкомъ. Все было запущено, порвано и грязно. На одной изъ стѣнъ былъ прибитъ ржавымъ крюкомъ къ шелку большой картонъ съ «Декларацiей правъ человѣка и гражданина». Изъ сосѣдней комнаты кто-то громкимъ и ровнымъ голосомъ, черезъ опредѣленные промежутки времени, выкрикивалъ номера: тамъ играли въ лото.

Мосье Дюкро улыбаясь, точно онъ желалъ весело пошутить, подошелъ къ столу и высыпалъ на сукно нѣсколько золотыхъ монетъ. Никто не обратилъ на него вниманія, кромѣ ближайшаго сосѣда, который съ недовольнымъ видомъ пододвинулъ къ себѣ деньги. Да еще пожилой, совершенно лысый распорядитель-банкометъ, сидѣвшій посрединѣ съ длинной грабелькой въ рукѣ, внимательно посмотрѣлъ на новаго гостя; но увидѣвъ небольшую кучку золота, высыпанную Дюкро, равнодушно отвернулся. Передъ распорядителемъ, кромѣ грабли и мѣшка, лежалъ еще небольшой металлическiй инструментъ вродѣ бурава, которымъ онъ иногда ловко пробовалъ золотыя монеты нѣкоторыхъ гостей. Гости, однако, къ удивленiю Штааля, не обижались. Ассигнацiй не было видно совершенно. Доска стола была раздѣлена на множество квадратиковъ съ номерами. На нихъ игроки клали свои ставки. Распорядитель вытряхивалъ наудачу изъ мѣшка крошечную круглую коробочку, ловко раздвигалъ ее пополамъ, вынималъ оттуда номеръ, и лопаткой отдѣлялъ выигравшему деньги. Штаалю очень хотѣлось поиграть; но онъ не зналъ этой игры biribi и боялся, что взялъ съ собой недостаточно денегъ, — вдругъ проиграетъ сразу нѣсколько тысячъ.

Изъ десятка ставокъ Дюкро одна оказалась удачной и принесла ему порядочную кучку золота. Дюкро поставилъ для приличiя, чтобы не отходить сразу

послѣ выигрыша, еще на два номера, спряталъ выигранныя деньги и съ тѣмъ же шутливымъ видомъ вернулся къ Штаалю.

— Ну, пойдемъ ужинать, — сказалъ онъ весело.

Черезъ комнату, въ которой играли въ лото и гдѣ публика была по всей видимости побѣднѣе, они прошли въ столовую игорнаго дома. Старикъ-гарсонъ, очень напоминавшій наружностью Людовика XIV періода госпожи Мэнтенонъ, усадилъ ихъ за столъ въ углу. Дюкро потребовалъ карту блюдъ. Карты никакой не имѣлось.

— Что же у васъ есть? — недовольнымъ тономъ спросилъ бывшій учитель.

— Все, что угодно, — съ достоинствомъ отвѣтилъ старикъ. И, дѣйствительно, на каждый заказъ гостей онъ почтительно-угрюмо кивалъ головой и говорилъ „très bien", при чемъ за этими словами слѣдовали еще какія-то непонятныя, — не то monsieur, не то citoyen, не то что-то другое.

Очень скоро ихъ столъ былъ заставленъ разными закусками; гарсонъ подкатилъ на высокомъ кругломъ табуретѣ сложное металлическое сооруженіе, напоминавшее инквизиціонную камеру съ зубцами, котлами и костромъ; это подготовлялся заказанный разошедшимся Дюкро caneton rouennais. Дюкро подмигнулъ Штаалю, какъ-бы приглашая его подумать, во что имъ обойдется такое блюдо.

— Кто бы однако сказалъ, что въ Парижѣ голодъ! — замѣтилъ Штааль, принимаясь за закуски.

Дюкро вздохнулъ и развелъ руками, показывая, что онъ и радъ помочь народному бѣдствію, но не можетъ.

— Эмигранты хотятъ извести насъ, — проговорилъ онъ со злобой. — Они во снѣ видятъ, какъ бы вернуться домой, да позабирать назадъ имѣнія... Для этого устраиваютъ у насъ голодъ, тогда какъ сами наслаждаются жизнью въ Лондонѣ и въ Петербургѣ... Подлецы!

Отъ искренняго возмущенія у мосье Дюкро побагровѣли шея и лысина.

— А недурно у васъ ѣли въ Россіи, это правда, — добавилъ онъ, успокоившись. — Помнишь столъ у чудака Зорича... Les sterlets... Le porossenok... Хорошо... Тяжелая кухня, кухня для лѣнивыхъ людей и бездѣльниковъ, а все таки хорошо. И водка... Пить крѣпкіе напитки до обѣда! C'est une idée bien russe!.. Однако и въ пользу этого взгляда можно многое сказать, — утѣшилъ онъ Штааля. — Жаль, что нельзя достать простой русской водки... Здѣсь, впрочемъ, есть рѣшительно все. Ты знаешь, ихъ клубъ купилъ запасы вина изъ погребовъ казненнаго Капета. Мы сейчасъ будемъ пить вино французскихъ королей!

Это произвело впечатлѣніе на Штааля. Онъ потребовалъ, однако, подтвержденія отъ гарсона, который какъ разъ осторожно ставилъ на столъ плетеную корзинку съ бутылкой въ лежачемъ положеніи. Гарсонъ подтвердилъ, что ихъ grands crus вышли изъ версальскихъ погребовъ, и добавилъ, что онъ самъ двадцать семь лѣтъ состоялъ на службѣ во дворцѣ сначала въ качествѣ pousse-fauteuil de Sa Majesté, а затѣмъ по отдѣлу gobelet du Roi, и долженъ былъ даже черезъ три года получить званіе officier de bouche. Но... но... Гарсонъ вздохнулъ. Дюкро засмѣялся и приподнялъ бутылку изъ корзины.

— Chambertin 1789, — съ удовольствіемъ прочелъ онъ надпись на бутылкѣ. — Tiens! 1789! Une grande année!

— Une grande année,—подтвердилъ убѣжденно старикъ. — Les bourgognes surtout ont été magnifiques.

Штааль тоже засмѣялся, но гарсонъ очевидно не понялъ, къ чему относится ихъ смѣхъ.

Вино оказалось дѣйствительно превосходнымъ и за первой бутылкой послѣдовала вторая. Однако роскошь заказа не произвела никакого впечатлѣнія въ клубѣ. Сосѣдній круглый столъ, за который садилась компанія игроковъ, былъ густо заставленъ бутылками въ ведеркахъ со льдомъ и огромными вазами фруктовъ (въ этихъ

вазахъ было только то, что очень трудно достать въ іюлѣ мѣсяцѣ). Штааль съ любопытствомъ смотрѣлъ на сосѣдей. Съ однимъ изъ нихъ Дюкро раскланялся.

— Банкиръ... — пояснилъ онъ Штаалю съ почтеніемъ въ голосѣ. — Сказочно разбогатѣлъ... И честный человѣкъ; добрый республиканецъ. А вотъ тотъ другой, рядомъ съ нимъ, отъявленный контръ-революціонеръ. Не могу понять, почему ему поручили поставки для Сѣверной арміи...

Впрочемъ люди, ужинавшіе за круглымъ столомъ, политикой, повидимому, занимались мало. Одинъ изъ нихъ заговорилъ было о тревожномъ настроеніи въ городѣ и о томъ, что въ Конвентѣ произошло какое-то важное засѣданіе. Но и разсказывалъ онъ, и другіе выслушали его сообщеніе такъ, точно рѣчь шла о событіяхъ въ Южной Америкѣ. Разговоръ — довольно громкій по сравненію съ обычнымъ въ Парижѣ того времени — перескочилъ на биржевыя сдѣлки. Всѣ сразу насторожились. Насторожился, какъ увидѣлъ Штааль, и мосье Дюкро. На биржѣ цѣнности почему-то повышались.

— Какъ эти господа, однако, не боятся! — сказалъ Штааль съ удивленіемъ. — Игорный домъ, шампанское — въ голодающемъ Парижѣ, въ двухъ шагахъ отъ Якобинцевъ и отъ Конвента!

— Увы! Мы унаслѣдовали отъ стараго строя тяжелое наслѣдіе грѣховъ, — отвѣтилъ со вздохомъ Дюкро. — Полиція во всѣ времена одна и та же. Вѣрно, достаточно заплачено кому слѣдуетъ.

И дѣйствительно, видъ у гостей былъ совершенно спокойный, невинный и благодушный. Глядя на нихъ, Штааль ясно почувствовалъ, что, какъ бы революція ни повернулась и какой бы еще ни пришелъ голодъ, будутъ для этихъ людей и биржа, и игорные дома, и шампанское.

— Въ этотъ клубъ часто захаживалъ Мирабо, — сказалъ Дюкро. — Я встрѣчалъ здѣсь и жирондистовъ,

и епископа Отенскаго, и Филиппа Эгалите. Говорятъ, Бареръ и Колло тоже приходятъ нерѣдко. Странно, что насъ всѣхъ сюда тянетъ... Распорядитель здѣсь кстати un ci-devant, бывшій графъ или даже герцогъ, не помню точно, — пояснилъ Дюкро, показывая глазами на лысаго господина, который прежде за biribi пробовалъ монеты буравомъ, а теперь ужиналъ съ угощавшими его гостями. Распорядитель, все подрагивавшій лысиной, точно онъ не могъ привыкнуть къ отсутствію парика, внимательно выбивалъ деревяннымъ молоточкомъ пѣну изъ бокала шампанскаго. Его сосѣди искоса посматривали на него и неувѣренно дѣлали то же самое. Онъ иногда отрывался отъ своего занятія и холоднымъ безжизненнымъ взглядомъ обводилъ гостей. Лакей, похожій на Людовика XIV, подходилъ къ лысому господину за распоряженіями съ грустнымъ, сочувственнымъ видомъ, свидѣтельствовавшимъ о пониманіи ихъ обоюднаго паденія. Гарсонъ, повидимому, одного лысаго господина выдѣлялъ изъ этой толпы людей, которые заказываютъ въ четыре часа утра caneton rouennais.

— Ни одно вино не миритъ такъ со всѣми огорченіями жизни, какъ бургонское, — сказалъ мосье Дюкро, наливая себѣ и Штаалю по новому бокалу. Оба они отъ вина сильно повеселѣли. Дюкро вдругъ сталъ разсказывать Штаалю свою жизнь. Въ жизни его не было ничего интереснаго, но онъ разсказывалъ такъ задушевно, что молодой человѣкъ былъ тронутъ: за время своего пребыванія во Франціи Штааль успѣлъ оцѣнить, насколько ложна распространенная легенда о легкомыслiи и болтливости французовъ: теперь ему казалось даже, будто нѣтъ народа болѣе серьезнаго и болѣе сдержаннаго въ личныхъ дѣлахъ. Откровенность мосье Дюкро напомнила Штаалю русскихъ людей, и онъ подумалъ, что на характерѣ его собесѣдника отразилось пребываніе среди нихъ. Это въ самомъ дѣлѣ было вѣрно. Иностранцы, долго жившіе въ Россіи, порой ее ненавидятъ, но никогда не возвращаются изъ нея прежними

людьми и по возвращеніи на родину рѣдко уживаются у себя дома. Мосье Дюкро неопредѣленно сообщилъ Штаалю, что онъ и самъ не прочь бы вернуться потомъ въ Россію, какъ ни трудно ему будетъ жить въ рабской странѣ. Впрочемъ, Россія тоже рано или поздно освободится: а возможности торговыхъ дѣлъ въ ней уже и теперь огромны. Дѣла мосье Дюкро однако и во Франціи шли недурно, благодаря знакомствамъ, которыми онъ обзавелся въ якобинскомъ клубѣ: онъ поставлялъ мѣдныя кастрюли для военнаго министерства и успѣлъ купить очень дешево небольшое имѣніе въ Нормандіи, изъ конфискованныхъ церковныхъ земель; разсчитывалъ потомъ перепродать его съ большой пользой.

— Ужъ эти бездѣльники монахи... Какъ правъ былъ Вольтеръ! — замѣтилъ онъ съ жаромъ и принялся разсказывать Штаалю о дореволюціонныхъ злоупотребленіяхъ и объ эксплоатаціи рабочихъ на церковныхъ земляхъ. Злоупотребленія и эксплоатація были точно поразительныя.

— Я, разумѣется, у себя все это перемѣнилъ. Ну, не все, но очень многое. И въ моемъ имѣніи, какъ мнѣ докладывалъ мой управляющій, моимъ работникамъ живется прекрасно. Иные изъ нихъ недовольны, но вѣдь есть люди, которымъ всего мало... Моимъ работникамъ живется прекрасно.

Дюкро, видимо, не могъ удержать восторга, который вызывало у него новое матеріальное благополучіе. Слово «мой» онъ повторялъ безпрестанно и съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ. Но еще чаще и тоже съ особеннымъ выраженіемъ онъ произносилъ слово «потомъ», plus tard.

— Вы все говорите «потомъ»? Когда же это «потомъ»? — спросилъ его съ недоумѣніемъ Штааль.

Бывшій учитель поднялъ одновременно брови и указательный палецъ лѣвой руки.

— Когда будетъ порядокъ и твердая власть, — произнесъ онъ значительно. — Добродѣтельный Ро-

беспьеръ долженъ дать намъ порядокъ и твердую власть... А если не онъ, то другой...

Но тотчасъ, будто испугавшись своихъ словъ, онъ подлилъ Штаалю вина и сказалъ поспѣшно:

— Est-il bon, ce petit vin! Ils s'y connaissaient, les tyrans...

Мосье Дюкро, природный ораторъ, долго говорилъ о своихъ дѣлахъ и о политикѣ, и даже, какъ показалось Штаалю, немного смѣшивалъ политику со своими дѣлами, не совсѣмъ отдѣляя нормандское имѣніе отъ завоеваній революціи. Онъ очень хвалилъ якобинцевъ, которые одни за все революціонное время сумѣли проявить энергію и твердость. Правда, есть крайности, встрѣчаются горячія головы... Самъ Робеспьеръ, — онъ слегка понизилъ голосъ, — порою заходитъ слишкомъ далеко... Напрасно тоже многіе такъ отстаиваютъ всеобщее избирательное право. У бѣдныхъ людей и безъ того достаточно заботъ, — гдѣ ужъ имъ заниматься политикой, они этого вовсе и не желаютъ. Да, конечно, у якобинцевъ иногда слышишь крайности. Но зато какая сила, какая желѣзная рука у Робеспьера! Quelle poigne! Вотъ какъ надо править народомъ! Иногда мосье Дюкро переходилъ на общіе принципы и о нихъ также говорилъ съ искреннимъ воодушевленіемъ. Лысина и глаза у него блестѣли, голосъ порою дрожалъ. Онъ ругалъ монаховъ, одобрительно цитировалъ энциклопедистовъ, Жанъ-Жака Руссо; при чемъ объ энциклопедистахъ и Руссо говорилъ тѣмъ же тономъ одобренія, что о своемъ управляющемъ. Штааль чувствовалъ, что мосье Дюкро очень хотѣлъ бы побесѣдовать о женщинахъ, но не рѣшается перейти къ нимъ отъ якобинской политики и отъ энциклопедистовъ. Молодой человѣкъ самъ постарался облегчить переходъ своему учителю, и такъ ночь прошла въ пріятной бесѣдѣ. Игорный домъ закрывался позднимъ утромъ. Штааль чувствовалъ, что пьетъ слишкомъ много. Ему становилось все веселѣе, но уже хотѣлось

опустить голову на столъ и посидѣть немного молча, закрывъ глаза, — разумѣется, не спать, Боже упаси!

— А вѣдь завтра, пожалуй, будетъ бой, если я правильно оцѣниваю положеніе, — сказалъ онъ медленно, дѣлая надъ языкомъ нѣкоторое усиліе, чтобы онъ не отнесъ сказуемое куда-либо въ сторону отъ подлежащаго.

— Завтра? Ты хочешь сказать: сегодня, — отвѣтилъ Дюкро, вынимая дорогіе золотые часы, которые онъ носилъ на простомъ шнуркѣ краснаго шелка. — Работы Бреге, — пояснилъ онъ, открывая крышку часовъ и показывая Штаалю штемпель. — Мой поставщикъ Абрагамъ Бреге... Однако, половина седьмого. Надо сейчасъ идти, а то не попадемъ на засѣданіе... Garç... Citoyen, l'addition! — закричалъ онъ.

Счетъ уже былъ заготовленъ и своимъ размѣромъ превзошелъ ожиданія Дюкро, который безсильно развелъ руками и безпрекословно расплатился, взявъ со Штааля половину.

— Ты говоришь: бой. Ну, что-жъ, бой, такъ бой, — пробормоталъ онъ, собирая сдачу. — Нужно же наконецъ создать твердую власть, обезпечить собственность и принципы... Va pour la bataille. Il faut en finir... Погоди! — вскрикнулъ онъ (Штааль испуганно оглянулся), — я по ошибкѣ обсчиталъ тебя: ты заплатилъ лишнихъ пять ливровъ. Вотъ они, возьми.

Онъ кивнулъ небрежно гарсону, сказалъ „à bientôt“ распорядителю и почтительно поклонился банкиру. Они спустились внизъ. Мрачный санкюлоттъ, спавшій на табуретѣ, мгновенно проснулся, выпустилъ ихъ и снова тотчасъ заснулъ.

Послѣ свѣчей игорнаго дома яркій свѣтъ утренняго солнца сразу ослѣпилъ и утомилъ глаза Штааля. Свѣжесть сада, роса, раннее утро, котораго онъ давно не видѣлъ, произвели на молодого человѣка неожиданное дѣйствіе: вдругъ сказались съ большой силой усталость, обиліе впечатлѣній, безсонная ночь и особенно вино. Штаалю мучительно захотѣлось спать.

— А не пойти ли по домамъ? — нерѣшительно спросилъ онъ, съ трудомъ составляя даже эту несложную фразу.

— Да что ты? — возразилъ съ удивленіемъ Дюкро, который, напротивъ, посвѣжѣлъ на воздухѣ. — Въ такой день! Никогда!

Они покинули Palais Egalité, обогнули фельянскій монастырь и черезъ сады отеля Ноайлей вышли къ Національному Дворцу. Въ Тюльерійскомъ саду уже давно началась жизнь. Трибуны Конвента наполнялись чрезвычайно рано и въ ожиданіи наплыва народа безчисленныя лавки, переполнявшія въ ту пору садъ, открывались едва-ли не съ зарей. Покорно слѣдуя за мосье Дюкро, Штааль усиленно слѣдилъ за его и своими ногами. Ему вдругъ захотѣлось спросить что-то очень важное, но онъ не совсѣмъ ясно представлялъ себѣ, что именно, и произнесъ довольно длинную фразу, которая однако совершенно не вышла. Дюкро посмотрѣлъ на молодого человѣка и укоризненно покачалъ головой. Штааль крайне удивился, какимъ образомъ можно было не понять его вполнѣ яснаго вопроса, и былъ нѣсколько обиженъ тѣмъ, что мосье Дюкро глядѣлъ на него съ опаской и слегка его поддерживалъ, пока они очень долго куда-то поднимались по какой-то нескончаемой, крутой и коварно устроенной лѣстницѣ, которая вдобавокъ не стояла на мѣстѣ, а качалась изъ стороны въ сторону.

XIX

Мѣсто оказалось очень хорошимъ: какъ разъ въ закругленномъ углу зала. Можно было прислонить спину и голову къ стѣнѣ. Мосье Дюкро говорилъ удовлетворенно, что отсюда будетъ видно, какъ на ладони. Но Штааль собственно ничего не желалъ видѣть: молодому человѣку хотѣлось спать и только. Какъ на бѣду, спать все-же было неудобно: какіе-то шумные, гру-

боватые люди, отъ которыхъ дурно пахло толпой, въ поискахъ лучшихъ мѣстъ, проталкивались по узкимъ, неудобнымъ трибунамъ для публики, то наступая на ноги Штаалю, то задѣвая его колѣни. У большинства изъ нихъ въ рукахъ были толстыя палки, а изъ карамановъ блузъ вылѣзали кульки съ ѣдой. Послѣ обильнаго ужина Штаалю было почти до тошноты противенъ запахъ сыра и чесночной колбасы. Морщась и кривясь, онъ прислонился къ стѣнѣ и закрылъ глаза. Мосье Дюкро тревожно толкнулъ молодого человѣка въ бокъ, замѣтивъ вполголоса, что въ Конвентѣ спать не годится; но затѣмъ, поглядѣвъ по сторонамъ, успокоился: на трибунахъ, куда многіе пришли съ разсвѣтомъ, оказалось не мало спящихъ или дремавшихъ людей; иные даже, пока не стало тѣсно, лежали во всю длину на твердыхъ, неудобныхъ скамьяхъ, обитыхъ грязной темно-синей клеенкой. Тѣмъ не менѣе мосье Дюкро пытался помѣшать Штаалю спать и настойчиво обращалъ его вниманіе на разныя красоты зала. Штааль послушно и лѣниво смотрѣлъ, куда требовалось, но утомленные глаза его ни на чемъ въ отдѣльности не могли сосредоточиться. Безсмысленно длинная, узкая зала, странный желто-зеленый, точно неестественный, мраморъ, ряды простыхъ деревянныхъ скамей, сложнаго устройства сцена, а на ней вѣнки, знамена, что-то зеленое съ краснымъ, новое, дешевое и безвкусное на старомъ, дорогомъ и тоже безвкусномъ, — таково было общее впечатлѣніе отъ залы засѣданій Конвента въ бывшемъ дворцѣ французскихъ королей. Штааль снова закрылъ глаза и впалъ въ полудремоту, несмотря на усиливавшійся понемногу шумъ.

Заснуть, какъ слѣдуетъ, ему, однако, не удалось. Его привели въ себя энергичные толчки мосье Дюкро: передъ ними стоялъ, глядя съ улыбкой на молодого человѣка, вчерашній крошечный членъ Конвента. Онъ увидѣлъ ихъ снизу и любезно поднялся на трибуны. Штааль смущенно сослался, въ свое оправданіе, на

ночь, проведенную безъ сна; но замолкъ подъ строгимъ взоромъ мосье Дюкро.

— Ничего, ничего, молодой человѣкъ, спать не возбраняется, — сказалъ съ улыбкой членъ Конвента, пересиливая голосомъ общій гулъ. — Ну, очень радъ, что вы попали на историческое засѣданіе. Васъ, разумѣется, сразу пропустили, когда вы показали мою записку? Не стоитъ благодарности, долгъ всякаго вліятельнаго гражданина заботиться о патріотахъ.

Онъ нагнулся надъ перилами трибуны и заглянулъ внизъ. Штааль сдѣлалъ то же самое, не безъ труда оторвавъ спину отъ закругленія стѣны. Внизу было довольно много народа, но все-таки колоссальный залъ казался наполовину пустымъ. Скамьи были заняты только въ среднемъ пролетѣ — людьми, державшимися очень скромно и тихо. Большинство членовъ Конвента расхаживало по боковымъ проходамъ. Кое-гдѣ сходились кучки и оживленно переговаривались, оглядываясь по сторонамъ. Какіе-то люди въ странныхъ одеждахъ съ булавами, украшенными слоновой костью, медленно гуляли по залу: это были пристава.

Членъ Конвента съ гордостью хозяина давалъ объясненія Дюкро и Штаалю.

— Въ этомъ помѣщеніи былъ прежде домашній театръ тирановъ: они жили съ удобствами. Разумѣется, нашъ архитекторъ Жизоръ внесъ много измѣненій. Залъ отдѣланъ очень изящно и просто, — по древнимъ образцамъ. Видите по стѣнамъ изображенія: вонъ Брутъ, а тамъ Плутархъ, Платонъ, Цинциннатъ, Солонъ... А вотъ это, какъ вы узнаете и сами (членъ Конвента вздохнулъ), это покойный д р у г ъ н а р о д а, дорогой, незабвенный Маратъ... Наши мѣста довольно неудобны, но долгъ патріота сносить неудобства и страданія для родины. Посрединѣ сидитъ б о л о т о, — безсловесные люди, — они всего боятся и на нихъ мы не обращаемъ вниманія. Я занимаю мѣсто вонъ тамъ, во второмъ ряду, въ двухъ шагахъ отъ

Робеспьера. Въ манежѣ, тутъ рядомъ сидѣлъ тиранъ Людовикъ Послѣдній, когда мы его судили. Я его видѣлъ — вотъ какъ теперь вижу васъ... Это, разумѣется, трибуна президіума. Обратите вниманіе на кресло предсѣдателя: оно сдѣлано по рисунку Давида. А портьера за кресломъ ведетъ въ нашъ маленькій салонъ, куда входятъ только вліятельные члены Конвента. Не скрою отъ васъ, тамъ-то мы все и рѣшаемъ; да, за этой портьерой революціонный молотъ куетъ судьбы вселенной... Что? Кто будетъ предсѣдательствовать? Къ сожалѣнію, Колло д'Эрбуа... Вотъ онъ стоитъ у стѣны, узнаете его? Видите, какой блѣдный... Вѣрно, спалъ ночью не больше вашего... А тотъ, что съ нимъ говоритъ, это Баррасъ, тоже одинъ изъ главныхъ противниковъ Робеспьера. Да, да, тотъ высокій въ бѣломъ жилетѣ съ синими полосками... Все это одна компанія и сегодня имъ отсюда прямая дорога на эшафотъ...

— Неужели на эшафотъ? — переспросилъ Штааль, невольно блѣднѣя при видѣ обреченныхъ людей.

— Непремѣнно, — подтвердилъ членъ Конвента. — Не они первые. Нужно очистить республику... Да вотъ и Максимиліанъ, — воскликнулъ онъ радостно, посмотрѣвъ въ сторону входной двери.

Штааль повернулъ голову и увидѣлъ Робеспьера. Онъ былъ одѣтъ еще элегантнѣе, чѣмъ наканунѣ. Голова его была завита и напудрена столь тщательно, точно онъ провелъ за ея украшеніемъ всю ночь. Встрѣтили его совершенно не такъ, какъ вчера въ якобинскомъ клубѣ. Послышалось нѣсколько слабыхъ хлопковъ, которые тотчасъ оборвались въ общемъ молчаніи. Большинство членовъ Конвента какъ-бы вовсе не замѣтило появленія диктатора. Нѣсколько человѣкъ, напротивъ, усиленно старалось поймать его взглядъ и поклониться ему съ выраженіемъ почтительнаго восторга. Многіе поспѣшно углубились въ чтеніе газетъ. Робеспьеръ, нахмурившись (какъ показалось Штаалю),

обвелъ взоромъ залу — кучки въ разныхъ ея концахъ мгновенно растаяли отъ его стекляннаго взгляда, — и затѣмъ поднялъ глаза наверхъ. На трибунахъ приходъ *неподкупнаго* былъ замѣченъ не сразу. Черезъ минуту, правда, послышались рукоплесканія и удары о полъ толстыхъ палокъ, по сигналу молодого юркаго человѣка, сидѣвшаго недалеко отъ Штааля (Штааль вспомнилъ, что наканунѣ видѣлъ этого юношу въ якобинскомъ клубѣ). Но въ залъ уже входили другіе члены Конвента и съ недоумѣніемъ глядѣли на апплодирующія при ихъ появленіи трибуны. Манифестація не вышла. Робеспьеръ хмуро прошелъ къ предсѣдательской эстрадѣ и остановился возлѣ нея, лицомъ къ залу, неподвижно скрестивъ руки.

— Ну, пора итти внизъ, сейчасъ начнется засѣданіе, — сказалъ не безъ смущенія крошечный членъ Конвента и простился съ Дюкро и Штаалемъ. Дюкро также, казалось, былъ смущенъ...

— Странно, — пробормоталъ онъ, — странно... Его обыкновенно встрѣчаютъ иначе.

Послышался звонокъ, пристава что-то закричали трубнымъ голосомъ и застучали булавами. Въ залу со всѣхъ сторонъ стали входить люди и разговоры медленно замолкли. Спустившійся сверху маленькій членъ Конвента молодцевато прошелъ во второй рядъ, дружелюбно опираясь на плечи сосѣдей, и со своего мѣста оглянулся на Дюкро, привѣтливо кивая ему головой. Штааль отъ входа недовѣрчиво провожалъ его глазами: ему точно не вѣрилось, что это *настоящій* членъ Конвента.

Блѣдный Колло д'Эрбуа, по привычкѣ граціозно раскачиваясь бюстомъ и закинувъ высоко голову съ тѣмъ величественнымъ видомъ, съ которымъ онъ прежде изображалъ въ трагедіяхъ добродѣтельныхъ царей, взошелъ на предсѣдательское мѣсто. Секретарь принялся читать протоколъ предыдущаго засѣданія и корреспонденцію

Голосъ у секретаря былъ мѣрный и скрипучій, дикція неясная и читалъ онъ что-то неинтересное. Штааль, снова съ наслажденіемъ прислонившійся къ стѣнѣ, слушалъ нѣсколько минутъ, а затѣмъ съ ужасомъ почувствовалъ, что засыпаетъ: не дремлетъ, какъ прежде, а засыпаетъ по настоящему, какъ у себя въ постели. Онъ сдѣлалъ отчаянное усиліе и открылъ глаза, но они тотчасъ сами собой сомкнулись и молодой человѣкъ почувствовалъ полную безполезность борьбы со сномъ. Страшная усталость и вино были сильнѣе его воли.

«Нельзя спать... Не годится... Это совершенно не годится», — мелькало у него въ головѣ. — «Зачѣмъ только я пилъ шамбертенъ?.. Chambertin 1789... Une grande année... Смѣшной этотъ лакей, бывшій pousse-fauteuil de Sa Majesté. Разумѣется, не надо было ходить въ игорный домъ... Впрочемъ, если я посплю нѣсколько минутъ, большой бѣды не будетъ... Никто не замѣтитъ... И кому собственно какое дѣло? Да еще точно ли будетъ интересное засѣданіе? А станетъ интересно, такъ меня разбудятъ... Какъ скучно читаетъ этотъ господинъ. И не разберешь ничего... Отчего у него такой скверный голосъ?.. Какой оселъ... Говорили: Конвентъ, Конвентъ, а на самомъ дѣлѣ ничего особеннаго: люди какъ люди. И видъ у нихъ довольно запуганный. Хороши гиганты, — особенно тотъ, что подходилъ къ намъ. Нѣтъ, все-таки спать не годится... Совершенно не годится... Совершенно не... Вотъ еще тоже не надо говорить со сна, если я засну. У насъ въ Училищѣ Колька Петровъ всегда болталъ по ночамъ... Гдѣ-то теперь Колька Петровъ? Вѣрно не думаетъ, что я теперь въ... Гдѣ я въ самомъ дѣлѣ?.. Забылъ... Да, въ Тюльери... Если я буду разговаривать во снѣ, то, должно быть, по-русски... Никто не пойметъ... Но разрѣшается ли въ Конвентѣ говорить по-русски?.. Отчего же? Говорили же мы по-французски въ Петер-

бургѣ... Это съ ихъ стороны долгъ вѣжливости. Надо бы все-таки спросить у Дюкро... Непремѣнно надо... Только что же спросить?.. Какой, однако, болванъ Дюкро... Да, спать совершенно не годится...»

Штааль заснулъ, какъ убитый. Во снѣ у него были смутныя и странныя видѣнія. Онъ лежалъ у края глубокой пропасти, свѣсивъ въ нее ноги, которымъ было очень неудобно, и повиснувъ головой на чемъ-то твердомъ. Изъ пропасти неслся все усиливающійся страшный шумъ. Кто-то пытался вылѣзть, карабкался и падалъ, вызывая на днѣ бурный восторгъ. На днѣ спорили и сердились, и голоса спорящихъ сливались въ протяжный, неровный, взвизгающій гулъ... На днѣ находилась еврейская молельня, та самая, что была у поворота большой дороги въ шковскомъ имѣніи графа Зорича... Громче всѣхъ молились, стараясь перекричать визгливо другъ друга, Робеспьеръ и Колло д'Эрбуа. И еще тамъ по дну бѣшено неслась тройка, колокольчикъ которой отчаянно звенѣлъ... Зачѣмъ они ѣдутъ такъ быстро?.. Тройка зацѣпила и раздавила Робеспьера... На ней мчался толстый банкиръ, игравшій въ biribi въ Palais-Egalité... Онъ выкинулъ изъ мѣшка круглую коробочку съ чьимъ-то номеромъ, и тройка понеслась дальше, звеня колокольчикомъ. Часовые грозно требовали пароль... Пароля не было. Въ самомъ дѣлѣ, какой пароль?.. Какъ выѣхать изъ Парижа безъ пароля? Пароль... Паро...

— А? что? въ чемъ дѣло? — вскрикнулъ Штааль, просыпаясь. Мосье Дюкро, пригнувшійся къ периламъ, больно вцѣпился ему въ руку.

— Tu n'as pas la parole! Tu n'as pas la parole! — гремѣлъ внизу бѣшеный крикъ, сливаясь съ отчаяннымъ звономъ колокольчика.

— Въ чемъ дѣло? — повторилъ Штааль, задыхаясь отъ испуга.

— Молчи! — прошепталъ мосье Дюкро.

Его лицо было искажено и блѣдно. Вмѣсто отвѣта онъ показывалъ рукой внизъ.

XX

Внизу дѣйствительно было страшно.

Самое трагическое парламентское засѣданіе въ міровой исторіи близилось къ концу.

До полудня 9 термидора обѣ стороны только готовились къ бою, дѣйствуя преимущественно хитростью и обманомъ. Партія Робеспьера пыталась задержать въ Комитетѣ Общественнаго Спасенія тѣхъ его членовъ, присутствіе которыхъ на засѣданіи Конвента могло быть для нея особенно опасно. Для этого Сенъ-Жюстъ оставался въ Комитетѣ всю ночь, стараясь успокоить заговорщиковъ и отвлечь ихъ подозрѣнія. Въ пять часовъ утра онъ ушелъ, обѣщавъ вернуться къ десяти и дать Комитету на предварительный просмотръ текстъ своей рѣчи. Въ дѣйствительности, рѣчь, которая имѣла цѣлью погубить Комитетъ Общественнаго Спасенія, была уже готова у Сенъ-Жюста. Выйдя изъ Національнаго Дворца, онъ сѣлъ на коня и поскакалъ въ Булонскій лѣсъ. Быстрая скачка освѣжила его послѣ безсонной ночи и подготовила нервы для рѣшительнаго боя. Сенъ-Жюстъ вернулся домой и тщательно сдѣлалъ туалетъ передъ зеркаломъ, въ послѣдній разъ прорепетировавъ для трибуны самую ледяную и неумолимую изъ своихъ позъ. Онъ остался доволенъ. Туалетъ и поза были хороши, какъ на случай побѣднаго торжества, такъ на случай пораженія и казни. Сенъ-Жюстъ допускалъ обѣ возможности и почти не боялся смерти: въ исторіи ему было обезпечено безсмертіе рядомъ съ героями Плутарха. Изъ дому, не заходя въ Комитетъ Общественнаго Спасенія, онъ отправился прямо на засѣданіе Конвента. Предполагалось, что его рѣчь и краткое выступленіе Робеспьера рѣшатъ дѣло прежде, чѣмъ члены Комитета успѣютъ подготовить сопротивле-

ніе. Въ свою очередь и заговорщики принимали хитрыя мѣры. Оставшись на всю ночь въ Комитетѣ, они вызвали туда главныхъ агентовъ Робеспьера изъ Коммуны и долго поочереди занимали ихъ пустыми разговорами для того, чтобы помѣшать имъ собирать вооруженную силу для тріумвировъ.

Хитрости были довольно дешевыя. Однако, всѣ эти люди, которые воспитались на исторіи Рима, которые писали по-французски съ грубыми ошибками, но зато могли говорить по-латыни, твердо помнили, что у Тацита, у Саллюстія, у Светонія разсказывается о такихъ же хитростяхъ, имѣвшихъ самые замѣчательные историческіе результаты. Кромѣ того нервы у большинства руководящихъ людей Конвента были такъ мучительно напряжены долгимъ непрерывнымъ ожиданіемъ эшафота, что они не могли ни минуты оставаться безъ дѣла, не выдумывая для своего спасенія и для спасенія Республики новыхъ хитростей, обмановъ и подходовъ. Изъ обѣихъ комбинацій не вышло ничего. Вмѣсто задержанныхъ въ Комитетѣ Общественнаго Спасенія агентовъ Робеспьера, въ Парижѣ ночью работали ихъ товарищи. Съ другой стороны, засѣданіе Конвента началось съ опозданіемъ и, какъ только Сенъ-Жюстъ взошелъ на трибуну, по первымъ его словамъ, по его особенно л е д я н о й позѣ, по н е у м о л и м о м у жесту руки, которой онъ съ большой высоты рубилъ точно ножомъ гильотины (этотъ жестъ у него выходилъ очень хорошо и дѣйствительно наводилъ часто ужасъ на робкихъ людей), противники Робеспьера, сразу сообразивъ въ чемъ дѣло, дали знать въ Комитетъ Общественнаго Спасенія. Такимъ образомъ Бареръ, Камбонъ, Бильо-Вареннъ, ожидавшіе тамъ Сенъ-Жюста, явились въ Конвентъ лишь съ очень небольшимъ опозданіемъ.

Бареръ для себя уже сдѣлалъ окончательный выборъ. Несмотря на всю свою тонкость и опытъ, онъ въ полдень еще не зналъ, кто выйдетъ побѣдителемъ къ вечеру девятаго термидора. Ему было совершенно ясно,

что этотъ день для однихъ кончится Капитоліемъ, а для другихъ — Тарпейской скалой (лучшіе ораторы Конвента и говорили, и даже думали такими образами). Но кто угодитъ въ Капитолій, а кто слетитъ съ Тарпейской скалы, этого Бареръ не зналъ. Зато онъ видѣлъ, что для него побѣда Робеспьера будетъ почти навѣрное означать Тарпейскую скалу. Бареръ не былъ трусомъ, — трусовъ въ Конвентѣ было мало, — но умирать ему очень не хотѣлось. По пути въ залъ засѣданій изъ Павильона Равенства Національнаго Дворца, гдѣ, въ прежнихъ аппартаментахъ королевы Маріи-Антуанетты, помѣщался Комитетъ Общественнаго Спасенія, Бареръ мысленно перебиралъ всѣ возможности предстоящаго боя. Онъ зналъ свое огромное вліяніе въ Конвентѣ и прекрасно понималъ, что исходъ будетъ въ значительной мѣрѣ зависѣть отъ его искусства, изобрѣтательности и самообладанія. Хладнокровіе было теперь нужнѣе всего другого. Несмотря на то, что онъ уже и такъ нѣсколько опоздалъ, Бареръ остановился передъ стойкой буфетчика Пайана и выпилъ залпомъ бутылку ледяной Eau de Passy. Вода, однако, его не освѣжила. Не торопясь и стараясь не волноваться, онъ направился дальше. По дорогѣ ему встрѣтился Давидъ, который, весело что-то насвистывая, поспѣшно шелъ въ залу засѣданій.

«Этотъ дуракъ зачѣмъ лѣзетъ въ петлю?» — подумалъ Бареръ съ досадой.

Художника въ Конвентѣ не очень принимали въ серьезъ, но друзей и поклонниковъ таланта у него было много — и не всякій рѣшился бы отправить такого человѣка на эшафотъ. Бареръ самъ любилъ искусство, зналъ въ немъ толкъ и высоко цѣнилъ дарованіе Давида, хотя въ глубинѣ души предпочиталъ ему Фрагонара и Греза. Онъ быстро подумалъ и остановилъ художника.

— Послушай, — сказалъ онъ ему тихимъ, значительнымъ голосомъ. — Не ходи сегодня на засѣданіе... Ты не политическій человѣкъ.

Давидъ удивленно посмотрѣлъ на Барера — и вдругъ поблѣднѣлъ. Какъ всѣ члены Конвента, онъ имѣлъ огромное довѣріе къ ловкости и политическому опыту этого человѣка, который въ любое время на любую тему могъ сказать гладкую трехчасовую рѣчь со шпильками, съ намеками, съ цитатами изъ древнихъ авторовъ и ссылками на прецеденты изъ практики Римскаго Сената. Этими своими свойствами Бареръ внушалъ Давиду, ничего не понимавшему въ политикѣ, суевѣрный ужасъ. Но еще больше, чѣмъ смыслъ и тонъ сказанныхъ словъ, художника поразило осунувшееся лицо Барера и новая вертикальная, почти страдальческая, складка, которая залегла по его лбу — ближе къ лѣвой брови, чѣмъ къ правой — и которой, какъ твердо помнилъ Давидъ, еще не было при ихъ послѣдней встрѣчѣ.

Давидъ за минуту до того, по пути въ Конвентъ, радостно и взволнованно замирая, обдумывалъ пришедшій ему въ голову сюжетъ картины, гдѣ игралъ значительную роль опрокинутый кубокъ съ цикутой. Художникъ еще не рѣшилъ, кто будетъ на картинѣ пить изъ этого кубка, — Сократъ ли или кто другой; въ моментъ встрѣчи съ Береромъ Давидъ думалъ о томъ, какого цвѣта могла бы быть разлившаяся по мрамору цикута въ солнечный день, подъ вечеръ, при боковомъ освѣщеніи. Слова, тонъ, выраженіе лица Барера вдругъ перебросили его изъ этого нелегкаго, волнующаго, но радостнаго міра въ другой міръ, въ тяжелый, сумрачный міръ злобы и эшафота. Онъ не понялъ, но почувствовалъ, что дѣло очень, очень серьезно, и что теперь гильотина будетъ broyer du rouge не изъ аристократовъ и не изъ агентовъ Питта.

— Давидъ, не ходи сегодня на засѣданіе Конвента, — повторилъ медленно, почти шепотомъ, останавливаясь послѣ каждаго слова, Бареръ.

Давидъ смотрѣлъ на него расширенными, остановившимися глазами. Затѣмъ, передохнувъ, отвелъ ихъ

въ сторону. Ему попался высокій тополь Тюльерійскаго сада, ярко освѣщенныя вѣтви, зелень которыхъ уже мѣстами была сожжена солнцемъ, золотое, чуть колеблющееся пятно на пескѣ... Страстная жажда жизни охватила Давида. Онъ порывисто, крѣпко пожалъ руку Барера — и пошелъ назадъ.

Бареръ слабо улыбнулся ему вслѣдъ, вспомнивъ обѣщаніе художника выпить цикуту съ диктаторомъ, и отправился въ залъ Свободы, смежный съ заломъ засѣданій. Онъ искалъ Талльена, желая сговориться съ нимъ о новомъ планѣ боя: по мнѣнію Барера слѣдовало попытаться разъединить тріумвировъ. Съ Робеспьеромъ и Сенъ-Жюстомъ разговоръ былъ очевидно безполезенъ. Но Кутона, пожалуй, можно было бы отъ нихъ отдѣлить или хоть заключить съ нимъ договоръ о взаимномъ страхованіи. Кромѣ того, Бареръ, принимая въ соображеніе слабый голосъ Робеспьера, находилъ нужнымъ помѣшать ему говорить.

Талльена уже не было въ залѣ Свободы. Этотъ человѣкъ, сыгравшій огромную роль въ день девятаго термидора, находился въ состояніи близкомъ къ сумасшествію. Въ отличіе отъ другихъ заговорщиковъ, Талльенъ не думалъ ни о планѣ борьбы, разработанномъ Фуше, ни о томъ, какъ лучше использовать болото, ни о томъ, какъ долженъ вести засѣданіе предсѣдатель Конвента, не заботился даже о собственной своей участи. Онъ все позабылъ и связно ни о чемъ не думалъ. Его воспаленный мозгъ почти отказывался работать. Обезумѣвшій отъ физической страсти Талльенъ зналъ и помнилъ только одно: либо Робеспьеръ погибнетъ сегодня, либо Тереза Кабаррю завтра взойдетъ на эшафотъ.

Маленькими шагами онъ съ девяти часовъ утра быстро ходилъ, нервно зѣвая, по прежней капеллѣ королей, которая примыкала къ залу Свободы. Въ этой капеллѣ было меньше народу, чѣмъ въ другихъ помѣщеніяхъ Національнаго Дворца. Талльенъ избѣгалъ лю-

дей и люди его избѣгали: всѣ знали, что онъ включенъ въ проскрипціонный списокъ, и отъ него точно шелъ уже запахъ трупа. Большинство членовъ Конвента утромъ не сомнѣвалось въ побѣдѣ Робеспьера, который торжествовалъ неизмѣнно. Если диктатору удалось свалить такого гиганта, какъ Дантонъ, то могла-ли разсчитывать на успѣхъ въ борьбѣ съ нимъ небольшая группа людей, не имѣвшая за собой ни популярности, ни талантовъ, ни вооруженной силы? Только очень тонкіе знатоки, посвященные во всѣ секреты сложныхъ политическихъ отношеній Конвента, Комитетовъ, Коммуны, знали, что дѣло обстоитъ не такъ просто и что на этотъ разъ шансы Робеспьера гораздо меньше, чѣмъ въ былыя времена. Но и знатоки отнюдь не спѣшили высказаться, а держали свое мнѣніе про себя.

Ламберъ Талльенъ не былъ знатокомъ. Поднятый случаемъ на высоты политики, онъ плохо разбирался въ шансахъ и въ способахъ борьбы. Но онъ твердо зналъ, что безъ Терезы жизнь ему не нужна. И та самая избитая ораторская фраза: «побѣдить или умереть», которую, какъ всѣ, онъ слышалъ, читалъ, произносилъ тысячу разъ, ни минуты не задумываясь надъ ея буквальнымъ смысломъ, внезапно открылась ему въ своей грозной прямотѣ и облеклась въ живые образы: счастье съ Терезой или казнь Терезы. Талльенъ видѣлъ тонкое кровавое кольцо не на своей, а на ея шеѣ. При этой мысли у него схватывало въ животѣ и въ горлѣ, и зѣвота мучительно растягивала ротъ. Онъ чувствовалъ, что его нервы долго не выдержатъ нечеловѣческаго напряженія. Засѣданіе все не начиналось. Талльенъ ходилъ по капеллѣ отъ стѣны къ стѣнѣ, стараясь попадать шагами въ середины то черныхъ, то бѣлыхъ мраморныхъ плитъ пола, вдругъ останавливался, глядя въ упоръ на пробѣгавшихъ мимо него людей, и снова продолжалъ свою мрачную прогулку звѣря въ клѣткѣ.

Когда раздался звонокъ, Талльенъ оставилъ капеллу и быстро пошелъ черезъ залъ Свободы на засѣданіе;

но увидѣвъ секретаря, который развертывалъ связку документовъ, онъ съ тоской отшатнулся отъ дверей и пошелъ назадъ. Посрединѣ зала, гдѣ на пьедесталѣ сидѣла огромная богиня Свободы, опирающаяся рукой на земной шаръ, силы вдругъ оставили Талльена. Онъ почувствовалъ предсмертное отчаяніе. Талльенъ сѣлъ на край пьедестала статуи и зажалъ искривившееся лицо руками, открывъ ротъ и сдавливая пальцами виски. Запоздавшіе члены Конвента, пробѣгая по залу, движеніемъ головы показывали другъ другу фигуру обреченнаго.

Голосъ секретаря умолкъ и сквозь открытую дверь донесся шорохъ движенія, какая-то неуловимая волна... Талльенъ поднялъ голову, всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери. Онъ увидѣлъ залъ засѣданій. На трибуну Конвента всходилъ изящный, въ бѣломъ костюмѣ, Сенъ-Жюстъ. Около него, у подножья трибуны, скрестивъ руки на груди и обернувшись лицомъ къ залу, стоялъ Максимиліанъ Робеспьеръ.

Нестерпимая ненависть вдругъ обожгла душу Талльена. Въ ту же минуту къ нему вернулись и воля, и соображеніе, и жажда послѣдней борьбы. Онъ нащупалъ подъ кафтаномъ кинжалъ и быстро направился къ дверямъ, все ускоряя шаги. Впереди него торопливо проходилъ, спѣша въ залъ, Дюранъ де Майанъ, изъ безсловесной партіи б о л о т а, одинъ изъ самыхъ смирныхъ членовъ Конвента.

Талльенъ, не останавливаясь, схватилъ его за руку.

— Смотри! Сенъ-Жюстъ на трибунѣ! — вскрикнулъ онъ не своимъ голосомъ. — Идемъ! Пора кончать игру!

Смирный Дюранъ де Майанъ, котораго до сихъ поръ никто не приглашалъ кончать что-бы то ни было, пугливо отшатнулся въ сторону. Не обращая на него вниманія, Талльенъ бросился впередъ. Въ дверяхъ залы засѣданій ему попался другой второстепенный членъ Конвента.

— Не выходи! — закричалъ Талльенъ, сверкая глазами. — Иди со мной въ залъ!.. Ты увидишь торжество друзей свободы! Сегодня къ вечеру Робеспьера больше не будетъ!..

Членъ Конвента побѣлѣлъ и прижался къ двери. Талльенъ, какъ безумный, вбѣжалъ въ залъ и остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ трибуны, сжимая на груди кинжалъ и въ упоръ, горящими глазами, глядя на Робеспьера и Сенъ-Жюста. Въ мертвой тишинѣ Конвента точно треснула искра и по залѣ засѣданій тихо пронесся какой-то подавленный стонъ. Въ этомъ странномъ появленіи человѣка, котораго всѣ считали обреченнымъ, въ его наклоненной впередъ, вызывающей и рѣшительной позѣ, въ его безумныхъ, налитыхъ кровью, глазахъ почувствовалось что-то страшное, какъ будто упалъ готовый разорваться огромной силы снарядъ.

Сенъ-Жюстъ слегка поблѣднѣлъ, но, не измѣнивъ ледяной позы, началъ свою рѣчь. Со второй фразы его вдругъ прервалъ бѣшеный истерическій крикъ Талльена. И въ ту же минуту не только члены Конвента, но и посѣтители наверху стали подниматься съ мѣстъ.

Бареръ, вскорѣ затѣмъ вошедшій въ залъ засѣданій, съ удивленіемъ и съ замираніемъ сердца слушалъ Талльена. Талльенъ говорилъ не то, что сказалъ-бы Бареръ и что въ нормальной обстановкѣ могло-бы быть всего вреднѣе партіи диктатора. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Бареръ шестымъ чувствомъ чувствовалъ, что Талльенъ губитъ Робеспьера; губитъ не содержаніемъ словъ, а чѣмъ-то инымъ, отъ чего люди встаютъ съ мѣстъ, отъ чего сжимаются кулаки и блѣднѣютъ лица, и ярость подкатывается къ горлу. У Барера сердце застучало сильнѣе. Своимъ взоромъ знатока онъ оглядѣлъ скамьи Конвента. Тотъ до сихъ поръ непроницаемый покровъ, которымъ общій неизъяснимый страхъ окружалъ Максимиліана Робеспьера, какъ будто вдругъ началъ таять. Безсловесное б о л о т о, сильное въ моментъ голосованія своей численностью, шепталось, точно выходило

изъ обычнаго оцѣпенѣнія. Бареръ чувствовалъ, что бой начался хорошо и что шансы растутъ, крѣпнутъ. Онъ напряженно работалъ головой, отыскивая наилучшую тактику. И ему становилось все яснѣе, что главное, самое важное, единственно важное въ начавшемся смертельномъ бою — это помѣшать говорить Робеспьеру. То-же самое одновременно почувствовали наиболѣе опытные изъ остальныхъ заговорщиковъ. Въ разные концы зала тихо пошелъ приказъ по линіямъ.

XXI

Публика верхнихъ мѣстъ вся повисла надъ перилами. Штааль, еще не совсѣмъ опомнившійся отъ сна, отвоевалъ себѣ локтями участокъ перилъ и также перегнулся черезъ край.

На ораторской трибунѣ Конвента одновременно находилось нѣсколько человѣкъ, повидимому, оспаривавшихъ ее другъ у друга. Сбоку, ближе къ Штаалю и нѣсколько ниже другихъ, стоялъ очень красивый мальчикъ (это былъ Сенъ-Жюстъ), который, казалось, одинъ сохранялъ спокойствіе въ бѣснующемся залѣ. Блѣдное лицо его и тонкія сжатыя губы кривила легкая усмѣшка; свертокъ бумаги въ правой рукѣ немного дрожалъ. Спиной къ Штаалю и протянувъ кулаки къ предсѣдателю, что-то кричалъ надрываясь Робеспьеръ, — Штааль узналъ его по напудренной головѣ и фіолетовому кафтану. Предсѣдательствовалъ уже не Колло д'Эрбуа, нервы котораго не выдержали, а другой членъ Конвента: онъ потрясалъ въ рукѣ звонокъ, демонстративно вытянувъ его по направленію къ Робеспьеру, и со злобой все время отрицательно моталъ головой. Обычное мѣсто оратора занималъ, вцѣпившись въ столъ рукою, незнакомый Штаалю человѣкъ съ совершенно искаженнымъ лицомъ. Голосъ этого человѣка все росъ, росъ до мучительнаго, нестерпимаго крика, и покрылъ

наконецъ и звонокъ предсѣдателя, и пьянящій гулъ зала. До Штааля донеслись послѣднія слова::

— ... Я былъ вчера въ Якобинскомъ клубѣ... Я увидѣлъ... армію... новаго Кромвелля...

— А-а-а-а! — пронеслась новая волна въ Конвентѣ.

— ... И я вооружился кинжаломъ, чтобы пронзить тирану грудь!..

Человѣкъ, вцѣпившійся въ столъ, вдругъ выхватилъ кинжалъ и, шатаясь, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ направленіи Робеспьера. Больше Штааль ничего не видѣлъ. Волна народа хлынула по узкимъ трибунамъ для посѣтителей. Находившаяся наверху клака вдругъ стремительно бросилась къ выходу, прокладывая себѣ дорогу между перилами и скамьями для публики. Произошла давка, послышалась отчаянная брань, одна изъ скамей опрокинулась и все смѣшалось. Снаружи, изъ корридоровъ, напротивъ, какіе-то люди ворвались на трибуны. Бѣгущая волна оторвала Штааля отъ перилъ и надолго прижала къ стѣнѣ, откуда ничего не было видно. Глотая пыль, задыхаясь, стараясь подавить въ себѣ страхъ и отвращеніе къ толпѣ, онъ тщетно протискивался впередъ. Снизу несся, сливаясь съ гуломъ трибунъ и заглушая теперь все, прежній отчаянный вопль: „Tu n'as pas la parole!“, относившійся, какъ понималъ Штааль, къ Робеспьеру. Молодымъ человѣкомъ овладѣло, наконецъ, бѣшенство. Онъ рванулся изо всѣхъ силъ впередъ и пробился къ периламъ.

То, что онъ увидѣлъ внизу, осталось навсегда въ воспоминаніи Штааля какъ травля дикаго звѣря. Робеспьеръ отчаянно кричалъ, обращаясь къ правой сторонѣ зала. Лицо его было совершенно неузнаваемо: какъ будто лопнула та пружина, которая неподвижно растягивала куски картона на костяномъ остовѣ головы, и эти куски теперь корчились и ходили въ разныя стороны. Въ лѣвой рукѣ диктаторъ мялъ шелковую шляпу, въ правой судорожно сжималъ раскрытый пе-

рочинный ножъ. Голоса его почти не было слышно. Звонокъ предсѣдателя звонилъ непрерывно. Вокругъ Робеспьера съ трехъ сторонъ, но на довольно почтительномъ разстояніи отъ него, какіе-то люди, о х о т н и к и, какъ показалось Штаалю, ревѣли что-то съ перекошенными отъ ярости лицами. Вдругъ Робеспьеръ выронилъ ножъ, схватился за грудь и тяжело закашлялся. На мгновеніе шумъ зала замолкъ и колокольчикъ зазвонилъ слабѣе.

— Предсѣдатель убійцъ! — послышался задыхающійся крикъ Робеспьера. — Въ послѣдній разъ... требую слова...

И онъ снова схватился за грудь.

Какой-то тихій пожилой человѣкъ вдругъ рванулся впередъ съ одной изъ скамей Конвента и закричалъ страшнымъ голосомъ:

— Тебя душитъ кровь Дантона!..

Новый гулъ потрясъ стѣны зала. Робеспьеръ сдѣлалъ нѣсколько неровныхъ шаговъ и въ изнеможеніи опустился на скамью.

— Не садись сюда! Прочь! — раздался истерическій крикъ. — Это мѣсто Верньо, котораго ты зарѣзалъ...

— А-а-а! — прокатился стонъ. Штаалю въ немъ послышалось: Ату!.. И вдругъ въ его памяти встала фигура Верньо на ступеняхъ гильотины, стукъ ножа и падающихъ въ корзину головъ и рыдающіе звуки Марсельезы жирондистовъ:

...Contre nous de la tyrannie
Le c o u t e a u sanglant est levé...

Робеспьеръ вскочилъ, сдѣлалъ еще три шага и повалился на другое мѣсто.

— Прочь! Прочь! Здѣсь сидѣлъ Кондорсе...

— Прочь!.. (Ату!.. Ату!..)

Въ душной залѣ Конвента Штааль почувствовалъ холодъ. Ему показалось, что раскрываются могилы и тѣни погибшихъ людей занимаютъ въ залѣ мѣста. Че-

резъ нѣсколько минутъ пристава съ булавами, изгибаясь всѣмъ тѣломъ, боязливо, точно они подходили къ раненому волку, приблизились къ Робеспьеру. (Позже Штааль узналъ, что на собраніи былъ принятъ декретъ объ арестѣ диктатора). Лицо перваго изъ приставовъ запомнилось Штаалю выраженіемъ нескрываемаго ужаса: приставъ словно хотѣлъ сказать, что онъ человѣкъ подневольный и долженъ исполнить чужой приказъ. Для чего-то перенявъ булаву въ лѣвую руку, онъ еще больше изогнулся и, зажмурившись, торопливо взялъ Робеспьера за плечо, быстро отдернулъ руку и снова опустилъ ее. Конвентъ на мгновеніе застылъ, — затѣмъ точно долгій вздохъ облегченія пронесся по залу. Штаалю показалось, будто это вздохнула вся Франція.

Въ ту же минуту возлѣ него, направляясь къ выходу, скользнулъ съ совершенно растерянным видомъ мосье Дюкро. Молодой человѣкъ машинально послѣдовалъ за своимъ наставникомъ, помня, что съ нимъ пришелъ на засѣданіе. У Штааля очень болѣла голова. Въ Національномъ Саду дышать было легче.

XXII

— Мудрое революціонное правительство во главѣ съ добродѣтельнымъ Робеспьеромъ возвысилось, какъ извѣстно, надъ принципомъ вольнаго слова. Но маленькій о а з и с ъ свободы въ п у с т ы н ѣ порабощенной Франціи (это я говорю для васъ, ибо вы, революціонеры, любите такіе образы), маленькій оазисъ свободы мудрое правительство все же сохранило: имя ему — Консьержери. Здѣсь мы имѣемъ возможность говорить все то, что думаемъ, ибо у стѣнъ, вопреки распространенному мнѣнію, нѣтъ ушей. Возвысимся же до полной терпимости другъ къ другу, мой милый товарищъ по эшафоту... Замѣтьте, я говорю лишь о терпимости, а никакъ не объ уваженіи къ чужой мысли.

Уваженіе къ чужой мысли проповѣдуютъ неизлечимо глупые люди, страдающіе застарѣлой любовью къ принципамъ британской свободы. Я терплю, напримѣръ, философію полоумнаго Робеспьера и краснорѣчіе Барера, Анакреона гильотины (правда, мнѣ собственно было бы трудно поступить иначе и не терпѣть ихъ). Но уважать этихъ двухъ негодяевъ я никакъ себя не считаю обязаннымъ. Вы же, дорогой коллега, своей нетерпимостью оскорбляете стѣны нашей almae matris, нашей славной академіи Консьержери. Вполнѣ допускаю, что васъ раздражаютъ и мои мнѣнія, и нѣкоторая болтливость, развившаяся у меня на старости лѣтъ. Но думаете ли вы, напримѣръ, что меня въ свое время не раздражали тѣ свободолюбивыя статьи, которыя вы печатали въ свободолюбивомъ органѣ свободолюбиваго маркиза Кондорсе, — да проститъ ему за его самоубійство Господь половину его грѣховъ: не говорю — всѣ грѣхи, ибо это значило бы требовать слишкомъ многаго даже отъ милосердія Господня.

Въ небольшой тюремной камерѣ на рядомъ поставленныхъ койкахъ лежало два человѣка: одинъ лѣтъ шестидесяти пяти, другой вдвое моложе. Старикъ, лежавшій съ закрытыми глазами, говорилъ быстрѣе, чѣмъ обыкновенно говорятъ старики. Лимонно-желтое лицо его изрѣдка дергалось судорогой.

— Мосье Пьеръ Ламоръ, — сказалъ съ раздраженіемъ другой заключенный, — я иду дальше васъ и не боюсь уподобиться неизлечимо глупымъ сторонникамъ принциповъ британской свободы: я готовъ былъ бы и терпѣть, и уважать ваши взгляды. Но, къ несчастью, ихъ у васъ нѣтъ. Вы только ставите знакъ минусъ передъ воззрѣніями другихъ людей. И не скрою, этотъ знакъ минусъ à la longue нѣсколько утомляетъ. Вы повторяетесь ... Нѣтъ ничего легче, чѣмъ отрицать все. Очень молодому человѣку бываетъ лестно прослыть скептикомъ демоническаго уклада. Безсознательное кокетство юношей находитъ въ скептицизмѣ и въ

пессимизмѣ признакъ утонченности ума, нѣкоторую distinction naturelle. Но вамъ, кажется, седьмой десятокъ. Перестаньте же, ради Бога, удивлять меня глубинами отрицанія и пессимизма: въ этой области со временъ Монтэня не сказано ни одного путнаго слова; а если есть писатель, который сильно устарѣлъ въ 1794 году, то, думаю, именно Монтэнь. Человѣчество давно возвысилось надъ дешевымъ и безплоднымъ отрицаніемъ.

Пьеръ Ламоръ негромко, невесело засмѣялся, открылъ глаза, посмотрѣлъ на часы и съ трудомъ приподнялся на постели.

— Милый мосье Борегаръ, — сказалъ онъ, — разумѣется, разговоръ нашъ совершенно безполезенъ. Я производилъ надъ собой и надъ вами небольшой психологическій опытъ. Одно теченіе въ наукѣ, которую называютъ философіей, утверждаетъ, будто мнѣнія людей зависятъ отъ соціальныхъ и физіологическихъ условій ихъ жизни. Соціальныя условія жизни у насъ съ вами достигли въ Консьержери такого равенства, какое не снилось ни Томасу Мору, ни Кампанеллѣ, ни другимъ провидцамъ будущаго и благодѣтелямъ человѣчества; одна половина этой камеры въ Консьержери принадлежитъ вамъ, другая — мнѣ, и больше ни у васъ, ни у меня нѣтъ ничего. Физіологическія условія жизни у насъ тоже почти одинаковы, — Робеспьеръ позаботился и объ этомъ. Правда, я вдвое старше васъ, но обоихъ насъ казнятъ въ лучшемъ случаѣ сегодня, девятаго термидора, въ худшемъ — послѣзавтра (ибо завтра, по случаю праздника декады, мосье Сансонъ отдыхаетъ). А такъ какъ возрастъ человѣка, знающаго точно, когда онъ умретъ, гораздо правильнѣе считать отъ дня смерти, чѣмъ отъ дня рожденія, то мы съ вами, въ сущности, близнецы. Слѣдовательно, если хоть немного вѣрить философамъ указаннаго мною теченія, я долженъ былъ-бы теперь совершенно во всемъ съ вами сходиться. На самомъ дѣлѣ мы не сходимся почти ни въ чемъ. Я, какъ

вы не совсѣмъ правильно замѣчаете, упорно разставляю знакъ минусъ, а вы до самаго эшафота сохранили трогательную привязанность къ идеямъ Великой Французской Революціи, которая, по досадному недоразумѣнію, отправляетъ васъ на этотъ эшафотъ; ибо, какъ тонко замѣтилъ утромъ предсѣдатель революціоннаго трибунала, вы заподозрѣны въ томъ, что вы подозрительны. Vous êtes soupçonné d'être suspect... Согласитесь кстати, что юристы стараго строя, которые отправили на казнь Каласа и о которыхъ просвѣтитель Вольтеръ написалъ столько б и ч у ю щ и х ъ страницъ, были все-же значительно грамотнѣе судей Революціи. Я съ сожалѣніемъ констатирую, что ваши старанія ввести во Франціи гарантіи британской свободы не совсѣмъ увѣнчались успѣхомъ: вмѣсто Habeas Corpus Act'a, у насъ дѣйствуетъ законъ 22-го преріаля.

— Мы попали подъ колесо исторіи; тѣмъ хуже для насъ, — сказалъ Борегаръ. — Что изъ этого слѣдуетъ? Колумбъ умеръ забытый, въ нищетѣ, но Америка все же открыта. Недостойно человѣка изъ за собственнаго несчастья отказываться отъ того, что въ теченіе всей жизни было его идеаломъ. У васъ странный подходъ къ революціи. Изъ за личныхъ обидъ, изъ за частныхъ несправедливостей, изъ за отдѣльныхъ преступленій вы проглядѣли величайшее событіе міровой исторіи.

— Да, каюсь, каюсь, мнѣ очень трудно подняться мыслью такъ высоко. Отъ меня упорно ускользаетъ красота идеала, во имя котораго мнѣ м и м о х о д о м ъ отрубаютъ голову... Вы — другое дѣло, вы — римлянинъ... Я давно думаю, что насъ погубили римляне. Всѣ вы воспитались на идеалахъ древности. Безсовѣстный лгунъ Плутархъ, не знавшій по латыни, научилъ васъ римской исторіи; отъявленный негодяй Саллюстій давалъ вамъ уроки римской морали; а порнографъ Светоній, не уступающій во многихъ отношеніяхъ гражданину де-Саду, по-

селилъ въ вашихъ душахъ восторгъ передъ римской простотой нравовъ... Видитъ Богъ, мы сами достаточно скверный народъ, но, по совѣсти, римляне были хуже насъ. Не буду обосновывать это положеніе, приведу только одинъ примѣръ: Сансонъ сегодня отрубитъ намъ голову въ двѣ секунды и совершенно безболѣзненно. Въ средніе вѣка насъ, вѣроятно, жгли-бы на кострѣ часа два. А у римлянъ мы висѣли-бы живые на крестахъ не менѣе двухъ дней.

— Ну, вотъ видите, и вы увѣровали въ прогрессъ. Я радъ за васъ.

— Какъ же, я вѣрю въ прогрессъ не менѣе трогательно и твердо, чѣмъ вы и le regretté Кондорсе. Человѣчество совершенствуется и идетъ впередъ, но только ему не къ спѣху. По моимъ подсчетамъ (правда, очень приблизительнымъ), черезъ 170 тысячъ лѣтъ такіе мерзавцы, какъ Робеспьеръ или Саллюстій, перестанутъ пользоваться общимъ признаніемъ въ качествѣ учителей добродѣтели. А законъ 22-го преріаля, возможно, будетъ отмѣненъ даже раньше.

— Вы правы въ перспективѣ одного дня; я правъ въ перспективѣ вѣка. Въ 19-мъ столѣтіи Франція будетъ такъ же свободна, какъ Англія, и это благодаря революціи. Путь къ добру идетъ черезъ зло. Да, Революція отправляетъ меня на эшафотъ, а я на эшафотѣ буду кричать: да здравствуетъ Революція!

— И кричите! Здѣсь римскій идеалъ у васъ начинаетъ смѣшиваться съ еврейскимъ, — о, зловѣщіе два народа!.. Вы правы въ перспективѣ вѣка? Но въ перспективѣ вѣчности цѣна революціи мѣдный грошъ. Слѣдовательно, sub specie aeterni правъ опять таки я. Какое мнѣ дѣло до политической свободы парижскихъ лавочниковъ 19-го столѣтія?

Пьеръ Ламоръ съ трудомъ наклонился и поднялъ на койку съ пола небольшую корзину.

— Милый другъ, — сказалъ онъ измѣнившимся голосомъ, — до прихода палача остается не менѣе

двухъ часовъ. Не скрою отъ васъ, запасъ моей нервной силы оскудѣваетъ. Я не хочу идти въ общую камеру... Видъ женщинъ, которыхъ казнятъ вмѣстѣ съ нами, слишкомъ меня волнуетъ. Мы всѣ въ тюрьмѣ ведемъ себя съ достоинствомъ. Мы шутимъ, мы разговариваемъ о политикѣ, мы играемъ въ гильотину. Но вы знаете такъ-же хорошо, какъ я, чего намъ стоитъ наше безстрашіе. Пусть одна изъ женщинъ истерически вскрикнетъ, — тюрьма превратится въ домъ умалишеныхъ... Останемся же вдвоемъ въ этой камерѣ до прихода палача; я чувствую, что одинъ остаться здѣсь я не въ силахъ. Будемъ лучше продолжать нашъ безполезный разговоръ. Тональность моей иронiи неестественна, какъ неестественна тональность вашей вѣры. Сдѣлаемъ мысленно поправку на эшафотъ и не будемъ смущаться фальшью рѣчи. Кромѣ того, давайте ѣсть и пить. У меня нѣтъ ни малѣйшаго аппетита, но это ничего не значитъ. Вино и пища, самыя острыя наслажденія человѣка послѣ любви и сна, въ нашей власти. Въ моей корзинѣ пулярда, хлѣбъ, фрукты и нѣсколько бутылокъ. Я потратилъ на нихъ послѣднія деньги, и добрый консьержъ досталъ все лучшаго качества. Для меня заготовлены еще и капли, ибо я дорожу здоровьемъ и очень люблю лечиться. Если у васъ также есть припасы, объедините ихъ съ моими. Edamus et bibamus, cras enim moriemur... Устроимъ, милый другъ, нѣкоторое подобiе послѣдней трапезы жирондистовъ. Только, въ отличiе отъ нихъ, не будемъ пѣть марсельезу, ибо эти плохiе стишки дѣйствуютъ мнѣ на нервы.

Другой заключенный слабо улыбнулся и тоже поднялся на постели. Старикъ налилъ вина въ двѣ глиняныя кружки и тупымъ ножомъ разрѣзалъ пулярду на доскѣ корзины. Руки у него сильно дрожали.

— Кстати о стихахъ, — сказалъ онъ медленно. — Вы видѣли того молодого человѣка, который про-

велъ съ нами одинъ день и позавчера былъ казненъ? Его зовутъ Андре де-Шенье. Онъ — братъ извѣстнаго поэта, и самъ пишетъ стихи. Кое-что онъ читалъ при мнѣ вслухъ. Не считаю себя знатокомъ, но думаю, что этотъ молодой человѣкъ — величайшій поэтъ Франціи со временъ Корнеля и Расина. Каюсь, несмотря на мою старость, у меня морозъ пробѣжалъ по спинѣ, когда въ устахъ обреченнаго поэта я услышалъ стихи мщенья:

. . . Le poignard, seul espoir de la terre,
Est ton arme sacrée . . .

Мнѣ вдругъ показалось, будто надъ грудью Робеспьера сверкнулъ кинжалъ Шарлотты Кордэ... Стыдно, конечно, въ шестьдесятъ шесть лѣтъ такъ поддаваться эстетическимъ впечатлѣніямъ...

Старикъ посмотрѣлъ на часы и продолжалъ:

— Можетъ быть, вся ваша революція не стоитъ тѣхъ нѣсколькихъ страницъ, которыя прочелъ при мнѣ молодой человѣкъ, ни за что отправленный ею на эшафотъ. Опять скажу по этому случаю: какіе жестокіе тираны были старые дураки, короли прекрасной Франціи: вы подумайте, писателя Вольтера засадили чуть ли не на годъ въ Бастилію за подготовку нынѣшняго благополучія. И этимъ возмущалось два поколѣнія людей!.. О, Робеспьеръ, великій учитель добродѣтели, убавишь ли ты въ глупыхъ людяхъ способности къ возмущенію и энтузіазму?..

Старикъ долго и неестественно смѣялся, кашляя и вытирая лобъ платкомъ.

— И все-таки, — заговорилъ онъ опять, — поэты не въ правѣ жаловаться на революцію. Сколько поэтовъ умерло-бы съ голоду, если-бы Брутъ въ свое время не зарѣзалъ Юлія Цезаря! Кто создалъ легенду революціи? Поэты. И когда голова одного изъ нихъ слетаетъ подъ топоромъ революціоннаго палача, я отно-

шусь къ этому событію такъ, какъ къ гибели Тюренна на полѣ битвы. На то онъ и Тюреннъ. Къ тому же, какую богатую тему для другихъ стихотворцевъ дастъ казнь Андре де-Шенье, если ему улыбнется счастье въ лотереѣ литературной извѣстности...

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ оба заключенныхъ ѣли молча. Вдругъ Борегаръ поставилъ на полъ кружку съ виномъ, застучалъ зубами и, закрывъ лицо, уткнулся въ подушку. Старикъ поглядѣлъ на него, хотѣлъ что-то сказать и не сказалъ ничего. Молчаніе продолжалось довольно долго.

— Не хотите ли еще вина? — съ участіемъ въ голосѣ спросилъ, наконецъ, Пьеръ Ламоръ. — Или, можетъ быть, вы выпьете воды? Здѣсь душно.

— Я оставляю безъ средствъ жену и ребенка, — глухо о т в ѣ т и л ъ другой заключенный, не отрывая головы отъ подушки.

Старикъ пересталъ ѣсть, налилъ въ кружку воды, а затѣмъ аккуратно сталъ отливать въ нее по каплямъ жидкость изъ бутылочки съ лекарствомъ. Отсчитавъ двадцать капель, онъ размѣшалъ и выпилъ.

Въ камерѣ была мучительная тишина, какая бываетъ только въ тюрьмахъ.

Молодой заключенный снова сѣлъ на постель.

— Вы, конечно, не вѣрите въ загробную жизнь? — спросилъ онъ, не глядя на старика.

— Отчего-же? Напротивъ, — поспѣшно сказалъ Пьеръ Ламоръ. — Въ безсмертіи души нѣтъ ничего невозможнаго. Я остаюсь при „peut-être“ стараго умницы Раблэ. Разумѣется, христіанская идея загробной жизни нѣсколько скучновата; я предпочелъ бы магометанскій рай съ деревомъ т у б а. Но — за неимѣніемъ лучшаго... Впрочемъ, я мало освѣдомленъ въ этомъ вопросѣ и даже у васъ хотѣлъ при случаѣ узнать толкомъ, существуетъ ли Богъ или нѣтъ. Въ первое время Революціи Богъ признавался существующимъ и разсматривался, какъ умѣренный коституціоналистъ. По-

томъ, какъ вы знаете, была введена религія разума, и въ Notre-Dame de Paris на алтарѣ сидѣла полуголая танцовщица Мальяръ, — ее даже на рукахъ носили въ Конвентъ, и предсѣдатель обнялъ разумъ въ ея лицѣ. Я съ удовольствіемъ привѣтствовалъ новую религію, ибо мадемуазель Мальяръ превосходно сложена, а прежде ее можно было увидѣть въ натурѣ только за большія деньги. Вѣдь я имѣлъ честь знать до Революціи богиню разума: она тогда была на содержаніи у моего добраго знакомаго, герцога де-Субизъ... Еще позже, кажется, вы предполагали замѣнить культъ разума культомъ добродѣтели? По крайней мѣрѣ объ этомъ подавалъ въ Конвентъ петицію только что мною упомянутый маркизъ де-Садъ. Но если не ошибаюсь, Робеспьеръ недавно объявилъ себя деистомъ. Это, разумѣется, совершенно реабилитируетъ Бога, въ революціонныхъ симпатіяхъ котораго теперь трудно усомниться.

— Если есть загробная жизнь, то мы будемъ имѣть удовольствіе видѣть издали, какъ деистъ Робеспьеръ жарится въ аду, — сказалъ, мрачно усмѣхаясь, молодой заключенный.

— Это удовольствіе, къ сожалѣнію, тоже не вполнѣ намъ обезпечено. Оригенъ Адамантовый утверждалъ, что всѣ люди непремѣнно спасутся и что адскіе огни рано или поздно погаснутъ. Добрякъ Оригенъ написалъ даже въ защиту своей цѣнной мысли шесть тысячъ книгъ. Константинопольскій соборъ предалъ его анафемѣ — и очень хорошо сдѣлалъ.

— Геніальные люди вѣрили, однако, въ безсмертіе души...

— Вѣрили. Лейбницъ думалъ, что душа человѣка послѣ его смерти остается въ этомъ мірѣ, но только, отдыхая отъ земной жизни, пребываетъ въ состояніи сна и ждетъ момента пробужденія; ждетъ она, впрочемъ, довольно долго: милліардъ столѣтій. Цифра и круглѣе, и больше моихъ ста семидесяти тысячъ лѣтъ...

Нѣтъ, вы подумайте, — вставилъ вдругъ, засмѣявшись, Пьеръ Ламоръ, — вы подумайте, какъ должна была опротивѣть Лейбницу жизнь, чтобы назначить *милліардъ столѣтій отдыха*! А все-таки старику было страшно сказать: никогда. Охъ, нехорошее, нехорошее это слово!.. Ничего нѣтъ страшнѣе его на свѣтѣ...

Пьеръ Ламоръ снова вынулъ часы и тотчасъ опустилъ ихъ въ карманъ, не посмотрѣвъ на стрѣлку.

— Такъ, значитъ, по вашему — *никогда*? — медленно спросилъ Борегаръ.

— По всей вѣроятности.

— Гдѣ же мы будемъ сегодня вечеромъ?

— Тамъ, гдѣ намъ будетъ не хуже, чѣмъ здѣсь.

— Что ждетъ насъ?

— Мы теряемъ немного.

— Да, вы правы, жизнь ужасна... Смерть — избавленіе.

— Наконецъ-то вы пришли къ этой здравой мысли.

Въ камеру тюрьмы внезапно донесся издалека тяжелый, глухой, мѣдный звукъ колокола. Пьеръ Ламоръ вздрогнулъ и съ открытымъ ртомъ уставился снизу въ небольшое окошко, продѣланное въ стѣнѣ у потолка. За первымъ ударомъ колокола черезъ мгновеніе донесся второй. Борегаръ приподнялся на койкѣ и схватилъ за руку старика. Съ минуту оба они, не переводя дыханія, смотрѣли въ сторону окошка. У обоихъ лица вдругъ сдѣлались бѣлѣе постельнаго бѣлья. Мѣдные удары повторялись все чаще и тревожнѣе. Молодой заключенный хотѣлъ что-то сказать и не могъ. Губы его шевелились невнятно. Старикъ не услышалъ вопроса, но понялъ его.

— Что это? — беззвучнымъ движеніемъ рта спрашивалъ Борегаръ.

— Это набатъ! — прошепталъ Пьеръ Ламоръ.

XXIII

Въ галлереѣ тюрьмы Консьержери, подъ звонъ колоколовъ набата, заканчивался послѣдній туалетъ осужденныхъ.

Ихъ было много: были семидесятилѣтніе старики и былъ двадцатилѣтній студентъ, были вельможи и были паяцы.

Тюрьма обезумѣла въ этотъ страшный день. Къ казнямъ привыкли въ Консьержери; большія партіи людей отправлялись на эшафотъ ежедневно. Всѣ заключенные знали, что ихъ ждетъ неотвратимая смерть; увозимымъ говорили спокойно: «вашъ чередъ насталъ сегодня, завтра умремъ и мы».

И увозимые подавляли въ себѣ зависть, мучительную зависть къ тѣмъ, кому судьба дарила нѣсколько лишнихъ дней ожиданія казни.

Но въ этотъ день съ первымъ ударомъ колоколовъ вѣсть пронеслась по тюрьмѣ: Возстаніе!.. Возстаніе началось въ Парижѣ!

Кто возсталъ — не знали. Какіе-то таинственные, невидимые друзья на свободѣ боролись за жизнь. Грозно гудѣли колокола набата. Къ нимъ порою примѣшивался отдаленный грохотъ барабановъ. Инымъ заключеннымъ казалось, будто они слышатъ пальбу.

Стража молчала, но хранила смущенный видъ. Изъ революціоннаго трибунала въ тюрьму то и дѣло спускались чиновники: у нихъ лица были встревожены и разстроены. Они говорили съ заключенными кротко и вѣжливо. Кто-то видѣлъ, какъ по лѣстницѣ быстро прошелъ смертельно блѣдный Фукье-Тенвилль. Никакихъ сомнѣній не оставалось. Возстаніе шло, шло успѣшно. Все крѣпъ его мѣдный голосъ.

Съ каждымъ новымъ ударомъ росла надежда заключенныхъ. Среди нихъ былъ старый священникъ, онъ различалъ по слуху г о л о с ъ каждой церкви Парижа. Съ его словъ графъ д'Аркьенъ, бывшій мушке-

теръ короля, объяснялъ ходъ возстанія по расположенію гремящихъ церквей.

Возлѣ мушкетера толпились осужденные. Всякій понималъ шаткость его объясненій. Но всѣ, затаивъ дыханіе, вслушивались въ каждое слово. «Не умолкайте, звоните, колокола!..» Жаркая мольба осужденныхъ неслась на волю къ возставшимъ. «Гудите, гремите, колокола!..»

Шла томительная игра жизнью. Шла скачка. Палачъ ли раньше явится за очередной партіей жертвъ? Или тѣ, тѣ — друзья, тѣ — избавители, прежде сокрушатъ власть тирановъ?

Люди потеряли самообладаніе. Закоренѣлый атеистъ, профессоръ астрономіи, на колѣняхъ молился Богу. Дряхлый прелатъ предлагалъ общими силами оказать сопротивленіе палачамъ, чтобъ выиграть хоть четверть часа. Роялисты и республиканцы совмѣстно прерывающимся шопотомъ обсуждали это предложеніе. Бывшій мушкетеръ пожималъ плечами и кусалъ нижнюю губу: за шпагу и пистолеты онъ отдалъ бы теперь все на свѣтѣ.

— Насъ въ тюрьмѣ нѣсколько сотъ человѣкъ, — шепталъ задыхаясь одинъ изъ осужденныхъ. — Правда, мы безоружны. Но поймите, насъ нѣсколько сотъ человѣкъ!..

— Вы ошибаетесь, насъ въ сегодняшней партіи нѣтъ и пятидесяти, — сказалъ громко, съ усмѣшкой, появившійся въ галлереѣ Пьеръ Ламоръ. — Остальнымъ ваше предложеніе невыгодно...

Настало молчанье.

Одинъ изъ еще не осужденныхъ замѣтилъ, что сегодня не можетъ быть казни. Кто рѣшится повезти фургоны по улицамъ возставшаго города? И не поднимется-ли парижская толпа на защиту послѣднихъ жертвъ тираніи?..

Каждый понималъ, что палачъ можетъ провезти фургоны по тѣмъ улицамъ, на которыхъ спокойно.

Каждый зналъ, что толпа никогда не защищаетъ осужденныхъ. Но всѣ съ жаромъ повторяли: «да, это вѣрно, — конечно, сегодня казни быть не можетъ».

Въ галлереѣ стемнѣло рано. Сквозь крошечныя окна, выходившія на женскій дворъ, почти не поступалъ свѣтъ іюльскаго солнца. Вошли сторожа и, не глядя на узниковъ, зажгли смоляные фонари. Лица посинѣли. По стѣнамъ заметались черныя тѣни. За сторожами вошелъ еще к т о - т о. У него въ рукахъ были ножницы и корзина. При видѣ ножницъ одна изъ женщинъ забилась въ истерическомъ припадкѣ.

Въ маленькой боковой комнатѣ парикмахеръ стригъ осужденныхъ. Его помощникъ сортировалъ срѣзанные волосы на полу, сдувалъ съ нихъ пыль и пудру и распредѣлялъ по пучкамъ разныхъ цвѣтовъ: онъ торговалъ волосами казненныхъ. Пьеръ Ламоръ ласково на него глядѣлъ и, неестественно смѣясь, говорилъ ему быстрѣе, громче, отрывистѣе обычнаго, — какъ говорятъ полупьяные люди:

— Гражданинъ-цырюльникъ, вы, должно быть, дѣлаете прекрасныя дѣла. Какъ птицы небесныя, вы не сѣете и не жнете, но Великая Революція васъ питаетъ. Я радъ за васъ душою. Не совѣтую только торопиться съ продажей товара. Мои кудри вы, конечно, можете продать въ мебельную лавку хоть сейчасъ, они едва-ли сильно подымутся въ цѣнѣ отъ времени. Но я надѣюсь, разсудительный гражданинъ-цырюльникъ, что вы догадались отложить въ сторону косу покойной королевы или львиную гриву Дантона. Кто знаетъ, какую цѣну эти реликвіи представятъ собой завтра?.. Вы слышите: колокола гудятъ... Они гудятъ...

Старикъ захохоталъ и захлопалъ руками по колѣнямъ.

— Друзья мои, — сказалъ онъ, покатываясь со смѣху. — Я много видѣлъ забавныхъ шутокъ судьбы и въ ея остроуміи никогда не сомнѣвался. Но эта ми-

лая шутка, которой обрывается мое бренное существованіе въ самомъ лучшемъ изъ міровъ (воображаю, какой самый худшій!), эта шутка, признаюсь, превосходитъ всѣ мои ожиданія. Друзья мои, насъ отвезутъ на эшафотъ подъ звонъ колоколовъ набата: кровопійцы погибнутъ — черезъ нѣсколько часовъ послѣ насъ!.. Гражданинъ-цырюльникъ, я не знаю, какой вы партіи. Вѣроятно, вы якобинецъ? Тогда завтра вамъ предстоитъ тяжкая душевная драма: завтра вы будете стричь Робеспьера, гражданинъ-цырюльникъ... Сохраните же, сохраните на память потомству рыжіе волосы гадины: и на эту реликвію придетъ спросъ со стороны поклонниковъ, хотя, вѣроятно, придетъ не такъ скоро...

За дверью, выходившей на дворъ тюрьмы, вдругъ послышался шумъ, тотъ самый, котораго ждали: скрипъ колесъ и шорохъ тяжелыхъ шаговъ. Все замолкло въ галлереѣ. Люди остолбенѣли, уставившись глазами на дверь. Изъ-за двери, окованной семью желѣзными полосами, не торопясь, приближалась смерть. Ключъ медленно проскрипѣлъ въ квадратномъ замкѣ. На порогѣ показался смотритель тюрьмы въ сопровожденіи палачей и огромной собаки.

Въ промежуткахъ между ударами колоколовъ настала мертвая тишина.

Смотритель прочелъ списокъ именъ. Никто не оказывалъ сопротивленія. Всѣ покорно выходили впередъ и протягивали руки въ заготовленныя веревки.

Въ спискѣ не было имени Пьера Ламора... Старикъ стоя прислонилъ къ стѣнѣ голову, спину, ладони рукъ, вдругъ повисшихъ какъ плети. Лицо его съ расширенными глазами при свѣтѣ смоляныхъ факеловъ казалось темно-синимъ.

Истерическія рыданія женщинъ покрыли звонъ колоколовъ. Началось прощанье. Къ Пьеру Ламору подошелъ Борегаръ, неестественно наклонивъ впередъ голову и плечи. Руки его были связаны на спинѣ. Онъ

старательно улыбался, но улыбка не выходила, губы прыгали. Старикъ съ минуту точно не могъ оторваться отъ стѣны, потомъ, беззвучно рыдая, обнялъ осужденнаго.

По стѣнамъ метались черныя согнувшіяся тѣни.*)

XXIV

Его принесли изувѣченнымъ въ Консьержери въ одиннадцатомъ часу утра. Неподвижно лежалъ онъ на носилкахъ, глотая кровь изъ раны во рту. Рана причиняла сверлящую, нестерпимую боль. Но душевныя страданія Робеспьера были еще ужаснѣй.

Весь остатокъ ночи, послѣ паденія Ратуши, надъ нимъ издѣвались и его оскорбляли. Къ глумленію враговъ онъ былъ почти равнодушенъ. Но онъ видѣлъ, что его осыпаютъ бранью люди толпы, стража, носильщики, прислуга Конвента, тотъ самый народъ, который наканунѣ благоговѣйно на него молился .

Около неподкупнаго суетился мальчикъ-жандармъ и съ жаромъ разсказывалъ публикѣ, что это онъ убилъ диктатора. Мальчика поздравляли, жали ему руку и спрашивали его фамилію. Свою фамилію онъ называлъ скороговоркой: Meda; она была въ дѣйствительности на одну букву длиннѣе. Но юноша разсчитывалъ, что теперь легко исходатайствуетъ сокращеніе неблагозвучнаго имени, которое съ дѣтства отравляло ему жизнь.

Рано утромъ Робеспьеру сдѣлали перевязку. Запустивъ руку въ ротъ бывшаго диктатора, врачъ грубо выдернулъ изъ раздробленной выстрѣломъ челюсти нѣсколько зубовъ и осколокъ кости. «Во все время перевязки чудовище не сводило съ меня глазъ, не произнося ни единаго слова», — записалъ врачъ въ медицинскій протоколъ. Затѣмъ подъ охраной войскъ Робеспьера отнесли въ Консьержери.

---

*) Въ день 9-го термидора, подъ вечеръ, уже послѣ паденія Робеспьера, въ Парижѣ по инерціи было казнено сорокъ пять человѣкъ. Авторъ.

Въ тюрьмѣ, не смыкавшей ночью глазъ послѣ увоза на эшафотъ сорока пяти осужденныхъ, уже знали все. Неудержимой волной высыпали заключенные навстрѣчу новому узнику. Стража окружила его стѣной на пути въ камеру, смежную съ темницей казненной королевы. Съ криками ярости заключенные рвались къ диктатору. Смотритель почтительно ихъ успокаивалъ, утѣшая близостью освобожденья. За носилками, не смотря по сторонамъ и высоко поднявъ голову, шелъ Сенъ-Жюстъ, какъ всегда, спокойный, безстрастный, холодно красивый въ своемъ нарядномъ бѣломъ костюмѣ.

Носилки положили на полъ крохотной камеры. Собака смотрителя ласково лизнула раненаго. Хозяинъ толкнулъ ее ногой и назвалъ проклятымъ Робеспьеромъ.

Бывшій диктаторъ послѣднимъ усиліемъ приподнялся на носилкахъ и знакомъ попросилъ, чтобы ему дали перо и бумагу. Побѣдители предвидѣли эту просьбу и заранѣе строго запретили ее исполнить: слишкомъ много секретовъ о каждомъ изъ нихъ зналъ побѣжденный диктаторъ.

— Зачѣмъ тебѣ перо, неподкупный? — пошутилъ смотритель. — Теперь уже не стоитъ писать Верховному Существу.

Изъ галлереи тюрьмы, со двора, съ большой лѣстницы Дворца Правосудія, на которой стоялъ толпой народъ, доносился гулъ мщенья и ненависти. Максимиліанъ Робеспьеръ уже больше ничего не слышалъ. Мысль его покидала землю и переносилась въ тотъ другой, лучшій міръ, гдѣ вечеромъ — это онъ зналъ твердо — съ радостной улыбкой дружбы его долженъ былъ встрѣтить духъ Жанъ-Жака Руссо...

Въ умирающемъ мозгу обрывками шевелились стихи:

Le seul tourment du juste, à son heure dernière,
Et le seul dont alors je serai déchiré,

C'est de voir, en mourant, la pâle et sombre envie
Distiller sur mon front l'opprobre et l'infamie,
De mourir pour le peuple, et d'en être abhorré . . .

XXV

— «Какъ это глупо», — думалъ Штааль, проснувшись у себя въ постели послѣ двѣнадцатичасового тяжелаго сна. — «Какъ глупо и какъ стыдно! Былъ въ якобинскомъ клубѣ и пропустилъ рѣчь Робеспьера. Въ Конвентъ явился пьяный и проспалъ историческое засѣданіе. Видѣлъ давку и бѣснующихся людей, вотъ и все... Только со мной выходятъ такія глупыя исторіи...»

Штааль, морщась, не поворачивая головы къ столику, сталъ искать рукой трубку. Столикъ зашатался на неровно подточенныхъ ножкахъ. На раскуриваніе трубки молодой человѣкъ потратилъ весь свой запасъ энергіи. Посмотрѣть въ полутьмѣ на часы, которые лежали въ ящикѣ подъ бумажникомъ, представлялось слишкомъ сложнымъ. Но судя по тому, что черезъ дырку, прорванную въ занавѣси окна, солнце пыльнымъ пучкомъ поливало ободранный грязный стулъ и дощатый полъ комнаты, было довольно поздно; да и шумъ, доносившійся съ улицы, былъ девятичасовый утренній шумъ, который Штааль уже умѣлъ инстинктивно отличать отъ парижскаго шума восьми и семи часовъ утра. Колокольчикъ оказался на самомъ краю столика и позвонить горничной, чтобъ подавала завтракъ, было сравнительно нетрудно.

Звукъ колокольчика вдругъ ударилъ по нервамъ Штааля, напомнивъ ему что-то очень страшное и мучительное. Это ощущеніе объяснилось только черезъ нѣсколько секундъ. Онъ вспомнилъ звонокъ, гремѣвшій въ Конвентѣ. Штааль быстро сѣлъ на постели, сбросилъ одѣяло и потянулъ къ себѣ стулъ съ одеждой.

Но затѣмъ подумалъ, что торопиться собственно некуда, и снова опустилъ голову на смятую и разогрѣтую подушку.

— «Ахъ, какъ гадко в с е-т а к и они его вчера травили», — думалъ Штааль морщась. — «Жалѣть его, правда, не за что. Большой былъ душегубъ... То-есть, почему же собственно б ы л ъ? Онъ есть и теперь... Да, его, вѣроятно, казнятъ... Они всѣ перегильотинируютъ другъ друга и всѣмъ имъ скатертью дорога на эшафотъ. Неужели, однако, его казнятъ, отрубятъ эту картонную голову съ очками? Ахъ, какъ гадко!» — думалъ молодой человѣкъ, содрогаясь плечами, морщась и закусывая нижнюю губу отъ ужаса и отвращенія. — «Во всякомъ случаѣ, если и казнятъ, то еще не скоро. Очевидно, его прежде будутъ судить въ ихъ революціонномъ трибуналѣ. Тотъ-же Фукье-Тенвилль скажетъ рѣчь... Этакіе шуты гороховые, проклятые!»... (онъ мысленно пустилъ по неопредѣленному адресу крѣпкое кадетское ругательство). «Надо будетъ, однако, пойти на засѣданіе трибунала. Дюкро долженъ раздобыть мнѣ билетъ. Только я, вѣроятно, и туда приду пьяный, или еще что-нибудь случится этакое... Не можетъ, однако, быть, чтобы казнили Робеспьера: еще вчера передъ нимъ трепетала отъ восторга вся Франція. Трепеталъ отъ восторга и я... Ахъ, какъ скверно!.. Проклятые!.. И какая муха укусила меня тогда на дворѣ якобинскаго клуба...»

Штааль позвонилъ опять, прислушиваясь къ замирающему дребезжанію звонка. Онъ мучительно зѣвнулъ, такъ, что слезы выступили на глаза, и накрылся плотно одѣяломъ, хотя въ комнатѣ было жарко.

«Ни рыба, ни мясо... Надо признать, я — ни рыба, ни мясо. Какъ ни обидно, а надо это признать: личность блѣдная, а, пожалуй, отчасти и темная: Питтовъ агентъ, не посылающій донесеній. Только и всего. Безъ костей, безъ плоти и безъ крови. Въ училищѣ увлекался революціонными идеями, въ Петербургѣ охладѣлъ,

Робеспьера — бухъ ему въ ноги. Увидѣлъ-бы Суворова, сдѣлалъ-бы то же самое... Нехорошо... Впрочемъ, я вѣдь еще очень молодъ. Мои товарищи по школѣ — такіе-же балбесы, какъ я. Развѣ Колька Петровъ — яркая личность? Или Мишенька Звоницкій? Видно, въ наши годы человѣкъ еще не становится человѣкомъ... Эту мысль надо-бы выразить литературнѣе. Хорошо-бы кстати записать въ дневникъ все то историческое, что я вчера видѣлъ... Что-то не подвигается мой дневникъ, такъ и лежитъ въ коричневомъ чемоданѣ. Я даже теряю привычку думать литературнымъ слогомъ. Правда, въ моемъ положеніи опасно вести дневникъ... А все таки, вчерашнее записать надо. Разумѣется, о томъ, что я былъ пьянъ, упоминать не слѣдуетъ, это могло-бы произвести на читателя неблагопріятное впечатлѣніе... Да, я еще не человѣкъ, а мальчишка. Настоящій Юлій Штааль весь впереди. Я еще себя не нашелъ. Я ищу себя»...

Эта формула нѣсколько успокоила Штааля. Въ комнату, слегка постучавъ въ дверь, вошла горничная, пожилая, разговорчивая женщина. Неодобрительно глядя на лежащаго въ постели молодого человѣка, она смела въ шатающійся ящикъ столика табакъ и огарокъ свѣчи, и поставила кофейникъ, сливки, хлѣбъ, масло. Штааль дипломатически освѣдомился о томъ, что слышно въ городѣ.

— Болтаютъ разное, да ничего такого, — отвѣтила словоохотливая горничная. — Всю ночь звонили въ набатъ, хозяйка спать не могла. Вѣрно, опять какіе-нибудь безпорядки. Все не надоѣстъ вамъ, мужчинамъ, безобразить. Сегодня я почти никого еще не видала... Нашъ булочникъ говоритъ, будто Робеспьеръ скоро женится на дочери покойнаго короля, да, можетъ быть, люди и врутъ. Бѣдной дѣвочкѣ только пятнадцатый годъ, — какъ сейчасъ помню ея рожденіе: тогда тоже звонили колокола. Я не вѣрю, что она согласится выйти

за Робеспьера. Онъ не красивъ и ей не пара. И потомъ, чѣмъ-же они будутъ жить? Теперь все такъ дорого. Масло съ сегодняшняго дня сорокъ су фунтъ, а пинта молока тридцать пять су, и хозяйка сказала, что набавитъ жильцамъ плату за утренній завтракъ съ будущей недѣли, — тьфу, съ будущей декады... Такъ дальше жить нельзя. А приданаго у дѣвочки нѣтъ и на фунтъ масла... Булочникъ говоритъ, правда, будто Робеспьеръ станетъ королемъ. Тогда, конечно, другое дѣло... А вы вставали бы, десятый часъ. Стыдно, право.

Узнавъ, что въ городѣ ничего особеннаго не происходитъ, Штааль рѣшилъ провести утро дома за дневникомъ. Онъ напился кофе, умылся, побрился (борода, къ его огорченію, росла еще плохо, — достаточно было бриться раза два въ недѣлю), заботливо очинилъ перья и отыскалъ въ чемоданѣ тетрадь въ сафьянномъ переплетѣ. Въ тетради были исписаны первыя страницы до седьмой. Штааль со вздохомъ пропустилъ еще тринадцать страницъ въ надеждѣ заполнить ихъ болѣе ранними впечатлѣніями, а на двадцать первой страницѣ вывелъ: Парижъ, 9-ое термидора, II года. Собственно, въ этотъ день было уже 10-ое термидора, но Штааль разсудилъ, что запись въ печати выиграетъ отъ помѣтки историческимъ днемъ. Всецѣло погрузившись въ дневникъ, онъ долго отборнымъ языкомъ описывалъ все, что видѣлъ въ послѣдніе два дня. Кое-что приходилось, правда, добавлять изъ головы, ибо иначе разсказъ выходилъ безсвязный. Окончивъ изложеніе историческихъ событій, Штааль задумался недолго надъ заключительной фразой и написалъ:

«Видъ въ нещастіи сего столь многими прославляемаго прежде мужа будилъ во мнѣ горестныя размышленія».

Отложивъ продолженіе до слѣдующаго раза, онъ облегченно вздохнулъ, надѣлъ шляпу и спустился внизъ, не встрѣтивъ никого на лѣстницѣ. Его немного удивило, что домъ казался пустымъ. На улицѣ Отомщенной

Лукреціи, на которой онъ жилъ, тоже не было видно людей. Но за поворотомъ, ближе къ Люксембургскому саду, напротивъ, было сильное оживленіе. На паперти бывшаго кармелитскаго монастыря какой-то человѣкъ что-то громко кричалъ и сообщеніе его, повидимому, чрезвычайно взволновало толпу. Прежде, чѣмъ Штааль успѣлъ подойти и послушать, кучка народа окружила бѣгущаго газетчика, который выкрикивалъ названіе экстренно выпущеннаго листка. Кучка, впрочемъ, тотчасъ отхлынула: листокъ стоилъ двадцать ливровъ и разносчикъ клялся, будто другіе берутъ по тридцати. Люди отходили, обозленно повторяя: „Mais c'est fou, vingt livres! C'est insensé!“

— Вчерашнее засѣданіе Конвента! Великая измѣна Робеспьера! Паденіе тирана! — закричалъ дикимъ голосомъ газетчикъ.

Два или три человѣка не выдержали и съ ругательствомъ сунули разносчику по двадцати ливровъ, вырывая газету и поспѣшно отходя съ ней въ сторону. Штааль тоже купилъ листокъ и тутъ-же стоя пробѣжалъ его. Изъ краткаго сообщенія онъ узналъ, что арестованный въ Конвентѣ Робеспьеръ былъ силой освобожденъ его сторонниками и только поздней ночью снова схваченъ, послѣ боя, тяжело раненый, въ Городской Ратушѣ. Такъ какъ Конвентъ объявилъ его внѣ закона, то судебной процедуры не требовалось: казнь должна была состояться сегодня-же. Главнокомандующимъ военной силой Парижа былъ назначенъ Баррасъ.

Хотя газету купило только очень немного людей, содержаніе ея стало сейчасъ-же извѣстно всей толпѣ и вызвало шумную радость. Кто-то закричалъ: „Vive la France!“ и нѣсколько человѣкъ принялось неловко обниматься, зная, что незнакомымъ людямъ при особенно радостныхъ событіяхъ общенаціональнаго характера полагается падать другъ другу въ объятія, какъ ни неестественъ такой поступокъ. Штааль съ

отвращеніемъ посмотрѣлъ на обнимающихся людей: «Вѣрно, они, цѣлуясь, придерживаютъ свои часы и бумажники», — злобно подумалъ онъ.

Молодой человѣкъ кликнулъ извозчика и поѣхалъ въ Palais-Egalité. Тамъ онъ разсчитывалъ узнать подробнѣе о великихъ историческихъ событіяхъ. На улицахъ, по которымъ онъ проѣзжалъ, было очень шумно: толпы народа быстро направлялись на правый берегъ Сены. Оживленіе въ городѣ усиливалось по мѣрѣ приближенія къ центру.

По дорогѣ Штааль разговорился съ извозчикомъ, мрачнымъ, очень плохо одѣтымъ и истощеннымъ на видъ человѣкомъ. Извозчикъ относился къ перевороту довольно равнодушно, скорѣе впрочемъ сочувственно. Онъ сказалъ сѣдоку, что цѣны на хлѣбъ и на овесъ растутъ безпрерывно и что давно пора кончать революцію.

— Революція хороша только для солдатъ, да для адвокатовъ, — сердито сказалъ извозчикъ. — У меня братъ служитъ рабочимъ на фабрикѣ; онъ говоритъ, каторжное житье: за стачки сажаютъ въ тюрьму, плата нищенская, а требовать прибавки запрещено. Ихъ ночью звали къ Думѣ защищать Робеспьера, такъ никто пальцемъ не пошевельнулъ. Сказали: куда-жъ идти въ такой дождь? И правы. Давно пора кончать революцію.

— Какъ кончать революцію? Развѣ она кончена? — спросилъ Штааль («полезно выспрашивать людей простого народа», — подумалъ онъ про себя).

— А то какъ-же? Теперь кончена.

— Да вѣдь говорятъ, что Робеспьеръ былъ роялистомъ?

— Я тоже слыхалъ, — сказалъ извозчикъ съ недоумѣніемъ. — У него будто-бы нашли въ карманѣ печать съ королевской лиліей... Что-то не похоже на правду. А впрочемъ, кто у нихъ, у ученыхъ, разберетъ?.. Всѣ они стоятъ другъ друга, всѣ обманываютъ народъ. А намъ что? Намъ при королѣ было плохо, при

Робеспьерѣ плохо, и теперь будетъ плохо, да не хуже. Хуже не бываетъ...

Онъ угрюмо щелкнулъ кнутомъ и прекратилъ разговоръ, косо посмотрѣвъ на сѣдока.

Въ Palais-Egalité народный энтузіазмъ билъ ключемъ. Первое время многіе изъ публики не вѣрили паденію Робеспьера и вели себя сдержанно. Но послѣ выхода газетъ сомнѣнія разсѣялись. Къ полудню галлереи, садъ, кофейни были биткомъ набиты бурно-радостно настроенной толпой. Простого народа, впрочемъ, попадалось мало; публика казалась очень нарядной: людей въ карманьолахъ Штааль почти не встрѣчалъ; напротивъ, появились въ большомъ количествѣ элегантно одѣтые молодые люди и дамы. Особенно много было дѣвицъ легкаго поведенія, которыя теперь не обращали вниманія на полицію, сильно преслѣдовавшую ихъ прежде; иныя при встрѣчѣ съ полицейскими показывали имъ даже языкъ. Въ разныхъ мѣстахъ сада слышалось нестройное пѣніе, — пѣли новыя пѣсни, незнакомыя ни Штаалю, ни, повидимому, большинству гулявшихъ. На витринѣ книжнаго магазина въ галлереяхъ продавецъ поспѣшно мѣнялъ книги, выставляя на видъ томики съ гравюрами игриваго содержанія.

Штааль примѣшался къ одной, къ другой, къ третьей кучкѣ и изъ разсказовъ освѣдомленныхъ людей узналъ, наконецъ, подробно, что произошло на томъ засѣданіи Конвента, на которомъ онъ присутствовалъ. Онъ понялъ, что юноша въ бѣломъ костюмѣ былъ Сенъ-Жюстъ, а человѣкъ, выхватившій на трибунѣ кинжалъ, Ламберъ Талльенъ. Въ остальномъ разсказы освѣдомленныхъ людей, сильно впрочемъ расходившіеся между собой, имѣли мало общаго съ утренней записью Штааля въ дневникѣ. Молодой человѣкъ съ досадой подумалъ, что запись придется совершенно передѣлать или даже вырѣзать изъ сафьянной тетради. Впрочемъ, къ вечеру онъ былъ уже искренно на всю жизнь убѣжденъ, будто видѣлъ своими глазами все то,

что описывали освѣдомленные люди съ изобиліемъ драматическихъ подробностей. Штаалю было очень досадно, что онъ такъ мирно спалъ у себя въ постели ночью, когда произошли главныя историческія событія. Особенно онъ сожалѣлъ, что не участвовалъ въ штурмѣ Ратуши и въ плѣненіи Робеспьера. Въ штурмѣ Ратуши участвовали рѣшительно всѣ разсказчики и всѣ они, повидимому, съ перваго дня вели геройскую отчаянную борьбу противъ террористовъ. Почти въ каждой кучкѣ былъ человѣкъ, который первый схватилъ Робеспьера и распоряжался арестомъ остальныхъ тирановъ.

Тамъ-же Штааль узналъ, что казнь диктатора состоится въ 5 часовъ дня и что Конвентъ распорядился произвести ее не у барьера Повергнутаго Трона, гдѣ работала гильотина въ послѣдніе дни террора, а въ центрѣ Парижа, на той самой площади Революціи, на которой были казнены король и жирондисты. Многіе изъ посѣтителей Palais-Royal'я (нѣсколько человѣкъ уже обмолвилось этимъ прежнимъ названіемъ Palais-Egalité) запаслись мѣстами въ окнахъ домовъ, по пути слѣдованія фургоновъ палача. Другіе имѣли возможность устроиться на крышѣ Gardemeuble'я на самой площади Революціи. Имъ особенно завидовали. Кое-кто показывалъ увеличительную трубу.

Послѣ недолгаго колебанія Штааль рѣшилъ не ходить на казнь Робеспьера, хотя это зрѣлище должно было быть необыкновенно историческимъ, гораздо болѣе историческимъ, чѣмъ все то, что описалъ Николай Карамзинъ въ «Письмахъ русскаго путешественника». Штааль самъ хорошо не зналъ, что его удѣрживало; главнымъ препятствіемъ былъ непонятный, такъ мучившій его теперь, восторгъ, который онъ испыталъ третьяго дня при видѣ Робеспьера. Чувство озлобленія и безпричиннаго отвращенія къ людямъ росло съ каждой минутой въ Штаалѣ. «Всѣ они вчера носили его на рукахъ», думалъ онъ, хотя собственно у него

не было основаній предполагать, что Робеспьера носили на рукахъ именно эти самые люди.

Штааль съ трудомъ отыскалъ свободное мѣсто въ огромномъ ресторанѣ и заказалъ очень скромный завтракъ изъ двухъ блюдъ безъ вина: онъ воздержаніемъ за что-то себя наказывалъ. За его столомъ сидѣло еще трое господъ, которые весело между собой болтали, не обращая вниманія на присутствіе незнакомаго сосѣда (прежде всѣ были гораздо осторожнѣй). Одинъ изъ нихъ сообщилъ, что якобинскій клубъ не то уже закрытъ, не то скоро будетъ закрытъ. Другіе немедленно и съ большимъ воодушевленіемъ отвѣтили почти въ одинъ голосъ: «Давно пора разогнать эту сволочь». Говорили также объ отмѣнѣ разныхъ стѣсненій личной свободы, о возможности сношеній съ Европой. Штааль подумалъ, что теперь нетрудно будетъ вернуться въ Россію. Эта мысль, еще не приходившая ему въ голову, на мгновеніе переполнила его радостью. Но затѣмъ онъ вернулся къ прежнему мрачному и озлобленному ходу мыслей. Ему на этотъ разъ хотѣлось быть въ настроеніи, противоположномъ настроенію толпы.

Одинъ изъ его сосѣдей полувопросительно замѣтилъ, что теперь, пожалуй, и эмигранты начнутъ возвращаться во Францію, ибо, собственно говоря, всѣ французы братья, за исключеніемъ, разумѣется, якобинцевъ. Но это замѣчаніе у другихъ не встрѣтило отклика: повидимому, возвращеніе эмигрантовъ имъ мало улыбалось.

Неожиданно въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя Штааль услышалъ знакомый голосъ. Сосѣдній столъ освободился и за него усаживались, отодвигая въ тѣснотѣ стулья, двое мужчинъ. Одинъ изъ нихъ былъ мосье Дюкро; въ другомъ молодой человѣкъ узналъ банкира изъ игорнаго дома. Дюкро занялъ мѣсто спиной къ Штаалю, который былъ очень этому радъ: ему не хотѣлось встрѣчаться съ вчерашнимъ спутникомъ. Онъ тѣмъ не менѣе прислушался къ разговору за сосѣднимъ

столомъ. Говорили тамъ, разумѣется, тоже объ историческихъ событіяхъ девятаго термидора. Дюкро очень хвалилъ Барраса.

— Тиранъ Робеспьеръ, — говорилъ онъ громко, — понесъ кару за свои преступленія... Но какой сильный человѣкъ Баррасъ! Какой цѣнный человѣкъ! Quelle poigne! Quelle poigne! — повторилъ онъ нѣсколько разъ. — Наконецъ-то у власти будутъ люди дѣла, а не фантазеры... Я слышалъ, м о с ь е, что вы хороши съ Баррасомъ? — обратился онъ къ банкиру.

Банкиръ равнодушно кивнулъ головой, поджимая губы и какъ-бы показывая, что для него Баррасъ не лучше и не хуже другого.

Штааль вполголоса подозвалъ лакея, расплатился и вышелъ — въ противоположную сторону отъ столика мосье Дюкро.

XXVI

Послѣ проливного дождя, который выпалъ въ ночь на 10-ое число и который, собственно, рѣшилъ борьбу въ пользу противниковъ Робеспьера, воздухъ сталъ свѣжѣе. Выйдя изъ Palais-Egalité, Штааль рѣшилъ оставить опротивѣвшій ему городъ и пошелъ бродить по бульварамъ, по той менѣе людной ихъ части, что примыкала къ церкви Madeleine, строившейся до Революціи, а теперь оставленной. Этотъ кварталъ былъ окраиной города и напоминалъ дачное мѣсто. Штааль гулялъ очень долго. Обошелъ кругомъ пустынный храмъ, осмотрѣлъ фасадъ съ двѣнадцатью колоннами и двѣ боковыя стѣны безъ сводовъ и крыши. Церковь ему не понравилась; ему все не нравилось въ этотъ день: «Что за идея строить католическій соборъ въ древне-греческомъ стилѣ!» — подумалъ онъ. — «Да и вообще нелѣпо строить новую церковь въ вѣкъ Вольтера и Гольбаха: церковь хороша, когда ей пятьсотъ лѣтъ». Не понравилось ему также названіе храма, и

онъ съ усмѣшкой вспомнилъ страницы, посвященныя Маріи-Магдалинѣ барономъ Гольбахомъ въ „Histoire critique de Jésus-Christ“, которую онъ недавно прочелъ: въ двадцать лѣтъ нравятся такія книги.

Съ площадки заброшенной церкви черезъ Національную улицу открывался видъ на площадь Революціи. Штааль невольно заглянулъ въ ту сторону, но, хотя шелъ шестой часъ, ничего не увидѣлъ, кромѣ чернаго пятна толпы. Его тянуло на мѣсто казни. Молодой человѣкъ преодолѣлъ это желаніе и снова отправился бродить. Какъ онъ ни старался думать о другомъ, мысль его безпрестанно возвращалась къ Робеспьеру.

— «Гдѣ онъ можетъ быть въ настоящую минуту?» — думалъ Штааль, то и дѣло вытягивая часы изъ кармана. — «Еще въ Conciergerie? Или уже на фургонѣ? Какой дорогой поѣдетъ фургонъ? Вѣрно, черезъ Quai de la Mégisserie и rue Honoré... Мимо его дома», — вдругъ почти вскрикнулъ Штааль, опустивъ вѣки и дергаясь нижней частью лица, точно онъ проглатывалъ что-то гадкое. — «Онъ живетъ (то-есть жилъ) на rue Honoré... Увидитъ свой домъ... И солнце, какъ на зло, свѣтитъ ярко. Свѣжо, хорошо... Впрочемъ, едва-ли онъ теперь при сознаніи: говорятъ, онъ тяжело раненъ. Ему утромъ дѣлали перевязку врачи... Утромъ дѣлали перевязку, чтобы вечеромъ казнить!»

Штааль опять дернулся лицомъ и вскрикнулъ, такъ что на него оглянулся торопившійся куда-то прохожій. Молодой человѣкъ прикрылъ шею рукой и сдѣлалъ видъ, будто откашливался.

— «Да, онъ раненъ въ нижнюю челюсть, это должно быть нестерпимая боль... И ножъ какъ разъ, пожалуй, ударитъ по ранѣ... А-а... Говорятъ онъ самъ выстрѣлилъ въ себя. Имъ впрочемъ выгодно это говорить... Или въ самомъ дѣлѣ онъ раскаялся въ своихъ преступленіяхъ? Нѣтъ, не можетъ быть. Такіе люди, какъ онъ, не раскаиваются. И онъ зналъ, конечно, на что идетъ: „Ceci est mon testament de mort“, сказалъ

онъ позавчера. И какъ сказалъ!.. Нѣтъ, въ этомъ человѣкѣ было что-то необыкновенное, магнетическое... Который часъ?..»

Онъ быстро посмотрѣлъ на часы и прислушался, повернувъ ухо въ ту сторону, гдѣ находилась площадь Революціи. Ему показалось, будто онъ слышитъ ревъ и барабанный бой. Онъ постоялъ съ минуту. Неожиданно сталъ накрапывать дождь. «Увидитъ ли онъ еще этотъ послѣдній дождь и это посѣрѣвшее небо съ бѣгущими тучами?», — спросилъ себя Штааль, остановившись подъ навѣсомъ. И, махнувъ съ досадой рукой, молодой человѣкъ запретилъ себѣ думать о казни: этакъ еще свихнешься.

Штааль задумался надъ своими дѣлами. Сначала онъ насильно заставилъ себя это сдѣлать, но потомъ вошелъ въ интересъ. Дѣла его, очевидно, принимали хорошій оборотъ: было ясно, что теперь пойдутъ всякія послабленія, легальныя и нелегальныя; покинуть Францію будетъ не трудно и, при нѣкоторой удачѣ, черезъ мѣсяцъ онъ уже можетъ быть въ Петербургѣ. Весьма вѣроятно, что его пребываніе въ Парижѣ, если его представить въ надлежащемъ свѣтѣ, сослужитъ ему большую службу. — «Какую, собственно, награду я могу получить?» — подумалъ Штааль. — «Орденъ? Вѣрно дадутъ голштинскій святыя Анны, а то, пожалуй, и этотъ новый — Владиміра для награжденія заслугъ гражданскихъ... Нѣтъ, Владиміра не дадутъ... Или имѣніе? Недурно бы, если-бъ этакъ пятьсотъ десятинъ и тысячи полторы душъ...»

Ему стало стыдно, что онъ отъ т ѣ х ъ мыслей вдругъ такъ быстро и незамѣтно перешелъ къ э т и м ъ. «Ну да, пустой мальчишка, ни рыба, ни мясо», — подумалъ онъ съ досадой и рѣшилъ пойти домой съ тѣмъ, чтобы снова засѣсть за дневникъ и ужъ окончательно выработать себѣ міровоззрѣніе.

Штааль посмотрѣлъ вокругъ себя. Солнце совершенно заволоклось тучами и дождь все усиливался. Мо-

лодой человѣкъ находился въ довольно пустынномъ кварталѣ, расположенномъ между церковью Мадлэнъ и садами Монсо. Не зная, какъ кратчайшей дорогой пройти на лѣвый берегъ, онъ направился для разспросовъ къ маленькой, довольно жалкой на видъ, кофейнѣ, терраса которой виднѣлась вблизи. На террасѣ у деревяннаго стола съ отодвинутыми соломенными стульями стояло человѣкъ шесть рабочихъ въ блузахъ. Въ ту минуту, когда подошелъ Штааль, одинъ изъ нихъ, запыхавшись, что-то взволнованно разсказывалъ.

— Да говорятъ-же вамъ, казненъ, я самъ видѣлъ, собственными глазами, сейчасъ оттуда бѣгу. Всѣ они казнены, двадцать два человѣка... Толпа какъ ревѣла, прямо что звѣри! На улицѣ Honoré вокругъ фургоновъ люди танцовали отъ радости. А домъ, гдѣ о н ъ жилъ, вымазали бычьей кровью! На площади такъ прямо балъ былъ... Теперь, говорятъ, все пойдетъ по новому...

— Да Робеспьеръ-ли, Робеспьеръ-ли казненъ? — недовѣрчиво спросилъ старый рабочій, слушавшій съ открытымъ ртомъ. — Теперь много казнятъ всякаго народу.

— Говорятъ-же тебѣ, я самъ видѣлъ, я близко стоялъ. Кто-же не знаетъ въ лицо Робеспьера? Его на носилкахъ несли. Лежитъ такъ хоть бы что... Голова забинтована, а самъ хоть бы что. Вотъ только какъ Сансонъ сорвалъ съ него повязку, онъ вскрикнулъ отъ боли. А такъ спокойный, совсѣмъ какъ бы ничего, — поспѣшно, тяжело дыша, выкладывалъ очевидецъ.

— Да можетъ быть, это не Робеспьеръ, а кто-нибудь другой?

Запыхавшійся блузникъ засмѣялся, пожимая плечами.

— Чудакъ!..

— Робеспьеръ казненъ!.. Значитъ, онъ дѣйствительно виновенъ, — раздумчиво сказалъ старый рабочій.

— Значитъ. А если ты не вѣришь, то бѣги къ общей ямѣ. Отсюда два шага, еще поспѣешь на похороны, — сказалъ насмѣшливо разсказчикъ и, обращаясь къ другимъ, продолжалъ:

— Одинъ калѣка тамъ былъ, долго съ нимъ Сансонъ возился, все его укладывалъ, не могъ положить какъ слѣдуетъ... Я говорю своей Жюли: «знаешь, Жюли, я бы»...

Старый рабочій, не дослушавъ, надѣлъ картузъ, положилъ на столъ нѣсколько монетъ, вынулъ изъ подъ своего стакана войлочный кружокъ и поспѣшно пошелъ по улицѣ, провожаемый смѣхомъ товарищей. Штааль послѣдовалъ за нимъ, самъ не зная, для чего. Черезъ минутъ десять, своротивъ нѣсколько разъ, они очутились въ совершенно безлюдной мѣстности, густо поросшей травой. Рабочій, угадывая желаніе молодого человѣка, кивкомъ головы пригласилъ его слѣдовать за собой. Они пошли по пустырямъ, перескакивая черезъ ямы и перешагнувъ черезъ какую-то невысокую ограду. Вдругъ Штааль почувствовалъ сильный запахъ падали, который становился все крѣпче по мѣрѣ того, какъ они шли впередъ. Гдѣ-то вдали завыла собака. Они не встрѣтили ни одного человѣка. Мѣсто было зловѣщее. У Штааля сердце стучало все сильнѣе.

Рабочій, повидимому, зналъ мѣстность. Онъ увѣренно куда-то свернулъ (запахъ падали еще усилился) и, пройдя саженъ пятнадцать, подошелъ къ сторожкѣ, дверь которой была открыта настежь. Черная, промокшая собака, сидѣвшая на цѣпи, залаяла и стала рваться на вошедшихъ. Мимо сторожки къ какому-то повороту, отдѣленному высокой въ человѣческій ростъ кучей земли и мусора, шелъ тяжелый слѣдъ протоптанной колесами мокрой травы. Рабочій съ блѣднымъ и нахмуреннымъ лицомъ оглянулся на Штааля, нерѣшительно приблизился къ повороту и, зажавъ носъ, посмотрѣлъ впередъ, затѣмъ поспѣшно вернулся.

— La fosse commune,*) — сказалъ онъ шопотомъ, съ ужасомъ въ голосѣ, показывая рукой въ сторону поворота. — Еще никого нѣтъ, сторожъ, видно, встрѣчаетъ.

Штааль шатаясь вошелъ въ сторожку и опустился на стулъ. Онъ только теперь понялъ, что означалъ запахъ падали. Собака завыла еще сильнѣе, потомъ понемногу стала успокаиваться. Въ убогой сторожкѣ не было никого. У окошка находился столъ, еще было два стула и постель. Штааль слушалъ умолкавшій лай собаки и почувствовалъ нѣкоторое облегченіе. Онъ всталъ и прошелся по сторожкѣ. На некрашенной стѣнѣ выдѣлялся черной рамкой документъ подъ засиженнымъ мухами стекломъ. По стеклу неторопливо, безъ жужжанія, передвигалась муха, какая-то странная: большая, блестящая, какъ металлъ, темно-синяя съ красно-желтой головой. Штааль машинально сталъ читать документъ. Это былъ протоколъ о смерти Людовика XVI, — очевидно, копія, которую, какъ достопримѣчательность, раздобылъ и показывалъ рѣдкимъ посѣтителямъ сторожъ кладбища казненныхъ. Протоколъ былъ составленъ по законному формуляру, — революція законныхъ формуляровъ не измѣнила. Штааль прочелъ:

Acte de décès de
Louis Capet, du vingt-un janvier dernier, dix heures vingt deux minutes du matin, profession, dernier roi des Français, âgé de trente neuf ans, natif de Versailles, paroisse Notre-Dame, domicilié à Paris, Tour du Temple, marié à Marie-Antoinette d'Autriche; ledit Louis Capet, exécuté sur la place de la Révolution, en vertu...**)

*) Общая могила.

**) Актъ о смерти Людовика Капета. 21 января, десять часовъ двадцать двѣ минуты утра; профессія: послѣдній французскій король; возрастъ: тридцать девять лѣтъ; мѣсто рожденія: Версаль, приходъ Нотръ-Дамъ; мѣсто жительства: Парижъ, башня Тампль; женатъ: на Маріи Антуанеттѣ Австрійской. Означенный Людовикъ Капетъ казненъ на площади Революціи въ силу...

Дальше Штааль не успѣлъ прочесть. Собака вдругъ снова бѣшено залаяла; старый рабочій заглянулъ въ дверь и бросилъ шопотомъ одно слово: «везутъ». Штааль выбѣжалъ изъ сторожки и остановился какъ вкопанный.

По протоптанной дорожкѣ безшумно подвигались три телѣги. На телѣгахъ стояли грязные ящики изъ досокъ. За передней телѣгой шло молча человѣкъ десять. Изможденная, блѣдная женщина держалась рукой за телѣгу. На эту шатающуюся женщину смотрѣли странно сосѣди. Телѣги шагомъ прошли по травѣ мимо сторожки. Штааль продолжалъ стоять какъ вкопанный въ землю. На цѣпи рвалась и выла черная собака. Огромная нормандская лошадь сбоку на нее покосилась. Лошадь захрапѣла и слегка заржала у поворота. Сторожъ кладбища прикрикнулъ и замахнулся на собаку. Черная собака взвизгнула и сразу перестала лаять. За оборвавшимся лаемъ вдругъ наступила тишина могилы.

Штааль сдѣлалъ усиліе и дошелъ до поворота. Оттуда пахнуло вѣткомъ; запахъ падали сталъ нестерпимымъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ поворота, въ углу грязной кирпичной стѣны небольшой участокъ земли былъ отхваченъ низенькой оградой изъ двухъ черныхъ перекладинъ на столбахъ.

Первая телѣга подошла къ оградѣ. Двѣ другія остались у сторожки. Съ нихъ слѣзли и подошли люди. Старшій могильщикъ соскочилъ съ передняго большого ящика и знакомъ распорядился снять этотъ ящикъ.

Штаалю надолго запомнился въ гробовой тишинѣ легкій хлестъ хвоста лошади, сгонявшей съ себя мухъ. Кучка людей поднялась на цыпочки позади гробовщиковъ. Старый рабочій снялъ шапку. Всѣ, кромѣ могильщиковъ, сейчасъ-же сдѣлали то-же самое. Могильщики подняли досчатую крышку. Любопытные

разочаровано отступили назадъ. Въ большомъ ящикѣ была известь.

Старшій гробовщикъ недовольно оглянулся на зрителей и сказалъ съ насмѣшкой:

— Вамъ кого надо? Робеспьера? Сейчасъ увидите. Подайте имъ Робеспьера, вотъ онъ!

Могильщикъ стукнулъ палкой въ передній ящикъ поменьше. Зрители снова замерли. Слышно было медленное дыханіе женщины. Ящикъ былъ невысокій, досчатый и странно-короткій. Вдругъ женщина какъ-то негромко всхрипнула, и легкій, чуть слышный стонъ пронесся по кучкѣ народа: изъ узкой щели между нижними досками ящика густыми, вытягивающимися каплями просачивалась кровь.

Штааль слышалъ хлестъ хвоста лошади, стукъ капель дождя, удары собственнаго сердца, но скрипа снимаемой съ ящика крышки онъ не слыхалъ.

Старый рабочій, стоявшій ближе другихъ, быстро наклонился надъ открытымъ гробомъ, замеръ и затѣмъ отшатнулся съ подавленнымъ крикомъ. Штааль, затаивъ дыханіе, заложивъ руки назадъ и выставивъ впередъ лѣвую ногу съ трясущимся колѣномъ, тоже быстро наклонился надъ ящикомъ, какъ-бы боясь въ него упасть.

— Что такое?.. Что это?.. Гдѣ онъ?.. Гдѣ его голова?.. — проскользнуло въ цѣпенѣющемъ умѣ Штааля.

Въ ящикѣ лежалъ Робеспьеръ. Но въ первую секунду Штааль его не увидѣлъ. На томъ мѣстѣ (въ концѣ ящика), надъ которымъ онъ наклонился, было что-то безъ облика: кровавый обрубокъ съ торчащей костью. Въ то же мгновенье Штааль понялъ.

Голова Робеспьера лежала между раздвинутыми полукругомъ ногами приблизительно посреди нѣ ящика. На фіолетовомъ шелкѣ кафтана она выдѣлялась восковымъ пятномъ, густо залитымъ кровью. Къ рыжимъ волосамъ кое-гдѣ присохла бѣлая пудра. Кафтанъ

былъ изорванъ, и худое тщедушное тѣло виднѣлось изъ-подъ рубахи. Синій кусочекъ стекла криво повисъ сбоку отъ носа. Другой глазъ, не прикрытый разбившимися очками, казался тоже стекляннымъ. Но что-то въ немъ сохранилось живое, и оно дѣлало его страшнѣе всего остального, страшнѣе даже ногъ, раздвинутыхъ точно для пляски. Это ужасъ проскользнулъ въ останавливающемся зрачкѣ въ ту послѣднюю секунду, когда внизу, подъ собой, уже подъ ножомъ, Робеспьеръ увидѣлъ въ корзинѣ палача отрубленныя головы друзей.

Гробовщикъ съ насмѣшкой оглянулъ застывшихъ зѣвакъ и, перешагнувъ черезъ перекладины, сталъ быстро разворачивать лопатой мокрую, густую, черную землю съ бѣлыми прослойками извести. Кто-то шепнулъ (всѣ услышали), будто въ этой ямѣ похороненъ король. Снова легкій стонъ пронесся въ кучкѣ народа... — «Не можетъ быть!.. Нѣтъ, не здѣсь»... — шепнулъ кто-то другой. Одинъ изъ могильщиковъ мрачно сказалъ вполголоса:

— Много тутъ лежитъ народа... Всѣхъ не упомнишь.

Отъ земли, которую отшвыривалъ могильщикъ лопатой въ сторону, шелъ ужасный запахъ. На нее тотчасъ садились мухи, тѣ же, странныя: темно-синія, металлическія, неторопливыя.

— Глубже надо рыть, — сказалъ вполголоса сторожъ кладбища. — Вамъ горя мало, а мнѣ с ъ н и м и жить здѣсь. Извести мало кладете...

Старшій могильщикъ покосился на сторожа.

— Давай больше денегъ, будемъ класть больше извести, — отвѣтилъ онъ сердито, перешагнувъ назадъ черезъ черную перекладину. — Намъ на всю компанію выдали 193 ливра, а ихъ двадцать два человѣка. Не очень раскутишься на известь... Ну, кидай.

Онъ опустилъ руку въ ящикъ и вытащилъ голову, держа ее въ вытянутой рукѣ. Послышался мягкій звукъ паденія. Почти беззвучно вскрикнула женщина.

XXVII

«Такъ неужели этотъ ровъ, гдѣ вмѣстѣ лежатъ они всѣ, этотъ ровъ, облѣпленный трупными мухами, этотъ ровъ, изъ котораго несется нестерпимый запахъ падали, неужели это и есть Великая Французская Революція? Не можетъ быть!..»

Штааль угрюмо возвращался пѣшкомъ домой на лѣвый берегъ Сены. Онъ чувствовалъ себя усталымъ и нравственно разбитымъ. Ему казалось, что послѣдняя недѣля его состарила.

Онъ твердо рѣшилъ въ ближайшіе дни во что-бы то ни стало покинуть Францію. Самыя обыкновенныя бытовыя принадлежности русской жизни, кипящій самоваръ, русская баня, снѣгъ и сани, черный хлѣбъ, даже окна съ двойными рамами, — имѣли теперь въ глазахъ Штааля неизъяснимую прелесть; при мысли о томъ, что онъ скоро увидитъ все это и отдохнетъ душой въ спокойной странѣ, у него слезы навертывались на глаза.

Въ мысляхъ у молодого человѣка была тяжесть и путаница.

«Я возмущаюсь и м и», — думалъ Штааль. — «Кто же это о н и? Французы? Точно англичане, нѣмцы или мы лучше? Да, я научился заграницей любить родину настоящей любовью (прежде я только говорилъ о любви къ ней), я предпочитаю ее всѣмъ другимъ странамъ міра и за уголокъ парка надъ Днѣпромъ, въ имѣніи Семена Гавриловича, отдамъ всѣ красоты, весь блескъ Европы. Однако, французы справедливо почитаются первымъ народомъ міра. Городъ, по улицамъ котораго я иду, умственный центръ земли, и тому немногому, что я знаю, я, какъ всѣ, научился по французскимъ книгамъ. Такъ кто же о н и, кѣмъ я возмущаюсь? Или былъ правъ Пьеръ Ламоръ, и это люди вернулись къ естественному состоянію?»

Штааль остановился и глубоко вдохнулъ въ себя воздухъ. Дождь давно прошелъ. Солнце закатывалось, наступалъ свѣтлый, ясный вечеръ. Серебряная Башня Palais de Justice отсвѣчивалась въ Сенѣ, перебрасывая тѣнь верхушки на правый берегъ рѣки. У этой башни находилась тюрьма Консьержери. Передъ ней толпился народъ. И тюрьма, и толпа теперь были почти одинаково противны Штаалю. Онъ ускорилъ шаги. Слѣва передъ нимъ вдругъ открылась освѣщенная послѣдними лучами солнца сѣрая громада Notre-Dame de Paris.

— Вотъ это церковь! — сказалъ вслухъ Штааль. Онъ точно впервые увидѣлъ тысячелѣтній соборъ. Сбоку, со стороны набережной лѣваго берега, каменное чудо поразило его душу. Штааль долго смотрѣлъ на темную громаду, затѣмъ вернулся назадъ и медленно пошелъ вдоль портала, не сводя съ него глазъ. На углу Rue du Cloître ci-devant Notre-Dame, у двери, ведущей на лѣстницу башенъ, сидѣла на тумбѣ дряхлая нищая старуха. Шамкая беззубнымъ ртомъ, она бормотала дребезжащимъ голосомъ какую-то пѣсенку. Лицо и платье древней старухи были одинаковаго сѣраго цвѣта, цвѣта камней церкви. Штаалю показалось, будто старуха — часть Собора Парижской Богоматери. «Что поетъ эта вѣдьма?», — подумалъ онъ и остановился послушать. Дребезжащій голосъ бормоталъ давнымъ-давно заученныя слова:

Nous sommes hommes comme ils sont,
Tels membres avons comme ils ont,
Et tout aussi grands corps avons,
Et tout autant souffrir pouvons.
Ne nous faut que coeur seulement
Allions-nous par serment,
Nos biens et nous défendons,
Et tous ensemble nous tenons . . .

Штааль, плохо разобравшій пѣсню, протянулъ нищей ассигнацію. Старуха вскинула на него глазами, замотала головой, перестала пѣть и спрятала деньги въ

чулокъ. Затѣмъ снова поспѣшно взглянула на молодого человѣка и опять послышалось дребезжаніе.

«Эта женщина можетъ такъ пѣть сто лѣтъ», — подумалъ Штааль, далъ нищей еще полъ-ливра и повернулся.

— Спасибо, добрый господинъ, — прошамкала старуха. — Да пошлетъ вамъ счастье Матерь Божья, добрый господинъ. Сюда, сюда, входъ здѣсь, добрый господинъ...

— «Да, въ самомъ дѣлѣ, здѣсь входъ на башни. Ужъ не подняться ли на верхушку?» — сказалъ себѣ Штааль. — «Немного поздно, правда, но погода ясная... Въ этомъ прозрачномъ воздухѣ Парижа видишь вдвое дальше».

Штааль взглянулъ вверхъ, прикрывая глаза ладонью. Онъ боялся высоты. Мысленно представивъ себя на вершинѣ башни («вѣрно, нѣтъ перилъ, или низкія»), онъ вздрогнулъ и замоталъ головой. Тотчасъ устыдившись нелѣпаго страха, Штааль вошелъ въ боковую дверь. На него пахнуло сырымъ воздухомъ. Солнце исчезло. Камни надвинулись и все закрыли отъ Штааля.

Лѣстница была узкая, винтовая, съ маленькими, грубыми ступеньками, расширяющимися къ одному краю. Штааль быстро поднялся на нѣсколько полукруговъ винта и остановился у узкой, длинной щели, которая служила окномъ. Сквозь эту глубокую щель былъ виденъ только горизонтъ. Заглянуть внизъ было невозможно. На горизонтѣ лилось красное пламя. «Теперь упасть еще ничего, не убьешься», — подумалъ Штааль и пошелъ быстро дальше. Неравныя темносѣрыя прямоугольныя плиты стѣнъ то свѣтлѣли при приближеніи къ новому окну, то становились почти черными. По дрожанію своихъ колѣней Штааль чувствовалъ, что поднялся высоко. Онъ инстинктивно взялся рукой за шедшій вдоль стѣны тонкій желѣзный прутъ перилъ. На площадкѣ, гдѣ было свѣтлѣе, молодой

человѣкъ передохнулъ. «Какіе люди переводили здѣсь духъ въ теченіе тысячи лѣтъ», подумалъ онъ. Послѣ площадки лѣстница стала еще уже. Вдругъ сдѣлалось совершенно темно. Штааль почувствовалъ подъ собою пропасть. Ему стало страшно, и рука его сжалась на желѣзномъ прутѣ. Онъ быстро прошелъ еще два полукруга, не отрывая скользящей руки отъ перилъ. Вдругъ появилось солнце и пахнуло свѣжимъ воздухомъ. Лѣстница кончилась. Штааль былъ на галлереѣ, у подножья правой башни. У его ногъ лежалъ Парижъ.

Молодой человѣкъ осторожно приблизился къ периламъ, осмотрѣлся, затѣмъ отступилъ на шагъ назадъ и долго глядѣлъ въ пропасть на вѣчный городъ...

На сиреневомъ шелкѣ неба зажглось нѣсколько звѣздъ. Тѣни шевелились на Серебряной Башнѣ и на Дворцѣ Конвента. Штааль оріентировался въ пространствѣ и разыскалъ глазами то мѣсто, гдѣ могла находиться общая могила. Его занимали прежнія мысли.

„Exécuté sur la Place de la Révolution, en vertu“... мелькнуло въ его головѣ воспоминаніе. „И здѣсь vertu,“ — подумалъ онъ, усмѣхнувшись своей игрѣ словъ. «Да вотъ она, Робеспьерова добродѣтель, ради которой лилась потоками кровь. Эти люди страстно ненавидѣли другъ друга. Ихъ примирила общая яма на кладбищѣ. Но кто-же, кто-же былъ правъ и гдѣ смыслъ кровавой драмы? Или смыслъ именно въ томъ, что совершенно нѣтъ смысла?»

— «Нѣтъ, не можетъ быть», — сказалъ себѣ Штааль. «Не можетъ быть! Я молодъ, я мало знаю! Далеко ли я ушелъ по пути великаго Декарта? Я еще не понялъ ни жизни, ни исторіи, ни революціи. Смыслъ долженъ быть, смыслъ глубокій и вѣчный. Есть мудрость столѣтій... Она откроется и мнѣ... Я пойду въ міръ искать ее!»

Онъ быстро повернулся, чтобы сейчасъ же итти въ міръ...

Въ двухъ шагахъ отъ него на перилахъ сидѣло каменное чудовище. Опустивъ голову на худыя руки, наклонивъ низкую шею, покрытую черной тѣнью крыльевъ, раздувая ноздри горбатаго носа, высунувъ языкъ надъ прямой звѣриной губою, бездушными глубоко засѣвшими глазами, въ пропасть, гдѣ копошились люди, темный, рогатый и страшный, смотрѣлъ М ы с л и т е л ь.